ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального университета

Серия 2
Гуманитарные науки

2017. Т. 19 № 3 (166)

IZVESTIA

Ural Federal University Journal

Series 2
Humanities and Arts

2017. Vol. 19 № 3 (166)

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1920 г. СЕРИЯ ВЫХОДИТ С 1999 г. 4 РАЗА В ГОД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Т. В. Кущ, докт. ист. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Заместители главного редактора

Е. П. Алексеев, канд. иск., доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
Ю. В. Матвеева, д-р. филол. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Н. Н. Баранов, д-р ист. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
Л. А. Будрина, канд. иск., доц. (Россия, Екатеринбург, Екатеринбургский музей изобразительных искусств)
Е. М. Главацкая, д-р ист. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
О. В. Зырянов, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
М. В. Капкан, канд. культурологии, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
А. В. Маркин, канд. филол. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
А. М. Плотникова, д-р филол. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
Ю. А. Русина, канд. ист. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
Д. В. Спиридонов, канд. филол. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
А. В. Шаманаев, канд. ист. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Т. Е. Автухович, д-р филол. наук, проф. (Республика Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)
А. Е. Аникин, д-р филол. наук, акад. РАН (Россия, Новосибирск, Институт филологии СО РАН)
Л. И. Бородкин, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН (Россия, Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
Дж. Боулт, PhD (Art Studies), проф. (США, Лос-Анджелес, Университет Южной Калифорнии)
М. А. Бусев, канд. иск., чл.-корр. РАХ (Россия, Москва, Государственный институт искусствознания)
П. Бушкович, PhD (History), проф. (США, Нью-Хейвен, Йельский университет)
С. В. Голынец, канд. иск., акад. РАХ (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
С. А. Кибальник, д-р филол. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербургский государственный университет)
Н. Коллманн, PhD (History), проф. (США, Стэнфорд, Стэнфордский университет)
О. А. Коростелев, канд. филол. наук, зам. директора по научной работе (Россия, Москва, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН)
Т. Краус, д-р ист. наук, проф. (Венгрия, Будапешт, Университет Лоранда Этвеша)
К. Кроо, д-р филол. наук, проф. (Венгрия, Будапешт, Университет Лоранда Этвеша)
И. Лай, PhD (Philology), проф. (Тайвань, Тайбэй, Национальный Университет Чжэнчжи)
М. Н. Липовецкий, д-р филол. наук, проф. (США, Боулдер, Университет Колорадо)
Дж. Майклсон, PhD (Philology), проф. (США, Лоренс, Канзасский университет)
Е. П. Мартынова, д-р ист. наук, проф. (Россия, Тула, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого)
А. Мустайоки, PhD (Philology), проф. (Финляндия, Хельсинки, Хельсинкский университет)
Б. Ю. Норман, д-р филол. наук, проф. (Республика Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет)
М. Перри, PhD (History), проф. (Великобритания, Бирмингем, Бирмингемский университет)
Х. Рюсс, Dr. hab. (History), проф. (Германия, Мюнстер, Мюнстерский университет)
Г. Саймонс, PhD (Philosophy), проф. (Швеция, Уппсала, Уппсальский университет)
Ф. Сенешаль, д-р иск., проф. (Франция, Амьен, Университет Пикардии имени Жюля Верна)
Г. Торвальдсен, PhD (History), проф. (Норвегия, Тромсё, Университет Тромсё)
А. Федотов, д-р филол. наук, проф. (Болгария, София, Софийский университет Св. Климента Охридского)
А. В. Чудинов, д-р ист. наук, гл. науч. сотр. (Россия, Москва, Институт всеобщей истории РАН)
А. Х. Элерт, д-р ист. наук, гл. науч. сотр. (Россия, Новосибирск, Институт истории СО РАН)

Ответственный секретарь

Н. В. Мосеева (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Индексирование: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science (WoS).

© Уральский федеральный университет, 2017

THE JOURNAL WAS FOUNDED IN 1920 ISSUED QUARTERLY SINCE 1999

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

T. V. Kushch, Dr. hab. (History), Associate Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

Deputy Editors

E. P. Alekseev, PhD (Art Studies), Associate Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)
Yu. V. Matveeva, Dr. hab. (Philology), Associate Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

N. N. Baranov, Dr. hab. (History), Associate Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)
L. A. Budrina, PhD (Art Studies), Associate Professor (Russia, Yekaterinburg, Yekaterinburg Museum of Fine Arts)
E. M. Glavatskaya, Dr. hab. (History), Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)
M. V. Kapkan, PhD (Culture Studies), Associate Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)
A. V. Markin, PhD (Philology), Associate Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)
A. M. Plotnikova, Dr. hab. (Philology), Associate Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)
Yu. A. Rousina, PhD (History), Associate Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)
A. V. Shamanaev, PhD (History), Associate Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)
D. V. Spiridonov, PhD (Philology), Associate Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)
O. V. Zyryanov, Dr. hab. (Philology), Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

EDITORIAL COUNCIL

A. E. Anikin, Dr. hab. (Philology), Full Member of RAS (Russia, Novosibirsk, Institute of Philology, SB RAS)
T. E. Avtukhovich, Dr. hab. (Philology), Professor (Republic of Belarus, Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno)
L. I. Borodkin, Dr. hab. (History), Corresponding Member of RAS (Russia, Moscow, Moscow State University)
J. Bowlt, PhD (Art Studies), Professor (USA, Los Angeles, University of Southern California)
P. Bushkovitch, PhD (History), Professor (USA, New Haven, Yale University)
M. A. Busev, PhD (Art Studies), Corresponding Member of RAA (Russia, Moscow, State Institute for Art Studies)
S. V. Golynets, PhD (Art Studies), Full Member of RAA (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)
A. H. Elert, Dr. hab. (History), Chief Researcher (Russia, Novosibirsk, Institute of History, SB RAS)
A. Fedotov, Dr. hab. (Philology), Professor (Bulgaria, Sofia, University of Sofia "St. Kliment Ohridski")
S. A. Kibalnik, Dr. hab. (Philology), Professor (Russia, St Petersburg, Institute of Russian Literature (Pushkin House), RAS, St Petersburg State University)
N. Kollmann, PhD (History), Professor (USA, Stanford, Stanford University)
O. A. Korostelev, PhD (Philology), Deputy Director (Russia, Moscow, Gorky Institute of World Literature, RAS)
T. Krausz, Dr. hab. (History), Professor (Hungary, Budapest, Eötvös Lorand University)
K. Kroo, Dr. hab. (Philology), Professor (Hungary, Budapest, Eötvös Lorand University)
Y. Lai, PhD (Philology), Professor (Taiwan, Taipei, National Chengchi University)
M. N. Lipovetsky, Dr. hab. (Philology), Professor (USA, Boulder, University of Colorado)
E. P. Martynova, Dr. hab. (History), Professor (Russia, Tula, Tula State Pedagogical University)
G. Mikkelson, PhD (Philology), Professor (USA, Lawrence, University of Kansas)
A. Mustajoki, PhD (Philology), Professor (Finland, Helsinki, University of Helsinki)
B. Yu. Norman, Dr. hab. (Philology), Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)
M. Perry, PhD (History), Professor (UK, Birmingham, University of Birmingham)
H. Rüß, Dr. hab. (History), Professor (Germany, Münster, University of Münster)
P. Sénéchal, Dr. hab. (Art Studies), Professor (France, Amiens, University of Picardie Jules Verne)
G. Simons, PhD (Philosophy), Professor (Sweden, Uppsala, Uppsala University)
A. V. Tchoudinov, Dr. hab. (History), Chief Researcher (Russia, Moscow, Institute of World History, RAS)
G. Thorvaldsen, PhD (History), Professor (Norway, Tromsø, University of Tromsø)

Managing Editor

N. V. Moseeva (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

The Journal is included into the List of Peer-reviewed Academic Journals and Editions publishing academic results of doctoral theses.

The Journal is indexed in Science Index (eLibrary); Russian Science Citation Index (RSCI, Web of Science Platform)

© Ural Federal University, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ЭПОХА ВЕЛИКИХ ПОТРЯСЕНИЙ:
К СТОЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Мазур Л. Н. От истории Октября к истории Русской революции: сравнительный анализ методологических подходов к оценке событий 1917 г. 9

Краус Т. 1917 год: сто лет, сто заветов 31

Кантор Ю. З. Юность вождя: частная жизнь Л. Д. Троцкого (по материалам архивных находок) 52

Поршнева О. С. Поведенческие практики рабочих накануне Февраля 1917 г.: к вопросу о предпосылках Революции 59

Антошин А. В. У истоков формирования советского человека: антропологическое измерение Октября 1917 г. в восприятии деятелей меньшевистской социал-демократии 73

Павленко А. П. Офицеры в центральных комитетах флотов и флотилий в 1917–1918 гг. 85

Сильченко И. С. К вопросу о формировании Частей особого назначения Екатеринбургского уезда (1919–1923) 97

Рынков В. М. В преддверии военного коммунизма: государственная продовольственная политика как фактор трансформации хлебного рынка России (февраль-октябрь 1917 г.) 105

Дьёни Г. Русская революция и Венгрия 120

Васильев И. Е. Топика и мифопоэтика революции в массовой поэзии Урала 1917–1919 гг. 128

Русина Ю. А. Февраль и октябрь 1917 г. в «самиздате» петроградских студентов 146

Шиллер Э. Революционная Россия, русский плен и возвращение на родину в автобиографических романах Р. Марковича 164

ВОПРОСЫ СЕМАНТИКИ

Фролова О. Е. О коннотациях слов *аристократ, барин, буржуа* и их дериватов в русском языке 174

Бочкарев А. Е. О способах и средствах выражения чувства удовлетворения в русском языке 191

Мухин М. Ю. Границы русской антонимии и лексикографическая практика 203

Голев Н. Д., Сологуб О. П. О факторе креативности в номинативной деятельности (на материале обозначений птиц носителями разных языков) 215

ФИЛОЛОГИЯ

Казакова С. А. Турне Василия Каменского по Кавказу: к вопросу о творческом поведении 228

Дашевская О. А. Русская проблематика в прозе Вадима Андреева: от «Повести об отце» к «Дикому полю» 237

Шафаренко Н. Д. Тактильное начало в поэзии Юрия Левитанского 252

Орлова О. Ю. Композиционная функция фоностилистических приемов в прозаическом тексте (на материале англоязычной литературной сказки) 260

РЕЦЕНЗИИ

Нуждин О. И. Новая книга к годовщине начала Великой Отечественной войны. Рец. на кн. : 22-я армия: от первых

до победных дней Великой Отечественной войны. Воспоминания участников боевых действий / сост. М. И. Дергачева, Л. Н. Сухотина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 310 с. 269

Баранов Н. Н. Судьба немецкого дворянства в эпоху модерна. Рец. на кн. : *Reif H.* Adel im 19. und 20. Jahrhundert. Reihe „Elitenwandel in der Moderne“ / H. Reif. — München : Oldenbourg, 2012. — 182 S. 277

ЮБИЛЕИ

Таланта вольное упорство. К юбилею Леонида Петровича Быкова 282

«Авангарда несомненный дока». К юбилею Игоря Евгеньевича Васильева 286

Список сокращений 289

TABLE OF CONTENTS

THE ERA OF TURMOIL:
FOR THE ANNIVERSARY
OF THE RUSSIAN REVOLUTION

Mazur, L. N. From the History of October to the History of the Russian Revolution: A Comparative Analysis of Methodological Approaches to the Assessment of the Events of 1917 9

Krausz, T. 1917: A Hundred Years, a Hundred Covenants 31

Kantor, Yu. Z. The Youth of the Leader: Leon Trotsky's Private Life (According to Archival Materials) 52

Porshneva, O. S. Workers' Behavioral Practices on the Eve of February, 1917: On the Prerequisites for the Revolution 59

Antoshin, A. V. The Origins of the Soviet Person: The Anthropological Dimension of October 1917 as Perceived by Menshevik Social Democrats 73

Pavlenko, A. P. Officers in the Central Committees of Fleets and Flotillas between 1917 and 1918 85

Silchenko, I. S. On the Formation of Special Forces in Yekaterinburg Region between 1919 and 1923 97

Rynkov, V. M. On the Eve of War Communism: State Food Policy as a Factor of the Russian Grain Market Transformation (February-October 1917) 105

Gyóni, G. The Russian Revolution and Hungary 120

Vasilyev, I. Ye. The Topics and Mythopoetics of the Revolution in the Mass Poetry of the Urals between 1917 and 1919 128

Rusina, Yu. A. February and October 1917 in the *"Samizdat"* of Petrograd Students 146

Schiller, E. The Russian Revolution, Russian Captivity, and Return to the Motherland in the Autobiographical Novels of Rodion Markovits 164

ISSUES OF SEMANTICS

Frolova, O. Ye. On the Connotations of *аристократ*, *барин*, and *буржуа* and Their Derivatives in the Russian Language 174

Bochkarev, A. Ye. On Ways and Means of Expressing Satisfaction in the Russian Language 191

Mukhin, M. Yu. The Scope of Russian Antonymy and Lexicographic Practice 203

Golev, N. D., Sologub O. P. On the Role of Creativity in Nomination Acts (with Reference to Designations of Birds in Different Languages) 215

PHILOLOGY

Kazakova, S. A. Vasily Kamensky's Tour of Georgia: On Artistic Behaviour 228

Dashevskaya, O. A. The Russian Perspective in Vadim Andreev's Prose: From *A Tale about Father* to *The Wild Field* 237

Shafarenko, N. D. The Tactile in the Poetry of Yury Levitansky 252

Orlova, O. Yu. The Compositional Function of Phonostylistic Devices in Prose (with Reference to Literary Fairy Tales) 260

REVIEWS

Nuzhdin, O. I. A New Book for the Anniversary of the Great Patriotic War. *Review of*: Dergacheva, M. I., & Sukho-

tina, L. N. (Eds.). (2016). *22-ia armiia: ot pervykh do pobednykh dnei Velikoi Otechestvennoi voiny. Vospominaniia uchastnikov boevykh deistvii* [The 22nd Army: From the Outbreak to the Victorious Days of the Great Patriotic War. Memoirs of Combatants]. Yekaterinburg: Ural University Press..... 269

Baranov, N. N. The Fate of the German Nobility in the Modern Epoch. *Review of*: Reif, H. (2012). *Adel im 19. und 20. Jahrhundert. Reihe "Eliten-wandel in der Moderne"*. München: Oldenbourg..... 277

BIRTHDAY ANNIVERSARIES

The Free Perseverance of Talent. For Leonid Petrovich Bykov's Birthday ... 282

"An Unquestionable Expert on Avant-Garde". For Igor Yevgenyevich Vasilyev's Birthday..... 286

List of abbreviations 289

ЭПОХА ВЕЛИКИХ ПОТРЯСЕНИЙ: К СТОЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.039
УДК 930.2 + 94(47)“1917” + 323.27(47 + 57) + + 316.423.3

Л. Н. Мазур
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ОТ ИСТОРИИ ОКТЯБРЯ К ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ СОБЫТИЙ 1917 г.*

Столетний юбилей Революции 1917 г., перевернувшей историческую судьбу России, заставляет подвести определенные итоги ее изучения. В современной историографии представлены десятки авторских позиций, существенно отличающихся друг от друга. В зону дискуссии попадают базовые характеристики революции — ее хронологические рамки, характер, причины и результаты, движущие силы. Дискутируется и само понятие революции. Вместе с тем существуют дидактические потребности, связанные с преподаванием, которые предполагают необходимость согласования различных оценок рассматриваемого события.

В статье анализируются теоретические взгляды на Революцию 1917 г., которые опираются на различные методологические подходы, в том числе марксистский, цивилизационный, модернизационный, институциональный, синергетический, компаративный и проектный. В качестве историографических источников используются преимущественно обобщающие труды, ориентированные на типологический анализ событий революции.

При анализе историографических интерпретаций дискуссионных вопросов Революции 1917 г. автор предлагает использовать метод «согласования мнений экспертов», основанный на выявлении объективно возникающих точек пересечения мнений. Возможность такого согласования опирается на использование сходных познавательных процедур, основанных на дедуктивной или индуктивной логике суждений, а также выявление наиболее распространенных мнений.

* Тема поддержана грантом Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

© Мазур Л. Н., 2017

Ключевые слова: Октябрьский переворот; Революция 1917 г.; Русская революция; хронологические рамки; характер; движущие силы; причины и цели революции.

В истории каждой страны есть события, к осмыслению которых исследователи будут обращаться снова и снова. Это поворотные моменты истории — революции, войны, реформы, — заложившие новый долговременный тренд развития общества и определившие его исторический путь. В российской истории к числу таких событий относится Революция 1917 г. и последовавшие за ней преобразования, которые послужили основой для формирования новой государственности и ментальности — того, что принято называть «советским обществом».

За прошедшие сто лет в России и за рубежом были опубликованы тысячи научных трудов, в которых авторы пытались найти ответы на вопросы о сущности Революции 1917 г. и произошедших в стране последующих трансформациях [см.: Современная российская историография, с. 26–70]. Причины, характер, хронологические рамки, движущие силы, итоги — все эти вопросы стали объектом явных и неявных дискуссий [см.: Нефедов; Миронов, 2013; О причинах русской революции; и др.].

В конечном счете, все многообразие оценочных суждений определяется методологической позицией исследователя и может быть сведено к нескольким базовым вариантам, отражающим особенности видения, фокус восприятия событий (см. прил. 1). Среди наиболее распространенных методологических подходов выделяются марксистский, модернизационный, институциональный, цивилизационный и синергетический [Миронов, 2014, с. 676]. Добавим к этому перечню еще компаративный и проектный подходы. Последний представляет особый интерес, так как основан на идеях социального проектирования, позволяющих получить еще одну версию событий революции.

В зависимости от используемых исследовательских стратегий, перечисленные выше методологические подходы можно классифицировать на *объективистские* (марксистский, модернизационный, цивилизационный); *субъективистские* (институциональный, синергетический и проектный) и *формализованные* (компаративный). Объективистские подходы ориентированы преимущественно на выявление закономерностей изучаемых явлений и процессов и отталкиваются от признания объективной природы причинности. Субъективистские подходы делают акцент на изучении роли случайности и субъективных факторов в истории. Компаративный подход опирается на технологии сравнительного анализа. В этом случае диагностика события строится на сходстве определенных характеристик, а причинно-следственные связи — на их повторяемости.

В данной статье для анализа историографических интерпретаций дискуссионных вопросов Революции 1917 г. предлагается использовать метод «согласования мнений экспертов», основанный на выявлении объективно возникающих точек пересечения мнений. Возможность такого согласования

опирается на использование сходных познавательных процедур, основанных на дедуктивной или индуктивной логике суждений.

Научное знание есть продукт конвертации индивидуальных (авторских) представлений в коллективное, признаваемое большинством мнение, которое транслируется системой образования, закладывая основы исторической памяти общества. На этом этапе актуализируется задача выбора наиболее обоснованной концепции. Однако это не всегда возможно, поскольку каждая из них имеет свою доказательную базу, подтвержденную фактами. Обычные приемы, опирающиеся на систему доказательств, в этой ситуации не срабатывают. Поэтому возникает необходимость разработки методов согласования различных исследовательских позиций, т. е. выявления наиболее распространенного мнения.

Советская историческая наука и революционный миф

Оценивая современную историографическую ситуацию, нельзя обойти вниманием советскую науку, которая занимает особое место в исторических интерпретациях Октября, поскольку на протяжении XX в. в значительной степени определяла модус восприятия данного события не только в СССР, но и за рубежом.

Анализируя этот феномен, необходимо учесть один важный момент: историческое исследование имеет свою логику и разворачивается в определенной последовательности: от описания события (реконструкции) к его теоретическому осмыслению, и далее к исследованию антропологических аспектов изучаемого явления, т. е. несобытийной истории (повседневность, ментальность, мифология и пр.). Революция 1917 г., в силу своей особой роли, изначально попала под принципиально другую схему исследования, которое отталкивалось не от задач исторической реконструкции, предполагающей формирование полной и объективной картины прошлого, а от политико-идеологической оценки революции, сформулированной в работах Ленина и Кратком курсе ВКП(б) [Ленин, т. 33; История ВКП(б)]. Сконструированный властью исторический миф имел черты научности, поскольку предполагал теоретическое обоснование причин, характера, движущих сил, последствий, всемирно-исторической роли пролетарской революции. Дальнейшее ее изучение шло по пути подгонки фактографического материала под заданную схему. В силу «перевернутой» логики исторических практик, отечественная наука оказалась в роли даже не автора, а транслятора революционного мифа [см.: Минц; История СССР...; и др.].

В соответствии с учением о революции К. Маркса и В. Ленина, в советской исторической науке были кодифицированы основные теоретические аспекты Октябрьской революции – цели, характер, движущие силы, значение (см. прил. 1). События 1917 г. делились на два этапа: Февральскую буржуазно-демократическую революцию (февраль-октябрь 1917 г.) и Великую Октябрьскую социалистическую революцию (25 октября / 7 ноября 1917 г. — ?). Что касается хронологических рамок Октябрьской революции, то в учебниках

и трудах советских историков обычно указывалась только дата начала революции – Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, верхняя дата не уточнялась, что соответствовало представлениям о продолжении революции до момента построения коммунистического общества. В частности, В. Ленин определял период с 25 октября 1917 г. по 5 января 1918 г. как первый, *политический этап социалистической революции*, продолжением которой стали экономические преобразования, гражданская война, перевернувшие общество [см.: Ленин, т. 44, с. 102]. Вслед за ним в советской историографии утвердилось представление об Октябрьских событиях как начальном этапе революционных преобразований, заложивших фундамент «первого в мире пролетарского государства» [см.: Минц, т. 3, с. 856–860].

Таким образом, в советской историографии Октябрьская революция рассматривалась двояко: как событие, связанное с приходом к власти большевиков и формированием государства диктатуры пролетариата, и как процесс преобразования общества, начало которому положило Октябрьское вооруженное восстание. В постсоветский период в качестве вариантов верхней хронологической границы Октябрьского переворота стали указывать разные даты: формирования советского правительства — 26 октября / 8 ноября; разгона Учредительного собрания — 5 января 1918 г.; заключения Брестского мира — 3 марта 1918 г.; принятия Первой советской конституции — 10 июля 1918 г. и др. Однако, в марксистской литературе этот вопрос до сих пор остается открытым [см.: Афанасьев].

Начало 1990-х гг. ознаменовалось бурными теоретическими дискуссиями о сущности Октября, итог которым подвел журнал «Вопросы истории», опубликовав статью П. В. Волобуева и В. П. Булдакова. Они сформулировали задачу создания *правдивой истории* Октября на основе тщательной реконструкции событий, ликвидации белых пятен, независимой оценки всех факторов и движущих сил революционного процесса и концентрации внимания на субъективно-психологических аспектах истории [см.: Волобуев, Булдаков, с. 31].

Таким образом, основным итогом развития советской исторической науки стало осознание того, что имеющееся знание истории Октября является неполным, мифологизированным, и перед историками встала задача кардинального переосмысления Революции, включающая параллельное решение сразу нескольких проблем: 1) реконструкция достоверной картины событий 1917 г. (событийная история); 2) их теоретическое осмысление, включая уточнение самого понятия «революция», ее родовидовых характеристик и параметров (хронологические рамки, движущие силы, цели, результаты и пр.); 3) создание несобытийной картины прошлого в ее антропологическом измерении (повседневность, ментальность, мифология и пр.). С решением последней задачи было связано формирование и развитие научного направления, получившего название «Человек и революция в XX веке» [см.: Будницкий; Нарский, 2001; Яров; и др.].

Заметное влияние на новую российскую историографию событий 1917 г. оказала зарубежная историческая наука. В первую очередь, следует отметить работу Р. Пайпса о Русской революции, имевшую широкий научный резонанс [Пайпс, 2005]. По его мнению, предпосылки Русской революции сформировались в далеком прошлом страны и были связаны с присущими русскому народу представлениями о собственности, власти, праве, справедливости [см.: Пайпс, 1993, с. 75]. Особенности национальной культуры, в том числе православное сознание, определяли мировоззрение российского общества, которое было не готово к восприятию либеральных ценностей западной культуры. Форсированная модернизация, развернувшаяся во второй половине XIX — начале XX в., привела к росту напряженности и социальных противоречий и в конечном итоге вылилась в Революцию 1917 г., а господствующее общинное сознание масс способствовало победе коммунистического выбора.

В целом, в зарубежной историографии утвердилось понимание революционных событий в России как уникального исторического опыта, определяемого цивилизационными особенностями России. Свой вклад в формирование нового взгляда на Революцию и раннесоветскую историю внесли работы Э. Карра, Н. Верта, Дж. Боффа и других зарубежных исследователей, многие из которых были переведены в России [см.: Боффа; Верт; Карр]. Своих сторонников нашли идеи П. Холквиста и Д. Санборна, в трудах которых Революция 1917 г. в России рассматривались как часть единого революционного европейского процесса [см.: Holquist; Sanborn]. По их мнению, революция в России и Гражданская война стали завершающей стадией кризиса, который начался задолго до 1917 г. и был связан с войнами начала XX в.

Антропологический портрет Русской революции был представлен в монографии О. Файджеса [см.: Figes], где революция раскрывается как драматическая серия событий, не контролируемых людьми. С другой стороны, подчеркивается закономерность формирования диктатуры и неспособность российского общества к демократическому развитию в 1917 г. Как и Р. Пайпс, он видит истоки трагедии в историческом прошлом России, слабости среднего класса и гражданских институтов и особенно в нищете и бесправии крестьянства, ставшего основной движущей силой аграрной по своему характеру революции [Ibid., p. xii]. Интерес представляют и предлагаемые О. Файджесом хронологические рамки революционного процесса, которые открываются событиями 1891 г. – оформлением массового общественного движения против существующего строя – и заканчиваются в 1924 г. смертью Ленина. Таким образом, автор оценивает революцию как народную драму, всколыхнувшую основные социальные силы — крестьянство, рабочий класс, солдат и национальные меньшинства, ставших не только активными участниками революции, но и ее «жертвами».

В целом, идеи, представленные в зарубежной исторической литературе, были творчески восприняты российскими историками и активно использовались в интерпретациях событий 1917 г.

Современная российская историография в поиске объективных закономерностей и цивилизационных особенностей Революции 1917 г.

Проводя ревизию событий начала XX в., российские историки в 1990-е гг. в первую очередь обратились к цивилизационной теории, которая в дальнейшем была положена в основу учебного школьного курса и во многом формировала коллективное историческое сознание российского общества. Чуть позже, в начале 2000-х гг. большой интерес вызвали интерпретационные возможности теории модернизаций (см. прил. 1). Если в рамках ***цивилизационного подхода*** подчеркивался «русский» характер революционного взрыва и его обусловленность социально-культурной спецификой российского общества [см.: Ахиезер; Булдаков, 2010; Ионов; Семенникова, 2000; и др.], то в работах, написанных в русле ***теории модернизации***, акцент ставился на многообразии форм и режимов перехода к индустриальному обществу. Революция в этом ряду рассматривалась как один из нежелательных вариантов перехода, сопровождающийся негативными последствиями, результаты которых трудно прогнозировать и микшировать [см.: Гавров; Миронов, 2014; Опыт российских модернизаций...].

Между тем, отличие цивилизационного и модернизационного подходов в оценке революционных событий во многом условно: и в том, и в другом случае внимание исследователей сосредоточено на специфике исторического пути российского общества, его уникальности; близки оценки причин и цели революции [см.: Цивилизационное своеобразие..., с. 38]. Наиболее заметное расхождение между цивилизационной и модернизационной концепциями Русской / Российской революции наблюдается в определении хронологических рамок революционных событий. Оно является следствием восприятия революции как ограниченного во времени события (цивилизационный подход) или как процесса (модернизационный подход).

В работах историков, написанных в русле *цивилизационного подхода*, хронологические рамки более узкие и ограничены, как правило, событиями 1917 — начала 1918 гг. (февраль 1917 г. — 5–6 января 1918 г.) [см.: Семенникова, 2000, с. 295–335], или верхняя хронологическая рамка отодвигается к 1922 г. – окончанию Гражданской войны [см.: Ахиезер, с. 315–343]. Общей чертой цивилизационных интерпретаций является восприятие событий 1917 г. как единого революционного демократического процесса, разбитого на ряд этапов.

В особую группу следует выделить работы историков-крестьяноведов [Бабашкин; Бухараев, Люкшин; Данилова, Данилов; Марченя, 2015; Шанин], в которых получила развитие идея *Русской аграрной революции*. Авторы подчеркивают крестьянский характер революционного процесса первой четверти XX в., а решение «аграрного вопроса» рассматривают в качестве основной его причины и результата. Хронологические рамки Крестьянской революции заметно шире, они охватывают период с 1902 по 1922 г., включая события Октября в качестве одного из эпизодов революционного процесса.

В трудах историков, интерпретирующих историю России в категориях *модернизации* (процессный подход), хронологические рамки рассматриваемых явлений также имеют тенденцию к расширению. Так, в одной из первых работ, посвященных характеристике российских модернизаций, хронологические рамки революционного процесса в России рассматриваются в границах всего XX в. [см.: Опыт российских модернизаций..., с. 66–72]. Идею столетнего цикла революции, начало которому положили события 1905 г., выдвинул акад. В. В. Алексеев [см.: Опыт российских модернизаций...; Алексеев] и она нашла своих сторонников [см.: Эткинд]. Б. Н. Миронов придерживается взгляда на *Русскую революцию* как процесс, начало которому положила Первая мировая война (1914) и завершение которого связано с переломом в ходе Гражданской войны (1920) [см.: Миронов, 2012, с. 566].

В целом, исследования, проводимые в контексте объективистских подходов, имеют достаточно много сходных позиций, совпадая в оценке цели и задач революции, ее характера. Отличия заметны при определении хронологических рамок и движущих сил. Работы, написанные с использованием модернизационного и цивилизационного подходов в большей степени испытали влияние, с одной стороны, марксистской историографии, с другой — зарубежной литературы и предложенных в ней концептуальных схем.

О роли случайности и личности в истории Революции

Акцент на субъективных факторах заметен в работах историков, написанных с использованием идей синергетики и институционального подхода (см. прил. 1). Основные положения ***синергетической теории*** опираются на идею самоорганизующихся систем, в контексте которой социальные процессы рассматриваются как нелинейные, регулируемые механизмом бифуркаций и поэтому непредсказуемые [см.: Бородкин; Гомаюнов]. О необходимости использования синергетики для осмысления событий 1917 г. высказывался В. П. Булдаков [см.: Булдаков, 2012]. Хотя эта задача еще ждет своих исследователей, поскольку ее решение предполагает наличие достаточной информации, а также использование методов системного анализа, математический аппарат которых весьма сложен.

Думается, что синергетический подход наиболее адекватно раскрывает суть революции как особого состояния общества, находящегося в ситуации хаоса. Оно характеризуется взрывообразной активностью, в результате чего меняются качественные характеристики системы, т. е. революция — это «скачок», прерывание преемственности и постепенности в развитии, непосредственной причиной чего может быть любая случайность. Хотя существуют и объективные предпосылки хаотических состояний, например, война, выполняющая роль дестабилизатора общества; или голод, экономический кризис, экологическая катастрофа и прочие явления, способствующие кризису власти.

Хронологические рамки такого состояния общества оцениваются по совокупности системных характеристик (политических, экономических,

социально-психологических), соотносящихся с представлениями о стабильности / нестабильности. Этот критерий, в частности, был использован И. В. Нарским при обосновании верхней границы революционного процесса в России: голод 1921/1922 г., по его мнению, подавил в обществе сопротивление власти, т. е. фактически стабилизировал ситуацию [см.: Нарский, 2016, с. 286].

Характер и движущие силы революционных потрясений в контексте синергетики определяются на основе оценки значимости флуктуаций и выделения тех акторов, которые стали инициаторами «скачка». В 1917 г. эту роль сыграла РСДРП(б) и поддерживающие ее народные массы — армия, часть рабочего класса и революционно настроенная интеллигенция.

Интерес представляет концепция «модифицированных инверсионных циклов» истории России, предложенная А. С. Ахиезером [см.: Ахиезер, т. 1, с. 315–343]. В целом, его фундаментальный труд был написан в цивилизационном ключе и направлен на анализ особенностей исторического пути российской государственности, но теоретические выводы о циклических закономерностях развития российской цивилизации опираются на принципы системного анализа и соотносятся с основными идеями синергетики.

В качестве базового понятия, определяющего специфику российской истории, А. С. Ахиезер вводит определение инверсионного цикла, состоящего из двух процессов, последовательно сменяющих друг друга: прямого / государственнического и обратного / антигосударственнического. Исторический маятник, по его мнению, связан с расколом общества и слабостью срединной культуры. Каждый новый поворот маятника характеризуется отрицанием предыдущего этапа и нередко оборачивается массовой гибелью людей, разрушением государства.

Революция соотносится А. С. Ахиезером с «катастрофой» и определяется как инверсионный поворот и высшая точка инверсии существующего порядка, нередко перерастающая в бунт. Хронологические рамки охватывают период с 1917 по 1922 г. Октябрьские события 1917 г. он охарактеризовал как традиционалистский взрыв, способствовавший архаизации общества. В этом автор «инверсионных циклов» близок к оценкам Б. Н. Миронова, по мнению которого Октябрьский переворот имел антимодернистский характер [см.: Миронов, 2014, с. 608].

Свой вклад в понимание внутренних механизмов революционных изменений вносит ***институциональный подход***, успешно использованный А. Н. Медушевским при изучении причин падения демократии в России [см.: Медушевский]. Революция рассматривается им как механизм и процесс смены институтов власти (демократических / антидемократических), причиной которой выступает кризис власти и ошибки в политических решениях властных структур. Соответственно, основным инициатором и движущей силой революции являются партии и политические элиты, они стремятся к захвату власти. События 1917 г. А. Н. Медушевский характеризует как демократическую революцию, завершившуюся антидемократическим государственным переворотом, и выделяет две фазы революционного процесса, оперируя хронологическими рамками:

февраль-октябрь 1917 г. и, собственно, Октябрьский переворот (25 октября 1917 г.). В целом, институциональный подход фокусирует внимание на основных политических акторах революционного процесса — партиях и политических элитах, в чем пересекается с другими субъективистскими методологиями, в том числе с синергетическим и проектным подходами.

В условиях антропологического поворота вполне закономерным является обращение к ***теориям социального проектирования*** и понятию «социальный проект» как концепту, позволяющему переосмыслить феномен Революции 1917 г. и раннесоветского общества, взглянуть на них как на результат целенаправленной деятельности людей, движимых социалистической идеей, мифологически преломленной в их сознании.

Впервые в российской историографии эти идеи были озвучены в работе Д. А. Волкогонова, посвященной личности В. И. Ленина, где автор изложил свое видение Октябрьской революции как успешной реализации «коварного плана» крайне экстремистской партии большевиков во имя корыстных целей захвата власти [см.: Волкогонов]. Тогда — в середине 1990-х гг. — этот тезис не получил широкой поддержки. Но сегодня, по прошествии почти 25 лет, исследователи вновь возвращаются к этой идее в поисках нового взгляда на события столетней давности [см.: Семенникова, 2015; Фурсов].

Интерес к проектному подходу как методологической основе исторических интерпретаций отчетливо проявился в зарубежной историографии в 1990-е гг. [см.: Benford, Hant; Obertreiss; Plaggenborg; Скотт; Davis, Harris и др.]. О. Файджес в своей монографии, посвященной Российской революции, подчеркнул, что она запустила самый грандиозный в истории человечества эксперимент в области социальной инженерии. Его провал стал результатом утопичности коммунистической идеи и неготовности России в 1917 г. к реализации демократического выбора [Figes, p. 823].

Применение методологии проектного подхода меняет наши представления о причинах, характере, движущих силах и задачах Русской революции 1917 г. Хронологические рамки революции в этом случае соотносятся с основными этапами проектирования: начало реализации проекта положил II съезд РСДРП (1903), принявший программу партии и определивший ее стратегическую задачу — завоевание политической власти и осуществление «социальной революции» [см.: Программа РСДРП]. На достижение поставленной цели большевикам потребовалось почти 15 лет. Важнейшим условием реализации этого проекта было создание партии — «боевой» организации, которая не столько готовила революцию, сколько ждала «удобный момент», и, используя нарастающее недовольство войной и социальную напряженность в обществе, путем военного переворота захватила власть.

Основной движущей силой Октябрьского переворота была Красная гвардия и деморализованная поражениями в войне армия. Успех военного переворота во многом определялся личностью В. Ленина и его окружения (Л. Троцкий, А. Рыков, Л. Каменев и др.), которые обладали качествами харизматических

лидеров и были способны повести за собой народные массы, дезориентированные войной, Февральской революцией и стремящиеся к стабильности.

Таким образом, проектный подход так же, как и институциональная и синергетическая теории, обращает внимание исследователей на субъективные факторы исторического процесса и позволяет охарактеризовать их роль, проследить влияние на направленность, динамику, а в некоторых случаях на природу исторических явлений.

О пользе сравнения как аналитической процедуры

Идея сравнительного анализа событий Русской и Великой Французской революции была высказана А. В. Гордоном и позднее реализована В. А. Космачом [см.: Гордон; Космач]. В целом, опыт компаративного анализа событий Русской революции любопытен, но не более того, поскольку ориентирован преимущественно на внешние параметры сравнения разных по своей сути революционных процессов. В результате, при характеристике самого понятия «революция», ее целей, характера, движущих сил, наблюдается попытка компилятивного в методологическом плане, формализованного анализа. Так, понятие «революция» определяется В. А. Космачом в ключе, близком к субъективистским методологическим подходам, как антигосударственный переворот, организованный контрэлитой при активном участии народных масс. Цели, причины и движущие силы *Великой Русской революции* видятся в объективистском ракурсе: цель — модернизация общества; причины и предпосылки — кризис власти; противоречия элит; кризис благосостояния; движущие силы — крестьянство, разночинная интеллигенция и чиновничество.

По аналогии с Великой Французской революцией автор предлагает построить периодизацию Великой Русской революции и выделяет следующие этапы: буржуазно-конституционный (февраль-октябрь 1917 г.); буржуазно-демократический (октябрь 1917–1922 г.); сталинский директорат (1923–1929); консульство Сталина (1930–1938). Как итог сравнительного анализа звучит вывод о буржуазно-демократическом характере революции в России.

Выводы

Подводя итог краткому обзору основных методологических подходов, используемых в российской исторической науке, следует отметить их влияние на разнообразие оценочных суждений о Русской революции и событиях 1917 г., а также осознание особой роли субъективных и случайных факторов на переломных этапах исторического развития. Кроме того, можно отметить взаимную миграцию понятий и категорий различных концепций при характеристике революционных процессов в России, что осложняет историографический анализ. Чаще всего такое смешение наблюдается в цивилизационных и модернизационных интерпретациях, а также распространяется на системный подход. Причем

синергетическая парадигма имеет все шансы выступить в качестве интеграционной площадки авторских концепций, поскольку опирается на методы системного анализа, востребованные историками. Это нашло отражение в концепциях революции Б. Миронова, А. Ахиезера, В. Булдакова и др., которые достаточно сложно оценить однозначно с точки зрения используемой методологии.

Одно из правил проверки достоверности итогов научного исследования гласит: если одинаковый результат получен разными методами, это свидетельствует о его надежности. Несмотря на существенные расхождения по базовым типологическим параметрам революции, тем не менее, можно говорить о наличии точек пересечения, которые позволяют сформулировать обобщенное мнение. В исследованиях историков чаще всего: 1) подчеркивается цивилизационное своеобразие *Русской революции*; 2) цель определяется в контексте модернизации общества; 3) в качестве основных причин революции выделяется борьба политических элит и влияние Первой мировой войны, спровоцировавшей кризис власти; 4) движущие силы / акторы революции представлены политическими элитами, партиями, а также народными массами, вовлеченными в вооруженную борьбу (армия, добровольные вооруженные отряды — Красная гвардия и пр.); 5) характер Революции определяется через понятие «вооруженный переворот». Что касается хронологических рамок, то в большинстве работ современных историков прослеживается тенденция датировать революционные события рамками 1917–1922 гг., включая в качестве отдельных этапов Февральскую буржуазно-демократическую революцию, Октябрьский переворот и Гражданскую войну.

Следует отметить также заметное влияние советской и зарубежной историографии на типологическую диагностику событий 1917 г. В частности, для российской исторической науки сохраняет актуальность учение о революционной ситуации и расширительное представление о Русской революции как о *процессе* преобразования общества, начало которому положило Октябрьское вооруженное восстание. Воздействие зарубежной историографии проявилось, во-первых, в понимании революционных событий в России как уникального исторического опыта, определяемого ее цивилизационными особенностями; во-вторых, в признании роли Первой мировой войны, которая стала причиной глобального кризиса, положившего начало европейскому революционному процессу, частью которого стала Россия.

Приложение. Революция 1917 г. в оценках современных российских исследователей

Дискуссионные вопросы	Методологические подходы						
	Цивилизационный [Семенникова, 2000; Ионов, с. 302–315; Марченя, 2012]	**Модернизационный** [Миронов, 2012, с. 566; Опыт российских модернизаций..., с. 66–72]	**Компаративный** [Космач]	**Проектный**	**Марксистский** [История ВКП(б), с. 168–203; Минц; ФЭС]	**Синергетический** [Гомаюнов; Ахиезер, с. 315–343]	**Институциональный** [Медушевский]
Определение понятия «революция»	Внезапное, насильственное изменение существующего общественно-политического строя, противоположность эволюции, постепенному изменению	Одна из форм перехода от традиции к модерну, сопровождающаяся насилием и вооруженной борьбой, результат конфликта традиции и современности	Антигосударственный переворот, организованный контрэлитой, находящейся в оппозиции, при активном участии народных масс и части правящей элиты (фронды), направленный против правящего режима, оказавшегося в кризисе и конфликтной ситуации с обществом	Социальный проект, основная цель которого — захват власти партией большевиков для реализации задач создания государства диктатуры пролетариата и строительства коммунизма	Способ перехода от исторически изжившей себя общественно-экономической формации к более прогрессивной, коренной качественный переворот во всей социально-экономической структуре общества; открытая и наиболее острая форма классовой борьбы [ФЭС]	• Особое состояние системы в точке бифуркации, характеризуемое резким всплеском, бурными возмущениями, взрывообразной активностью, в результате чего она изменяет свои качественные, сущностные, целостные определенности; «скачок», разрыв постепенности в изменениях; • Инверсионный поворот и высшая точка инверсии существующего порядка, нередко перерастающая в бунт [Ахиезер]	Механизм смены институтов власти (демократических / антидемократических)

Продолжение таблицы

Дискуссионные вопросы	Методологические подходы						
	Цивилизационный [Семенникова, 2000; Ионов, с. 302–315; Марченя, 2012]	**Модернизационный** [Миронов, 2012, с. 566; Опыт российских модернизаций..., с. 66–72]	**Компаративный** [Космач]	**Проектный**	**Марксистский** [История ВКП(б), с. 168–203; Минц; ФЭС]	**Синергетический** [Гомаюнов; Ахиезер, с. 315–343]	**Институциональный** [Медушевский]
Цель	***Модернизация общества***	• Свержение буржуазного строя, уничтожение феодальных пережитков; • ***Модернизация страны*** в контексте социалистических преобразований (В. Алексеев); • Антимодернистская (Б. Миронов)	Свержение монархии, ***модернизация общества***	***Захват власти партией*** и реализация задач социальной революции (уничтожение эксплуататоров)	Социально-экономические преобразования, создание нового коммунистического общества	***Захват власти*** контрэлитой	***Захват власти*** контрэлитой
Название	Русская революция / Русская крестьянская революция / Революция 1917 г.	Российская революция	Великая Русская революция	Пролетарская революция	Великая Октябрьская социалистическая революция	Октябрьский переворот	Февральская революция и Октябрьский переворот

Продолжение таблицы

Дискуссионные вопросы	Методологические подходы						
	Цивилизационный [Семенникова, 2000; Ионов, с. 302–315; Марченя, 2012]	**Модернизационный** [Миронов, 2012, с. 566; Опыт российских модернизаций..., с. 66–72]	**Компаративный** [Космач]	**Проектный**	**Марксистский** [История ВКП(б), с. 168–203; Минц; ФЭС]	**Синергетический** [Гомаюнов; Ахиезер, с. 315–343]	**Институциональный** [Медушевский]
Причины	• противоречия модернизации; • обострение социальных противоречий в результате мировой войны	• системный кризис; • перекосы в результате форсированной модернизации; • рост социальной напряженности в результате Первой мировой войны; • борьба за власть между разными группами элит	Потребность в модернизации. Предпосылки: • кризис власти, • противоречия элит; • кризис благосостояния; • существование оппозиционной идеологии, оправдывающей захват власти и поддержанной массами	• борьба за власть политических элит; • утопические идеи	Антагонистические противоречия между трудом и капиталом; колониями и метрополиями; властью и народными массами. Революционная ситуация (кризис власти; обнищание масс)	• нестабильность системы (государственного строя России) в результате войны; • раскол общества в культурном, хозяйственном, социальном плане (Ахиезер)	Нестабильность власти, ошибки в политических решениях
Движущие силы	• народные массы – часть рабочего класса, армия, крестьянство • крестьянство (Ахиезер, Данилов и др.)	Социальные группы – носители модернизационной тенденции (буржуазия, мелкобуржуазные слои, интеллигенция)	Крестьянство, разночинная интеллигенция, чиновничество	Партия, армия, поддержанные частью рабочих и разночинной интеллигенции	Пролетариат в союзе с крестьянством	Партия большевиков как случайный фактор и поддерживающие ее народные массы	Партии, партийные элиты

Окончание таблицы

Дискуссионные вопросы	Методологические подходы						
	Цивилизационный [Семенникова, 2000; Ионов, с. 302–315; Марченя, 2012]	**Модернизационный** [Миронов, 2012, с. 566; Опыт российских модернизаций..., с. 66–72]	**Компаративный** [Космач]	**Проектный**	**Марксистский** [История ВКП(б), с. 168–203; Минц; ФЭС]	**Синергетический** [Гомаюнов; Ахиезер, с. 315–343]	**Институциональный** [Медушевский]
Характер	• демократический; • аграрный / крестьянский	В зависимости от этапа характер меняется: 1) буржуазно-демократический (1905 — октябрь 1917 г.); 2) социалистический (октябрь 1917 — 1980-е гг.).	Буржуазно-демократический	Военный переворот	Пролетарский / социалистический	• политический переворот с целью захвата власти; • традиционалистский взрыв, способствовавший архаизации общества (Ахиезер)	Демократическая революция, завершившаяся антидемократическим государственным переворотом
Хронологические рамки	• 1917 г.; • 1902–1922 гг.; • **1917–1922 гг.**	• 1905–1980-е гг.; • 1914–1922 гг.; • **1917–1922 гг.**	**1917–1922 (–1938) гг.** 4 этапа: • буржуазно-конституционный; • буржуазно-демократический; • сталинский директорат; • консульство Сталина	1903–1917 гг. проект «Революция»; **1917–1923 гг.:** революционный этап советского проекта	• февраль-октябрь 1917 г.: февральская буржуазно-демократическая революция; • 24/25 октября 1917 — февраль 1918 г.: Октябрьская социалистическая революция	**1917–1922 гг.**	• февраль-октябрь 1917г.: Февральская революция; • 25 октября 1917 г.: Октябрьский переворот

Источники

Программа РСДРП — Программа Российской Социал-демократической Рабочей партии (РСДРП). [Электронный ресурс]. URL: http://mysteriouscountry.ru/wiki/index.php/Программа_Российской_Социал_-_Демократической_Рабочей_партии_(РСДРП) (дата обращения: 20.06.2017).

Исследования

Алексеев В. В. Столетняя революция в России // Марксизм: история и современность. Первый китайско-российский форум. Пекин, 20–21 ноября 2006 г. Пекин : [б. и.], 2006. С. 27–34.

Афанасьев Ю. Н. Трагедия победившего большинства. Размышления об отечественной истории и ее интерпретация [Электронный ресурс] // Новая газ. 22 окт. 2007. URL: http://www.yuri-afanasiev.ru/tragedy.html (дата обращения: 21.06.2017).

Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта: От прошлого к будущему : в 2 т. 2-е изд. Новосибирск : Сиб. хронограф, 1997–1998.

Бабашкин В. В. Два большевизма, или Место Октября в Русской революции // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории : сб. науч. ст. / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М. : ООО «АПР», 2012. С. 36–58.

Бородкин Л. И. «Порядок из хаоса»: концепция синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 107–114.

Боффа Дж. История Советского Союза : в 2 т. 2-е изд. М. : Междунар. отношения, 1994.

Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). М. : РОССПЭН, 2000.

Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. 2-е изд. М. : РОССПЭН, 2010.

Булдаков В. П. Революция и мифотворчество: коллизии современного исторического воображения // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории : сб. науч. ст. / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М. : ООО «АПР», 2012. С. 59–81.

Бухараев В. М., Люкшин Д. И. Российская Смута начала XX в. как общинная революция // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2 : Историография отечественной истории / В. В. Астафьев и др. Казань : КГУ, 1994. С. 154–160.

Верт Н. История советского государства. 1900–1991. 2-е изд. М. : ИНФРА-М, 1998.

Волкогонов Д. А. Ленин: политический портрет : в 2 кн. М. : Новости, 1994.

Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопр. истории. 1996. № 5–6. С. 28–38.

Гавров С. Н. Модернизация во имя империи: Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М. : Едиториал УРСС, 2004.

Гомаюнов С. Г. Композиционный метод в историческом познании. М. : МГУ, 1994.

Гордон А. В. Революционная традиция в сравнительно-исторической перспективе (Россия — Франция — Россия) // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории : сб. науч. ст. / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М. : ООО «АПР», 2012. С. 82–107.

Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России : материалы междунар. конф. / В. П. Данилов, Л. В. Милов. М. : РОССПЭН, 1996. С. 22–39.

Ионов И. Н. Российская цивилизация IX — начала XX века : учебник для 10–11 классов. М. : Просвещение, 1995.

История ВКП(б) — История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП/б/. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1938.

История СССР с древнейших времен до наших дней : в 12 т. Т. 7–9 / ред. Б. Н. Пономарев, В. М. Хвостов. М. : Наука, 1966–1980.

Карр Э. Х. История Советской России : в 14 т. Кн. 1. Т. 1–2 : Большевистская революция 1917–1923. М. : Прогресс, 1990.

Космач В. А. Великая русская революция 1917–1922 года и ее последствия: опыт сравнительно-исторического анализа // Метаморфозы истории. 2014. № 5. С. 391–423.

Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М. : Изд-во полит. литературы, 1969. С. 1–120.

Ленин В. И. Новые времена, старые ошибки в новом виде // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. М. : Изд-во полит. литературы, 1970. С. 101–109.

Марченя П. П. Бессмысленность и смысл Русской революции: Февраль и Октябрь в истории России // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории : сб. науч. ст. / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М. : ООО «АПР», 2012. С. 194–219.

Марченя П. П. Крестьянское сознание как доминанта Русской революции // Науч. диалог. 2015. № 12 (48). С. 303–315.

Медушевский А. Н. Причины и крушение демократической республики в России 1917 года // Отеч. история. 2017. № 6. С. 3–27.

Минц И. И. История Великого Октября : в 3 т. 2-е изд. М. : Наука, 1977–1979.

Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России XVIII — начала XX века. М. : Весь мир, 2012.

Миронов Б. Н. Страсти по революции: нравы в российской историографии в век информации. М. : Весь мир, 2013.

Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014.

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М. : РОССПЭН, 2001.

Нарский И. В. Когда и чем закончилась революция на Урале, или Был ли НЭП в регионе? // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика : сб. науч. тр. / под ред. О. С. Поршневой, Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 280–287.

Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2009.

О причинах русской революции / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М. : Изд-во ЛКИ, 2010.

Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / отв. ред. В. В. Алексеев. М. : Наука, 2000.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М. : Независимая газета, 1993.

Пайпс Р. Русская революция : в 2 т. М. : Захаров, 2005.

Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизации. Брянск : Курсив, 2000.

Семенникова Л. И. В поисках теоретических инструментов: советский проект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21 : Управление (государство и общество). 2015. № 2. С. 3–15.

Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни. М. : Университетская книга, 2005.

Современная российская историография : в 2 ч. / под ред. В. И. Меньковского. Минск : РИВШ, 2009. Ч. 1.

ФЭС — Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева и др. М. : Сов. энциклопедия, 1983.

Фурсов А. И. Народ, власть и смута в России: размышления на полях одной дискуссии // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории : сб. науч. ст. / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М. : ООО «АПР», 2012. С. 220–263.

Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, Е. Т. Артёмов и др. Екатеринбург : УрО РАН, 2011.

Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907–1917–1922 гг. М. : Весь мир, 1997.

Эткинд А. Столетняя революция: юбилей начала и начало конца [Электронный ресурс] // Отеч. записки. 2004. № 5. URL: http://www.strana-oz.ru/2004/5/stoletnyaya-revolyuciya-yubiley-nachala-i-nachalo-konca#t2 (дата обращения: 20.06.2017).

Яров С. В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. СПб. : Европейский дом, 2006.

Benford R. D., Hunt S. A. Dramaturgy and Social Movements: The Social Construction and Communication of Power // Sociological Inquiry. 1992. Nr. 62. P. 35–55.

Davies S., Harris J. Stalin's World, Dictating the Soviet Order. New Haven : Yale Univ. Press, 2014.

Figes O. A People's Tragedy. The Russian Revolution. London : The Bodley Head, 2014.

Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, MA ; London : Harvard Univ. Press, 2002.

Obertreiss J. Tränen des Sozialismus. Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie, 1917–1937. Köln : Böhlau Verlag, 2004.

Plaggenborg S. Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Köln : [u. a.], 1996.

Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 2003.

Статья поступила в редакцию 25.06.2017

Мазур Людмила Николаевна
доктор исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой документоведения,
архивоведения и истории
государственного у правления
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: Lmaz@mail.ru

Mazur, Ludmila Nikolaevna
Dr. Hab. (History), Associate Professor,
Head of the Department of Document
Management, Archives and History
of Public Administration
Ural Federal University
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: Lmaz@mail.ru

FROM THE HISTORY OF OCTOBER TO THE HISTORY OF THE RUSSIAN REVOLUTION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ASSESSMENT OF THE EVENTS OF 1917

The centenary of the Revolution of 1917, which radically changed the historical destiny of Russia, calls for conclusions regarding certain results of its study. In modern historiography, there are dozens of opinions on the matter, which significantly differ from each other. Scholars focus on the basic characteristics of the Revolution — its chronological frameworks, character, causes and results, driving forces, etc. The very notion of revolution is also under consideration. However, there are didactic needs related to teaching, which imply the need to harmonise the existing assessments of the event in question.

The article analyses theoretical views on the Revolution of 1917, which rely on various methodological approaches, including the Marxist, civilisational, modernisational, institutional, synergetic, comparative, and projective ones. The author analyses the events of the Revolution relying mainly on historiographic resources of a summarising nature based on a typological analysis of the events.

When analysing the historiographic interpretations of the debatable questions of the 1917 Revolution, the author suggests using the method of adjustment of opinions, based on the identification of objectively arising points of overlapping opinions. The possibility of such adjustments rests on the use of similar cognitive procedures based on the deductive or inductive logic of judgments, and also on the basis of frequency of the most widespread opinions.

K e y w o r d s: October Revolution; Revolution of 1917; Russian Revolution; chronological framework; character; driving forces; causes and objectives of the revolution.

Acknowledgements

The research is supported by a grant from the *Russian Science Foundation* (Project 16-18-10106 "Early Soviet Society as a Social Project: Ideas, Implementation Mechanisms, Results of Constructing").

Afanasyev, Yu. N. (2007, 22 October). Tragediya pobedivshego bol'shinstva. Razmyshleniya ob otechestvennoj istorii i ee interpretaciya [The Tragedy of the Winning Majority. Reflections about Russian History and Its Interpretation]. *Novaya gazeta*. Retrieved from: http://www.yuri-afanasiev.ru/tragedy.html. (In Russian)

Ahiezer, A. S. (1997–1998). *Rossiya: Kritika istoricheskogo opyta: Ot proshlogo k budushchemu* [Russia: Criticism of Historical Experience: From Past to Future] (Vols. 1–2). 2nd ed. Novosibirsk: Sibirskij hronograf. (In Russian)

Alekseev, V. V. (2006). Stoletnyaya revolyuciya v Rossii [A Century-long Revolution in Russia]. In *Marksizm: istoriya i sovremennost'* [Marxism: History and Modernity]. Pervyj kitajsko-rossijskij forum; Pekin, 20–21 noyabrya 2006 g. (pp. 27–34). Pekin. (In Russian)

Alekseev, V. V. (Ed.). (2000). *Opyt rossijskih modernisacij XVIII–XX veka* [Experience of Russian Modernisation between the 18th and 20th Centuries]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Alekseev, V. V., Alekseeva, E. V., & Artyomov, E. T. (2011). *Civilisacionnoe svoeobrazie rossijskih modernisacij XVIII–XX vv.: prostranstvenno-vremennoj aspect* [Civilisational Peculiarities of the Russian Modernisation of the 18th — 20th Centuries: The Space-time Aspect]. Yekaterinburg: UrO RAN. (In Russian)

Babashkin, V. V. (2012). Dva bol'shevizma, ili Mesto Oktyabrya v Russkoj revolyucii [Two Bolshevisms, or the Place of October in the Russian Revolution]. In P. P. Marchenya, & S. Yu. Razin (Eds.), *Rossiya i revolyuciya: proshloe i nastoyashchee sistemnyh krizisov russkoj istorii*: sb. nauch. st. [Russia and the Revolution: The Past and Present of the Systemic Crises of Russian History] (pp. 36–58). Moscow: OOO «APR». (In Russian)

Benford, R. D., & Hunt, S. A. (1992). Dramaturgy and Social Movements: The Social Construction and Communication of Power. *Sociological Inquiry*, *62*, 35–55.

Boffa, J. (1994). *Istoriya Sovetskogo Soyuza* [The History of the Soviet Union] (Vols. 1–2). 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian)

Borodkin, L. I. (2003). «Poryadok iz haosa»: koncepciya sinergetiki v metodologii istoricheskih issledovanij ["Order from Chaos": The Concept of Synergy in the Methodology of Historical Research]. *Novaya i novejshaya istoriya*, 2, 107–114. (In Russian)

Budnickij, O. V. (2000). *Terrorizm v rossijskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, ehtika, psihologiya (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Terrorism in the Russian Liberation Movement: Ideology, Ethics, Psychology (Second Half of the 19th — Early 20th Century)]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Buharaev, V. M., & Lyukshin, D. I. (1994). Rossijskaya Smuta nachala XX v. kak obshchinnaya revolyuciya [The Russian Times of Trouble of the Early 20th Century as a Communal Revolution]. In V. V. Astafyev (Ed.), *Istoricheskaya nauka v menyayushchemsya mire* [Historical Science

in a Changing World] (Iss. 2: Istoriografiya otechestvennoj istorii [A Historiography of Russian History] (pp. 154–160). Kazan: KGU. (In Russian)

Buldakov, V. P. (2010). *Krasnaya smuta: priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya* [Red Disturbance: The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Buldakov, V. P. (2012). Revolyuciya i mifotvorchestvo: kollizii sovremennogo istoricheskogo voobrazheniya [Revolution and Myth-making: Collisions of Modern Historical Imagination]. In P. P. Marchenya, & S. Yu. Razin (Eds.), *Rossiya i revolyuciya: proshloe i nastoyashchee sistemnyh krizisov russkoj istorii:* sb. nauch. st. [Russia and the Revolution: The Past and Present of the Systemic Crises of Russian History] (pp. 59–81). Moscow: OOO «APR». (In Russian)

Danilova, L. V., & Danilov, V. P. (1996). Krest'yanskaya mental'nost' i obshchina [Peasant Mentality and Community]. In V. P. Danilov, & L. V. Milov (Eds.), *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii*: materialy mezhdunarodnoj konf. [The Mentality and Agrarian Development of Russia] (pp. 22–39). Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Davies, S., & Harris, J. (2014). *Stalin's World, Dictating the Soviet Order*. New Haven: Yale University Press.

Etkind, A. (2004). Stoletnyaya revolyuciya: yubilej nachala i nachalo konca [A Hundred Year Revolution: The Anniversary of the Beginning and the Beginning of the End]. *Otechestvennye zapiski*, 5. Retrieved from http://www.strana-oz.ru/2004/5/stoletnyaya-revolyuciya-yubiley-nachala-i-nachalo-konca#t2. (In Russian)

Figes, O. (2014). *A People's Tragedy. The Russian Revolution*. London: The Bodley Head.

Fursov, A. I. (2012). Narod, vlast' i smuta v Rossii: razmyshleniya na polyah odnoj diskussii [People, Power, and Troubles in Russia: Reflections in the Fields of One Discussion]. In P. P. Marchenya, & S. Yu. Razin (Eds.), *Rossiya i revolyuciya: proshloe i nastoyashchee sistemnyh krizisov russkoj istorii*: sb. nauch. st. [Russia and the Revolution: The Past and Present of the Systemic Crises of Russian History] (pp. 220–263). Moscow: OOO «APR». (In Russian)

Gavrov, S. N. (2004). *Modernisaciya vo imya imperii: Sociokul'turnye aspekty modernisacionnyh processov v Rossii* [Modernisation in the Name of the Empire: Sociocultural Aspects of Modernisation Processes in Russia]. Moscow: Editorial URSS. (In Russian)

Gomayunov, S. G. (1994). *Kompozicionnyj metod v istoricheskom poznanii* [Compositional Method in Historical Knowledge]. Moscow: MGU. (In Russian)

Gordon, A. V. (2012). Revolyucionnaya tradiciya v sravnitel'no-istoricheskoj perspektive (Rossiya — Franciya — Rossiya) [A Revolutionary Tradition in a Comparative Historical Perspective (Russia — France — Russia)]. In P. P. Marchenya, & S. Yu. Razin (Eds.), *Rossiya i revolyuciya: proshloe i nastoyashchee sistemnyh krizisov russkoj istorii:* sb. nauch. st. [Russia and Revolution: The Past and Present of System Crises of Russian History] (pp. 82–107). Moscow: OOO «APR». (In Russian)

Grinin, L. E., Korotaev, A. V., & Malkov, S. Yu. (Eds.). (2010). *O prichinah russkoj revolyucii* [On the Causes of the Russian Revolution]. Moscow: Izd-vo LKI. (In Russian)

Holquist, P. (2002). *Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press.

Il'icheva, L. F., & Fedoseeva, P. N. (Eds.). (1983). *Filosofskij ehnciklopedicheskij slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya ehnciklopediya. (In Russian)

Ionov, I. N. (1995). Rossijskaya civilisaciya IX — nachala XX veka: uchebnik dlya 10–11 klassov [The Russian Civilisation between the 9th and the Early 20th Centuries]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)

Istoriya Vsesoyuznoj Kommunisticheskoj Partii (bol'shevikov). Kratkij kurs [The History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Short Course]. (1938). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury.

Karr, E. H. (1990). *Istoriya Sovetskoj Rossii* [The History of Soviet Russia] (Vols. 1–14). (Book 1, Vols. 1–2: Bol'shevistskaya revolyuciya 1917–1923 [The Bolshevik Revolution]). Moscow: Progress. (In Russian)

Kosmach, V. A. (2014). Velikaya russkaya revolyuciya 1917–1922 goda i ee posledstviya: opyt sravnitel'no-istoricheskogo analiza [The Great Russian Revolution of 1917–1922 and its Consequences: An Attempt at Comparative Historical Analysis]. *Metamorfozy istorii*, 5, 391–423. (In Russian)

Lenin, V. I. (1969). Gosudarstvo i revolyuciya [The State and Revolution]. In V. I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. 5th ed. (Vol. 33, pp. 1–120). Moscow: Izd-vo politicheskoj literatury. (In Russian)

Lenin, V. I. (1970). Novye vremena, starye oshibki v novom vide [New Times and Old Mistakes in a New Guise]. In V. I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. 5th ed. (Vol. 44, pp. 101–109). Moscow: Izd-vo politicheskoj literatury. (In Russian)

Marchenya, P. P. (2012). Bessmyslennost' i smysl Russkoj revolyucii: Fevral' i Oktyabr' v istorii Rossii [The Meaninglessness and Meaning of the Russian Revolution: February and October in the History of Russia]. In P. P. Marchenya, & S. Yu. Razin, *Rossiya i revolyuciya: proshloe i nastoyashchee sistemnyh krizisov russkoj istorii*: sb. nauch. st. [Russia and the Revolution: The Past and Present of the Systemic Crises of Russian History] (pp. 194–219). Moscow: OOO «APR». (In Russian)

Marchenya, P. P. (2015). Krest'yanskoe soznanie kak dominanta Russkoj revolyucii [Peasant Consciousness as the Dominant of the Russian Revolution]. *Nauchnyj dialog*, 12 (48), 303–315. (In Russian)

Medushevskij, A. N. (2017). Prichiny i krushenie demokraticheskoj respubliki v Rossii 1917 goda [The Reasons and the Collapse of the Democratic Republic in Russia in 1917]. *Otechestvennaya istoriya*, 6, 3–27. (In Russian)

Men'kovskij, V. I. (Ed.). (2009). *Sovremennaya rossijskaya istoriografiya* [Modern Russian Historiography] (Pts. 1–2). (Pt. 1). Minsk: RIVSH. (In Russian)

Minz, I. I. (1977–1979). *Istoriya Velikogo Oktyabrya* [The History of Great October] (Vols. 1–3). 2nd ed. Moscow: Nauka. (In Russian)

Mironov, B. N. (2012). *Blagosostoyanie naseleniya i revolyucii v imperskoj Rossii XVIII — nachala XX veka* [The Welfare of the Population and the Revolution in Imperial Russia between the 18th and Early 20th Centuries]. Moscow: Ves' mir. (In Russian)

Mironov, B. N. (2013). *Strasti po revolyucii: nravy v rossijskoj istoriografii v vek informacii* [Passion for the Revolution: Mores in Russian Historiography in the Information Age]. Moscow: Ves' mir. (In Russian)

Mironov, B. N. (2014). *Rossijskaya imperiya: ot tradicii k modernu* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity] (Vols. 1–3). St Petersburg: Dmitrij Bulanin. (In Russian)

Narskij, I. V. (2001). *Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a Catastrophe: Everyday Life of the Urals between 1917 and 1922]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Narskij, I. V. (2016). Kogda i chem zakonchilas' revolyuciya na Urale, ili Byl li NEP v regione? [When and how did the Revolution in the Urals End, or Was there NEP in the Region?]. In O. S. Porshneva, & L. N. Mazur (Eds.), *1917 god v Rossii: socialistcheskaya ideya, revolyucionnaya mifologiya i praktika:* sb. nauch. tr. [1917 in Russia: Socialist Idea, Revolutionary Mythology and Practice] (pp. 280–287). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Nefedov, S. A. (2009). *Agrarnye i demograficheskie itogi russkoj revolyucii* [The Agrarian and Demographic Results of the Russian Revolution]. Yekaterinburg: Izd-vo UGGU. (In Russian)

Obertreiss, J. (2004). *Tränen des Sozialismus. Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie, 1917–1937*. Köln: Böhlau Verlag.

Pipes, R. (1993). *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the Old Regime]. Moscow: Nezavisimaya gazeta. (In Russian)

Pipes, R. (2005). *Russkaya revolyuciya* [The Russian Revolution] (Vols. 1–2). Moscow: Zakharov. (In Russian)

Plaggenborg, S. (1996). *Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus*. Köln: [u. a.].

Ponomarev, B. N., & Khvostov, V. M. (Eds.). (1966–1980). *Istoriya SSSR s drevnejshih vremen do nashih dnej* [The History of the USSR from Ancient Times to the Present Day] (Vols. 1–12). (Vols. 7–9). Moscow: Nauka. (In Russian)

Sanborn, J. (2003). *Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*. DeKalb: Northern Illinois University Press.

Scott, J. (2005). *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya chelovecheskoj zhizni* [The Good Intentions of the State. Why and How Projects to Improve Human Life Failed]. Moscow: Universitetskaya kniga. (In Russian)

Semennikova, L. I. (2000). *Rossiya v mirovom soobshchestve civilisacii* [Russia in the World Community of Civilisations]. Bryansk: Kursiv. (In Russian)

Semennikova, L. I. (2015). V poiskah teoreticheskih instrumentov: sovetskij proekt [In Search of Theoretical Tools: The Soviet Project]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*, 2, 3–15. (In Russian)

Shanin, T. (1997). *Revolyuciya kak moment istiny. Rossiya 1905–1907–1917–1922 gg.* [Revolution as a Moment of Truth. Russia 1905–1907–1917–1922]. Moscow: Ves' mir. (In Russian)

Vert, N. (1998). *Istoriya sovetskogo gosudarstva*. 1900–1991 [The History of the Soviet State. 1900–1991]. 2nd ed. Moscow: INFRA-M. (In Russian)

Volkogonov, D. A. (1994). *Lenin: politicheskij portret* [Lenin: Political Portrait] (Books 1–2). Moscow: Novosti. (In Russian)

Volobuev, P. V., & Buldakov, V. P. (1996). Oktyabr'skaya revolyuciya: novye podhody k izucheniyu [The October Revolution: New Approaches to Studying]. *Voprosy istorii*, 5–6, 28–38. (In Russian)

Yarov, S. V. (2006). Konformizm v Sovetskoj Rossii: Petrograd 1917–1920-h godov [Conformism in Soviet Russia: Petrograd between 1917 and the 1920s]. St Petersburg: Evropejskij dom. (In Russian)

Received on 25 June, 2017

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.040
УДК 94(47) “1917”(09) + 930.1 + 323.272 + + 323.276 + 929 Ленин

Тамаш Краус
Университет им. Лоранда Этвеша
Будапешт, Венгрия

1917 ГОД: СТО ЛЕТ, СТО ЗАВЕТОВ

В статье предложен многоаспектный анализ феномена Октябрьской революции 1917 г. в России с разных исторических и политических точек зрения, свойственных как историческим деятелям (Ленин, Троцкий, Аршинов), так и позднейшим исследователям — представителям разных, порой диаметрально противоположных, позиций. Исходным стал тезис о связи исторической науки и политики, об особом пафосе страстности, которым проникнуты многие написанные «истории» русской революции (от Л. Троцкого и Н. Бердяева до Р. Пайпса и А. Рабиновича). Подробно рассматриваются идейные, экономические, политические, культурные истоки революции — как их видел Ленин в своих трудах и как их видят сегодня современные исследователи. Многосторонне освещается полемика по поводу интерпретации Октябрьской революции как простого путча, т. е. захвата власти с применением насилия внутри правящего класса. Особое внимание уделяется антиномии «революция — контрреволюция» в самых разных ее проявлениях. Делается вывод о том, что контрреволюционный режим оказал большое влияние на все русское общество и на самих революционеров. В заключении предпринята попытка заново подвести некий баланс всем «завоеваниям» революции с точки зрения их целей и возможностей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Октябрьская революция 1917 г.; Ленин; история; истоки революции; историография революции 1917 г.; исторический опыт русской революции; путч; контрреволюция.

1. На границе исторической науки и политики

Историю революций нельзя писать бесстрастно, даже самый хладнокровный ученый рано или поздно окажется на той или иной стороне баррикады. Первая крупная, быть может, до сих пор наиболее значительная классическая история русской революции 1917 г. была написана одним из вождей этой революции, Львом Давидовичем Троцким, с тем революционным пылом, с которым писал только он. По сей день с нее порой «списывают» даже историки, занимающие противоположную по отношению к автору позицию. Страстными полемическими работами, написанными с позиции анархистов, были книга «Два Октября» Петра Аршинова, опубликованная в 1927 г. в Париже, и знаменитая книга Пола Аврича «The Anarchists in the Russian Revolution», вышедшая в 1973 г. в Нью-Йорке. Страстностью характеризовались и первые чисто теоретические обобщающие работы, появившиеся после революции, например, труды марксиста Дьердя Лукача и религиозного философа Николая Бердяева. Первые, написанные

© Краус Т., 2017

с большой эрудицией работы, рассказывающие об истории русской революции, как правило, вышли из-под пера просоветски настроенных, марксистских или близких к марксизму авторов. Кто не слышал о грандиозной двухтомной книге Уильяма Генри Чемберлена «Русская революция1917–1921 гг.» или о «коллекции реликвий» ушедшего из жизни в прошлом году Дэвида Кинга «Red star over Russia: a visual history of the Soviet Union from 1917 to the death of Stalin: posters, photographs and graphics»? Работы И. Дойчера или Э. Х. Карра, ознаменовавшие смену вех и до сих пор высоко оцениваемые историками, уже были пронизаны скорее пафосом открытия, исторического исследования.

Конечно, революционным (или контрреволюционным) пылом были проникнуты не только история или философия, но и искусство. Нужно быть узким специалистом, замкнувшимся в своей области науки, чтобы не заметить аутентичные «истории революции», отмеченные художественной страстностью и превращающие познание в эстетическое наслаждение. Среди таких произведений можно упомянуть, например, «Тихий Дон» Михаила Шолохова, «Конармию» Исаака Бабеля, «Голый год» Бориса Пильняка, «Россию, кровью умытую»Артема Веселого, «Чевенгур» Андрея Платонова, «Белую гвардию» Михаила Булгакова, «Железный поток» Александра Серафимовича, творчество Максима Горького, поэзию Александра Блока, Сергея Есенина или Владимира Маяковского, фильмы Сергея Эйзенштейна или Дзиги Вертова, картины Марка Шагала, Натальи Гончаровой или Кузьмы Петрова-Водкина.

Искренней «классовой страстью» руководствовались и сторонники контрреволюционного подхода, а позже — так называемой концепции тоталитаризма, выдвинутой в годы холодной войны. Вершиной этого направления стала «неототалитаристская» книга наиболее влиятельного сторонника этой позиции Ричарда Пайпса «Русская революция», опубликованная в 1990 г. Этой книге также свойственна «страсть разоблачения», имеющая непосредственную политическую подоплеку: автор ставит под сомнение буквально все основные тезисы, методы и результаты так называемой ревизионистской и марксистской исторической науки. Несмотря на то, что Советского Союза нет уже четверть столетия, эта страстность понятна, ведь история великих революций рассказывает о возможности и невозможности изменить мир.

Неслучайно историков можно найти и среди действующих лиц русской революции, причем в первых рядах воюющих сторон. Один из вождей либералов, министр иностранных дел Временного правительства Павел Милюков, был по профессии историком, и написанные им история русской культуры и история революции до сих пор не потеряли своего значения. Представитель другого лагеря, революционер-большевик Михаил Покровский, основатель советской исторической науки, также был в начале XX в. выпускником историко-филологического факультета Московского университета. Однако послевоенное поколение повсеместно в Восточной Европе выросло на официозных марксистско-ленинистских трудах 1960–1970-х гг., в которых даже в постсталинскую эпоху было множество белых пятен: в них отсутствовали имена многих

лидеров революции, а если эти имена и упоминались, то сопровождаемые бранными характеристиками. Первые «бунтари» в 1970-х гг. вступили в борьбу как раз за уничтожение этих «белых пятен», опираясь при этом на первичные источники, а также на работы уже упомянутых западных историков, прежде всего Александра Рабиновича[1]. Если не в Москве, то, например, в Будапеште эти работы были доступны ученым, имевшим официальный статус. В то же время нельзя не вспомнить советских ученых, которые в Москве познакомили молодых венгерских и других восточноевропейских исследователей с особенностями устной истории и самиздата. По личному опыту я хотел бы упомянуть уже покойных Владимира Турок-Попова и Виктора Иосифовича Миллера, приближающегося к 90-летнему юбилею Генриха Зиновьевича Иоффе или уже перешедшего 90-летний рубеж Роя Александровича Медведева, которых я и сегодня вспоминаю с глубокой благодарностью. Что же касается первых попыток работать в московских архивах, то о них и о связанных с ними фантастических ситуациях интересно рассказано в недавно вышедших в свет, наполненных жизнью мемуарах Шейлы Фитцпатрик [Fitzpatrick]. Несмотря на то, что по-прежнему существуют связанные с историей революции личные фонды, недоступные для изучения, в целом доступ к источникам уже открыт, однако по каким-то причинам за последнее время как в России, так и в Восточной Европе было опубликовано очень немного работ по истории революции.

Конечно, за последние десятилетия (параллельно с возможностью работать в архивах) в трудах по истории снова появились имена Троцкого и Бухарина, Зиновьева и Каменева, а то и Махно, но это не приносит большого удовлетворения. История русской революции, как и многое другое, стала частью легитимационной идеологии нового господствующего порядка и повсеместно — от Москвы до Киева, от Вильнюса до Варшавы и Будапешта — попала в плен старых предрассудков. При посредничестве «неототалитаристской школы» со свалки истории были принесены казавшиеся безвозвратно устаревшими заблуждения, более того, лживые утверждения и забытые сплетни, получившие статус объяснительных «теорий». Создается впечатление, будто бы уже не существует достижений так называемой ревизионистской школы, казавшейся победительницей в нашем регионе в 1980-х гг. В этом выразились идеологические посылки, характерные для интеллектуального климата в странах Восточной Европы, сложившегося после смены общественного строя, в котором, несколько упрощая, можно выделить, с одной стороны, либеральную русофобию, а с другой стороны — имперский государственный национализм или этнонационализм. Явная цель подобной переоценки истории русской революции состоит в том,

[1] Среди попыток уничтожения «белых пятен» я упомяну и свою небольшую книгу«A cártól a komisszárokig. Az 1917-es oroszországi forradalmak történetéből» (Kossuth, 1987), в которой в списке использованной литературы «мирно соседствовали» работы Э. Бурджалова и А. Рабиновича, венгра И. Долмвнёша, а также Т. Х. Ригби, Г. Йоффе и Н. Думовой, Б. Николаевского и П. Аврича.

чтобы очернить ее участников, ее цели, ценности, надежды и реальные результаты, поставить под сомнение сам факт Октябрьской революции.

На сотом году после русской революции наибольшей популярностью, быть может, пользуется интерпретация октябрьских событий как путча. Эта интерпретация распространилась в Восточной Европе по многим каналам от мейнстрима пропаганды до книг по истории. Ныне 90-летний историк революции А. Рабинович, который провел свое детство в США среди русских эмигрантов, принадлежавших к самым разным политическим направлениям, и слышал рассказы именитых гостей об октябрьских событиях, так говорит об истоках этой трактовки: за длинными обедами и ужинами Керенский и Набоков или меньшевистские руководители, Церетели и Николаевский, убеждали себя и своих слушателей в том, что октябрьское восстание было всего лишь военным путчем, организованным бандой заговорщиков во главе с Лениным на деньги германских разведслужб или, по другой версии, «инородцев», еврейских банкиров. (Между тем, ученым давно известно, что в 1917 г. великороссы составляли немногим более половины 145-миллионного населения империи и в то же время приблизительно две трети партии большевиков. Согласно любым статистическим данным, «инородцы», евреи, составляли менее 2 % населения и 9 % членов партии). Исследовательская деятельность маститого историка может отчасти рассматриваться как своеобразный ответ на этот «тезис» [Russia's century of revolutions].

Вряд ли можно было предположить, что спустя семь десятилетий «криминализация» истории революции и абсолютизация нарратива насилия и террора превратятся, можно сказать, в официальную доктрину в обширном регионе Европы и прежде всего в той стране, где произошла эта революция. Сопредседатель Российского исторического общества академик Александр Чубарьян прямо вывел насилие из революции, а отнюдь не наоборот [Александр Чубарьян об уроках революции 1917 года].

2. Истоки революции

В наши дни даже историки иногда задают наивный вопрос: почему же революционеры не слушались «умеренных» либералов, которым будущее России виделось в движении по западноевропейскому пути развития под знаком буржуазной или подобной ей республики или буржуазной монархии? С другой стороны, возникает и такой вопрос: как случилось, что почти все эти «умеренные» либералы позже оказались в лагере белогвардейской офицерской диктатуры?

Системный кризис, который взорвал в 1917 г. монархию и традиционное русское общество, разразился не случайно. Либералы и марксисты, Плеханов и Милюков, Ключевский и Покровский, Ленин и Струве, Троцкий и Рязанов много лет вели полемику о связи между кризисом самодержавия и «своеобразием исторического развития России». Это «своеобразие» вырвалось на поверхность в 1905 г. Немногочисленный, но сконцентрированный в нескольких крупных

городах пролетариат с его советами и десятки миллионов безземельных крестьян, захватывавших землю, показали в 1905 г. всему миру, что судьба царского самодержавия теперь зависит в первую очередь от них. Не все поняли уроки истории 1905 г. Однако русское общественное мнение, начиная с сосланных революционеров и кончая авторами сборника «Вехи», осознало, что ни кровавый террор, ни царская «конституция», ни осуществленные «наполовину» столыпинские аграрные реформы не только не смягчили, но, напротив, обострили внутренние противоречия самодержавного режима, социальную напряженность в стране.

В России сложилась такая «многоукладная», «полупериферийная» форма развития, которая являлась переходной между капитализмом евроамериканского ядра и «досовременным» колониальным регионом. Таким образом, в иерархической мировой экономике Россия зависела от этого ядра, от иностранного капитала и в то же время и сама была своеобразной колониальной державой в соответствии с понятием «внутренняя колонизация». Докапиталистические формы постепенно превратились в функцию формы капиталистической, что к большой радости отечественного и иностранного капитала сделало процесс воспроизводства, накопления капиталов на «полупериферии» повышенно ориентированным на получение прибыли. Самодержавию удавалось сдерживать волнения неграмотной, дешевой, но недовольной условиями жизни «рабочей силы» лишь путем применения жестоких форм насилия. В Западной Европе в то время уже существовали гораздо более утонченные средства эксплуатации. В России эта социальная масса, промышленный пролетариат, составляла перед Первой мировой войной уже около 10 миллионов человек [Воейков].

При царском самодержавии не сложилось третье сословие, хотя экономически и политически самостоятельной демократической буржуазии не было даже в XX в. Значительная часть русской революционной социал-демократии, особенно большевики, сделали из этого вывод, что без демократической буржуазии западная либеральная буржуазная демократия невозможна. Поэтому социалистическое рабочее движение пришло к необходимости «интегрировать» в себя «досовременные» движения безземельного крестьянства (рабочекрестьянский союз), что было опробовано в ходе «генеральной репетиции», пролетарской революции 1905 г., а затем осуществлено во время Революции 1917 г. и Гражданской войны. Большая часть меньшевиков выступала не за союз с «консервативным крестьянством», а за сотрудничество с либеральной буржуазией, а позже — с Учредительным собранием. Это противоречие очень рано проявилось в политическом противостоянии Плеханова и Ленина.

Развитие глобализации, которую в российском и международном рабочем движении называли в то время империализмом и колониализмом, означало не только экономическую и политическую экспансию капитала и великих держав. Новые формы развития капитала и война привели к эрозии империй, возникли национальные движения, были обрисованы контуры новых национальных государств с присущими им новыми противоречиями. Царь и властные институты не только не знали решения этих проблем, но и не понимали

всей тяжести и сути большинства из них. После поражения первой русской революции «модернизация самодержавия» двинулась по «прусскому пути» развития капитализма. Эти обстоятельства снова заставили многих задуматься о перспективах буржуазной эволюции, заманив в трясину иллюзий даже часть социал-демократов.

Несмотря на правительственный гнет, накопленное в XIX в. революционное наследие продолжало увеличиваться как в интеллектуальном, так и в социальном отношении[2]. В соответствии с особенностями социального развития России, российское рабочее движение и Российская социал-демократическая рабочая партия формировались на интеллигентской основе. Как много лет назад отметил Эрик Хобсбаум, чем дальше мы движемся с запада на восток Европы, тем бóльшую роль играет интеллигенция в рабочем движении. В документах II съезда РСДРП (1903) отражается характерная черта русской революционной традиции — неспособность к бюрократическим компромиссам и устремленность к конечным целям, пролетарской революции, диктатуре пролетариата и социализму (коммунизму), к ликвидации социально-экономического неравенства. Историки давно выяснили, что российская социал-демократия и рабочее движение ведут свою «родословную» прежде всего от русского якобинства (ткачевизма), бакунизма (анархизма), народничества, «Народной воли» и так называемых революционных демократов — Герцена, Добролюбова и Чернышевского. Составные части этого «наследия» в разных пропорциях были представлены в различных революционных интеллектуально-политических течениях. Марксизм пустил прочные корни уже в начале века только среди социал-демократов во главе с «патриархом» движения Плехановым.

Отечественное революционное наследие было оплодотворено французским Просвещением и французским социализмом, а также немецкой социал-демократией на базе интегрирующего влияния Маркса и марксизма. Уже в знаменитом письме к Вере Засулич Маркс писал, что в России возможна социалистическая революция. Ленин очень рано, еще до революции 1905 г., понял, что эпицентр революционного движения переместился в Россию. На основании работ Маркса Ленин представлял себе русскую революцию в качестве исходной точки революции европейской. В письме к Засулич говорится, что, если русская революция не останется в одиночестве, и рабочее движение Запада не примирится с капиталистическим строем, то победа революции и социализма в России с ее крестьянской общинной традицией будет обеспечена. В противном случае русская революция как революция коммунистическая будет обречена на провал [Маркс].

В предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1882 г. Маркс и Энгельс связывали воедино вопросы о местной и всемирной

---

[2] Во время холодной войны эта тематика привлекла внимание историков в США. Одной из первых книг по этой теме была работа: *Haimson L.* The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambridge : Harvard Univ. Press, 1955. Первая серьезная работа в эмиграции принадлежала Федору Дану: *Дан Ф. И.* Происхождение большевизма: К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян. Нью-Йорк : Новая демократия, 1946.

революции. Они рассматривали русскую общину и возможность русской революции в свете различия в развитии России и стран ядра:

> Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада? <...> Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития [Маркс, Энгельс, с. 350].

Собственно говоря, с этого пункта Ленин и продолжил ход мысли Маркса. Русская революция произошла не по представлениям Маркса и Энгельса. Плеханов и Ленин уже в самом начале XX в. считали, что капитализм безвозвратно «подорвал» общину, и ее разложение — необратимый процесс. Ленинская революционная альтернатива, нацеленная на «смену цивилизации», получила свою окончательную теоретическую форму во время Первой мировой войны, когда Ленин сформулировал закон неравномерности развития капитализма в эпоху империализма. Он писал, что в рамках этого закона Россия является «слабым звеном империализма», где будет легче всего пробить стену капитализма. И хотя Ленин преувеличивал антикапиталистический потенциал антиколониальных движений, он понимал, что антиколониальные и национальные движения могут быть очень разными с исторической и классовой точки зрения. Критерием его оценки была направленность этих движений к «средневековью» или к «новому времени». Порвав с господствовавшим тогда и у «левых» Запада «евроцентризмом», Ленин искал возможности глобального сопротивления. Однако революционный кризис и глобальное распространение революционной борьбы в конечном итоге были ускорены мировой войной, напоминающей о русско-японской войне, «ответственной» за начало первой русской революции.

Позиции революционных течений в противовес позициям сил, стоящих за реформирование царизма, укреплялись благодаря тому, что возможности реформирования самодержавия иссякли, а главное – благодаря мировой империалистической войне с ее апокалиптическими последствиями. Таким образом, Первая мировая война была непосредственной «предысторией», можно сказать, «колыбелью» революции. В 1916 г. разразился непростой продовольственный кризис, недееспособной стала вся система производства, что выразилось и в военных поражениях. Сразу после революции в результате наступившего кризиса был закрыт целый ряд промышленных предприятий. Как пишет известный специалист по этой тематике, даже частный капитал не слишком доверял новому Временному правительству, хотя оно было «своим» с классовой точки зрения. Это фатальное недоверие нашло однозначное выражение в массовом закрытии частных предприятий. К октябрю промышленное производство сократилось на 40 % по сравнению с предыдущим, 1916 годом

[Чураков, с. 213–214]. Таким образом, хаос, насилие, вспыхнувшие эпидемии и голод были следствиями не революции, а мировой войны и краха царского режима. На некоторых предприятиях заработная плата рабочих сократилась наполовину по сравнению с предвоенным временем. Октябрьская революция, как и всякая революция, поначалу не могла похвастаться успехами в организации производства. Несмотря на все усилия, «советская смена общественного строя» не улучшила положения на производстве, в области борьбы с голодом и безработицей. Типичными явлениями повседневной жизни стали грабеж, опустошение продовольственных складов и массовое бегство от голода в деревни. Подавляющее большинство русского рабочего класса и крестьянства, пусть с недовольством и волнениями, но все же пошли на жертвы, за которыми стоял союз «консервативного» крестьянского и современного пролетарского антикапитализма.

3. Путчист Ленин?

В дни Февральской революции, сокрушившей самодержавие, большевики были еще едва известны общественному мнению России и казались маленькой, незначительной партией среди множества других партий и течений, немедленно появившихся в условиях беспредельной февральской свободы. Значительная часть большевистской партии, насчитывавшей несколько тысяч человек, находилась в ссылке или в эмиграции. Зато разложение армии играло на руку большевикам, поскольку только их партия требовала немедленного завершения войны, безусловного заключения мира и «объединения пролетариев всех стран» в борьбе против капитала.

Мировая война своей разрушительной силой указала всей Европе конечные границы капиталистического накопления и тем самым поставила перед спонтанным выбором. «Ответ» русских большевиков подготавливался путем многолетней методичной революционной деятельности. После Февральской революции именно они первыми поняли, что историю, революцию делают не они, а быстро расширяющееся спонтанное народное движение, но что именно они должны будут возглавить это движение в результате «перманентного» развития революции. Следовательно, неслучайно, что к октябрю большевики из партии «профессиональных революционеров» численностью в несколько тысяч человек превратились в массовую партию, насчитывавшую около 300 тысяч членов. Другие политические течения вовсе не стремились к пролетарской революции, в этом смысле у большевиков не было настоящих конкурентов в революционном лагере. Разобщенная и гетерогенная партия эсеров, имевшая летом 1917 г. более полумиллиона членов, не выдвинула ясных целей, которые показали бы четкую перспективу революционизированным, возбужденным массам. Премьер-министр Временного правительства эсер Керенский не хотел и не мог выйти из войны, а также не инициировал раздел земли. Этот гордиев узел был разрублен лишь в октябре 1917 г.

Еще задолго до Октябрьской революции Ленин смотрел на Парижскую коммуну как на возможную и естественную «предысторию» русской социалистической революции, о чем подробно писал в брошюре «Государство и революция» [Краус, 2011, с. 191–227]. Изучив функционирование буржуазного государства, Ленин пришел к выводу, что бедность и нищета практически не дают возможности использовать правовую базу демократии. Дело не только в том, что у бедняков нет возможности «купить» демократию, но и в том, что они «остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что им “не до демократии”, “не до политики”, что при обычном мирном течении событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено» [Ленин, 1974, т. 33, с. 86].

Уничтожение «государства-паразита» рассматривается в качестве политической предпосылки «экономического освобождения труда», больше того, государство и свобода интерпретируются как диаметрально противоположные понятия, противоречие между которыми может быть разрешено только революцией. Ленин и в этом отношении ссылается на Маркса, который предложил удалить из социалистической программы слово «государство» и заменить его словом «община» [Там же, с. 64]. При этом Ленин замечает:

> Среди большевиков, наверное, противников совета Энгельса и Маркса не найдется. Трудность будет, пожалуй, только в термине. По-немецки есть два слова: “община”, из которых Энгельс выбрал такое, которое не означает отдельной общины, а совокупность их, систему общин. По-русски такого слова нет, и, может быть, придется выбрать французское слово “коммуна”, хотя это тоже имеет свои неудобства [Там же, с. 65–66].

В конце концов, Ленин отдал предпочтение слову *commune*, которое вошло в русский язык в форме *коммуна*. Возможно, впервые оно фигурировало в заметке Ленина от 14 (1) ноября 1917 г., которую он набросал на заседании петроградского парткомитета.

Создание такого общинного строя (социализма) можно считать содержанием и целью революции. Таким образом, революция является одновременно экономическим, социальным и политическим деянием наемных рабочих. Может ли быть революция путчем? Это взаимоисключающие друг друга линии развития, ведь путч представляет собой фракционную борьбу внутри правящего класса, применение насилия для захвата власти.

В Октябрьскй революции все усилия и конспиративные приемы большевиков, направленные на захват власти, были частью, точнее, лишь одним из элементов начавшегося в феврале революционного процесса. В этом смысле вооруженное восстание, террор и насилие нельзя вырвать из этого процесса как часть из целого. Ленин в течение десятилетий критиковал обособленный от народа «акционизм» декабристов, русских якобинцев и террористов, подчеркивая, что само по себе «элитистское» вооруженное восстание, опирающееся на конспирацию, заранее обречено на провал.

Непосредственно перед Февральской революцией в центре теоретической и организационной деятельности Ленина стояло изучение социального влияния

и возможных последствий мировой войны. Это отразилось в классической работе «Военная программа пролетарской революции», в которой он однозначно указал на исторический опыт, который подтверждают «все великие революции» и который вскоре был подтвержден и историей русской революции и Гражданской войны: исходя из логики классовой борьбы, революции в гражданской войне необходимо вести борьбу с получившими военную организацию силами, стремящимися к реставрации старого режима. Поскольку мировая война до предела обострила классовые противоречия, стало невозможно прекратить «реакционную, рабовладельческую и преступную войну» с помощью одного пацифистского лозунга разоружения, и поэтому предоставляется возможность превратить антиимпериалистическую национальную войну в войну гражданскую [Ленин, 1973, т. 30, с. 132–133]. Следовательно, ленинский анализ показывает, что любой путч, пытающийся подменить собой национальное восстание революционных масс, не может иметь никаких шансов на успех, ведь в конечном итоге путч — это не что иное, как средство «урегулирования» конфликтов внутри правящего класса. Ленин хорошо знал историю Европы, особенно историю революций. Сторонники теории путча замалчивают именно то, что «путчистский элемент» является частым атрибутом революций, поскольку, как наглядно показывают буржуазные революции в Нидерландах, Англии, Франции и других странах, насилие сопутствует всем революциям, не говоря уже о том, что отмена рабства в США повлекла за собой самую кровопролитную гражданскую войну XIX в. Нельзя забывать и о том, что степень насильственности революций, помимо прочих факторов, зависит и от степени сопротивления контрреволюционных сил.

В своем выступлении на собрании рабочей молодежи в цюрихском Народном доме в годовщину революции 1905 г., 9 января 1917 г., за пару недель до Февральской революции, Ленин в качестве важнейшего урока подчеркнул именно народный характер первой русской революции, значение массовой стачки, всеобщей забастовки, «революционных масс», самоорганизации народа: «Слово “забастовщик” приобрело у крестьян совершенно новое значение: оно обозначало что-то вроде бунтовщика, революционера, что раньше выражалось словом “студент”». Но, поскольку «студент» принадлежал к среднему сословию, к «ученым», к «господам», он был чужд народу. Наоборот, «забастовщик» сам вышел из народа.

Стремление ложно интерпретировать смысл революции и представить ее путчем — очень старый товар на политическом рынке. Такая интерпретация появилась уже в 1905 г. по поводу рабочего восстания в Москве. В этой связи Ленин опроверг мнение уже тогда известного социолога Макса Вебера, считавшего московское вооруженное восстание 1905 г. «путчем».

Роза Люксембург, напротив, увидела в революции 1905 г. активную, сознательную и концентрированную деятельность народных масс и подчеркивала всемирно-историческое значение всеобщей стачки и советов. И действительно, если не «ограничивать» революцию одним днем или одной ночью, то уже и на стадии ее подготовки станет виден народный, массовый характер, следует

лишь обратить внимание на самое существенное – на миллионы самоорганизованных людей, которые пойдут за большевиками и в период Гражданской войны. Без этого крупного массового движения едва ли удалось бы победить белую контрреволюцию, пользовавшуюся финансовой и военной поддержкой Запада, не говоря уже о международной империалистической интервенции, направленной против Советской России.

Плохие историки-презентисты не считают настоящее результатом истории, а проецируют его в прошлое. Уже Троцкий в свое время подчеркивал в связи с историей русской революции, что революции, в отличие от путчей, «делаются не по заказу», как бы ни старались позже историки доказать противное. Наступление революционных событий зависит, с одной стороны, от действий внезапно и быстро революционизирующихся масс и их партий, а с другой стороны — от множества непредсказуемых действий властей. Ленин и большевики, учась у массовых движений, постепенно, ценой внутренней борьбы, выстрадали навыки, позволившие им в решающий исторический момент встать во главе вооруженного восстания, в то время как старые царские и буржуазные структуры власти (Дума) разрушились под влиянием продолжающейся войны и народной нищеты. Следовательно, главный вопрос не в том, можно ли было избежать революции. На него со всей решительностью следует дать отрицательный ответ. Главный вопрос в том, какие политические силы дали форму и направление народному движению и какие именно направление и форму они ему дали. В этом смысле никто не мог предсказать дату начала революции, в том числе и Ленин, ставший ее ведущим деятелем. Даже в конце 1916 г. Ленин еще гадал, доживет ли он вообще до решающих сражений русской революции. Он говорил: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции» [Ленин, 1973, т. 30, с. 328]. Это признание также показывает, что революция действительно не «делалась по заказу», однако, как выяснилось позже, большевики лучше других подготовились к тому, чтобы в конечном итоге задать в интеллектуальном и политическом смысле нужное им направление развития революции.

В этой связи решающее значение имели два момента: к осени 1917 г. большевики почти везде получили большинство в советах. Другой момент, на который *expressis verbis* указал Ленин, состоял в убеждении, что «восстание — это искусство», и история очень редко допускает создание таких «произведений искусства». НеслучайноТроцкий в августе 1917 г. вступил в большевистскую партию, поскольку считал, что это единственная партия, способная возглавить революционные массы, руководить ими, направлять их деятельность. Понадобилась многолетняя работа, чтобы понять, что буржуазная революция была лишь эпизодом в русском революционном процессе.

Эти дни, вдохновившие на деятельность миллионы людей, можно рассматривать с разных точек зрения. Западноевропейская пресса того времени, как правило, ничего не понимала в происходящем. Ее представители видели или, скорее, показывали буянивших, пьяных матросов, рассказывали о жаждущих

мести, натравленных на богачей разбойниках. В номере парижской газеты «Journal de Débats» от 10 ноября 1917 г. говорилось о «бесновании дефетистов», «предателей-космополитов», которые «не представляют общественного мнения страны», здесь же содержался призыв к «повторению» восстания Корнилова, но в «еще бóльших масштабах». Пусть русская кровь льется на фронтах войны... Нельзя сказать, что в дни революции в столицах не увеличилось число грабежей и убийств, ведь массовые выступления привлекают любителей ловить рыбу в мутной воде. Однако лондонская «The Times» 19 ноября 1917 г. более объективно писала об утверждении порядка, о восстановлении трамвайного движения в Петрограде, о множестве людей, в хорошем настроении посещающих кинематографы и театры: «Если продовольственное снабжение удовлетворительно, город остается спокойным. Говорят, что запасов продовольствия хватит на 10 дней. Преступления практически прекратились в результате установления контроля над радикалами». В своей гениальной книге «Десять дней, которые потрясли мир» Джон Рид описывает события не в духе буржуазных газет, он передает настроение революционных масс, вследствие чего восстание предстает перед нами творением самого народа.

В октябрьские дни в самоорганизованных советах и в других организациях населения сплотилось гораздо больше 10 миллионов человек. Именно эти организации миллионов людей, разочаровавшихся в войне и измученных войной, прежде всего различные рабочие, солдатские и крестьянские советы, военно-революционные и фабрично-заводские комитеты, професиональные и вооруженные самооборонные организации, ставшие рыхлыми структурами народной мобилизации, производства, раздела земли и отправления власти, стихийно и с огромной изобретательностью гнали вперед революцию. Продуктом этой деятельности стал и принятый на II Всероссийском съезде Советов декрет о земле. В нем одновременно выразились нужда крестьян в земле и их жажда социального равенства. Земля перешла к крестьянам таким образом, что сначала она была национализирована, чтобы не допустить ее купли-продажи, иначе говоря, земля была изъята из сферы рыночных отношений и накопления частных капиталов, а затем передана крестьянским комитетам под лозунгом «земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает». Далеко ли отсюда до продразверстки военного коммунизма? И далеко, и близко.

«Призраки коммунизма» с ураганной быстротой смели почти все учреждения старого режима, старых господствующих классов. В горячие дни революции массам казалось, что свободное от эксплуатации общество уже близко, на расстоянии протянутой руки, что уже «бьет час капиталистической частной собственности» (Маркс). Общество будущего революционеры называли иностранным словом *социализм*. Это слово распространялось быстрее, чем в эпоху интернета. Эти народные организации выросли одновременно из самых современных и самых архаических отношений. Размещавшийся прежде всего в Петербурге и в Москве немногочисленный современный промышленный пролетариат был социальным слоем, «социализировавшимся» в социал-демократических

и профессиональных организациях и впитавшим их идеологию, однако и он сохранил традиции общинного прошлого, состоял из «полурабочих-полукрестьян» [Чураков], Троцкий даже в Ленине увидел крестьянское происхождение, хотя, как известно, его отец и мать были интеллигентами.

Отличающиеся друг от друга особенности пролетарской, солдатской и крестьянской революций указывали на различные социально-политические и ментальные тенденции и в отношении целей и средств. Так, самым многочисленным слоем «революционного лагеря» было связанное с прошлым, «консервативное», но «антикапиталистическое» по своим ценностям и обычаям, стремящееся к разделу земли общинное крестьянство. Наконец, третим важнейшим социальным «слоем» революции были солдатские массы, имевщие в основном крестьянское происхождение, но «повидавшие свет», вооруженные, но стремившиеся выйти из войны. Их интересы с наибольшей силой и эффективностью также выражались Лениным и большевиками с присущим им «антипатриотизмом». В этом крестьянском смысле революция была своего рода возвращением к традиции, неслучайно так много различных партий смогли признать революцию и защитить ее на фронтах Гражданской войны. Эти слои, участвовавшие в революции, были пронизаны духом «пугачевщины», всепоглощающего анархистского бунта [см.: Булдаков], который сочетался с современными организационными особенностями и символами европейского рабочего движения. Но революция создала собственную культуру: на сторону революции встала или прибилась к ней часть русской интеллигенции и образованных, но немногочисленных средних слоев общества. Позже, под влиянием трудностей Гражданской войны, большинство из этих последних встало на сторону традиционных господствующих классов, и сотни тысяч человек остались в эмиграции.

Антикапиталистические, гнавшие вперед советскую революцию восставшие массы с пробудившимся политическим самосознанием были «невосприимчивы» к буржуазно-демократической альтернативе, чуждому им миру буржуазной республики. Они не понимали сути и обычаев буржуазной демократии, регулирующей системы рыночного хозяйства, хотя идея созыва учредительного собрания пользовалась определенной популярностью в общественном мнении. Однако лозунги и приоритеты масс имели не полититическую и правовую, а социальную природу («земля, хлеб, свобода», «долой министров-капиталистов», «вся власть Советам» и т. д.).

4. Белогвардейская диктатура и «демократическая контрреволюция»

История революций (1848–1849, 1917–1921) всегда включает в себя и историю контрреволюций. Кажется, что русская революция легко победила, в феврале 1917 г. многовековое здание самодержавия развалилось подобно карточному домику, Зимний дворец был занят восставшими практически без единого выстрела... Однако поддерживавшие самодержавие общественные классы сделали всё возможное, чтобы спасти то, что еще можно было спасти.

В этом отношении русская революция оказалась одновременно перед двумя вызовами. Одним из них была офицерская контрреволюция, стремившаяся спасти старый режим и старые господствующие классы, военные диктатуры, возглавлявшиеся генералами. Как известно, в августе 1917 г. путчист генерал Корнилов (достойными последователями которого стали генералы Деникин, Юденич, Колчак и Врангель) был первым, кто путем военной контрреволюции попытался вернуть историческое время в привычные рамки. Однако «легкость» октябрьского захвата власти показала слабость русской «военной контрреволюции», распад армии и степень присоединения масс к революционным силам [см., например: Иоффе].

Шансы на возрождение контрреволюции увеличились благодаря вмешательству западных великих держав. Они оказали финансовую и военную поддержку пригодным для военной мобилизации силам контрреволюции. Однако, великие державы начали военную интервенцию против Советской России в первую очередь не по идеологическим причинам. Они продолжали кровопролитие в борьбе за стратегическое влияние, за источники сырья, в интересах «возвращения» прежних капиталовложений, в надежде на раздел распавшейся России. В этой борьбе их лучшими союзниками могли стать офицерские диктатуры, даже несмотря на то, что белые генералы стремились восстановить какую-либо форму старого режима на основании монархистских традиций, под лозунгом «единой и неделимой России». Еще не было никаких признаков гражданской войны, когда 9 марта 1918 г. в районе Мурманска на берег высадились британцы, а летом 1918 г. в Архангельске появились французские, американские и канадские отряды. 5 апреля 1918 г. во Владивостоке высадились японцы, а позже американцы. В августе 1918 г. британцы уже намеревались наложить руки на бакинскую нефтедобычу, а немцы в марте заняли почти всю Украину. Появление турок в Закавказье и позже беспорядки, устроенные в России организованным Антантой контрреволюционным чехословацким корпусом, уже с мая 1918 г. свидетельствовали о том, что значительные территории Советской России от Балтийского до Черного моря и от Кавказа до побережья Тихого океана оказались под контролем иностранных войск. В 1920 г. в результате наступления Пилсудского и в основном при поддержке французов в руки поляков попали Западная Украина и Западная Белоруссия. По всей Европе прошла кампания «Руки прочь от Советской России!», организованная в рамках рабочего движения, и несколько тысяч военнопленных различной национальности остались в России, чтобы оказать вооруженную поддержку революции. Всё это указывает на прочную международную «укорененность» как революции, так и контрреволюции, но всё же русская революция в основном своими силами сумела победить различные генеральские диктатуры военной контрреволюции. Только централизованная власть, опирающаяся на широчайшее народное сопротивление, могла победоносно завершить гражданскую войну на необъятных просторах России. О «притягательной силе» революции свидетельствует то, что 44 % командного состава Красной армии составляли бывшие царские офицеры.

Несмотря на лишавшие крестьян продовольствия распоряжения эпохи военного коммунизма, беднейшие слои крестьянства, хотя и не без колебаний, нашли дорогу в Красную армию, правда, многие из них прошли и через армии белых, но в вопросе о земле царские генералы не могли превзойти советскую власть. Этот судьбоносный исторический факт прекрасно символизирует судьба Григория Мелехова из «Тихого Дона» М. Шолохова.

Другую тенденцию контрреволюции представляли силы, стремившиеся вернуться к Учредительному собранию и желавшие «буржуазным путем» смирить революцию и ввести ее обратно в рамки частнособственнического строя. Однако, как известно, у баррикад гражданской войны есть только две стороны. И это особенно справедливо для России после 1917 г.

Учредительное собрание, большинство в котором принадлежало эсерам, выбрало другой путь, пошло по пути буржуазной легитимности. Однодневная история Учредительного собрания, несомненно, многое говорит о его перспективах (6 января 1918 г. по приказу большевиков караул Таврического дворца закрыл собрание). После Февральской революции сложилось положение, когда шла борьба между двумя сторонами так называемого двоевластия, буржуазным Временным правительством и Советами, после октября 1917 г. эта борьба поднялась на новый уровень. Роспуск Учредительного собрания, которое официально было созвано по указанию Центрального исполнительного комитета Советов, свидетельствовал о том, что революционная власть не признает над собой другой власти, что на языке той эпохи формулировалось так: «Революционный пролетариат не отдаст власть контрреволюционной буржуазии». Это подтвердилось тем фактом, что основные силы русского либерализма в конечном итоге оказались в лагере белогвардейской контрреволюции, что органически следовало из особенностей русского исторического развития.

Уральско-сибирские и дальневосточные события лучше всего показали, что если бы большевики не разогнали неорганизованные и слабые силы Учредительного собрания, то это сделал бы Колчак, который «походя» расправился с «остатками» Собрания радикальнее большевиков, уничтожил их физически. В Советской России сложилась властная структура, способная одержать военную победу даже над самой дикой генеральской диктатурой. Власть концентрировалась в руках руководства в соответствии с нуждами войны и условиями «военного коммунизма», по мере побед на фронтах Гражданской войны. Это, конечно, противоречило конечным целям революции, которые Ленин наметил еще в сентябре 1917 г. в брошюре «Государство и революция». Но это противоречие заключалось уже в том факте, что большевики не желали вступить в правительственную коалицию с не согласными с их антикапиталистической программой социалистическими и социал-демократическими партиями для последовательного ведения политической классовой борьбы.

В этой связи военный контрреволюционный режим оказал большое влияние на все общество и на самих революционеров, которые стремились к созданию такой власти, которая в любое время могла бы справиться даже и с вооруженным

выступлением внутренних и внешних врагов. Эти обстоятельства и унаследованные исторические условия образовали ту почву, из которой легко вырос советский тип авторитарного правления, который, однако, в начале 1920-х гг. был еще далек от сталинской личной диктатуры.

Возникает вопрос: почему диктатура большевистской партии не рухнула уже в начале или середине 1918 г.? Современные «догматики» немедленно называют главной причиной насилие и принуждение, красный террор. Между тем этого не утверждал и сам Милюков, больше того, он видел главную причину господства советов не в силе большевиков, а скорее в слабости их противников из антибольшевистского лагеря [Милюков]. В свою очередь, левые противники большевиков (меньшевики, эсеры, анархисты) часто говорят о том, что российский рабочий класс (а также, наверное, и другие слои общества) тянулись не только к пугачевщине, но и к авторитарному правлению, при этом они упоминают о его неорганизованности, низком уровне сознательности и культуры. Многие меньшевики (например, Мартов и Дан), эсеры и анархисты видели свои слабые места и вместо реального исторического выбора они пришли к «надисторической» позиции, к идее буржуазно-демократической республики. Но и они знали, что отсутствуют социальные движущие силы, способные утвердить такую республику.

Колоссальная роль большевистской партии состояла в том, что она взялась заменить собой эти «отсутствующие движущие силы». В обстановке хаоса и распада она сама приступила к государственному строительству и организации производства. В конечном счете революция не удержалась в рамках самоорганизации и самоуправления не из-за каких-то субъективных ошибок, а по указанным выше многочисленным историческим, политическим, экономическим, ментальным и психологическим причинам.

5. Революция на весах истории — конечные цели и возможности

С весны 1917 г. постепенно установился рабочий контроль на заводах крупных городов. На капиталистических предприятиях рабочий контроль резко ограничивал выработку прибыли, поскольку рабочие внесли в производственный процесс социальные соображения. К тому же во многих местах капиталисты не желали платить даже условленную заработную плату, как показывали получившие известность харьковские и екатеринбургские события [Ленин, 1970]. Эта ситуация привела к удержанию предпринимателями денежных средств, а позже к национализации предприятий, не обязательно означавшей огосударствление. Во многих местах еще существовали новые организационные формы рабочего контроля, рабочий совет или фабрично-заводской комитет непосредственно пользовались правами собственника, хотя со всё более узким кругом полномочий.

Дольше всего общественное, коллективное самоуправление сохранилось там, куда позже протянулась длинная рука политики, государственной власти, прежде всего — в сельскохозяйственном производстве. Производственные

и потребительские кооперативы и сообщества, которые Ленин называл «островками социализма», по существу не пережили сталинского перелома в конце 1920-х гг.

Подводя итоги, можно сказать, что вскоре после победы Октябрьской революции, в противоположность целям, изложенным Лениным в «Государстве и революции», отмирать начало не государство, а советское самоуправление. Гражданская война и голод, кадровый голод в аппаратах власти и эпидемии практически уничтожили главную движущую силу предполагаемого «перехода» к социализму, российский рабочий класс, «пролетарско-социалистическую составную часть» революции. В действительности советское государство поддерживало самоуправление лишь до тех пор, пока оно не мешало военным усилиям и объединению экономических ресурсов.

Данные исторические условия и «одиночество» революции поставили советский режим и советское государство, а также большевистскую партию в такое положение, которое не мог предугадать ни один революционер. В течение семи десятилетий в различных формах и с различными особенностями шло строительство «социализма в одной стране», ставшее опытом создания «новой, социалистической цивилизации». Понятийное описание строя, разрушенного в 1989–1991 гг., вызывает споры [см., например: Államszocializmus; Краус].

Ленин уже в «Государстве и революции» вел полемику против смешения понятий «капитализм» и «государственный социализм».

> Слово «капитализм» приходится подчеркнуть, ибо самой распространенной ошибкой является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-монополистический капитализм уже не есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное [Ленин, 1974, с. 68].

И как далеки еще были тогда большевики от сталинского осуществления «государственного социализма», который в то время не представлялся им даже в страшных снах!

Позже, после завершения Гражданской войны, Ленин многократно касался этого вопроса, представлявшего интерес как с точки зрения практики, так и с точки зрения теории формаций, и писал, что в России необходимо «несколько переходных периодов», пока на основе многоукладной смешанной экономики не обозначатся контуры нового «социального формирования», низшей ступени коммунизма, социализма, который «нельзя ввести», «ибо мы безграмотны» [Ленин, 1970, т. 45, с. 377].

К концу 1920-х гг. все более широкие слои общества стали понимать, что Октябрьская социалистическая революция «замерзла»[3]. Доказательством этого могут служить и многие литературные произведения, достаточно вспомнить

[3] Троцкий описал это понятием «сталинский термидор», который в конечном итоге породил новую социальную форму, *государственный социализм*.

«Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова. Советская революция «одомашнилась», «озверела», «исказилась» или просто «трансформировалась» в «модернизационную революцию» или «бюрократическую контрреволюцию». За разными формулировками, определениями скрываются или могут скрываться различные убеждения, теории и концепции. Быть может, Николай Устрялов, бывший руководитель колчаковской пропаганды, был первым, кто восславил Ленина как героя «модернизационной революции», поместил его в «Пантеон национальной истории», поскольку Ленин перебросил Россию из Средневековья в Новое время. Для Устрялова Ленин одновременно воплощает в себе Петра Великого и Наполеона, Мирабо и Дантона, Пугачева и Робеспьера [Устрялов, с. 372–376]. Несмотря на признание роли Ленина и все похвалы, Устрялов замалчивает именно то действительно оригинальное наследие, которое Ленин и Октябрьская революция оставили потомкам, – социалистический аспект революции. Устрялов как бы предворял типичного историка или идеолога наших дней, который в лучшем случае помещает все цели Октября в область утопий, а в худшем случае вешает на революцию даже ответственность за нацизм. Важнейшим и наиболее прочным доказательством сохранения в истории социалистического аспекта является советская гуманистическая культура, никогда не разрывавшая связи с революцией. Этот аспект был особенно важен для международного левого движения, которое с этих позиций формулировало свою критику исказившейся структуры развития СССР, ГУЛАГа и бюрократического беспредела.

Прежде всего, русская революция вырвала из царства утопий чаяния низших социальных слоев во многих странах мира. К числу этих чаяний принадлежали ликвидация безграмотности, безработицы, экстремального социального неравенства, введение бесплатного образования и здравоохранения, освобождение женщин от средневекового угнетения и т. д. В одно историческое мгновение возникла конкретная возможность убедить миллионы людей в том, что они способны создать более гуманную цивилизацию, в которой было бы возможно осуществление общества без угнетения, социальная самоорганизация и освобождение наемного труда.

Гуманистические ценности революции, социальная свобода и равенство и кооперативно-коллективное хозяйствование и поныне владеют фантазией и душами людей в любой точке планеты. Октябрьская революция, родившись как методология коллективистского преобразования мира, пережила крах (государственного) социализма как практического эксперимента. Но ее всемирное влияние, ее исторический опыт дали сильные импульсы национально-освободительным движениям и всей антиколониальной борьбе в целом, окончательный исход которой был предопределен победой в Великой Отечественной войне. Все это не должно отвлечь нашего внимания от основной дилеммы, возникшей после революции. Вслед за Ключевским Ленин писал, что Петр Великий боролся с варварством варварскими средствами. Думаю, что унаследованный потомками вопрос ныне нужно ставить так: можно ли бороться с варварством не варварскими средствами? Я не знаю ответа на этот вопрос. Но я убежден в том, что

в структурном смысле объективные предпосылки новой революции в различных формах и с разной степенью зрелости постоянно присутствуют во многих регионах мировой системы. И это не безусловно оптимистическое заключение. Когда мы плывем между Сциллой (утопией) и Харибдой (так называемой реальной политикой), то, как известно, несомненно лишь одно: плавать необходимо.

Александр Чубарьян об уроках революции 1917 года [Электронный ресурс] // Новости Сибирской науки. URL: http://www.sib-science.info/ru/ras/god-ne-dolzhen-24012017 (дата обращения: 08.05.2017).

Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010.

Воейков М. И. Материальные и социально-экономические предпосылки Русской революции // Октябрь 1917: вызовы для XXI века / Современная гуманитарная акад., Фонд Розы Люксембург, Фонд «Альтернативы» ; под общ. ред. А. А. Сорокина. М. : URSS, 2008. С. 62–90.

Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М. : Мысль, 1983.

Краус Т. Ленин. Социально-теоретическая реконструкция. М. : Наука, 2011.

Краус Т. Перестройка и передел собственности в Советском Союзе: политические трактовки и исторические свидетельства [Электронный ресурс] // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: http://scepsis.net/library/id_2612.html (дата обращения: 08.05.2017).

Ленин В. И. О кооперации // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. М. : Изд-во полит. литературы, 1970. С. 369–377.

Ленин В. И. Примечания к тому // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 50. М. : Изд-во полит. литературы, 1970. С. 405–408.

Ленин В. И. Военная программа пролетарской революции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 30. М. : Изд-во полит. литературы, 1973. С. 130–143.

Ленин В. И. Доклад о революции 1905 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 30. М. : Изд-во полит. литературы, 1973. С. 306–328.

Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М. : Изд-во полит. литературы, 1974. С. 1–120.

Маркс К. Письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1961. С. 250–251.

Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1961. С. 305.

Милюков П. Н. Россия на переломе: большевистский период русской революции : в 2 т. Париж : [б. и.], 1927.

Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М. : ЭКСМО : Алгоритм, 2003.

Чураков Д. О. Революция и социально-экономическое положение рабочих (конец 1917–1918 гг.) // Октябрь 1917: вызовы для XXI века / Современная гуманитарная акад., Фонд Розы Люксембург, Фонд «Альтернативы» ; под общ. ред. А. А. Сорокина. М. : URSS, 2008. С. 212–231.

Államszocializmus. Értelmezések-viták-tanulságok / szerk.: T. Krausz, P. Szigeti. Budapest : L'Harmattan, 2007.

Fitzpatrick S. A spy in the archives: a memoir of Cold War Russia. London ; New York : I. B. Tauris, 2014.

Russia's century of revolutions: parties, people, places : studies presented in honor of Alexander Rabinowitch / ed. by M. S. Melancon, D. J. Raleigh. Bloomington, Indiana : Slavica, cop. 2012.

Статья поступила в редакцию 28.07.2017

Краус Тамаш
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории Восточной Европы
Будапештский университет им. Лоранда
Этвеша
1088 Budapest, Múzeum körút, 6–8
E-mail: krausz1917@gmail.com

Krausz, Tamás
Dr. Hab. (History), Professor
Chair of East European History
Eötvös Lorand University
6–8, Múzeum körút, 1088 Budapest, Hungary
Email: krausz1917@gmail.com

1917: A HUNDRED YEARS, A HUNDRED COVENANTS

This article offers a multi-aspect analysis of the phenomenon of the October Revolution of 1917 in Russia from different historical and political points of view typical of historical figures (Lenin, Trotsky, Arshinov), and of later researchers, representatives of different and, at times, diametrically opposite positions. The initial thesis of the analysis was the thesis of the connection between historical science and politics, the peculiar spirit of passion, which permeated many written "stories" of the Russian revolution (from L. Trotsky and N. Berdyaev to P. Pipes and A. Rabinovich). The author examines the ideological, economic, political, and cultural origins of the revolution in detail — as Lenin saw them in his works, and as modern researchers see them today. Additionally, the author focuses on the controversy of the interpretation of the October Revolution as a simple coup, i.e. seizure of power with the use of violence. Close attention is paid to the antinomy of revolution and counter-revolution in its various manifestations, which leads the author to conclude that the counter-revolutionary regime had a great influence on the entire Russian society and on the revolutionaries too. As a conclusion, an attempt is made to re-balance the "conquests" of the Revolution in terms of their goals and opportunities.

K e y w o r d s: October Revolution of 1917; Lenin; history; sources of the revolution; historiography of the Russian revolution of 1917; putsch; counterrevolution.

Aleksandr Chubarian ob urokakh revoliutsii 1917 goda [Alexander Chubarian about the Lessons of the 1917 Revolution]. *Novosti Sibirskoi nauki*. Retrieved from http://www.sib-science.info/ru/ras/god-ne-dolzhen-24012017. (In Russian)

Buldakov, V. P. (2010). *Krasnaia smuta. Priroda i posledstviia revoliutsionnogo nasiliia* [The Red Smoot. The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow: ROSSPEN; Fond pervogo prezidenta Rossii B. N. El'tsina. (In Russian)

Churakov, D. O. (2008). Revoliutsiia i sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie rabochikh (konets 1917–1918) [Revolution and the Socio-economic Position of Workers (Late 1917–1918)]. In A. A. Sorokin (Ed.), *Oktiabr' 1917: vyzovy dlia XXI veka* [October 1917: Challenges for the 21st Century] (pp. 212–231). Moscow: URSS. (In Russian)

Fitzpatrick, S. (2014). *A spy in the Archives: A Memoir of Cold War Russia*. London; New York: I. B. Tauris.

Ioffe, G. Z. (1983). *Kolchakovskaia avantiura i ee krakh* [Kolchak's Adventure and Its Collapse]. Moscow: Mysl'. (In Russian)

Krausz, T. (2011). *Lenin. Sotsial'no-teoreticheskaia rekonstruktsiia* [Lenin: Social-theoretical Reconstruction]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Krausz, T. Perestroika i peredel sobstvennosti v Sovetskom Soiuze: politicheskie traktovki i istoricheskie svidetel'stva [Perestroika and the Redistribution of Property in the Soviet Union:

A Political Interpretation and Historical Evidence]. *Nauchno-prosvetitel'skii zhurnal "Skepsis"*. Retrieved from http://scepsis.net/library/id_2612.html. (In Russian)

Krausz, T., & Szigeti, P. (Eds.). (2007). Államszocializmus. Értelmezések-viták-tanulságok [State Socialism. Interpretation, Disputes, Lessons]. Budapest: L'Harmattan. (In Hungarian)

Lenin, V. I. (1970a). O kooperatsii [About Cooperation]. In V. I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] (Vol. 45, pp. 369–377). Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)

Lenin, V. I. (1970b). Primechaniia k tomu [Notes to the Volume]. In V. I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] (Vol. 50, pp. 405–408). Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)

Lenin, V. I. (1973a). Doklad o revoliutsii 1905 g. [Report on the Revolution of 1905]. In V. I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] (Vol. 30, pp. 306–328). Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)

Lenin, V. I. (1973b). Voennaia programma proletarskoi revoliutsii [The Military Programme of the Proletarian Revolution]. In V. I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] (Vol. 30, pp. 130–143). Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)

Lenin, V. I. (1974). Gosudarstvo i revoliutsiia [State and Revolution]. In V. I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] (Vol. 33, pp. 1–120). Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)

Marx, K. (1961). Pis'mo V. I. Zasulich [Letter to V. I. Zasulich]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniia* [Works] (Vol. 19, pp. 250–251). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)

Marx, K., & Engels, F. (1961). Predislovie ko vtoromu russkomu izdaniiu "Manifesta kommunisticheskoi partii" [Preface to the Second Russian Edition of the "Communist Manifesto"]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniia* [Works] (Vol. 19, p. 305). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian)

Melancon, M. S., & Raleigh, D. J. (Eds.). (2012). *Russia's century of revolutions: parties, people, places: studies presented in honor of Alexander Rabinowitch*. Bloomington, Indiana: Slavica, cop.

Miliukov, P. N. (1927). *Rossiia na perelome: bol'shevistskii period russkoi revoliutsii* [Russia at the Turning Point: The Bolshevik Period of the Russian Revolution] (Vols. 1–2). Paris: [s. n.]. (In Russian)

Ustryalov, N. V. (2003). *Natsional-bol'shevizm* [National Bolshevism]. Moscow: EKSMO; Algoritm. (In Russian)

Voeikov, M. I. (2008) Material'nye i sotsial'no-ekonomicheskie predposylki Russkoi revoliutsii [Material and Socio-economic Preconditions of the Russian Revolution]. In A. A. Sorokin (Ed.), *Oktiabr' 1917: vyzovy dlia XXI veka* [October 1917: Challenges for the 21st Century] (pp. 62–90). Moscow: URSS. (In Russian)

Received on 28 July, 2017

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.041
УДК 141.82 + 930.25 + 94(47)“1917” + + 929 Троцкий + 325.2

Ю. З. Кантор
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

ЮНОСТЬ ВОЖДЯ: ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ Л. Д. ТРОЦКОГО
(по материалам архивных находок)

Статья, основанная на ранее не публиковавшихся документах из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), посвящена дореволюционному периоду жизни и деятельности Л. Д. Троцкого. Автор акцентирует внимание на личностном становлении Троцкого, формировании доминирующих черт его характера, на взаимоотношениях с родными и близкими. Анализируя архивные первоисточники, можно не только восстановить лакуны в биографии одного из самых влиятельных и успешных деятелей российского революционного движения, но и проследить «первые шаги» психосоциальной трансформации: превращения сентиментального марксиста-романтика в жестокого до цинизма большевистского лидера. В статье обращается внимание на причины осложнения взаимоотношений Л. Д. Троцкого (тогда — Лейбы Бронштейна) с родителями, иллюстрируется разгар романа с будущей женой, Александрой Соколовской, — публикуются фрагменты писем молодого марксиста к ней, написанные в тюрьме. Также внимание уделено истории побега из ссылки (на материалах жандармской переписки) и мотивации осознанного выбора между семьей и политической деятельностью. На основе архивных документов (Петроградского охранного отделения) реконструируются и «ступени» политического взросления, и радикализации взглядов Троцкого между 1902 и 1907 гг. Выявленные автором архивные источники, в совокупности с ранее опубликованными материалами, дают возможность дополнить психологический портрет Троцкого как отца двух дочерей, рожденных в сибирской ссылке, выросших в период, когда он находился в эмиграции, и «заслоненных» от него поглотившей его идеей революционного переворота.

К л ю ч е в ы е с л о в а: марксизм; Бронштейн; Соколовская; венчание; арест; ссылка; дочери; побег; эмиграция; революция.

«Сашенька, мне тяжело... Я хочу тебя слышать, тебя видеть... Ну не грешно ли с моей стороны жаловаться тебе, но ведь теперь решительно некому пожаловаться... Жизнь все-таки так хороша, Саша так хороша, хочется так целовать, так ласкать ее. И всё это недоступно: вместо этого одиночество, бессонница, отвратительные мысли о смерти. Брр!» — в строках этого лирически-сентиментального многостраничного письма [РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 431, л. 13], написанного в тюрьме 19-летним марксистом будущей жене, никак не угадывается «почерк» человека, имя которого сто лет назад был синонимом беспощадности и революционного «прагматизма», — Льва Троцкого. Тогда, в 1898 г., он еще

© Кантор Ю. З., 2017

был Лейбой Бронштейном. Коллекция документов, позволяющих погрузиться в «юность вождя», хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории.

«Я сегодня вспомнил, какими чисто случайными обстоятельствами было вызвано мое жительство в Николаеве, и что из этого жительства проистекло? Ты помнишь, когда и как мы с тобой познакомились у вас на квартире на Мещанской. Ты была в одноцветном синем платье... Ты на меня с самого начала произвела хорошее впечатление, хотя я и был предубежден против тебя, так как знал, что ты строптивейшая марксистка... Мы спорили. Когда я в Одессу уезжал, ты со мной поцеловаться при прощании не хотела. Ах, как меня это задело!», — пишет он Александре Соколовской [РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 431, л. 17]. Задело — и он решил не отступать, добиться желаемого. И был успешен. Темперамент и красноречие младшего товарища не оставили Александру равнодушной: роман пылал, подогреваемый и политическим единомыслием. Оба они — в числе других «бунтовщиков» — были арестованы по делу «Южнорусского рабочего союза» и отправлены в Одесскую тюрьму, где провели около двух лет, затем — в Москву, в Бутырскую.

В Бутырской тюрьме они с Соколовской решили пожениться, испросили разрешение тюремных властей, сообщили родителям. Власти чинить препятствий не стали — тюремные венчания «политических» в тот период уже стали делом вполне тривиальным. Родители Соколовской брак одобрили, надеясь, что семейная жизнь отвлечет их дочь от политики, да и возраст по тем временам у Сашеньки был более чем зрелый для незамужней девицы – ей было уже под тридцать. А вот Бронштейны решительно воспротивились такому браку их сына: они были убеждены в том, что Соколовская столкнула впечатлительного и импульсивного Льва с «пути истинного», и ее пагубное влияние после заключения брака лишь усилится. Он сам напишет об этом будущей жене, в письме из камеры в камеру, перехваченном тюремщиком: «Шурочка! Третьего дня я имел свидание с матерью. Свидание окончилось полным разрывом — и лучше, не правда ли? Я на этот раз дал отпор, и вышла довольно скверная сцена. Я отказался от помощи. Сейчас я получил письмо от твоего отца: он... не огорчен моим разрывом с родными» [Там же, л. 11]. Бронштейны, стремясь уберечь сына от «пагубной» связи, даже написали прошение Иркутскому губернатору (в ссылку Лейбу и Александру направили в Иркутскую губернию): «Мы, родители, опасаемся, что этот брак угрожает нашему сыну полной нравственной гибелью, а мы уверены, что без влияния Соколовской он исправится и по отбытию наказания возвратится в семью и сделается полезным гражданином» [Гриневич]. Родители Льва не знали, что в Сибирь их сын прибыл уже женатым. Ведь еще в Одессе, когда сын заявил о своем намерении связать судьбу с Соколовской, Броншейны не дали согласия на брак, а без этого согласия несовершеннолетнему Лейбе путь к венчанию был закрыт. По прошествии почти двух лет, в Москве, достигший совершеннолетия, а потому не зависящий от воли родителей, Лейба женился. Венчание было произведено раввином, поскольку в документах Бронштейн

и Соколовская значились иудеями, хоть и были к тому моменту убежденными атеистами. К венчанию оба, давно состоявшие в гражданском браке, отнеслись как к скучной формальности, необходимой лишь для следования в ссылку вместе [Чернявский, с. 78].

Долгий путь на поезде в Сибирь был для них долгожданным свадебным путешествием. «Из вагона нас все время не выпускали и к нам никого не впускали. Бронштейн, однако, ни к чему не обнаруживал никакого интереса: он весь был поглощен Соколовской», — вспоминал ехавший с ними в одном вагоне в ссылку их давний знакомый Г. А. Зив [Зив, с. 34]. «Путешествие» из Москвы в Иркутскую губернию, начавшееся 3 мая 1900 г., продолжалось почти полгода: арестованных неоднократно «перегружали», размещая в местных пересыльных тюрьмах, в ожидании пополнения этапа. Александру и Льва поселили в Усть-Куте — большом, на сто изб, селе на берегу Лены. Двадцатилетний Бронштейн пишет:

> У меня развивается необыкновенная чувствительность: я стал способен «ронять слезы» при чтении стихов, при чтении беллетристических произведений. Нервы напряжены чрезмерно. Сибирская тайга умерит эту нежную гражданскую чувствительность. Зато мы там будем счастливы! Как Олимпийские боги! Всегда-всегда неразлучно вместе! Сколько раз я уже повторяю это, и все-таки хочется повторять и повторять! Мы с тобой столько пережили, столько настрадались, что заслужили час счастья... Мы живем в интереснейшее время, куда интереснее, чем знаменитые 60-е и 70-е годы. Период такого сильного общественного напряжения [РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 431, л. 17].

Тайга действительно «умерила чувствительность» и усилила желание не оставаться в стороне от событий «интереснейшего времени». Лев Бронштейн покинет Александру Соколовскую с двумя крохотными дочками, рожденными в ссылке, чтобы никогда не возвращаться в первую семью. Сам он в книге «Моя жизнь» много лет спустя предложит читателю мелодраматически-фатальную версию разрыва, сдобренную прореволюционной риторикой:

> У нас были в это время уже две девочки; младшей шел четвертый месяц. Жизнь в сибирских условиях была нелегка. Мой побег должен был возложить на Александру Львовну двойную ношу. Но она отводила этот вопрос одним словом: ***надо***. Революционный долг покрывал для нее все другие соображения, и прежде всего личные. Она первая подала мысль о моем побеге, когда мы отдали себе отчет в новых больших задачах. Она устранила все сомнения, возникавшие на этом пути. В течение нескольких дней после побега она успешно маскировала мое отсутствие от полиции. Из-за границы я едва мог переписываться с ней. Для нее наступила затем вторая ссылка. В дальнейшем мы встречались только эпизодически. Жизнь развела нас, сохранив ненарушимо идейную связь и дружбу [Троцкий, с. 95].

Итак, 21 августа 1902 г. 23-летий Бронштейн бежал. Это оказалось совсем нетрудным делом. Его посадили в повозку, накрыли сеном и отправили в Иркутск. В Иркутске друзья выдали беглецу приличное платье и паспорт, куда он вписал свое новое имя — Николай Троцкий, «в честь» одесского тюремного

надзирателя. А Александре нужно было «маскировать» его отсутствие. Буквально в день его побега верхоленский жандарм пришел в избу, где жил ссыльный Бронштейн с семьей — для ежедневной проверки. Увидев накрытого с головой крестьянским рядном спящего человека, решил разбудить: приказано «лично удостовериться». Но обаятельной и кроткой Соколовской, вышедшей к представителю власти «с плачущей дочкой на руках», удалось убедить жандарма, что муж болен, у него жар, не стоит его будить. И сердобольный блюститель порядка удалился, ему и в голову не пришло, что под рядном — чучело... Двое суток спустя, когда беглец уже благополучно катил по Транссибирской магистрали на запад в курьерском поезде, жандарм явился снова... Еще через два дня из Верхоленска в Иркутск ушла телеграмма:

> Губернатору
> Копия полицмейстеру
> Вчера самовольно отлучился Лейба Бронштейн 23 лет. 2 аршина половиной волосы каштановые подбородок двойной разделен, носит очки. По заявлению жены Бронштейн выехал Иркутск.
> Исправник Людвиг [РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 1, л. 7].

Он «отлучился» надолго — добрался до Лондона, где быстро был принят в круг виднейших российских социал-демократов и, по воспоминаниям Луначарского, будущего первого советского наркома просвещения, «заграничную публику поразил своим красноречием, значительным для молодого человека образованием и апломбом. ...Очень серьезно к нему не относились по его молодости, но все решительно признавали за ним выдающийся ораторский талант и, конечно, чувствовали, что это не цыпленок, а орленок» [Луначарский, с. 343]. Вот именно это «не очень серьезное отношение» старших единомышленников ужасно раздражало Троцкого: ему нужно было убедить их — и самого себя — в собственной значимости. Он жаждал затмить их, стать первым. Цена не имела значения. И в 1905-м, революционном, году он вернулся в Россию. Нелегально, конечно. И не один — с молодой женой, Натальей Седовой.

В 1907 г. учетная карточка Лейбы Бронштейна в столичном охранном отделении выглядела так:

> Бронштейн (Лев) Давидов, он же Николай Троцкий и Яновский, лишенный всех прав состояния, сын колониста, русский подданный, литератор. Приметы: рост 2 аршина 6 и ¾ вершка, телосложения среднего, волосы, усы и борода темно-каштановые, вьющиеся, глаза голубые, близорук, держится прямо. В 1898 году Бронштейн привлекался в качестве обвиняемого... по делу о «Южно-русском рабочем союзе» в Одессе. Дело это разрешено ВЫСОЧАЙШИМ повелением... Выслан под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на 4 года. Будучи водворен в Верхоленск... 21 августа из г. Верхоленска скрылся и помещен в розыскной циркуляр от 1 сентября 1902 года № 5530 [РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 1, л. 8].

Далее в документе довольно подробно описана «политическая карьера» Троцкого — в 1905 г. был привлечен петербургским жандармским управлением

к дознанию по делу Совета рабочих депутатов. Во время пребывания в петербургской тюрьме «Кресты» Троцкий писал Соколовской, находившейся в очередной ссылке:

> Дорогой друг, положение мое всё то же. Суд отложен до 19 сентября. Сижу я в одиночной камере, прогулка общая — часа 3 в день... к началу октября выйдет моя книга «Наша революция» — часть I. Родители привезли мне карточку девочек, я тебе писал об этом. Девочки превосходные — каждая в своем роде! У Нинушки такое комично-испуганное и вместе с тем лукаво-заинтересованное лицо! А у Зинушки прямо размягчающее личико! Кто-то тронул рукой карточку у меня в камере, и на личике Зинушки — пятно. Если у тебя есть свободная карточка, пришли, пожалуйста [РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 436, л 1].

По приговору петербургской Судебной палаты 1906 г. он снова «лишен всех прав состояния и водворен в Березове Тобольской губернии». Но и из Березова тоже вскоре скрылся и был «помещен в розыскной циркуляр 2 мая 1907 года» [Там же, д. 1, л. 5]. Ко времени выпуска этого циркуляра Троцкий, на тот момент редактор «Правды» (органа Украинского союза «Спилка» РСДРП), уже благополучно жил в Вене с женой и двумя маленькими сыновьями от второго брака. О взаимоотношениях детей от обоих браков можно судить по письму, написанному десятилетней дочерью Троцкого и Соколовской находящемуся за границей отцу:

> Дорогой папочка! Я не принята в третий класс и осталась во втором. Я уже получила отметку (5–) по французски. Я очень скучаю... О мамочке я тебе напишу все то, что только знаю. Она имеет свидание каждую неделю. Ждет высылку на север. Суда нет. Да все это очень тяжело... На днях написала маме. Целую тебя крепко-крепко. Целую крепко Наталию Ивановну (Седову. — *Ю. К.*) и мальчиков Левушку и Сергуньку (сыновья Троцкого от второго брака. — *Ю. К.*). Что они поделывают, славные мальчики? Зина [Там же, оп. 2, д. 104, л. 7].

Троцкий вернулся в Россию после Февральской революции, причем в пути его задержали в канадском порту Галифакс за отсутствие документов и отправили в лагерь для интернированных, откуда вскоре выпустили: Временное правительство обратилось к канадским властям с ходатайством не чинить препятствий «заслуженному борцу с царизмом», возвращающемуся на родину. Троцкий с семьей прибыл в Петроград. Тогда же в столицу приехала и Соколовская (пережившая к тому времени еще две ссылки и три ареста) с дочерьми. Нина и Зина видят отца лишь на митингах и политических собраниях. Описывая события 1917 г., Троцкий замечает: «Иногда я узнавал в толпе лица своих двух девочек. Они жили по соседству — со своей матерью. Старшей шел шестнадцатый год, младшей — пятнадцатый. Я едва успевал кивнуть навстречу их взволнованным глазам или сжать на ходу нежную, горячую руку. И толпа уже снова разрывала нас» [Троцкий, с. 187]. На большее, чем «на ходу», по отношению к близким у Троцкого времени не было.

В одесской тюрьме 19-летний Лейба Бронштейн писал:

> Я что-то совсем выбился из колеи, возбуждены нервы. Бессонница... О, с каким ужасом будут когда-нибудь говорить о современном общественном строе... За моими дверьми как раз в настоящую минуту раздался дружный лязг многих цепей: ведь это на людях. Саша, до какой степени мы привыкли к этому, и как это страшно. Цепи на людях [РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 431, л. 16].

Пройдет ровно двадцать лет, и председатель Реввоенсовета республики, создатель Красной армии, «демон революции» Лев Троцкий, придумавший заградотряды и децимации (расстрел каждого десятого в армейских частях, отступивших с боевых позиций), не будет жаловаться на бессонницу и расстроенные нервы.

Источники

РГАСПИ. Ф. 325. Оп.1. Д. 1, 431, 436; Оп. 2. Д. 104.

Исследования

Гриневич Е. В. Троцкий и Соколовские [Электронный ресурс]. URL: http://www.migdal.org.ua/migdal/events/science-confs/6/17433/ (дата обращения: 01.07.2017).

Зив Г. А. Троцкий. Характеристика (По личным воспоминаниям). Нью-Йорк : Народоправство, 1921.

Луначарский А. Лев Давидович Троцкий // Силуэты: политические портреты / А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий. М. : Политиздат, 1991.

Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М. : Панорама, 1991.

Чернявский Г. И. Лев Троцкий. Революционер. 1879–1917. М. : Центрполиграф, 2012.

Статья поступила в редакцию 04.07.2017

Кантор Юлия Зораховна
доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, наб. Мойки, 48
E-mail: juliakantor@yandex.ru

Kantor, Yulia Zorakhovna
Dr. Hab. (History), Professor
Chair of World History
Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen (Herzen University)
48, Moika Str., 191186 St Petersburg, Russia
Email: juliakantor@yandex.ru

THE YOUTH OF THE LEADER: LEON TROTSKY'S PRIVATE LIFE (According to Archival Materials)

This article is based on unpublished documents from the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI) and is devoted to Leon Trotsky's pre-revolutionary

period of life. The author focuses on Trotsky's personality development and dominant character traits, and his relationship with his family. By analysing archival primary sources, not only can we restore the gaps in the biography of one of the most influential and successful figures of the Russian revolutionary movement but follow his "first steps" of psychosocial transformation from a sentimental Marxist romantic into a cruel and cynical Bolshevik leader. The article draws attention to the causes of the complication of Trotsky's (then Leiba Bronstein's) relationship with his parents, and illustrates the height of his romance with his future wife Aleksandra Sokolovskaya. The article includes fragments of letters the young Marxist wrote in prison. Attention is also paid to the history of his escape from exile (with reference to gendarmerie correspondence) and the motivation of his conscious choice between family and political activity. Referring to archival documents (the Petrograd security department), the author reconstructs the "steps" of the political maturation and radicalisation of Trotsky's views between 1902 and 1907. Archival sources, identified by the author, in conjunction with previously published materials, make it possible to supplement the psychological portrait of Trotsky as the father of two daughters who were born in Siberian exile and grew up during his emigration, and were "obscured" for their father by his ideas of a revolutionary coup.

K e y w o r d s: Marxism; Bronstein; Sokolovskaya; church wedding; arrest; exile; daughters; escape; emigration; revolution.

Cherniavskii, G. I. (2012). *Lev Trotsky. Revolutsioner. 1879–1917* [Leon Trotsky. A Revolutionary. 1879–1917]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian)

Grinevich, E. V. *Trotsky i Sokolovskie* [Trotsky and the Sokolovsky]. Retrieved from http://www.migdal.org.ua/migdal/events/science-confs/6/17433/. (In Russian)

Lunacharsky, A. (1991). Lev Davidovich Trotsky [Leon Davidovich Trotsky]. In A. Lunacharsky, K. Radek, & L. Trotsky, *Siluety: politicheskie portrety* [Silhouette: Political Portraits] (pp. 434–35). Moscow: Politizdat. (In Russian)

Trotsky, L. (1991) *Moia zhyzn'. Opyt avtobiografii* [My Life. Experience of Autobiography]. Moscow: Panorama. (In Russian)

Ziv, G. A. (1921). *Trotsky. Kharakteristika. (Po lichnym vospominaniiam)* [Trotsky. A Characteristic. (According to Personal Memories)]. New York: Narodopravstvo. (In Russian)

Received on 4 July, 2017

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.042
УДК 94(47) “1917.02.27” + 94(100) “1914/9” + + 323.332 + 323.4

О. С. Поршнева
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ РАБОЧИХ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЯ 1917 г.: К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ РЕВОЛЮЦИИ*

В статье в контексте современной историографической ситуации рассматривается вопрос о роли рабочего движения, настроений и поведенческих практик рабочих в развитии и разрешении революционного кризиса накануне Февраля 1917 г. Автор анализирует основные факторы и проявления усугубления протестных настроений и протестной активности рабочих в середине 1915 – начале 1917 г. Показаны роль в развитии общественного кризиса политической стачечной борьбы наиболее урбанизированных слоев рабочих, прежде всего металлистов Петрограда; корреляция между ухудшением социально-экономического положения и ростом протестной активности массовых слоев рабочих; зависимость динамики рабочего движения от кризиса верхов. Доказывается, что протестные практики рабочих, получившие импульс осенью 1916 г., базировались на их представлении о необходимости радикальной демократизации политического строя, ликвидации самодержавного режима, получившем широкое распространение в рабочей среде. Признавая, что не рабочие сыграли решающую роль в свержении самодержавия в Феврале 1917 г., автор выступает против недооценки роли рабочих как одного из главных социальных акторов Революции. Он доказывает, что почва для свержения самодержавия созрела в массовых настроениях рабочих, их стихийном движении, на которое опирались левые партии, а без высокой активности рабочих события Февраля не приобрели бы характера народного движения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Февральская революция 1917 г.; рабочие; рабочее движение; революционный кризис; Россия; Первая мировая война.

Постановка проблемы

В год столетия Русской революции 1917 г. в центре научных и общественных дискуссий оказался целый ряд актуальных вопросов, среди которых проблема неизбежности / вероятности Революции, ее причины, роль различных политических сил и народных масс в событиях и мн. др. В новейшей историографии по этим проблемам высказываются различные, порой полярные точки зрения, острота дискуссий в ряде случаев достигает беспрецедентного накала [см.: Петров, с. 4–7; Нефедов, 2017]. Как отметил директор Института российской истории РАН Ю. А. Петров в своей «юбилейной» историографической статье,

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

© Поршнева О. С., 2017

«Россия кануна Великой революции для отечественной историографии – тема традиционная, но в связи со 100-летней годовщиной событий 1917 г. открывающая множество новых граней. И надо признать, что исследование многообразной политической, социальной, экономической, интеллектуальной жизни России эпохи “великих потрясений” остается актуальной задачей историков» [Петров, с. 9].

Внимание научного сообщества пока в должной мере не привлекли материалы международного проекта по истории Февральской революции, осуществленного в Санкт-Петербурге к ее 100-летию [Февральская революция 1917 г.], способного пролить свет на спорные вопросы. Благодаря полученным в ходе его реализации результатам появилась возможность комплексно осмыслить современную историографическую ситуацию на основе анализа оценок и мнений ведущих российских и зарубежных историков по таким проблемам, как роль предвоенных процессов и Первой мировой войны в возникновении Революции, «историческая вина» за нее, роль конкретных политических сил в падении самодержавия, историческое значение Февраля и ряд других. Результаты проекта были обобщены доктором исторических наук, проф. В. В. Калашниковым, в виде анализа материалов Вопросника по истории Революции[1], предложенного 25 ведущим историкам, в том числе 14 российским и 11 зарубежным [Там же, с. 137–174]. Он показывает, что среди оценок, касающихся проблем предвоенной России, угрожающих политической стабильности страны, доминируют две позиции: констатация комплекса причин, определивших нарастание социально-политической нестабильности, и наличие проблемы самодержавной власти [Там же, с. 139]. Результаты также демонстрируют, что предметом современного историографического консенсуса является признание решающей роли Первой мировой войны в возникновении Революции 1917 г. Большинство историков обозначили войну как сделавшую Русскую революцию «весьма вероятной», другие — «неизбежной» и только один историк высказал иную точку зрения [Там же, с. 140].

Была ли революция результатом «заговора» буржуазно-либеральной элиты и части генералитета против монарха? Какую роль сыграло массовое рабочее движение в ее назревании и развертывании? «Практически “вечный” вопрос о соотношении стихийного и рукотворного в событиях Февраля 1917 г., — справедливо отмечает Ю. А. Петров, — предполагает особое внимание к *проблеме массового движения* (здесь и далее курсив мой. — *О. П.*)» [Петров, с. 8].

Признавая решающую роль либеральных деятелей и генералитета в отречении Николая II, а солдатских масс — в свержении самодержавия, мы полагаем, что почва для этого акта созрела в массовых настроениях рабочих, без активности которых события Февраля не приобрели бы характера народного движения. В данной статье мы ставим задачу показать, что дискредитация самодержавной

---

[1] Вопросник был предложен проф. В. В. Калашниковым и отредактирован известным специалистом по истории Русской революции, проф. А. Рабиновичем (Индианский университет, США).

власти и правительства в глазах рабочих стала накануне Февраля центральным фактором, определявшим восприятие рабочими событий и их массовое участие в антиправительственном движении, начавшемся 23 февраля в Петрограде и приведшем к победе Революции.

Результаты исследования

Социально-экономическая ситуация в стране и, в особенности, продовольственный кризис оказывали с середины 1915 г. заметное влияние на социальное самочувствие рабочих. В постсоветский период в ряде исследований, проводившихся с применением квантитативных методов, была убедительно показана корреляция между ухудшением социально-экономического положения рабочих и, в частности, динамикой цен на весовой черный хлеб, и ростом их забастовочного движения и продовольственных волнений с лета 1915 г. [Хеймсон, Бриан; Лекомцев].

В ряде новейших исследований проанализировано влияние продовольственного кризиса на поведение городского населения, в том числе рабочих, оцениваемое историками по-разному [Парамонов; Семенова, с. 136–159; Белова, с. 68–78; Нефедов, 2016, с. 143–147]. Нам представляется обоснованной позиция Е. Ю. Семеновой, показавшей на базе введения в оборот и интерпретации разнообразных источников влияние продовольственного кризиса на социальные и индивидуальные поведенческие практики городского населения Поволжья. Автор пришла к выводу, что их характеризуют нагнетание у горожан чувства недовольства, находившего выход во все более агрессивных действиях, «простиравшихся» от критики и угроз до погромов, телесных повреждений и убийств [Семенова, с. 159].

Это наблюдение о росте социальной агрессии подтверждается целым рядом данных, касающихся как Поволжья, так и других регионов. В отчете Казанского губернского жандармского управления (далее — ГЖУ) в Департамент полиции за сентябрь 1915 г. мы читаем: «Рабочие, приписывая увеличивающуюся дороговизну мелким торговцам, желающим якобы воспользоваться моментом для наживы, упорно говорят о необходимости разгрома лавочников, чего ввиду крайнего озлобления рабочей массы действительно можно ожидать при малейшем к тому поводе» [ГАРФ, ф. 102, оп. 124, 1915 г., д. 108, л. 10]. Центральный военно-промышленный комитет (далее — ЦВПК) в своей аналитической записке от 28 июля 1916 г. признавал, что основная причина роста забастовочного движения — дороговизна жизни, «опрокинувшая рабочие бюджеты» [РГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 6, л. 115].

Наряду с ростом забастовочного движения с середины 1915 г. происходило неуклонное распространение погромных моделей поведения и погромных настроений среди рабочих. По данным Ю. И. Кирьянова, недемонстрационных и нестачечных форм стихийных продовольственных волнений (погромов), в которых принимали участие рабочие и члены их семей, в 1915 г. было 15,

за первые 5 месяцев 1916 г. — 15, в июне-декабре 1916 г. — 38, в январе-феврале 1917 г. — 10 [Кирьянов, с. 8–9]. Участниками этих выступлений были солдатки, рабочие, работницы, подростки. Женщины-работницы и солдатки были зачинщиками и основными участниками этих выступлений, получивших название «бабьих бунтов». Эти бунты в феврале-ноябре 1916 г. достигли наивысшего размаха, охватив Воронежскую, Нижегородскую, Кубанскую, Оренбургскую, Ставропольскую, Харьковскую, Таврическую, Черниговскую, Подольскую, Киевскую губернии, почти все Поволжье и Урал, некоторые районы Сибири [Канищев, с. 47]. В Петрограде осенью 1916 г. бунтарские вспышки на продовольственной почве, сопровождавшиеся погромами магазинов и лавок, стали чуть ли не обычным бытовым явлением [Там же, с. 48].

В циркуляре Департамента полиции МВД от 9 января 1916 г. указывалось на дороговизну и голод как главную угрозу политической стабильности и почву антивоенной пропаганды, в то время как «ни военные неудачи, ни революционная агитация не оказывают серьезного влияния» [ГАСО, ф. 181, оп. 1, д. 1, л. 235]. В документе ЦВПК о рабочем движении от 28 июля 1916 г. также отмечалось влияние этого фактора на настроения рабочих, которые характеризовались «снижением патриотического духа и озлоблением» [РГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 6, л. 120–121].

Правительство ужесточило борьбу с забастовочным движением рабочих, введя в феврале-июле 1916 г. ряд мер в этом направлении [Там же, л. 84–85; д. 36. II, ч. 2, л. 536]. 30 апреля 1916 г. Заводское совещание в своем постановлении предложило запретить свободный переход рабочих-военнообязанных с одного предприятия на другое, самовольный отказ или уклонение от работ, предъявление требований об изменении условий труда без предварительного рассмотрения их «надлежащими учреждениями» и другие меры по милитаризации труда в промышленности [РГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 36. II, ч. 2, л. 536]. 22 июля 1916 г. Совет министров на своем заседании одобрил указанные меры борьбы с забастовками [Там же, д. 39, ч. 2, л. 212]. В правительстве обсуждались планы дальнейшей милитаризации труда: в октябре 1916 г. сенатор Гарин, помощник военного министра, в письме Председателю Особого совещания отмечал: «Для сохранения спокойствия на предприятиях, работающих на оборону, следовало бы всех военнообязанных рабочих призвать в войска и командировать на заводы в качестве нижних чинов» [Там же, ч. 3, л. 381].

Против такой политики правительства выступали как сами рабочие, прежде всего петроградские металлисты, так и либеральная буржуазия, либеральная оппозиция, видевшие в рабочих союзников в борьбе с самодержавием. ЦВПК в документе о рабочем движении, подписанном зам. председателя А. Коноваловым, констатировал, что указ о мобилизации промышленности, закрепощающий рабочих и служащих и запрещающий забастовки, не создает условий для их ликвидации, а переводит экономическую борьбу рабочих в политическую. Отмечалось, что планомерная работа по мобилизации промышленности заменена ее милитаризацией, что вызовет усиление забастовочного движения [Там же, д. 6,

л. 118–119]. Вместо этого, по мнению руководства ЦВПК, необходимо создать органы посредничества между рабочими и предпринимателями по улаживанию конфликтов, развивать профессиональные организации рабочих, создать институт старост, биржи труда, укреплять кооперативное движение, прекратить репрессии в отношении рабочей прессы, урегулировать вопросы выплаты заработной платы [РГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 6, л. 120–122]. «Рабочий класс, — указывалось в документе, — должен быть опорой государства, а не враждебной силой, власть должна идти навстречу удовлетворению основных нужд рабочего класса» [Там же, л. 122–123].

Однако идеи социального партнерства рабочих с буржуазией, исповедуемые частью рабочих и социалистов — лидеров рабочих групп Военно-промышленных комитетов (далее — ВПК) и частью буржуазии, не нашли отклика и понимания ни у власти, ни у большинства предпринимателей, ни у широкой рабочей массы, вынужденной прибегать к более решительным, привычным в традициях российской политической культуры силовым методам воздействия на работодателей. Рабочие добивались повышения заработной платы упорной борьбой. Эта практика забастовочного давления вынуждала предпринимателей идти на уступки и была достаточно эффективной. Две трети забастовок экономического характера в 1915 г. заканчивались полным или частичным удовлетворением требований рабочих [ГАРФ, ф. 102, оп. 124, 1915 г., д. 144, т. 2, л. 51, 93, 156, 194–195, 214–215].

Участие рабочих в массовых погромах свидетельствовало о широком распространении в их среде настроений безнадежности и отчаяния, провоцирующих насилие, не совместимых с реформистскими установками сознания, партнерскими моделями поведения.

Политические забастовки рабочих в 1916 — начале 1917 г., по данным количественного анализа, были в первую очередь обусловлены динамикой «кризиса верхов» и в меньшей степени — агитационно-пропагандистской деятельностью революционных партий [Лекомцев, с. 147], что косвенно свидетельствует о поддержке частью рабочих борьбы либеральной оппозиции с режимом. В политических стачках участвовали, прежде всего, урбанизированные рабочие крупных промышленных предприятий, главным образом Петрограда и Москвы. Так, из 137 699 участников политических забастовок, зарегистрированных на всех предприятиях, подведомственных фабричной инспекции в январе-июне 1916 г., рабочие-металлисты составляли 84 %, а на рабочих-металлистов Петроградской губернии (к концу года составлявших около 6,3 % рабочих, подчиненных фабричной инспекции) приходилось 77,1 % общего числа участников политических забастовок в целом по стране [Хеймсон, Бриан, с. 99]. Во второй половине 1916 — феврале 1917 г. концентрация участников политических забастовок в среде рабочих-металлистов увеличилась, достигнув в июле-декабре 1916 г. 91 % (по данным о предприятиях, подведомственных фабричной инспекции) [Там же, с. 101].

Период осени 1916 — начала 1917 г. ознаменовался не только обострением «кризиса верхов», повлиявшим на политическую активность рабочих,

но и ростом их собственных протестных действий и настроений. Политические стачки превысили экономические в октябре 1916 г., еще до начала «либеральной атаки» на правительство, когда рабочие Петрограда протестовали против расправы над солдатами 181-го запасного пехотного полка, отказавшимися стрелять в рабочих Выборгской стороны — участников продовольственных беспорядков, а также против суда над 19 балтийскими матросами, обвиненными в принадлежности к военно-морской организации большевиков [Меньшевики в 1917 г., с. 124]. В стачках по этим мотивам в октябре 1916 г. участвовало 138 076 рабочих из 138 531 участника политических стачек [Рабочее движение, с. 192].

Обстановка накалилась осенью 1916 г. в связи с ухудшением социально-экономической ситуации, переходом оппозиции к активной критике правительства, ростом недовольства образованного общества, развертыванием протестных практик рабочих, успехом пропаганды социалистов-революционеров в армии, что позволяет говорить о резком обострении общественно-политического кризиса в этот период. В обширном аналитическом докладе Петроградского охранного отделения Особому отделу Департамента полиции за октябрь 1916 г., содержавшем красноречивые свидетельства *всех вышеперечисленных его проявлений*, делалось заключение: «Россия близка если не к революции, то, во всяком случае, к крупнейшим беспорядкам, могущим возникнуть повсеместно, если не будут приняты соответствующие предупредительные меры» [Доклад Петроградского охранного отделения, с. 249]. В докладе отмечался успех среди петроградских рабочих «за последнее время» антивоенных листовок с призывами к немедленному прекращению войны: «Успех этих листовок на заводах, где еще год тому назад всякая прокламация вызывала осуждение со стороны самих рабочих, определенно показывает, что настроение масс очень резко изменилось» [Там же, с. 254]. Далее, со ссылкой на мнение представителя рабочей группы ЦВПК, говорилось о том, что «рабочий пролетариат столицы близок к отчаянию и достаточно какого-нибудь провокационного сигнала, чтобы в столице разразились стихийные беспорядки с десятками и десятками тысяч жертв» [Там же].

Обличение лидерами Прогрессивного блока власти «темных сил», знаменитая речь П. Н. Милюкова 1 ноября 1916 г. в Думе, где он обвинял правительство в «измене», нашли широкий отклик в среде рабочих. Об этом свидетельствуют резкое увеличение в этот период потока писем и телеграмм рабочих (многие из которых были коллективными) в адрес Государственной думы с выражением поддержки ее антиправительственной позиции; резолюции митингов, собраний рабочих, которые также в массовом порядке в ноябре 1916 — феврале 1917 г. направлялись в Думу [см.: РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 1189, 1213, 1239]; лозунги рабочих забастовок в январе-феврале 1917 г.; распространение на предприятиях резолюций совещаний представителей общественных организаций, проходивших в декабре 1916 г. [ГАРФ, ф. 102. ДП ОО, оп. 247, 1917 г., д. 341, ч. 56, л. 1–2].

В приветствиях, адресованных Думе, рабочие благодарили ее за «слова правды и справедливости» и надеялись на продолжение ее решительной борьбы с властью. В некоторых посланиях эта мысль выражалась предельно эмоционально.

Рабочие Коломенского завода, к примеру, желали Думе «донести меч правды до конца во славу Родины» [РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 1189, л. 121]. В письме представителя Рабочей группы из Тулы Н. Порохова говорилось: «Слова, сказанные с кафедры Государственной думы, зажгли пламя надежды» [Там же, л. 222]. Наряду с выражением поддержки Думе в письмах и резолюциях рабочих ясно звучал призыв к народным представителям не идти ни на какие компромиссы и соглашения «с правительством старого режима», так как последние будут рассматриваться рабочими как измена делу народа [Там же, л. 224; д. 1239, л. 1, 16].

В письмах и резолюциях рабочие разных регионов и городов России выражали недоверие правительству, по их представлениям, ведущему страну «к разорению и гибели», требовали коренного изменения политического порядка и общественного строя путем создания правительства, ответственного *перед всем народом*, а не только перед Государственной думой, в чем проявлялась отличная от либеральной позиция рабочих и левых сил [Там же, д. 1189, л. 224; д. 1239, л. 1, 2, 12, 16].

Другим важнейшим вопросом, поднимавшимся в письмах и на митингах рабочих в ноябре-декабре 1916 г., была неправомерность, по их оценкам, временного отстранения от работы депутатов — социал-демократов и трудовиков, их удаления с заседания Думы 19 ноября 1916 г. из-за постановки ими вопроса о необходимости коренной реформы политического строя. Рабочие Обуховского, Путиловского, Эриксона, Петроградского металлического, Самарского трубочного заводов, Ф. Сан-Галли и многих других выражали солидарность с действиями депутатов, называя их своими единственными представителями в Думе, и протестовали против действий думского большинства, которые квалифицировались как «удар демократии и делу освобождения страны», «политическое преступление перед страной» [Там же, д. 1239, л. 1, 3, 5, 6, 9, 10, 17, 18].

Наиболее распространенными требованиями, высказывавшимися в письмах и резолюциях рабочих, были необходимость немедленного введения демократических свобод и полной и всеобщей политической амнистии (в том числе и в первую очередь освобождения социал-демократических депутатов IV Государственной думы); заключение всеобщего демократического мира; отмена всех законов, проведенных правительством по ст. 87; создание комиссии для расследования преступлений царского правительства и «придворной камарильи» [Там же, л. 1, 2, 6, 11–13, 16–17; д. 1189, л. 224].

В то же время в ряде писем (прежде всего провинциальных корреспондентов) подтверждалась готовность рабочих прилагать усилия в борьбе с внешним врагом, защищать Отечество [Там же, д. 1189, л. 220–222, 224, 241]. В письме рабочих Тулы говорилось, что под воздействием выступления Думы «усиленно заработал молот в могучих руках рабочих, кующих оружие победы... Мы, рабочие, не покладая рук работаем и сражаемся на поле брани против внешнего врага с полной надеждой на Бога и его святое провидение... Победы и мира вовеки!» [Там же, л. 222]. В другом письме, содержащем приветствие Государственной думе в ее борьбе с правительством, утверждалось, что «под игом тевтонов будет плохо»

[РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 1189, л. 241]. Подобные высказывания свидетельствуют о складывании под воздействием революционного кризиса социально-психологических предпосылок трансформации оборонческих настроений рабочих в революционно-оборонческие.

Общим для всех писем и резолюций рабочих является ощущение авторами эпохальности, «грозного» характера переживаемого момента, грядущих потрясений, близкого восстания, скорой расправы с угнетателями — «эсхатологизм» мироощущения. Ожидание глубоких перемен, жажда социального идеала, предвосхищение нового откровения ярко проявились в языке посланий рабочих в Думу, свидетельствуя об актуализации мифологической составляющей их сознания. В уже цитируемом письме рабочих Тулы мы встречаем поистине манихейские заклинания: «Настало время великой борьбы, правды, света, борьбы со злом и тьмою» [Там же, л. 222]. В другом письме рабочих, адресованном М. В. Родзянко, от 30 января 1917 г., отчетливо проступает ожидание Спасителя, мессии: «Ты единственный печальник и представитель наш. На тебя вся надежда нас всех. Спасай Отечество, явись тем Мининым... Беда близится... Опять Господь дает испытание великой России. Ее гибель создает министр Протопопов с компанией... Народ будет рассчитываться с виновниками этого несчастья» [Там же, л. 241]. В этом письме встречается чрезвычайно редкое для рассматриваемого периода проявление монархических настроений, остававшихся у части рабочих: «Езжайте к царю, — пишет “уполномоченный рабочих”, обращаясь к М. В. Родзянко, — и скажите ему все, что есть. Предупредите его, великого труженика, что игра его камарильи опасна для него лично и его страны, а, в частности, народа... Восстание вот-вот вспыхнет» [Там же].

О кризисном состоянии сознания рабочих, психологически готовых к потрясениям, свидетельствует и широкое распространение осенью 1916 г. в разных регионах на заводах и фабриках, по данным рабочей группы ЦВПК, различных слухов, в частности, о начавшемся где-то восстании, забастовке полиции, взрывах и т. д. [Меньшевики, с. 435–437].

Дуалистический код мышления, характерный для многих рабочих — вчерашних крестьян, продуцировал способность быстрого перехода от одного полюса к другому в оценке политических деятелей. Это, в частности, ярко проявилось в отношении к М. В. Родзянко, который в рассматриваемый период и в первые дни после Февраля воспринимался многими рабочими и крестьянами не иначе как «спаситель» и «единственный защитник» [РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 1253, л. 1–171], в то время как в письмах в центральные органы Советов весной-летом и особенно осенью 1917 г. в новой политической ситуации он стал, наряду с другими бывшими руководителями Думы, объектом самых резких выпадов и проклятий [см.: ГАРФ, ф. 1235, оп. 53, д. 3, 4, 9, 10, 64–68; ф. 6978, оп. 1, д. 521]. Сам факт «героизации» рабочими — думскими корреспондентами – персоны М. В. Родзянко накануне Февраля весьма красноречив: он свидетельствует об их поддержке Думы, персонифицированной в фигуре лидера, в ее борьбе с правительством.

Более образованная, «сознательная» часть рабочих облекала свои ожидания в формулы и словесные клише, предлагаемые социалистическими партиями (о необходимости реализации интересов народа, демократических идеалов, коренных перемен общественного строя, создания демократической республики и т. д.).

Под лозунгами создания ответственного перед народом правительства, отстранения от власти царского правительства, заключения всеобщего демократического мира проходили январские забастовки рабочих 1917 г. В Письме Рабочей группы ЦВПК другим рабочим группам военно-промышленных комитетов (распространенном в середине января 1917 г.) была дана следующая характеристика настроений в рабочих кругах Петрограда: «Взгляды и настроения организованных элементов рабочих Петрограда... сводятся к тому, что страна вступила в полосу небывало резкого столкновения буржуазно-цензовой России с властью» [Меньшевики в 1917 г., с. 113]. С 5 января 1917 г., отмечалось в Письме, в Петрограде началась полоса заводских митингов, которые заканчивались вынесением резолюций, направленных в Государственную думу и требующих от нее отказа от половинчатой политики и немедленного вступления на путь решительной борьбы с правительством. В одной из таких резолюций говорилось:

> Стремясь к тем же целям, какие были выдвинуты рабочим движением в 1905 году, российский пролетариат при нынешних условиях в первую очередь выдвигает образование Временного правительства, опирающегося на организующийся в борьбе народ. Это правительство именем народа и в его интересах решит вопрос о войне и мире и приступит к политической реорганизации страны [Там же].

В Обращении совещания организованных рабочих социал-демократов Петрограда к рабочим всех фабрик и заводов города (первая половина января 1917 г.) делался акцент на различии интересов имущих классов и рабочих в грядущей демократической революции, победа в которой, по убеждению авторов, будет невозможна без активного участия пролетариата.

> Буржуазия стремится к политической реформе, к либеральному режиму. Не мешая ее борьбе против общего врага — самодержавия, пролетариат будет добиваться своей цели: наиболее полной демократизации страны... При политическом преобразовании страны буржуазия стремится сохранить нынешние жестокие и удобные для нее формы эксплуатации труда капиталом. Рабочий класс потребует ряда социальных реформ, облегчающих его борьбу с эксплуатацией и эксплуататорами. Буржуазия, вместе с устранением нынешнего режима, попытается дать волю своим захватническим завоевательным (империалистическим) аппетитам. Пролетариат и демократия, протестуя самым решительным образом против всяких военных насилий, будет добиваться мира на условиях, приемлемых для рабочих всех стран [Там же, с. 110].

Рост политической активности рабочих был отмечен в первые два месяца 1917 г., когда число политических стачек превысило количество забастовок по экономическим мотивам. Это имело место в январе, когда рабочие бастовали

в память о событиях 9 января 1905 г., а также протестовали против отсрочки созыва Государственной думы и продолжения войны [Меньшевики в 1917 г., с. 314; ГАРФ, ф. 102, оп. 125, 1916 г., д. 101, т. 4, л. 11–15]. Самыми массовыми были забастовки в память 9 января: из 229 политических забастовок с числом участников 162 978 в январе 1917 г. только в Петрограде 9 января бастовало 114 предприятий с 137 536 рабочими [Рабочее движение..., с. 314; Рабочий класс России, с. 328], по стране в целом в этот день бастовало более 186 тысяч рабочих [Меньшевики в 1917 г., с. 111].

В январе-феврале 1917 г. в Петрограде резко обострилась продовольственная ситуация, в рабочих районах начался голод. «Почти всем полицейским чинам приходится ежедневно слышать жалобы, что не ели хлеба по два-три дня и более, поэтому легко можно ожидать крупных уличных беспорядков», — докладывал полицейский пристав [цит. по: Нефедов, 2016, с. 144]. И они наступили 23 февраля 1917 г.

Выводы

Таким образом, настроения рабочих в пользу глубокой демократизации существующей власти, основанные на неприятии самодержавно-бюрократических порядков, серьезно скомпрометированных в их глазах в период войны, получили накануне Февраля широкое распространение. Они обусловили положительное восприятие политизированными рабочими идеи ответственного перед народом правительства, пропагандируемой социалистами.

Для наиболее квалифицированных, урбанизированных рабочих в период обострения революционного кризиса в 1916–1917 гг. было характерно резкое увеличение политической активности, выразившееся, прежде всего, в их интенсивном участии в политических стачках — специфически пролетарском методе воздействия на власть, в ходе которых выдвигались радикальные политические лозунги и требования к правительству. Опыт политической стачечной борьбы, иных форм протестного движения, деятельности в составе рабочих групп ВПК и других общественных организаций во многом подготовил этих рабочих к участию в политическом процессе в период после Февраля 1917 г. Главную роль в политической борьбе с режимом играли металлисты Петрограда, определяющую — рабочие двух столиц.

Для политически активных рабочих задача глубокой демократизации политического строя вышла на первый план, от ее решения, в их представлении, зависели обеспечение достойного уровня материального благосостояния, политико-правового, социального и культурного равноправия, реализация задачи защиты страны от внешнего врага / заключения демократического мира.

Для политически более инертных, менее обеспеченных слоев рабочих главным приоритетом стала борьба за экономическое выживание, косвенно направленная против существующего режима и войны, породивших продовольственный кризис. Она обусловила развитие с середины 1915 г. экономической

забастовочной борьбы рабочих, главным образом за повышение заработной платы, а также их широкое участие в различных формах продовольственных выступлений, воплощавших практики традиционного бунтарства. В результате изменений в социальном составе рабочего класса произошло расширение социально-психологической базы перенесения на городскую почву общинных традиций трудовой демократии и коллективизма, крестьянских ценностей уравнительной справедливости, что ярко проявлялось в протестном движении массовых слоев рабочих.

Лидеры рабочего движения, члены рабочих групп ВПК, накануне Февральской революции формулировали более радикальное, чем либералы, основанное на социал-демократических идеях, а также господствовавших в рабочей среде умонастроениях и ожиданиях, понимание задач демократической революции как серьезного шага в направлении реализации социальной справедливости. Несмотря на координацию лидерами Рабочей группы ЦВПК своих действий с буржуазно-либеральной оппозицией, неправомерно приписывать последней «заслугу» «организации» Революции, так как почва для участия рабочих Петрограда в революционном движении созрела в их антисамодержавных умонастроениях, широко распространившихся в годы войны и ярко проявившихся в ситуации резкого обострения продовольственного кризиса в январе-феврале 1917 г.

Источники

ГАРФ. Ф. 102. ДП МВД 4-е Д-во. Оп. 124. 1915 г. Д. 108, 144. Т. 2; Оп. 125. 1916 г. Д. 101. Т. 4; ДП ОО. Оп. 247. 1917 г. Д. 341. Ч. 56; Ф. 1235. Оп. 53. Д. 3, 4, 9, 10, 64–68; Ф. 6978. Оп. 1. Д. 521.

ГАСО. Ф. 181 Оп. 1. Д. 1.

Доклад Петроградского охранного отделения Особому отделу Департамента полиции, октябрь 1916 г. // Политические партии и общество в России в 1914–1917 гг. / под ред. Ю. И. Кирьянова. М. : ИРИ РАН : ИНИОН, 2000.

Меньшевики : док. и мат. 1903 — февраль 1917 гг. М. : РОССПЭН, 1996.

Рабочее движение в годы войны. Материалы по истории рабочего движения в России. М. : Вопросы труда, 1925.

РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 6, 36 II. Ч. 2; 39. Ч. 2, 3.

РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1189, 1213, 1239, 1253.

Исследования

Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 — февраль 1917 г. / под ред. Г. А. Бордюгова. М. : АИРО–XXI, 2011.

Канищев В. В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов : Изд-во ТГУ, 1995.

Кирьянов Ю. И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917) // Отеч. история. 1993. № 3. С. 3–18.

Лекомцев М. Г. Формы борьбы рабочих в Центральном промышленном районе России и факторы экономического и политического развития в годы первой мировой войны (июль

1914 — февраль 1917 г.) // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях / отв. ред. Л. В. Милов. М. : Наука, 1992. С. 142–154.

Меньшевики в 1917 году : в 3 т. / под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. М. : Прогресс-Академия, 1994. Т. 1.

Нефедов С. А. Астория // Новый мир. 2016. № 10. С. 142–150.

Нефедов С. А. О Февральской революции и «заговоре Гучкова» [Электронный ресурс] // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 2/1. URL: http://www.hist-edu.ru (дата обращения: 03.05.2017).

Парамонов В. Н. Качество жизни россиян в военный период 1914–1918 гг.: историографический аспект // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4 : История. Регионоведение. Междунар. отношения. 2014. № 5. С. 39–51.

Петров Ю. А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Рос. история. 2017. № 2. С. 3–16.

Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 / отв. ред. В. Я. Лаверычев. М. : Наука, 1982.

Семенова Е. Ю. Российский город в годы Первой мировой войны (на материалах Поволжья). Самара : Самар. гос. техн. ун-т, 2016.

Февральская революция 1917 года: Проблемы истории и историографии / отв. ред. проф. В. В. Калашников. СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017.

Хеймсон Л., *Бриан Э.* Стачечное движение в России во время первой мировой войны: количественный анализ и интерпретация // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях / отв. ред. Л. В. Милов. М. : Наука, 1992. С. 79–113.

Статья поступила в редакцию 22.06.2017

Поршнева Ольга Сергеевна
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России
Уральский федеральный университет,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

Porshneva, Olga Sergeevna
Dr. Hab. (History), Professor,
Chair of the History of Russia
Ural Federal University
19, Mira Str., 620002 Yekaterinburg, Russia
Email: o.s.porshneva@urfu.ru

WORKERS' BEHAVIORAL PRACTICES ON THE EVE OF FEBRUARY, 1917: ON THE PREREQUISITES FOR THE REVOLUTION

This article considers the role of the workers' movement, mass sentiments, and behavioral practices of workers in the development and resolution of the revolutionary crisis on the eve of February, 1917 in the context of the modern historiographical situation. The author analyses the main factors and manifestations of the aggravation of workers' protest moods and protest activity between mid-1915 and early 1917. It is established that the most urbanised strata of workers, primarily the metalworkers of Petrograd played a major role in the development of the political strike movement. The worsening of the socio-economic situation and the growth of protest activity of the mass strata of workers correlated. The labour movement also depended on the crisis of the upper strata more than on the agitation of revolutionary parties.
The author maintains that the workers' protest practices, which received an impulse in the autumn of 1916, were based on their idea of the need for a radical democratisation of the political system, the abolition of the autocratic regime, which became widespread in the working environment. While it was not the workers that played

a decisive role in overthrowing autocracy in February 1917, the author cautions against the underestimation of the role of workers as one of the main social actors of the Revolution. The soil for the overthrow of autocracy ripened in the mass sentiments of workers, their spontaneous movement, which the left parties rested on. Without the high activity of workers, the February events would not have become a popular movement.

K e y w o r d s: February Revolution of 1917; workers; workers' movement; revolutionary crisis; Russia; World War I.

Acknowledgements

The article is supported by the *Russian Science Foundation* (project 16-18-10106 "Early Soviet Society as a Social Project: Ideas, Realisation Mechanisms, and Construction Results").

Belova, I. B. (2011). *Pervaia mirovaia voina i rossiiskaia provintsiia. 1914 — fevral' 1917 g.* [World War I and the Russian Province. 1914 — February 1917]. Moscow: AIRO-XXI. (In Russian)

Galili, Z., Nenarokov, A., & Haimson, L. (Eds.). (1994). *Men'sheviki v 1917 godu* [The Mensheviks in 1917] (Vols. 1–3). (Vol. 1). Moscow: Progress-Akademiya. (In Russian)

Haimson, L., & Brian, E. (1992). Stachechnoe dvizhenie v Rossii vo vremia pervoi mirovoi voiny: kolichestvennyi analiz i interpretatsiia [The Strike Movement in Russia during the First World War: Quantitative Analysis and Interpretation]. In L. V. Milov (Ed.), *Rossiia i SShA na rubezhe XIX–XX vv. Matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniiakh* [Russia and the United States at the Turn of the 20th Century. Mathematical Methods in Historical Research] (pp. 79–113). Moscow: Nauka. (In Russian)

Kalashnikov, V. V. (Ed.). (2017). *Fevral'skaia revoliutsiia 1917 goda: Problemy istorii i istoriografii* [The February Revolution of 1917: Problems of History and Historiography]. St Petersburg: Izd-vo SPbGETU «LETI». (In Russian)

Kanishchev, V. V. (1995). *Russkii bunt — bessmyslennyi i besposhchadnyi. Pogromnoe dvizhenie v gorodakh Rossii v 1917–1918 gg.* [Russian Rebellion is Senseless and Ruthless]. Tambov: Izd-vo TGU. (In Russian)

Kiryanov, Yu. I. (1993). Massovye vystupleniia na pochve dorogovizny v Rossii (1914 — fevral' 1917) [Mass Actions Caused by High Prices in Russia (1914 — February 1917)]. *Otechestvennaya istoriya,* 3, 3–18. (In Russian)

Laverychev, V. Ya. (Ed.). (1982). *Rabochii klass Rossii. 1907 — fevral' 1917* [The Working Class of Russia. 1907 — February, 1917]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Lekomtsev, M. G. (1992). Formy bor'by rabochikh v Tsentral'nom promyshlennom raione Rossii i faktory ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiia v gody pervoi mirovoi voiny (iiul' 1914 – fevral' 1917 g.) [Forms of Struggle of Workers in the Central Industrial Region of Russia and Factors of Economic and Political Development during the First World War (July 1914 — February 1917)]. In L. V. Milov (Ed.), *Rossiia i SShA na rubezhe XIX–XX vv. Matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniiakh* [Russia and the United States at the Turn of the 20th Century. Mathematical Methods in Historical Research] (pp. 142–154). Moscow: Nauka. (In Russian)

Nefedov, S. A. (2016). Astoria. *Novyi mir*, 10, 142–150. (In Russian)

Nefedov, S. A. (2017). O Fevral'skoi revoliutsii i «zagovore Guchkova» [About the February Revolution and the "Guchkov Conspiracy"]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 9, 2/1. Retrieved from http://www.hist-edu.ru. (In Russian)

Paramonov, V. N. (2014). Kachestvo zhizni rossiian v voennyi period 1914–1918 gg.: istoriograficheskii aspekt [The Quality of Life of Russians during the Military Period between 1914 and 1918: Historiographical Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya, 5*, 39–51. (In Russian)

Petrov, Yu. A. (2017). Rossiia nakanune Velikoi revoliutsii 1917 g.: sovremennye istoriograficheskie tendentsii [Russia on the Eve of the Great Revolution of 1917: Modern Historiographic Tendencies]. *Rossiiskaia istoriia*, 2, 3–16. (In Russian)

Semenova, E. Yu. (2016). *Rossiiskii gorod v gody Pervoi mirovoi voiny (na materialakh Povolzh'ia)* [The Russian City during the First World War (on the Materials of the Volga Region)]. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet. (In Russian)

Received on 22 June, 2017

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.043
УДК 94(47)“1917.10.25” + 329.14 + 316.343-058.14 + 316.323.72

А. В. Антошин
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА: АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОКТЯБРЯ 1917 г. В ВОСПРИЯТИИ ДЕЯТЕЛЕЙ МЕНЬШЕВИСТСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ*

Статья посвящена идейному наследию послеоктябрьского меньшевизма. Цель данной статьи — проанализировать восприятие деятелями меньшевистской социал-демократии социальных процессов в Советской России в 1917–1922 гг. В основе методологических установок автора данной статьи лежат подходы, характерные для «новой социальной истории». Источниками для написания статьи послужили материалы многотомной серии документов по истории меньшевизма, подготовленной в 1990–2000-е гг. международной рабочей группой во главе с З. Галили и А. П. Ненароковым. Кроме того, использованы некоторые личные письма меньшевиков, которые хранятся в Гуверовском архиве войны, революции и мира (Стэнфорд, США). На основе проведенного исследования сделан вывод о том, что именно меньшевики одними из первых заметили и проанализировали специфику того общества, которое формировалось в Советской России. Их работы и личные письма отличались глубоким анализом тех процессов, которые протекали внутри российского рабочего класса, они высказывали интересные идеи, касающиеся трансформации ценностных и психологических установок русской интеллигенции. На страницах произведений российских социал-демократов проступали контуры формирования нового советского человека с его специфической психологией и моделями поведения. Уже к началу 1920-х гг. меньшевиками был сделан вывод о том, что демократической оппозиции будет крайне трудно работать в условиях формирующегося советского общества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: меньшевики; Октябрь 1917 г.; советское общество; пролетариат; советский человек.

Вопрос о социалистической небольшевистской альтернативе в русской революции неизбежно затрагивается почти в любой работе, посвященной событиям 1917 г. При этом достаточно давно исследователи пришли к выводу о том, что, в частности, послеоктябрьский меньшевизм интересен прежде всего глубиной проведенного его представителями анализа процессов, протекавших внутри советского общества. Как метко пишет известный венгерский историк Т. Краус, «у меньшевиков не было адекватных политических ответов, но были

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ — отдел гуманитарных и общественных наук, проект № 17-21-07002а(м) «“Человек советский” в амбивалентной рецепции венгерской и русской гуманитаристики XX–XXI вв.».

© Антошин А. В., 2017

адекватные вопросы и адекватный анализ» [Краус, с. 43]. Одними из первых российские социал-демократы заметили и проанализировали и феномен трансформации российского рабочего класса в 1917–1921 гг., и изменение психологии русской интеллигенции, и формирование новой советской экономической и политической элиты. Именно на страницах работ лидеров российской социал-демократии уже в годы Гражданской войны и в начале НЭПа проступали контуры формирующегося нового общества и его социальных групп. Поэтому обращение к этим работам, так же, как и к личной переписке видных деятелей меньшевизма, представляет значительный интерес для исследователя.

Как известно, в советской историографии при характеристике феномена послеоктябрьского меньшевизма доминировал обличительный подход [Непролетарские партии России; Подболотов, Спирин]. Немалый вклад в осмысление истории российской социал-демократии внесли зарубежные ученые [Brovkin; Liebich; The Mensheviks]. Нельзя не отметить проведенную в 1990–2000-е гг. работу международной исследовательской группы по изданию документов, посвященных истории меньшевизма. Огромный вклад в осуществление этого многотомного проекта внесли российский историк А. П. Ненароков и израильская исследовательница З. Галили. Опираясь на результаты этого проекта, современные исследователи имеют возможность проанализировать различные проблемы истории меньшевизма, в том числе и восприятие его лидерами вопроса о формировании нового общества и человека в условиях Советской России.

Для понимания того, как начиналось формирование специфики психологии советского человека, важным является вопрос о социальной базе событий Октября 1917 г., о том, какие силы привели большевиков к власти. В первые месяцы советской власти среди меньшевиков была весьма популярна идея о том, что ключевой опорой нового режима были солдаты. Об этом много говорилось на Чрезвычайном съезде РСДРП, прошедшем в ноябре-декабре 1917 г. Так, Н. А. Рожков (впоследствии — один из основателей Уральского университета) назвал события Октября 1917 г. «революцией солдат». По его мнению, именно это обстоятельство обусловило не только «размах» этих событий, но и «глубину социального захвата» [Меньшевики в 1917 г., с. 396]

При этом оформившееся в 1917 г. в РСДРП правое крыло, возглавляемое А. Н. Потресовым, полагало, что солдатские массы отличались традиционализмом мышления. Их склонность к насилию и силовым методам решения социально-политических проблем и привели к тому, что в результате октябрьских событий были ликвидированы демократические институты, возникшие после Февральской революции. Поэтому известный правый меньшевик А. Э. Дюбуа и оценивал захват власти большевиками как «солдатский бунт против Революции» [Там же, с. 394]. При этом важным было замечание другого известного правого меньшевика, М. И. Либера, о том, что некорректен господствовавший в 1917 г. взгляд на солдат как на отдельную социальную группу. На практике это было «случайное единство, созданное войной» [Там же, с. 378]. Однако

начавшаяся после Октября 1917 г. Гражданская война привела к тому, что милитаристские тенденции в общественной жизни и психологии масс не только не исчезли, но даже усилились.

Лидеры правого крыла меньшевизма наиболее четко отмечали также тенденции к архаизации российского социума, проявившиеся после взятия власти большевиками. Даже социальные опоры нового режима, по мнению правых меньшевиков, поразительно напоминали режим русских царей. «Новое самодержавие Ленина, — подчеркивал известный правый меньшевик Ст. Иванович, — держится на том же невежестве, той же забитости верных ему групп солдат и рабочих» [Меньшевики в 1917 г., с. 290]. «В этом перевороте гораздо больше не Европы, а Азии», — очень емко высказался по поводу событий Октября 1917 г. А. Н. Потресов на Чрезвычайном съезде РСДРП [Там же, с. 389].

Заметим, что даже некоторые представители левоцентристского руководства РСДРП, пришедшего к власти на Чрезвычайном съезде, признавали: значительная роль солдат в этих событиях оказывала влияние на формирование политической элиты нового режима, ее ценностные и психологические установки. Ф. И. Дан, например, оценивая Октябрь 1917 г., писал о «деклассированном характере» этих событий. В письме П. Б. Аксельроду в январе 1918 г. он заметит: «Под видом диктатуры пролетариата царит диктатура люмпенов в солдатских шинелях» [Меньшевики в 1918 г., с. 109].

За солдатами, по мнению меньшевиков, в Октябре 1917 г. пошли и многие рабочие, особенно молодежь. Как отмечалось в обращении Чрезвычайного съезда «Ко всему Интернационалу», большевики «развращали» души молодых рабочих-красногвардейцев, поручая им «грязные полицейские и шпионские функции и делая их орудием тирании» [Меньшевики в 1917 г., с. 506]. При этом Ф. И. Дан в письме П. Б. Аксельроду в декабре 1917 г. указывал на то, что Красная гвардия представляла собой не «вольные рабочие дружины», а оплачиваемые («до 30 рублей в день!») банды вооруженной рабочей молодежи, к которым примыкали обычные хулиганы. Именно это вело к тому, что в рабочих кварталах к концу 1917 г. царила атмосфера запуганности, «как в худшие времена самой жестокой реакции» [Там же, с. 533]. А к февралю 1918 г. теоретический орган РСДРП журнал «Рабочий Интернационал» фиксировал «растворение» пролетариата в «бунтарской стихии деклассированных солдатско-крестьянских масс» [Меньшевики в 1918 г., с. 223].

Как известно, Первая мировая война нанесла серьезный удар по российскому рабочему классу. Немалый вклад в осмысление этой проблемы внес известный уральский историк М. А. Фельдман. В его работах показано, что призывы в армию, приход на производство большого количества недавних выходцев из деревни вели к резкому уменьшению слоя потомственных пролетариев, имевших специфическую психологию [Фельдман, с. 97]. Как полагали меньшевики, провозглашение большевиками рабочего контроля на производстве являлось новым фактором, разрушавшим прежний российский пролетариат. В докладе И. М. Майского на Чрезвычайном съезде РСДРП отмечалось, что рабочий

контроль раскалывал пролетариат на конкурирующие группы, вел к столкновению чернорабочих с другими категориями [Меньшевики в 1917 г., с. 484]. Уже к январю 1918 г. можно было говорить о том, что прогнозы И. М. Майского начинают сбываться. На Московской областной конференции РСДРП Центральной области отмечалось разрушение «классовых организаций пролетариата», нацеленность рабочих на так называемые «непосредственные захваты» заводского имущества [Меньшевики в 1918 г., с. 147]. Бесспорно, этому способствовали и те условия, в которых жили российские рабочие в 1917–1918 гг. Сокращение производства, продовольственные трудности вели к тому, что многие рабочие оказывались на грани физического выживания. На упомянутой выше январской 1918 г. конференции организаций РСДРП Центральной области делегаты из разных мест рисовали картины отчаянного положения, в котором оказались российские пролетарии. Представитель Тулы, например, рассказывал: «Безработица усиливается... Топлива нет... Живем тем, что захватываем вагоны с хлебом, идущие в столицы» [Там же, с. 154].

При этом представление о том, что большевистский режим отражал настроения большинства пролетариата, отстаивалось руководством меньшевиков еще очень долго. Весной 1918 г. меньшевистская газета «Новый луч» подчеркивала, что именно в этом и состояла «исключительная зловредность» режима Ленина: «мелкобуржуазная диктатура над рабочим классом осуществляется не через посредство людей, вышедших из другой социальной среды, а через посредство рабочих же» [Там же, с. 333]. Именно поэтому руководство меньшевистской партии и полагало бессмысленной вооруженную борьбу против большевизма: надо, чтобы пролетариат сам «разделался с максималистскими и анархистскими иллюзиями» [Там же, с. 165].

По мнению меньшевиков, к середине 1918 г. уже можно было говорить о начале отхода рабочих от большевиков. Этот процесс происходил в условиях ухудшения экономической ситуации, обострения продовольственных трудностей в городах, что создавало крайне тяжелую атмосферу в рабочих коллективах. «Голод, безработица, атмосфера бесправия, общая разруха порождают все больше и больше раздражение, озлобление и ненависть к тем, кто так много сулил», — заявлялось на Пленуме РСДРП Центральной области в мае 1918 г. [Там же, с. 436]. При этом сами лидеры РСДРП прекрасно понимали, что этот процесс носил крайне сложный характер, происходил крайне болезненно и медленно, а главное, не означал того, что от большевизма рабочие последовательно перешли на демократические позиции. Достаточно корректно, думается, охарактеризовал эту тенденцию известный правый меньшевик К. М. Ермолаев, который в июне 1918 г. писал П. Б. Аксельроду, что вначале пробужденные большевиками «эгоистические инстинкты» рабочих «жаждали удовлетворения». Рабочие верили в то, что их желания будут удовлетворены путем обещанного «додушения буржуазии». «И лишь когда рабочие увидели, что вместо этого додушения они получили додушение промышленности, а следовательно, и самого себя как класса наемных рабочих, они, оторопевши, остановились в своем

сочувствии большевикам» [Меньшевики в 1918 г., с. 556]. Однако, результатом этого был отнюдь не поворот пролетариата в сторону меньшевизма, как бы хотелось многим лидерам РСДРП. Сам К. М. Ермолаев справедливо отмечал, что на практике уже к лету 1918 г. можно было наблюдать апатию и разочарованность, царившие в рабочих коллективах. Господствующее настроение можно было выразить так: «А ну вас всех, и большевиков, и меньшевиков, к черту со всей вашей политикой!» [Там же].

Впрочем, говоря о социальных опорах большевистского режима, некоторые меньшевики высказывали и весьма оригинальные концепции. Так, правый меньшевик И. Дементьев (Кубиков) оценивал большевизм как «движение радикальной деревенщины», которая во Франции XIX в. привела к власти Наполеона III. В связи с этим он еще в конце 1917 г. предрекал «замену олигархии монархией», поскольку, по его мнению, почва для «демократического цесаревича» была уже готова [Меньшевики в 1917 г., с. 518].

И здесь встает вопрос о той роли, которую меньшевики отводили в событиях Октября 1917 г. крестьянству. По мнению Ф. И. Дана, Первая мировая война обусловила «непропорционально большую» роль крестьянства в общественной жизни России [Меньшевики в 1918 г., с. 304]. Конечно, здесь сказывалось традиционно критическое отношение меньшевистского крыла российской социал-демократии к крестьянству и его революционному потенциалу. Неслучайно для А. Н. Иоффе, например, преобладание в России крестьянства естественно сочеталось с представлением о «малокультурности» страны к октябрю 1917 г. [Там же, с. 121]. Для Ф. И. Дана типичный крестьянин был «хозяйчиком», «мелким буржуа», отстаивающим «зубами и когтями свою собственность» [Там же, с. 195]. В то, что такой человек может стать опорой подлинно социалистических преобразований в России, лидеры меньшевиков не верили.

Мероприятия большевиков ускорили процесс перемещения «центра тяжести хозяйственной жизни» из города в деревню, и тон этому движению задавала «крестьянско-мещанская» Россия, полагал известный меньшевик И. А. Исув [Там же, с. 296]. Пожалуй, особенно глубоким был анализ этой проблемы, сделанный А. Н. Потресовым. Он подчеркивал, что в самих событиях Октября 1917 г. можно четко увидеть противостояние «низовой» деревенской и городской «барской» культуры. Этим, по его мнению, воспользовались «тайные» и «явные» монархисты и черносотенцы, которые стремились обратить этот «слепой бунт» против городской культуры в погромное движение, направленное против интеллигенции и инородцев [Меньшевики в 1917 г., с. 325]. В этом вопросе с ним во многом был солидарен и Ф. И. Дан, писавший о подчинении очагов европейской культуры в России «убогой деревне» [Меньшевики в 1918 г., с. 104].

Уже через год после взятия власти большевиками можно было говорить не только об исчезновении очагов «городской культуры», но и о процессе дезурбанизации в России. Значительная часть фабрик и заводов закрылась, уже к концу 1918 г. фиксировался массовый уход рабочих в деревню. Из меньшевистских лидеров наиболее емко об этом процессе выразился видный деятель Одесской

организации РСДРП В. М. Коробков: «Оторванный от своей экономической базы, пролетариат политически не существует. До тех пор, пока не задымятся фабрики и заводы, первого актера революции — пролетариата — на сцене ее не будет» [Меньшевики в 1919–1920 гг., с. 75]. К весне 1919 г., по мнению И. П. Гольденберга, можно было говорить о стремительном превращении России в «земледельческую страну с отсталым натуральным хозяйством» [Там же, с. 141].

В этих условиях большевики стремились создать себе социальную базу из некоторых ранее маргинальных групп фабрично-заводского населения России. Позднее Ю. О. Мартов отметит, что восстания в «белогвардейском» тылу зачастую устраивались массами «культурно-отсталых» пролетариев, чернорабочих. Многие из них шли добровольцами в Красную Армию. Это были те слои российского пролетариата, которые почти не участвовали в дореволюционном рабочем движении: «Их внезапно “раскачала” анархия первого периода большевистской революции и, разжегши в них впервые смутные классовые инстинкты, сделала “социально-активными”» [Меньшевики в 1921–1922 гг., с. 184]. В 1919–1920 гг. большевики активно использовали также потенциал таких групп, как женщины-работницы и рабочая молодежь. Почти полное исчезновение кадров потомственных рабочих в итоге привело к тому, что именно эти группы стали доминировать среди фабрично-заводского населения Советской России. Неслучайно М. А. Фельдман позднее напишет о «феминизации и омоложении трудовых коллективов», которые произошли к началу 1920-х гг. [Фельдман, с. 97]. Женщины-работницы, как указывал Ю. О. Мартов в письме П. Б. Аксельроду, втягивались в политику «средствами государственного механизма» (организация властью разнообразных курсов, культурно-просветительских учреждений и т. д.). Что же касается рабочей молодежи, то даже оппонент партии В. И. Ленина вынужден был отметить, что большевики «очень много возятся с молодежью»: «Частью они ее развращают ужасно, но частью наполняют элементарным энтузиазмом и фанатизмом» [Меньшевики в 1921–1922 гг., с. 184].

Наряду с политикой террора, проводимой большевиками по отношению к своим оппонентам, эти процессы оказывали решающее влияние на формирование социокультурного и морально-психологического типа нового советского человека. Лидеры меньшевиков, которые вели многолетнюю борьбу против правительства еще в условиях Российской империи, с тревогой фиксировали, что в новых условиях оппозиционная деятельность становится практически невозможна. Иным стало российское общество, изменились люди. Уже к осени 1918 г. начинала формироваться та специфика советского общества, о которой затем в течение многих лет будут писать западные советологи и отечественные диссиденты. В октябре 1918 г. Ю. О. Мартов указывал в письме А. Н. Штейну:

> В отличие от царистских времен, нельзя даже «уйти в подполье» для сколько-нибудь плодотворной работы, ибо теперь уже не только жандармы, дворники и прочие следят за «неблагонадежностью», но и часть самих обывателей (коммунисты

и причастные к советской власти) видят в доносе, сыске и слежке не только доброе дело, но и выполнение высшего долга [Меньшевики в 1918 г., с. 644].

В условиях революции и Гражданской войны кардинально менялись нравственные и психологические установки российской интеллигенции – традиционной опоры демократических сил. Пройдя, по выражению известного меньшевика Д. Ю. Далина, через «революционную мясорубку», типичный российский интеллигент серьезно изменился. Условия жизни, тяжелейшие испытания, которые довелось пережить этому человеку, кардинально меняли его ценностные ориентиры. Д. Ю. Далин писал:

> Он голоден, как всегда был голоден интеллигент, но теперь он о голоде не забывает ни на минуту... И он вдруг почувствовал, как хорошо и приятно быть богатым... Он считает копейки, но уже не с ненавистью, а с завистью и уважением говорит о миллионерах, и за лишнюю сотню готов найти нужные принципы... И чего вы хотите от него? У него ребенок умер от истощения, брат болен сыпным тифом, жена слаба... [Меньшевики в 1919–1920 гг., с. 206].

Фактически, подчеркивал Д. Ю. Далин, интеллигент превращался во «всероссийского обывателя» — новый тип личности, становившийся продуктом революционной эпохи. В 1919–1920 гг. на авансцену выходили те, кого меньшевистский публицист назвал «новой буржуазией», — спекулянты, мешочники, подрядчики для нужд РККА и т. д. Эти люди, пройдя через разнообразные испытания, тоже находили себе место в новом обществе. Д. Ю. Далин очень ярко рисовал психологический портрет такого человека:

> Все эти люди с убогой жизнью в давнопрошедшем и с темными пятнами на недавнем прошлом... Они вчера только начали жить... Они не обучались ни в гимназиях, ни в университетах, но они хорошо знают четыре правила арифметики. Они — авантюристы большой руки... Они с презрением относятся к демократизму и демократии, ибо знают, что они за деньги могут все и всех купить [Там же, с. 203].

На последнее замечание нужно обратить особое внимание. Уже к 1919 г. наиболее проницательные лидеры меньшевиков осознали: новый советский человек не может стать базой для формирования демократической оппозиции. Ценностные установки «всероссийских обывателей» были совершенно не ориентированы на построение в России демократии западного типа. В январе 1919 г. видный меньшевик И. С. Астров (через три года он умрет от сыпного тифа в пересыльной тюрьме) с горечью заметил: «В народных массах нет подлинной тяги к народовластию» [Там же, с. 75].

Конечно, правые меньшевики обращали внимание на серьезное противоречие, которое существовало между упомянутыми выше ценностными установками «всероссийского обывателя» и декларируемыми большевиками принципами построения нового общества. Поэтому одесская газета «Грядущий день» предрекала, что рано или поздно «мужицкое, буржуазное бытие» России подчинит себе ее «пролетарское, коммунистическое сознание» — и тогда большевистский

режим рухнет [Меньшевики в 1919–1920 гг., с. 157]. Однако «за кадром» оставался вопрос о том, какой будет та Россия, во главе которой встанет в этом случае «новая буржуазия»? Насколько она будет соответствовать отстаиваемому меньшевиками демократическому идеалу?

К тому же большевики, естественно, не собирались упускать власть из своих рук. Тем более, что к концу Гражданской войны именно в руках государства находились основные экономические рычаги в Советской России. Система пайков становилась ключевым инструментом социального регулирования, именно она и определяла фактически возможности выживания для советского человека. Получаемые многими рабочими и служащими пайки становились главными источниками средств к существованию. Как отмечал в июне 1920 г. в одном из личных писем Ю. О. Мартов, только этот паек и позволял служащим «сводить концы с концами». При этом часть рабочих и служащих, а также «бывшие», не получавшие паек, «форменно голодали». Уже через три года после взятия власти большевиками налицо была реальная социальная поляризация советского общества, имевшая огромные масштабы. Партийная и государственная элита, по словам Ю. О. Мартова, «жировала». Он писал о существовании в голодной Советской республике санаториев, где «рис, масло, балыки, осетрина и икра — обычный предмет питания» [Там же, с. 538]. В таких условиях вести оппозиционную деятельность становилось еще труднее. У большевистского режима оказывался важнейший инструмент давления на советского человека — паек, лишение которого означало голод и нищету.

Условия жизни, система пайков вели к тому, что раскол проходил внутри российской интеллигенции, на которую традиционно было обращено внимание не только меньшевиков, но и других оппозиционных сил. Рядовой служащий, по словам видного меньшевика Р. А. Абрамовича, летом 1920 г. получал в месяц 2–4 тысячи рублей, в то время как фунт черного хлеба стоил 450 рублей, а пара сапог — 20 тысяч рублей! В этих условиях паек, конечно, становился единственной реальной гарантией выживания. При этом привилегированным группам бюрократии обеспечивалось благополучное существование при условии, что они «отказываются от своих политических убеждений». «Люди просто покупаются», — прямо указывал известный меньшевик. В этих условиях идеалом в новом советском обществе уже к концу Гражданской войны становился хороший специалист (инженер, врач и т. д.), который знает свою специальность и не вмешивается в политику. «Своего рода “политический евнух”», — зло заметил Р. А. Абрамович. В результате, по его словам, все должности и в государственных учреждениях, и в РККА оказывались заняты «беспринципными, коррумпированными, антисоциальными элементами, которым на все на свете, включая их работу, “наплевать”, и которые пекутся только о своем жаловании и о своих привилегиях» [Там же, с. 596].

Начало НЭПа еще более усилило эти тенденции в развитии советского общества. Уже осенью 1921 г. Ю. О. Мартов характеризовал возникавшее новое общество как «насквозь буржуазно-индивидуалистическое» [Меньшевики

в 1921–1922 гг., с. 365]. Очевидно, определенная доля преувеличения в этой оценке была, однако тенденция угадывалась достаточно четко. Кардинально изменились и социальный облик, и психологические установки того самого российского пролетариата, под лозунгом защиты интересов которого осуществлялась большевистская революция. Летом 1922 г. газета «Рабочий листок» (нелегальный орган Петроградской организации РСДРП) вопрошала:

> Где питерский рабочий, совершивший революцию? Его нет, нет даже и признаков, что он скоро будет... Вот самый промышленный рабочий — Выборгская сторона. Не видно дыма из заводских труб, не слышно стука машин и станков... Рабочий день доходит до 16 часов в сутки — 8 часов на заводе и 8 часов на стороне. После завода рабочие работают кто у кустаря, кто у себя дома, кто у нанимателя, на огородах и проч. Иначе не обойтись — на заводское жалование не проживешь, особенно с семьей [Меньшевики в 1921–1922 гг., с. 526].

Эта ситуация, как указывали находившиеся к этому времени в подполье остатки питерских социал-демократов, не могла не оказывать влияния на настроения рабочих. Произошло «физическое и нравственное вырождение» рабочего класса. Тот социальный слой, который еще за пять лет до этого рассматривался как гегемон общественного движения, уже в начале 1920-х гг. находился в состоянии глубокой апатии. «Собрание кончается так же бессловесно, как началось... Повсюду полнейший индифферентизм», – констатировали социал-демократы [Там же].

По мнению меньшевистских лидеров, говорить в этих условиях о пролетарском характере советского государства было невозможно. Проблема состояла в том, что объективное развитие социально-экономических процессов неизбежно вело к возвращению прежних, дореволюционных моделей взаимоотношений власти и рабочего класса. «Чем более будет усложняться народное хозяйство, — указывал Ю. О. Мартов, — чем более будет дифференцироваться общественная среда и более многообразными станут сталкивающиеся между собой социальные интересы — тем реже будут случаи, когда государственно-партийный аппарат сможет односторонне и энергично защищать интересы наемных рабочих против интересов других групп, тем чаще ему придется выступать не в роли «печальника» пролетариата, а в роли регулятора, примирителя, посредника, а подчас и в роли усмирителя пролетариев» [Там же, с. 430]. Отмеченные выше процессы в среде новой советской элиты, усиление тенденций ее коррумпированности неминуемо вели к утрате всякой внутренней связи между представителями бюрократии и теми социальными группами, из которых они вышли.

Дальнейшее развитие советского общества полностью подтвердило этот прогноз лидеров российской социал-демократии. Даже оказавшись в эмиграции, меньшевистские лидеры не переставали внимательно следить за процессами, протекавшими внутри советского общества. В 1930–1950-е гг. они фиксировали, как постепенно люди свыкались с мыслью о неизбежности репрессий, уже без удивления встречали известия о громких «делах», открытых против видных

партийных и государственных руководителей. «Приучены» – так напишет об этом сестра Ю. О. Мартова Л. О. Дан [HIA, Boris I, Nicolaevsky collection, Ser. 248, Box 477, Folder 8, Л. О. Дан — Б. И. Николаевскому, 06.07.1957]. Известный меньшевистский историк Б. И. Николаевский полагал, что эволюция советского общества привела к тому, что и «быт был загнан фактически в казарменный уклад военных поселений» [Ibid., Box 476, Folder 24, Б. И. Николаевский — Д. И. Чижевскому, 21.12.1957]. При этом он отмечал, что постепенно возраставший разрыв в уровне жизни между простым народом и привилегированной частью интеллигенции (власть «прикармливала» «инженеров душ» [Ibid., Box 480, Folder 6, Б. И. Николаевский — Е. И. Гаранину, 13.10.1964]) создавал атмосферу напряженности внутри общества. Но прежде всего меньшевики подчеркивали: многие из этих тенденций просматривались уже в 1917–1922 гг. Уже в первые годы после взятия власти большевиками начинали формироваться контуры нового советского человека.

Поэтому, думается, все-таки не совсем прав был представитель более молодого поколения меньшевиков Б. М. Сапир, отмечавший консерватизм мышления старых русских социал-демократов, которых отличал «подход к событиям в Советском Союзе с традиционной точки зрения, вернее, с точки зрения того, что считалось марксизмом в XIX в. Механизм борьбы различных сил в государстве втискивался в логичные формулы, в т. н. законы развития. Последние доказывали неизбежность роста сил пролетариата и конечной его победы» [Сапир, с. 6]. Как показывает проведенный нами анализ творческого наследия меньшевистских лидеров, тот факт, что в принципиально новых условиях эти закономерности не работали, а политическое сознание пролетариата находилось под жестким контролем господствующей идеологии, стало ясно меньшевикам довольно рано, уже в первые годы Советской власти.

Источники

Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2 : От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря / отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М. : РОССПЭН, 1997.

Меньшевики в большевистской России / Меньшевики в 1918 году / отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М. : РОССПЭН, 1999.

Меньшевики в большевистской России / Меньшевики в 1919–1920 гг. / отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М. : РОССПЭН, 2000.

Меньшевики в большевистской России / Меньшевики в 1921–1922 гг. / отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М. : РОССПЭН, 2002.

HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Ser. 248. Box 476. Folder 24; Box 477. Folder 8; Box 480. Folder 6.

Исследования

Краус Т. Советский термидор. 1917–1928. Будапешт : Венг. ин-т русистики, 1997.

Непролетарские партии России: Урок истории / под общ. ред. И. И. Минца. М. : Мысль, 1984.

Подболотов П. А., Спирин Л. М. Крах меньшевизма в Советской России. Л. : Лениздат, 1988.

Сапир Б. Проблемы русского социализма // Против течения. Нью-Йорк, 1952. Сб. 1. С. 4–6.

Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001.

Brovkin V. Behind the Front Lines of the Civil War. Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922. Princeton, New Jersey : Princeton Univ. Press, 1994.

Liebich A. From the Other Shore: Russian Social-democracy after 1921. Cambridge, Mas. : Harvard Univ. Press, 1997.

The Mensheviks: From the Revolution of 1917 to the Second World War / ed. by L. Haimson. Chicago : Chicago Univ. Press, 1974.

Статья поступила в редакцию 13.06.2017

Антошин Алексей Валерьевич
доктор исторических наук, профессор
кафедры востоковедения
Уральский федеральный университет
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: alex_antoshin@mail.ru

Antoshin, Alexey Valeryevich
Dr. Hab. (History), Professor
Chair of Oriental Studies
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620083 Yekaterinburg, Russia
Email: alex_antoshin@mail.ru

THE ORIGINS OF THE SOVIET PERSON: THE ANTHROPOLOGICAL DIMENSION OF OCTOBER 1917 AS PERCEIVED BY MENSHEVIK SOCIAL DEMOCRATS

This article is devoted to the ideological heritage of post-October Menshevism. The author aims to analyse the perception of social processes in Soviet Russia between 1917 and 1922 by Menshevik social democrats. The methodological approaches of this article are based on the principles of new social history. The analysis relies on the materials of a multi-volume series of documents on the history of Menshevism published by the International Working Group of scholars headed by Ziva Galili and Albert Nenarokov between the 1990s and 2000s. The author also uses some personal letters of Mensheviks deposited at the Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (Stanford, USA). Referring to the research carried out, the author concludes that it was the Mensheviks who were among the first to write about the specific characteristics of the society that emerged in Soviet Russia. Their personal letters and articles contained deep analyses of social transformations taking place among Russian workers and intellectuals, as well as the values and psychological attitudes of these social groups. Menshevik social democrats described the formation of a new Soviet person, and their specific psychology. As early as by the beginning of the 1920s, the Mensheviks had concluded that it would be very difficult for the democratic opposition to organise propaganda activity in the new Soviet society.

K e y w o r d s: Mensheviks; October 1917; Soviet society; proletariat; Soviet person.

Acknowledgements

The research is supported by the *Russian Foundation for Basic Research* — Department of Humanities and Social Sciences, project 17-21-07002a(m) "'Homo soveticus' as ambivalently received phenomenon in Hungarian and Russian humanities of 20th–21st centuries".

Brovkin, V. (1994). *Behind the Front Lines of the Civil War. Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Feldman, M. A. (2001). *Rabochie krupnoy promyshlennosti Urala v 1914–1941 godah* [Workers of Ural Large-scale Industry between 1914 and 1941]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Haimson, L. (Ed.). (1974). *The Mensheviks: From the Revolution of 1917 to the Second World War*. Chicago: Chicago University Press.

Krausz, T. (1997). *Sovetsky termidor. 1917–1928* [Soviet Thermidor. 1917–1928]. Budapest: Vengersky institut rusistiki. (In Russian)

Liebich, A. (1997). *From the Other Shore: Russian Social-democracy after 1921*. Cambridge, Mas.: Harvard University Press.

Minz, I. I. (Ed.). (1984). *Neproletarskie partii Rossii: Urok istorii* [Russian Non-proletarian Parties: A Lesson of History]. Moscow: Mysl'. (In Russian)

Podbolotov, P. A., & Spirin, L. M. (1988). *Krah menshevisma v Sovetskoy Rossii* [The Collapse of Menshevism in Soviet Russia]. Leningrad: Lenizdat. (In Russian)

Sapir, B. M. (1952). Problemy russkogo socializma [The Problems of Russian Socialism]. *Protiv techenija*, *1*, 4–6. (In Russian)

Received on 13 June, 2017

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.044
УДК 94(47)“1917/18” + 355.322 +
+ 347.793-057.175

А. П. Павленко
Российский государственный профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия

ОФИЦЕРЫ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ КОМИТЕТАХ ФЛОТОВ И ФЛОТИЛИЙ В 1917–1918 гг.

Статья посвящена деятельности и судьбам офицеров, входивших в состав центральных комитетов флотов в период Революции 1917 г. и на начальном этапе Гражданской войны. В исследовании используется просопографический метод, создана специальная база данных. Для реконструкции биографий офицеров был привлечен широкий круг исторических источников и литературы. Изучение общественной деятельности офицеров в 1917 г. базируется на анализе опубликованных и архивных делопроизводственных документов, дополненных данными мемуаров. В ходе исследования выявлено, что представители командного состава заняли ряд руководящих должностей в структуре комитетов, ряд офицеров занимались активной общественно-политической деятельностью. Среди офицеров-делегатов преобладали молодые люди, кадровые военные составили две трети от общего числа. Среди изучаемых лиц было много чинов по Адмиралтейству, занимавших низшее место в иерархии морских офицеров. Можно выделить следующие причины участия командного состава в работе комитетов: стремление адаптироваться к новой обстановке и реализовать свои политические взгляды; карьеризм; служебный долг офицера — желание направить работу выборных учреждений в умеренное русло и сохранить флот от развала.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Революция 1917 г.; флот; демократизация вооруженных сил; офицеры; комитеты; просопография.

В ходе Революции 1917 г. вооруженные силы охватила так называемая «демократизация», включавшая создание выборных органов управления воинскими подразделениями и кораблями. Начало этому процессу положил знаменитый приказ № 1 Петроградского совета. Формирование выборных институтов охватило и армию, и флот. В результате в военно-морских силах были созданы не только отдельные судкомы, но и центральные комитеты флотов, игравшие роль главных политических организаций на каком-либо объединении кораблей. Авторитет и влияние этих органов было велико, причем еще до прихода к власти большевиков некоторые из них стали подменять собой командование флотом. Так было на Балтике, где важнейшую роль играл Центробалт.

Закономерно, что деятельность этих институтов революционного флота привлекает внимание историков. В первую очередь это относится к советскому времени, когда функционирование центральных комитетов флотов разбиралось в ряде научных работ [Хесин; Измайлов, Пухов; Шангин], им были посвящены

© Павленко А. П., 2017

публикации источников [Протоколы и постановления...; Балтийские моряки...; Военные моряки..., 1982; Военные моряки..., 1989]. Обращаются к этой теме и современные исследователи [Назаренко; Жалнин]. Однако из поля зрения историков выпал один важный вопрос. Создание изучаемых органов было связано с демократизацией флота, с активностью матросских масс; комитеты нередко противопоставляли себя командному составу. В то же время в структуре центральных комитетов было немало офицеров. В отечественной историографии не раскрыт вопрос, какую роль они играли в работе этих организаций.

Первые общефлотские выборные органы были созданы весной 1917 г. В марте 1917 г. на Дальнем Востоке были сформированы Центральный комитет Сибирской флотилии (Центрком) и Центральный комитет Амурской флотилии (Центрфламур)[1]. В апреле 1917 г. аналогичные институты были образованы на Севере — Центральный комитет флотилии Северного Ледовитого океана (Целедфлот), Центральный комитет Мурманского отряда кораблей (Центромур)[2] и связанный с ним Военный совет Мурманского района. В это же время в Гельсингфорсе приступил к работе Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт, ЦКБФ) [Хесин, с. 107, 110–113]. Этот орган сыграл большую роль в развитии революционных процессов на Балтийском флоте. Он занимал по ряду вопросов радикальные позиции, противопоставлял себя политике Временного правительства и командования флота, активно вмешивался в деятельность последнего [см. подробнее: Ховрин; Дыбенко; Измайлов, Пухов; Протоколы и постановления...].

В июне 1917 г. в Баку был создан Центрокаспий — Центральный комитет Каспийской флотилии [Военные моряки..., 1971, с. 343]. На Черном море роль общефлотского политического органа первоначально играл выбранный в марте 1917 г. Севастопольский Центральный военный исполнительный комитет, затем вошедший в состав Севастопольского совета. Специальная организация была сформирована позднее, чем на других объединениях кораблей. Центральный комитет Черноморского флота (ЦКЧФ) приступил к работе лишь в конце августа 1917 г. [Хесин, с. 311].

После прихода к власти большевиков на короткое время центральные комитеты флотов стали высшей властью на местах. Приказом по морскому ведомству от 6 декабря 1917 г. они получили функции оперативного управления, а должности командующих и штабы были упразднены (их полномочия перешли к военно-оперативным частям военных отделов ЦК флотов) [Морской сборник, 1918, № 1, с. 1]. На Черноморском флоте приказ ЦКЧФ № 3 от 1 января 1918 г. гласил, что с указанного времени командующий флотом именуется «временно исполняющий обязанности ответственного члена военно-оперативного отдела

---

[1] Несколько раз менял свое название: Исполнительный комитет Амурской флотилии, Центральный комитет Амурской флотилии, Центральный флагманский военный комитет Амурской флотилии [Военные моряки..., 1989, с. 400].

[2] Первоначально назывался «Объединенное собрание делегатов армии и флота».

ЦКЧФ». Вся переписка от имени бывшего командующего должна была иметь подпись представителя Центрального комитета флота [РГАВМФ, ф. Р-183, оп. 1, д. 8А, л. 1–1 об]. На Балтике в оперативное руководство флотом вступил военный отдел ЦКБФ, который возглавил левый эсер матрос Н. Ф. Измайлов и капитан 1 ранга А. А. Ружек в качестве военного специалиста [Протоколы и постановления..., с. 26]. Благодаря этим преобразованиям в состав военных отделов комитетов вошел ряд штабных офицеров. В нашей работе они не рассматриваются. Век коллективного командования флотами со стороны выборных учреждений оказался сравнительно недолог. С весны 1918 г. советская власть взяла курс на строительство вооруженных сил на регулярной основе, поэтому демократические органы, само существование которых находилось в противоречии с основами военной организации, начали упраздняться [Назаренко, с. 36].

В основу исследования деятельности офицеров в составе комитетов, помимо традиционных приемов исторической науки, положено использование просопографического метода. Суть его состоит в изучении массовых источников с целью создания на основе статистического анализа коллективных биографий определенных социальных групп [Юмашева, с. 96]. Нами была создана просопографическая база данных «Офицеры в Центральных комитетах флотов и флотилий в 1917–1918 гг.».

Всего в базе данных 55 представитей командного состава. В Центробалте всех пяти созывов выявлено 11 офицеров и классных медицинских чинов, кроме того, в 1917 г. в заседаниях комитета принимали участие еще пять офицеров в качестве представителей штаба (с правом совещательного голоса). В источниках по истории ЦКЧФ в настоящее время обнаружены сведения о 12 офицерах – делегатах этого учреждения. В составе ЦК флотилий выявлены: Целедфлот — 8 офицеров, Центрком — 7, Центрфламур — 5, Центромур — 3, а также 4 офицера в Военном совете Мурманского района.

В изучаемой совокупности преобладают обер-офицеры. Из них кадровых было 25 человек (45,5 %), офицеров военного времени – 19 (34,5 %). Штаб-офицеры имели всего 7 представителей (12,7 %), адмиральско-генеральский состав – 1 (1,8 %), классные медицинские чины – 3 (5,5 %). Обращает на себя внимание тот факт, что большинство составляли кадровые военные – 33 человека (60 %). В отечественной историографии принято считать, что в революционных органах власти были представлены, главным образом, офицеры военного времени. Эта категория командиров имела более демократическое социальное происхождение, обладала иным социальным опытом, психологией, ценностями. Но приведенные выше расчеты показывают, что в ЦК флотов ситуация несколько отличалась от общероссийской тенденции.

При анализе качественного состава делегатов (без учета пяти представителей штаба в ЦКБФ) отчетливо видно, что среди них преобладают чины по Адмиралтейству — 16 человек (32 %). Если к ним прибавить еще 5 близких по статусу мичманов военного времени, из которых трое были произведены из прапорщиков флота, то получится внушительная цифра — 42 %. Самая многочисленная

категория морских офицеров — строевые — имела 15 представителей (30 %), инженер-механики — 9 (18 %). Из числа морских врачей было всего 3 делегата (6 %), из которых двое были кооптированы, офицеры военно-морского судебного ведомства были представлены одним человеком (2 %) (кооптирован как специалист-юрист). Единственный сухопутный офицер из изучаемой совокупности был в составе Военного совета Мурманского района — прапорщик Пулавский [Военные моряки..., 1982, с. 36].

В российском императорском флоте существовала иерархия офицерских чинов, в которой офицеры по Адмиралтейству занимали низшее место. В их среде было много лиц, выслужившихся из матросов. Прапорщики ускоренной подготовки военного времени также относились к этой категории. Как уже было указано выше, по своему происхождению и психологии они отличались от кадровых военных. Поэтому из числа чинов по Адмиралтейству, по сравнению с другими группами командного состава, вышло больше всего делегатов ЦК флотов.

Строевые офицеры, напротив, занимали высшее место в указанной иерархии. Они были сплоченной корпорацией, по преимуществу дворянами, впитавшими за время обучения и службы существующие на флоте традиции и нормы службы. Большая часть из них отрицательно относилась к демократизации флота, так как это противоречило основам основ военной организации — единоначалию и дисциплине, подрывало боеспособность вооруженных сил и позиции офицеров, их возможность командовать подчиненными. Матросы в 1917 г. чаще всего конфликтовали именно со строевыми офицерами, закрепив за ними прозвище «золотопогонники», имевшее негативную коннотацию.

Данные о возрасте изучаемых лиц неполные. Известны даты рождения 43 человек (78,2 % от общего числа). После проведения систематизации по возрастным группам (с интервалом 5 лет) видно, что большинство офицеров представлено молодыми людьми в возрасте 21–35 лет (см. табл. 1). Средний возраст составил 31,6 лет.

Таблица 1

Возраст офицеров из состава ЦК флотов (1917–1918)[3]

Возраст, лет	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45	46–50
Количество, чел.	9	11	12	6	3	2

Офицерская молодежь оказалась политически более активна, она легче восприняла происходящие перемены и пыталась к ним как-то адаптироваться. Командиры старших возрастных групп были более консервативны в силу своего должностного положения, социального опыта, корпоративных традиций, и, как правило, неодобрительно относились к демократизации флота, справедливо

[3] Возраст рассчитан на 1 января 1918 г.

видя в ней разрушение главных принципов службы и военной организации. С другой стороны, сами матросы подчас подозрительно относились к ним, видя в них «сторонников старого режима».

Нередко офицеры играли заметную роль в работе центральных комитетов, занимая в них руководящие должности. Инженер-механик лейтенант Р. Р. Грундман был товарищем председателя ЦКБФ первого созыва, председателем, а затем товарищем председателя третьего созыва Центробалта. Секретарем комитета первого состава был инженер-механик мичман М. И. Савич-Заблоцкий [Протоколы и постановления..., с. 39, 105, 441]. В Центробалте третьего состава в августе-сентябре 1917 г. эти функции выполнял врач титулярный советник А. А. Солонский [Там же, с. 129–235]. В феврале 1918 г. выборный командир Черноморского флотского экипажа мичман военного времени С. С. Кнорус по результатам голосования возглавил ЦКЧФ [Зарубин, Зарубин, с. 322; РГАВМФ, ф. Р-183, оп. 1, д. 8А, л. 120]. Осенью 1917 г. секретарем данного комитета был мичман военного времени А. Н. Негачевский [РГАВМФ, ф. Р-181, оп. 1, д. 17, л. 393; Приказы командующего..., № 4801].

На флотилиях представительство офицеров в руководстве центральными комитетами было еще заметнее. Капитан по Адмиралтейству П. И. Калинин был председателем Центркома двух первых созывов (апрель-сентябрь 1917 г.). В первом составе этой организации его заместителями последовательно были два офицера — мичман Г. И. Чудинович и инженер-механик мичман И. Ф. Данилин. В третьем созыве комитета должность товарища председателя занимал подпоручик по Адмиралтейству А. Н. Муратов. Центрфламур в разные периоды возглавляли прапорщик Майстренко и лейтенант П. Н. Хижинский [Военные моряки..., 1989, с. 42, 50, 56, 61, 62, 78, 91].

На Севере председателем Целедфлота первого состава был штабс-капитан по Адмиралтейству В. Ф. Снарский, во втором составе помощником председателя был лейтенант А. А. Росовский. Центромур возглавляли инженер-механик лейтенант П. В. Алексеев и инженер-механик мичман В. Л. Бжезинский. Связанный с Центромуром Военный совет Мурманского района работал под председательством начальника Кольского района (согласно положению о военной организации Кольского гарнизона). Эту должность занимал капитан 1 ранга М. С. Рощаковский, затем — начальник Кольской базы генерал-майор флота А. А. Рыбалтовский [Военные моряки..., 1982, с. 34–37, 40, 47–49, 55, 60, 360].

В 1917 г. подавляющее большинство морских офицеров оставались беспартийными. Этот тезис справедлив и в отношении общественно активной части комсостава. В ходе исследования было выявлено всего несколько офицеров-делегатов ЦК флотов, состоящих в рядах политических партий. Большевиком с дореволюционным стажем был член ЦКЧФ прапорщик по Адмиралтейству К. Я. Зедин [Толстов, Столяренко, с. 448]. По воспоминаниям председателя Центробалта П. Е. Дыбенко, член этого же комитета инженер-механик мичман М. И. Савич-Заблоцкий сочувствовал идеям РСДРП(б) [Дыбенко, с. 66], однако в партии он не состоял. Вышеупомянутый мичман военного времени

С. С. Кнорус был эсером [Зарубин, Зарубин, с. 322]. Вероятнее всего, к социалистам-революционерам относился и ревизор крейсера «Адмирал Макаров» Л. К. Рубанин (ЦКБФ). Матрос Н. А. Ховрин вспоминал о нем: «Ярко выраженный оборонец, всецело преданный Временному правительству» [Ховрин, с. 105]. Информации о партийной принадлежности остальных офицеров-делегатов в настоящее время не выявлено. Вероятно, отчасти это связано с состоянием источниковой базы, поэтому предположим, что еще несколько лиц могли быть в рядах каких-либо политических союзов. Но в целом можно сказать, что большинство было беспартийным.

В составе демократических органов большой активностью отличался ряд офицеров. Прапорщик по морской части Карл Янович Зедин в конце августа 1917 г. был избран членом ЦКЧФ от Одессы и сразу же делегирован в Петроград в состав Центрального комитета всероссийского военного флота [РГАВМФ, ф. Р-181, оп. 1, д. 17, л. 289 об., 464 об.]. В ходе Октябрьского вооруженного восстания 25 октября 1917 г. он участвовал во взятии Зимнего дворца [Толстов, Столяренко, с. 449]. К. Я. Зедин вошел в Военно-морской революционный комитет (член военной секции и комиссар при Адмиралтействе), а затем — в политический отдел Верховной морской коллегии. Вскоре, 30 ноября 1917 г. прапорщик был отчислен из состава Военно-морского революционного комитета в распоряжение ЦКЧФ и вернулся на Черноморский флот [Военно-морской революционный комитет, с. 55, 71, 93, 98, 105, 156, 163, 202]. Здесь он участвовал в установлении Советской власти в Севастополе, входя в президиум местного Военно-революционного комитета [Известия..., № 1].

Трюмный механик крейсера «Громобой» инженер-механик лейтенант Роман Романович Грундман был избран в Центробалт первого созыва от Гельсингфорса. Он был председательствующим на первых трех заседаниях (с 28 апреля по 2 мая 1917 г.), 2 мая вошел в президиум комитета и выбран товарищем председателя. Р. Р. Грундман был председателем десяти собраний членов комитета в июне 1917 г. 25 июля 1917 г. он стал председателем Центробалта третьего созыва, однако вскоре, 8 августа, состоялись перевыборы президиума. При баллотировании на главный пост комитета лейтенант занял второе место и вновь стал заместителем. Отметим, что он занимал умеренную позицию. 9 августа, при поименном голосовании о поддержке революционной резолюции Гельсингфорсского совета (ультимативное требование к Временному правительству освободить арестованную в июле 1917 г. делегацию ЦКБФ и адмирала Д. Н. Вердеревского, вернуть последнего на должность командующего флотом), Р. Р. Грундман высказался против. В середине августа лейтенант был послан представителем от ЦКБФ в Рижский залив для улаживания трений между офицерами и матросами. В период корниловского выступления был избран комиссаром от Центробалта. Вскоре, 3 сентября, был избран новый товарищ председателя, а Р. Р. Грундман, «как знающий все дело...», был кооптирован в качестве помощника делопроизводителя. Работа офицера в Центробалте завершилась 5 октября, когда, по просьбе команды «Громобоя», было решено отпустить лейтенанта обратно на крейсер

[Протоколы и постановления..., с. 35–37, 39, 63–66, 73, 74, 76, 78–80, 84–85, 88, 99, 101–102, 105, 111, 115, 154, 173, 237, 441].

Матрос-большевик Н. А. Ховрин вспоминал о Р. Р. Грундмане:

> Он не состоял ни в какой партии и, как правило, ни в каких политических дискуссиях не участвовал. Зато разбирался в хозяйственных вопросах, не раз вносил дельные предложения. Большинство членов Центробалта его уважало [Ховрин, с. 97].

Активным деятелем ЦКБФ был титулярный советник Александр Александрович Солонский, врач 2-го отряда Дивизии траления. Он входил в комитет второго (почти сразу был распущен) и третьего созыва, многократно выступал на заседаниях, выполнял функции секретаря, а 6 сентября даже баллотировался на пост председателя ЦКБФ. Деятельность А. А. Солонского пришлась на время активной борьбы в ЦКБФ между умеренными и радикальными силами, в которой он сам принимал участие.

О политической позиции А. А. Солонского свидетельствует его голосование. 3 сентября он высказался за поддержку резолюции Центрального комитета всероссийского военного флота, резко осудившего матросов балтийского линкора «Петропавловск» за самосуд над офицерами в «корниловские дни». Но большинство ЦКБФ выступило против присоединения к указанной резолюции. На следующий день А. А. Солонский протестовал против итогов выборов делегатов от Центробалта на Демократическое совещание. 8 сентября этот протест получил развитие. 25 членов ЦКБФ (в том числе А. А. Солонский) подписали заявление о том, что надо пересмотреть результаты избрания представителей на Демократическое совещание, так как в числе делегатов оказались только большевики, которые «заранее определили исход выборов». Протестующие просили предоставить одно место представителю политического меньшинства (эсерам и меньшевикам). В итоге разразился конфликт, члены группы 25-ти заявили, что участвовать в решении политических вопросов они больше не будут. А. А. Солонский 7 сентября высказался против резолюции о подъеме на кораблях Балтийского флота красных флагов (как знак требования провозглашения федеративной демократической республики). 9 сентября, при обсуждении вопроса о переходе власти Советам, он активно дискутировал с большевиками, выступая за коалиционное Временное правительство [Протоколы и постановления..., с. 140, 174, 182, 190, 193, 195–198, 202].

Во Владивостоке заметную политическую роль играл старший лейтенант Владимир Дмитриевич Гнида, с начала Революции занимавший пост временного командующего Сибирской флотилией. Этот офицер был председателем собрания делегатов, избравших Центрком. С апреля 1917 г. он находился в составе данного комитета как командующий флотилией. Также в марте 1917 г. старший лейтенант входил в военную комиссию Владивостокского совета. Центрком в телеграмме в Морской генеральный штаб так оценил активность В. Д. Гниды: «благодаря [его] деятельности... переход к новому строю осуществился безболезненно» [Военные моряки..., 1989, с. 36, 41, 46, 52].

Ряд офицеров, избранных в ЦК флотов, также деятельно работали в составе других общественно-политических организаций. Член Центркома штабс-капитан по Адмиралтейству П. И. Калинин в начале Революции был выбран в исполком Совета рабочих и военных депутатов г. Владивостока, в конце марта назначен временным начальником милиции города [Военные моряки..., 1989, с. 39, 396]. На Балтике заметную политическую роль играл старший лейтенант В. Н. Демчинский (представитель штаба в ЦКБФ), который даже баллотировался в Учредительное собрание от офицеров-балтийцев [Октябрьская революция..., с. 38]. В мае 1917 г. инженер-механик капитан 2 ранга И. Ф. Иванов (ЦКЧФ) занимал должность председателя Центрального совета военно-морских организаций г. Николаева [РГАВМФ, ф. 609, оп. 2, д. 926, л. 54]. В октябре 1917 г. на Второй Всероссийский съезд советов от ЦКЧФ были посланы инженер-механик лейтенант И. Т. Зубков и мичман военного времени П. Зинченко (а также семь матросов) [РГАВМФ, ф. Р-181, оп. 1, д. 17, л. 393–393 об.]. Членами Гельсингфорсского совета являлись инженер-механик лейтенант Р. Р. Грундман и инженер-механик мичман М. И. Савич-Заблоцкий (оба — делегаты Центробалта) [Протоколы и постановления..., с. 463, 473]. Прапорщик по Адмиралтейству А. Ф. Зимин (ЦКЧФ) входил в состав Окружной комиссии по выборам в Учредительное собрание по Черноморско-Флотскому избирательному округу [РГАВМФ, ф. Р-2110, оп. 1, д. 1, л. 17, 24].

В последующие годы разразившаяся Гражданская война развела бывших делегатов центральных флотских комитетов по разные стороны фронта. На стороне белого движения служило 20 офицеров. Из них погиб старший лейтенант А. А. Лобода [Волков, с. 279], бывший членом Центромура. Подпоручик по Адмиралтейству В. И. Пентковский (Амурская флотилия) дезертировал из белой армии и бежал за границу [Колпакиди, Прохоров, с. 469]. На стороне красных было минимум 10 бывших офицеров. В ходе боевых действий был убит К. Я. Зедин [Толстов, Столяренко, с. 450].

Установлен факт нахождения в эмиграции 16 человек из изучаемой совокупности, еще двое, предположительно, также могли отправиться за рубеж. Отдельно отметим вышеупомянутого Д. В. Пентковского, который, проживая в Китае, с 1924 г. состоял на службе в советской внешней разведке и в 1946 г. вернулся в СССР. Наряду с Р. Зорге, в 1941 г. он передал информацию о том, что Япония не будет совершать нападение на Советский Союз [Колпакиди, Прохоров, с. 469].

Известны имена 12 человек, которые находились в Советской России (включая вернувшегося из эмиграции в 1920-е гг. капитана 1 ранга М. И. Рощаковского). Часть из них находилась на военной службе, бывший капитан 1 ранга А. К. Петров (Целедфлот) стал дипломатом и военным разведчиком [Лурье, Кочик, с. 282]. К сожалению, судьба большей части этих людей сложилась трагически. В 1920–1930-е гг. девять из них подверглись репрессиям. Р. Р. Грундман, С. В. Срезневский, Л. К. Рубанин, П. Н. Хижинский были расстреляны [Жертвы политического террора в СССР; Волков, с. 452].

В целом, в деятельности комитетов и советов в 1917–1918 гг. участвовала малая часть офицеров. Большинство оставалось аполитичным и пассивным. Тем не менее, на флотах и флотилиях сложились группы общественно-активного офицерства, которое могло оказывать заметное влияние на политическую обстановку. Часть указанных представителей комсостава входили в Центральные комитеты флотов и флотилий. Отметим, что они сумели занять в их структуре ряд руководящих должностей, имея тем самым возможность направлять их деятельность.

Мотивы участия офицеров в работе выборных центральных комитетов были различны. Часть из них откликнулись на произошедшие в стране изменения и пытались адаптироваться к новой политической обстановке, реализовать свои устремления к новому. Прежде всего, это относится к молодежи и чинам военного времени.

У отдельных офицеров явно имело место стремление сделать карьеру. В условиях революций появляются социальные лифты, дающие возможность значительно повысить свой статус. Обращает на себя внимание то, что среди делегатов было много чинов по Адмиралтейству, занимавших низшее место и в официальной, и в неформальной иерархии морских офицеров.

Часть офицеров хотели влиять на работу центральных комитетов изнутри. Это позволило бы направить работу демократических учреждений в конструктивное русло, поддерживать боеспособность флота, защищать интересы офицерской корпорации и основы традиционной военной организации. В этом случае участие представителей комсостава в работе ЦК флотов было вызвано не только интересом к политике, но и служебным долгом. В отдельных случаях комитеты сами кооптировали в свои ряды офицеров в качестве специалистов, иногда представители командования флотилий напрямую входили в состав выборных органов (в Мурманске и Владивостоке).

Собирательный портрет представителя комсостава в Центральных комитетах в 1917–1918 гг. выглядит следующим образом. Это обер-офицер (кадровый или военного времени), молодой человек в возрасте 20–35 лет. Он должен был быть беспартийным. Преобладали чины по Адмиралтейству, другие категории им уступали. В комитеты входили как боевые офицеры, служившие на кораблях и отмеченные наградами, так и находящиеся на береговых должностях. В последовавшей за Революцией Гражданской войне лица из изучаемой совокупности были в рядах и красных, и белых, т. е. работа в выборном демократическом органе не всегда предопределяла, на чьей стороне в дальнейшем окажется офицер. Последующая судьба этих людей была, как правило, в той или иной мере трагична. Часть из них была вынуждена пережить потерю родины; многие же из оставшихся в советской стране попали под политическое преследование.

Источники

Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. Р. Н. Мордвинова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957.

Военно-морской революционный комитет : сб. док. / отв. сост. В. И. Александрова. Л. : Наука, 1975.

Военные моряки в борьбе за власть Советов в Азербайджане и Прикаспии 1918–1920 гг. : сб. док. / отв. ред. В. М. Ковальчук, сост. В. И. Александрова. Баку : Эли, 1971.

Военные моряки в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1917–1922) : док. и материалы / под общ. ред. А. И. Крушанова, отв. ред. С. С. Хесин. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1989.

Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917–1920 гг.) : сб. док. / отв. ред. С. С. Хесин. Л. : Наука, 1982.

Дыбенко П. Е. Из недр царского флота к Великому Октябрю. М. : Воениздат, 1958.

Известия Севастопольского военно-революционного комитета. 1917. 19 декабря. № 1.

Морской сборник. 1918. № 1.

Октябрьская революция в Балтийском флоте (из дневника И. И. Ренгартена) // Красный архив. 1927. Т. 6 (25). С. 36–92.

Приказы командующего Черноморским флотом. 1917 г. Ч. 6 // Научно-справочная библиотека РГАВМФ.

Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота. 1917–1918 / под ред. Д. А. Чугаева. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963.

РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 926; Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 17; Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 8А; Ф. Р-2110. Оп. 1. Д. 1, 13.

Ховрин Н. А. Балтийцы идут на штурм. М. : Воениздат, 1966.

Исследования

Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М. : Рус. путь, 2004.

Жалнин Д. Е. История строительства и боевой деятельности Флотилии Северного Ледовитого океана (1914–1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Мурманск, 2005.

Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. URL: http://lists.memo.ru (дата обращения: 30.05.2017).

Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь : АнтиквА, 2008.

Измайлов Н. Ф., Пухов А. С. Центробалт. 2-е изд., перераб. и доп. Калининград : Калинингр. кн. изд-во, 1967.

Колпакиди А. И., Прохоров Д. Внешняя разведка России. СПб. : Нева, 2001.

Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ: дела и люди. СПб. : Нева ; М. : Олма-Пресс, 2002.

Назаренко К. Б. Морское ведомство России (1905–1921 гг.): личный состав, структура, политическая роль : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010.

Толстов И., Столяренко М. Зедин Карл Янович // Герои Октября : биографии активных участников подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде : в 2 т. / [сост.: Л. И. Ильина и др. ; науч. ред.: Е. Ф. Ерыкалов, В. Е. Муштуков]. Л. : Лениздат, 1967. Т. 1. С. 448–450.

Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. М. : Наука, 1971.

Шангин И. Моряки флотилии Северного Ледовитого океана в борьбе за социалистическую революцию // Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции / под общ. ред. д-ра ист. наук С. Ф. Найда. М. : Воениздат, 1958. С. 202–222.

Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии // Изв. Урал. гос. ун-та. 2005. № 39. С. 95–127.

Статья поступила в редакцию 02.06.2017

Павленко Алексей Павлович
кандидат исторических наук, преподаватель
Колледж электроэнергетики
и машиностроения
Российский государственный
профессионально-педагогический университет
620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11
E-mail: Pavlenko-09@yandex.ru

Pavlenko, Aleksey Pavlovich
PhD (History), Lecturer
College of Electric Power Industry
and Mechanical Engineering
Russian State Vocational Pedagogical University
11, Mashinostroiteli Str.,
620012 Yekaterinburg, Russia
Email: Pavlenko-09@yandex.ru

OFFICERS IN THE CENTRAL COMMITTEES OF FLEETS AND FLOTILLAS BETWEEN 1917 AND 1918

This article focuses on the activities and destinies of the officers who were part of the central committees of the Navy during the Revolution of 1917, and the initial stages of the Civil War. The research is based on the prosopographic method, and the author creates a special database. A wide range of historical sources and literature is used to reconstruct the biographies of officers. The study of the public activities of officers in 1917 is based on the analysis of published and archival official records, supplemented by memoirs. The study demonstrates that the representatives of the command personnel took a number of leading positions in the structure of the committees, and a number of officers were engaged in extensive social and political activity. Young people prevailed among the officers-delegates, and career officers accounted for two-thirds of the total number. Among the persons in question, there were many officers of the Admiralty, occupying the lowest ranks in the hierarchy of naval officers. The reasons for the command staff participation in the work of committees may be as follows: the desire to adapt to the new situation and realise their political views; careerism; an officer's duty is a desire for electoral institutions to work properly and to prevent the navy from disintegration.

K e y w o r d s: Revolution of 1917; navy; democratisation of the military forces; officers; committees; prosopography.

Izmailov, N. F., & Pukhov, A. S. (1967). *Tsentrobalt* [The Central Committee of the Baltic Fleet]. Kaliningrad: Kaliningradskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)

Khesin, S. S. (1971). *Oktiabr'skaia revoliutsiia i flot* [The October Revolution and the Navy]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Kolpakidi, A. I., & Prokhorov, D. (2001). *Vneshniaia razvedka Rossii* [Foreign Intelligence of Russia]. St Petersburg: Neva. (In Russian)

Lurie, V. M., & Kochik, V. Ya. (2002). *GRU: dela i liudi* [GRU: Work and People]. St Petersburg: Neva; Moscow: Olma-Press. (In Russian)

Nazarenko, K. B. (2010). *Morskoe vedomstvo Rossii (1905–1921 gg.): lichnyi sostav, struktura, politicheskaia rol'* [The Naval Department of Russia (1905–1921): Personnel, Structure, Political Role] (doctoral dissertation). St Petersburg. (In Russian)

Shangin, I. (1958). Moriaki flotilii Severnogo Ledovitogo okeana v bor'be za sotsialisticheskuiu revoliutsiiu [Sailors of the Flotilla of the Arctic Ocean in the Struggle for a Socialist Revolution]. In S. F. Najda (Ed.), *Voennye moriaki v bor'be za pobedu Oktiabr'skoi revoliutsii* [Sailors in the Struggle for the Victory of the October Revolution] (pp. 202–222). Moscow: Voenizdat. (In Russian)

Tolstov, I., & Stoliarenko, M. (1967). Zedin Karl Janowicz. In E. F. Erykalov, & V. E. Mushtukov (Eds.), *Geroi Oktiabria*: *biografii aktivnykh uchastnikov podgotovki i provedeniia Oktiabr'skogo vooruzhennogo vosstaniia v Petrograde* [Heroes of October: Biographies of Active Participants of Preparation and Implementation of the October Armed Uprising] (Vols. 1–2) (Vol. 1, pp. 448–450). Leningrad: Lenizdat. (In Russian)

Volkov, S. V. (2004). *Ofitsery flota i morskogo vedomstva: Opyt martirologa* [Officers of the Navy and Naval Department: A Martyrologist's View]. Moscow: Russkii put'. (In Russian)

Yumasheva, Yu. Yu. (2005). Istoriografiia prosopografii [The Historiography of Prosopography]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, *39*, 95–127. (In Russian)

Zarubin, A. G., & Zarubin, V. G. (2008). *Bez pobeditelei. Iz istorii Grazhdanskoi voiny v Krymu* [Without Winners. From the History of the Civil War in Crimea]. Simferopol: AntikvA. (In Russian)

Zhalnin, D. Ye. (2005). *Istoriia stroitelstva i boevoi deiatel'nosti Flotilii Severnogo Ledovitogo okeana (1914–1920 gg.)* [The History of Construction and Combat Action of the Arctic Ocean Flotilla (1914–1920)] (doctoral dissertation). Murmansk. (In Russian)

Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR [Victims of Political Terror in the USSR]. Retrieved from http://lists.memo.ru. (In Russian)

Received on 02 June, 2017

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.045
УДК 94(47 + 57)“1917/22” + 94(470.5)“1917/25” + + 323.273 + 351.96

И. С. Сильченко
Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЧАСТЕЙ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО УЕЗДА (1919–1923)

Статья посвящена вопросам формирования и деятельности Частей особого назначения Екатеринбургского уезда в 1919–1923 гг., анализируемых на основании малоизученных региональных архивных материалов. Автор выделяет этапы формирования ЧОН в регионе, подробно рассматривая особенности каждого из них. Большое внимание уделено функциям Частей особого назначения, их штатной структуре, уровню подготовки кадров, вооружению и вопросам снабжения. В начальный период существования (1919–1922) екатеринбургские Части особого назначения не могли выполнять возложенные на них обязанности. Это было связано с «милиционной» системой комплектования, следствием чего являлся низкий уровень дисциплины, недостатком обмундирования и вооружения. Только к 1922 г. ЧОН становятся организованной, вооруженной и достаточно обученной силой, выполняя в том числе функции по охране железных дорог и допризывной подготовки молодежи. К концу 1924 г. Части особого назначения из некогда мелких неорганизованных отрядов превратились в мощную военно-политическую силу, способную жестко подавить любые выступления противников новой власти. В то же время упрочение позиций правящей власти сделало деятельность ЧОНов на большей части советской территории ненужной, что привело к их упразднению.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Части особого назначения; Гражданская война; Урал; борьба с контрреволюцией; административные органы; Екатеринбургский уезд.

Революция 1917 г. и Гражданская война в России вызвали появление новых политико-административных и силовых органов, в задачи которых входило налаживание порядка в управлении, установление законности и борьба с контрреволюцией. К ним относились региональные подразделения главного политического управления, Рабоче-крестьянской милиции, Всеобуча, частей особого назначения (ЧОН). Их деятельность подробно изучена в отечественной историографии, за исключением ЧОНа, роль которого в укреплении советской власти, между тем, не ограничивалась только силовым подавлением контрреволюции. История Частей особого назначения Екатеринбурга и Екатеринбургского уезда не только отражает общероссийские тенденции того времени, но и содержит уникальный опыт создания силовых структур без наличия управленческих и исполнительных кадров и подготовленной материальной базы.

© Сильченко И. С., 2017

Среди существующих в отечественной исторической науке работ, посвященных деятельности ЧОНа, основная масса была написана еще в советский период. Для них характерны строго выдержанный идеологический контекст и недостаточно проработанный региональный аспект [см. Захаров; Кротов; Клименко; Кривошеев; Кулаков]. Единственным исследованием, рассматривающим историю ЧОН на Урале, является работа Д. В. Кулакова «Части особого назначения Екатеринбургской губернии» [см.: Кулаков]. Автор показывает особенности формирования ЧОН, их состав, функции и боевое применение. Однако процесс становления ЧОН представлен на примере всей Екатеринбургской губернии, без выделения особенностей данного процесса по уездам, а небольшой объем исследования не позволил автору в полной мере раскрыть указанные выше аспекты.

Целью нашей работы является определение основных этапов становления Частей особого назначения Екатеринбургского уезда в рамках Екатеринбургской губернии, выявление особенностей, анализ функций и их общего влияния на военно-политическую ситуацию в регионе.

В РСФСР отряды особого назначения начинают создаваться на основании постановления ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 г. [Захаров, с. 11]. Согласно данному постановлению, Центральный комитет признал необходимым принять срочные меры к мобилизации всех сил партии «для защиты революции и ее завоеваний». В соответствии с данным постановлением, всем партийным организациям предлагалось приступить к созданию отрядов особого назначения.

Данные подразделения не входили в состав Красной Армии и подчинялись партийным организациям разного уровня. С 12 ноября 1921 г. непосредственное управление отрядами особого назначения переходит к местным ячейкам Всеобуча, а 29 июля 1921 г. появляется самостоятельный штаб Частей особого назначения, входящий в состав Всеобуча.

Первое подразделение ЧОН Екатеринбургской губернии появилось в сентябре 1919 г., когда был создан Екатеринбургский коммунистический отряд особого назначения, действовавший в Екатеринбурге и в его окрестностях [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 484, л. 28]. Одновременно в уездных городах губернии также создаются отдельные малочисленные отряды [ГАСО, ф. Р-1155, оп. 1, д. 129, л. 54]. В январе 1920 г. появляются документы, регламентирующие работу Екатеринбургского отряда. Так, например, 14 января в газете «Уральский рабочий» публикуется подробный дисциплинарный устав Екатеринбургского отряда особого назначения, в котором особое внимание уделялось правилам работы отрядного суда [Уральский рабочий].

15 марта 1920 г. временно ответственным организатором отрядов Екатеринбургской губернии назначается А. Соснин, которого 15 мая 1920 г. сменяет А. Долженко [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 484, л. 12]. Первоначально Екатеринбургский коммунистический отряд делился на семь рот, которые к маю 1920 г. были переформированы в два батальона и одну отдельную роту при Верх-Исетском заводе. Командиром 1-го батальона был назначен Абрамов, 2-го батальона — Ярославцев, а отдельной роты — Засыпкин. Штаб отряда располагался при

Штабе полкового территориального округа, штаб 1-го батальона — по адресу ул. Розы Люксембург, 14 (здание сохранилось, адрес тот же), 2-го батальона – по ул. Троцкого, 5 (современный адрес пер. Химиков, 4, на месте здания штаба возведен комплекс «Унихим»), отдельной роты — на территории Верх-Исетского завода в клубе им. Ленина.

Формирование Частей особого назначения с самого начала было сопряжено с кадровыми проблемами. Грамотные руководящие кадры, имеющие боевой и организационный опыт, отсутствовали [ЦДООСО, ф, 41, оп. 2, д. 484, л. 14]. Учет милиционных кадров практически не велся, дисциплина не поддерживалась. Так, например, «при экстренном созыве личного состава 6-й роты не явились председатель Комитета Р.К.П. 4-го района и его секретарь, а 4-го марта 1920 г. боец 4-й роты Екатеринбургского коммунистического отряда особого назначения товарищ Победоносцев отказался от несения караула, за что был осужден отрядным судом» [Там же, л. 15].

В начале 1921 г., согласно приказу Революционного военного совета республики, началось формирование Коммунистической бригады Екатеринбургской губернии. В бригаду вошел Екатеринбургский коммунистический отряд, а также отряды различных городов губернии. Коммунистическая бригада состояла из Первого Екатеринбургского полка (переформированный по новым штатам Екатеринбургский коммунистический отряд) и других полков Екатеринбургского уезда.

В соответствии с приказом главного начальника Всеобуча РСФСР № 92/4 от 25 марта 1921 г., личный состав ЧОН подразделялся на кадровый и милиционный (переменный). Личный состав частей особого назначения именовался «коммунарами». Кадровый (комсостав) ЧОН состоял из проверенных партийных лиц, а милиционным составом автоматически становились все члены и кандидаты в ряды РКП(б) и РКСМ. Высшим политическим руководителем частей в РСФСР являлся Совет в составе члена центрального комитета РКП(б), начальника отрядов особого назначения, представителей Всероссийской чрезвычайной комиссии, Революционного совета республики. В это же время появляется штаб ЧОН республики. Командующим ЧОН республики назначается А. К. Александров, начальником штаба — В. А. Кангелари. 26 марта 1921 г. началось формирование Штаба Отрядов особого назначения Екатеринбургской губернии. Начальником штаба был назначен Я. М. Терентьев, бывший начальник Всеобуча, а начальником отрядов особого назначения — А. В. Федоров [ГАСО, ф. Р-1155, оп. 1, д. 129, л. 64].

29 августа 1921 г., согласно приказу Приуральского военного округа № 304/273, Екатеринбургская Коммунистическая бригада была переформирована в отряд особого назначения [Там же]. Екатеринбургский полк был переименован в 1-й Отдельного назначения Екатеринбургский пехотный полк. Для создания штаба отрядов Особого назначения Екатеринбургской губернии не хватало ни материальных, ни людских ресурсов и поэтому к его формированию приступили только в 20-х числах сентября 1921 г. 23 сентября 1921 г. штаб

был создан. Он состоял из Командующего частями особого назначения губернии (Комчонгуба), Инспектора, Начштаба, Адъютанта, оперстроевой части во главе с начальником и одним помощником [ГАСО, ф. Р-1155, оп. 1, д. 129, л. 65].

Первоочередными задачами штаба были организация службы снабжения и учет всех коммунаров. В конце 1921 — начале 1922 г. был проведен учет коммунаров города Екатеринбурга, в ходе которого выяснилось, что данные о количестве личного состава были в несколько раз завышены по отношению к реальным показателям. Отделение снабжения при штабе ЧОН сформировалось в качестве самостоятельного подразделения лишь в мае 1922 г. и состояло из девяти человек. Главными задачами отделения являлись: руководство деятельностью ХозЧон губернии, проверка поступающих вещевых требований и направление этих требований в соответствующие учреждения, распределение между ЧОН губернии бытового и военного имущества, представление в штаб ЧОН округа срочных донесений [Там же, л. 67].

26 сентября 1921 г. ЦК РКП(б) утвердил новое «Положение о ЧОН». Данное положение предполагало разделение кадров милиционного состава на три очереди призыва. Разделение на очереди призыва стало необходимым после частых ошибочных случаев мобилизации в ЧОН лиц, занятых работой в ВЧК, органах милиции и Красной Армии. В первую очередь призыва входили члены и кандидаты РКП(б), не занятые работой в государственных структурах. Вторую очередь составляли лица, обязанности которых не позволяли оперативно их мобилизовать. Вторая очередь также именовалась «Резервом ЧОН». Третью очередь составляли работники важных сфер (железнодорожники, работники водного транспорта и т. д.). Мобилизовались они только в крайнем случае [Кротов, с. 36].

21 октября 1921 г., согласно приказу по ЧОН Республики, для Екатеринбурга и губернии было предписано заменить термин «отряды особого назначения» на «Части особого назначения». Находящийся в городе 1-й Отдельного назначения Екатеринбургский полк был переименован в 1-й Уральский батальон, а 1-й Отдельный батальон начал объединять коммунаров Екатеринбургского уезда. После расформирования 1-го Уральского батальона вновь формируется Первый Екатеринбургский полк. Первый батальон полка располагался в г. Екатеринбург, второй в г. Кыштым, третий в г. Красноуфимск [ГАСО, ф. Р-1155, оп. 1, д. 129, л. 50]. Постоянные изменения штатной структуры негативно сказывались на боеспособности ЧОН. Так, например, осенью 1921 г. личный состав 1-го Уральского батальона отказался выполнять приказ командования из-за отсутствия информации о кадровых перестановках. Когда у коммунаров стали выяснять причину отказа, они ответили: «А мы и не знали, что теперь командиры другие» [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 484, л. 70]. Несмотря на это, структурные изменения в Частях особого назначения происходили на протяжении всего периода их существования.

Так, 9 августа 1922 г. Первый Екатеринбургский полк был свернут в 11-й Отдельного назначения Екатеринбургский батальон, который 13 февраля

1923 г. был переименован в 307-й Екатеринбургский отдельного назначения пехотный отдельный батальон. Постоянные переформирования ЧОН и изменение внутренней структуры были связаны с поиском более удачных организационных форм для качественного выполнения функциональных обязанностей и охвата большего количества уездных городов с нестабильной политической ситуацией.

307-й Екатеринбургский отдельного назначения пехотный отдельный батальон использовался для поддержания внутреннего порядка на различных массовых мероприятиях в городе, а также в качестве помощи милицейским частям в борьбе с бандитизмом. Дело в том, что с начала 1922 г. в районе Екатеринбурга действовало две крупные банды: Газизова (район Иткульского озера), Зонова и Черемшанова (район деревни Мурзинка). Численность обеих банд составляла порядка 40–50 человек, на вооружении которых были пистолеты и винтовки. Борьбу с бандами вели подразделения 1-го Уральского батальона. Обе банды были ликвидированы к августу 1922 г. [ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 484, л. 72].

Кроме организованных банд на территориях, подконтрольных новой власти, действовали группы дезертиров. Небывалая волна дезертирства была порождена массовой мобилизацией мужского населения различных регионов России в Красную Армию. Всего за период Гражданской войны на всех фронтах насчитывалось 2 846 тысяч дезертиров [Кривошеев]. Достаточное количество дезертиров было и в Екатеринбургской губернии. Части особого назначения совместно с органами милиции занимались поиском и поимкой дезертиров. Часть из них оставались в своих домах, другие уходили в леса, где собирались в отряды. Организованные группы дезертиров осуществляли нападения на склады и торговые лавки, при этом захватывали продукты, теплую одежду, а иногда и вооружение. Задержанных дезертиров сотрудники ЧОН передавали в Екатеринбургский революционный трибунал. Наказывали дезертиров по-разному, но чаще всего отправляли в штрафные части сроком от полугода [ГАСО, ф. Р-1359, оп. 1, д. 2, л. 34].

Части особого назначения участвовали в различных культурно-массовых городских мероприятиях. Например, в первую годовщину создания ЧОН и в год пятилетия Красной Армии подразделения принимали участие в параде, в ходе которого им были вручены индивидуальные знамена. В указанные дни для личного состава ЧОН вход во все городские театры был бесплатным [ЦДООСО, ф. 41, оп. 1, д. 140, л. 63].

Задачи, выполняемые Частями особого назначения, во многом соответствовали спектру задач, поставленных перед органами Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Основными задачами ВЧК являлись борьба с контрреволюцией, бандитизмом и саботажем, а также политическое следствие. В целом Чрезвычайная Комиссия являлась органом, координирующим деятельность по борьбе с контрреволюцией [Ратьковский, с. 20]. В то же время Части особого назначения были вспомогательными органами, не входящими в структуру ВЧК, но выполняющими задачи, направленные на удержание советской власти.

Вооружение и материальное обеспечение Екатеринбургского ЧОНа было крайне неудовлетворительным. Арсенал составляли японские, английские, русские и французские винтовки и пистолеты. Большая часть имущества требовала ремонта или была вовсе непригодна к использованию [ГАСО, ф. Р-1155, оп. 1, д. 129, л. 75]. Существенные проблемы были и в организации снабжения обмундированием. Снабжение ЧОН губернии вещевым довольствием не превышало 50 % от необходимых объемов [Там же].

Первоначально обучение коммунаров не производилось, а милиционный состав имел совершенно неоднородный уровень военной подготовки. Если одни коммунары участвовали в боях Первой мировой и Гражданской войн и имели приличный боевой опыт, то другие часто не могли зарядить или разобрать трехлинейную винтовку [Там же, л. 76]. Только с выходом приказа ЧОН Сибири от 5 октября 1922 г. начались теоретические и практические занятия с кадровым и милиционным комсоставом. Весь личный состав в соответствии с уровнем военной подготовки был разделен на три разряда. Всего по губернии обучению подлежало 8 396 человек [ЦДООСО, ф. 41, оп. 1, д. 140, л. 63].

Итак, Частями особого назначения являлись вооруженные формирования местных партийных организаций, общей целью которых была борьба с контрреволюцией во всех ее проявлениях. Создание ЧОН, с одной стороны, укрепило монопольную позицию РКП(б) на политическую власть на местах, с другой стороны, показало, что большевики готовы решительно бороться с любыми выступлениями против новой власти. Однако с самого начала их существования функции ЧОН оказались более широкими. Они не только боролись с контрреволюцией, но и участвовали в поддержании правопорядка и регулировании хозяйственных вопросов на местах.

Можно выделить три основных этапа формирования ЧОН Екатеринбургского уезда. Данные этапы являются типичными для всей территории страны. Единственным серьезным отличием является то, что Екатеринбургские ЧОН начинают создаваться значительно позже ЧОН западных территорий. Это объясняется тем, что до лета 1919 г. территория Горнозаводского Урала находилась под властью правительства А. В. Колчака, а действующие органы советской власти сформировались только к осени.

В начальный период существования екатеринбургские Части особого назначения не могли выполнять возложенные на них обязанности. Отсутствие униформы и вооружения, а также низкий уровень дисциплины приводили к полной небоеспособности. Постоянные структурно-организационные изменения вызывали отсутствие четкого понимания направлений деятельности, а смена командования часто отражалась на качестве выполнения приказов.

Вторым этапом можно считать период конца 1922 — начала 1923 г. Именно в это время Части особого назначения становятся организованной, вооруженной и более-менее обученной силой. В это время было организовано систематическое обучение личного состава. При этом проводились выездные проверки штабов ЧОН губернии. Части особого назначения начинают выполнять функции

по охране железных дорог, а также становятся базой допризывной подготовки молодежи. В боевом плане ЧОН Екатеринбургского уезда были своеобразным военным резервом, который, в отличие от ЧОН других уездов Екатеринбургской губернии, лишь эпизодически участвовал в различных силовых операциях в качестве усиления РКМ и РККА.

Как самостоятельная организация, способная вести боевую деятельность, ЧОН организовалась лишь к концу 1924 г. К этому времени значительная часть личного состава была обучена военному делу, на руководящих должностях находились кадры, имевшие боевой и организационный опыт. Из мелких неорганизованных отрядов части особого назначения превратились в мощную военно-политическую силу, способную жестко подавлять выступления противников новой власти. В то же время их деятельность, согласно приказу РВС СССР № 1191/189 от 23 сентября 1924 г., теперь ограничивалась только районами с наиболее неблагоприятной обстановкой. В других районах ЧОНы предполагалось ликвидировать. Это в полной мере относилось к Екатеринбургским ЧОН, упраздненным к началу 1925 г.

Источники

ГАСО. Ф. Р-1155. «Штаб частей особого назначения Екатеринбургской губернии». Оп. 1. Д. 239. История ЧОН Екатеринбургской губернии; Ф. 1359 «Протоколы дознаний, анкеты дезертиров, приговоры и следственные документы дезертиров и укрывателей дезертиров». Оп. 1. Д. 2. Протоколы дознаний дезертиров.

Уральский рабочий. 1920. № 7.

ЦДООСО. Ф. 41. «Свердловский (Уральский) истпарт». Оп. 1. Д. 140. История частей особого назначения ЧОН Екатеринбургской, Пермской, Тюменской, Челябинской губерний. Рукописи с приложением копий документов; Оп. 2. Д. 484. Приказы командующих 2-й и 3-й Армиями по штабу формирования коммунистических отрядов особого назначения, войсковым частям и учреждениям Екатеринбургского губернского военного комиссариата.

Исследования

Захаров А. ЧОН (Части особого назначения). Очерки по истории Октябрьской революции в Нижегородской губернии. Н. Новгород : [б. и.], 1927.

Клименко В. А. Борьба с контрреволюцией в Советском тылу в годы Гражданской войны. М. : Наука, 1985.

Кривошеев Г. Ф. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М. : Олма-пресс, 2001.

Кротов В. Л. Чоновцы. М. : Изд-во полит. литературы, 1974.

Кулаков Д. В. Части особого назначения Екатеринбургской губернии. Цели создания [Электронный ресурс]. URL: http://demos.eetk.ru/special.html (дата обращения: 05.11.2016)

Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.

Статья поступила в редакцию 26.06.2017

Сильченко Иван Сергеевич
аспирант кафедры всеобщей истории
Уральский государственный
педагогический университет
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: 89022777814@yandex.ru

Silchenko, Ivan Sergeevich
Postgraduate Student,
Department of General History
Ural State Pedagogical University
26, Kosmonavty Ave.,
620017 Yekaterinburg, Russia
Email: 89022777814@yandex.ru

ON THE FORMATION OF SPECIAL FORCES IN YEKATERINBURG REGION BETWEEN 1919 AND 1923

This article is devoted to issues connected with the formation and activity of special units in Yekaterinburg Region between 1919 and 1923. The analysis is based on a large number of archival materials. The author singles out three stages of the formation of special units in the region, and closely examines their features, paying close attention to the functions of special units, their personnel structure, level of training, armament, and logistics. Initially (between 1919 and 1922), the Yekaterinburg special units could not perform their functions. It was due to the "militia" recruiting system, resulting in low levels of discipline, lack of uniforms, and armament. Only by 1922, special units became organised, well-armed and properly trained forces, performing additional functions of railway protection, and training of youth prior to their conscription.
By the end of 1924, from small irregular forces, special units turned into a powerful military and political force capable of brutally suppressing any action against the new government. At the same time, strengthening the position of the ruling power made the work of special units unrequired across most of the Soviet territory, which led to their abolition.

K e y w o r d s: special forces; Civil war; Urals; struggle against counter-revolution; administrative authorities; Yekaterinburg district.

Klimenko, V. A. (1985). *Bor'ba s kontrrevoljuciej v Sovetskom tylu v gody grazhdanskoj vojny* [Struggle against Counter-revolution in the Rear during the Years of the Civil War]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Krivosheev, G. F. (2001). *Rossija i SSSR v vojnah XX veka. Poteri vooruzhennyh sil. Statisticheskoe issledovanie* [Russia and the USSR in the Wars of the 20th Century. Losses of the Armed Forces. The Statistical Study]. Moscow: Olma-press. (In Russian)

Krotov, V. L. (1974). *Chonovcy* [Soldiers of the Special Units]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoj literatury. (In Russian)

Kulakov, D. V. *Chasti osobogo naznachenija Ekaterinburgskoj gubernii. Celi sozdanija* [Special Units of Yekaterinburg Governorate. The Purpose of Their Establishment]. Retrieved from http://demos.eetk.ru/special.html. (In Russian)

Rat'kovsky, I. S. (2006). *Krasnyj terror i deiatel'nost' VChK v 1918 godu* [Red Terror and the Activities of the Cheka in 1918]. St Petersburg: St Petersburg University Press. (In Russian)

Zakharov, A. (1927). *ChON (Chasti osobogo naznachenija). Ocherki po istorii Oktjabr'skoj revoljucii v Nizhegorodskoj gubernii* [Special Units. Essays on the History of the Revolution in Nizhny Novgorod Region]. Nizhny Novgorod: [s. n.]. (In Russian)

Received on 26 June, 2017

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.046
УДК 94(47)“1917/18” + 338(09) +
+ 338.516.24

В. М. Рынков
Институт истории СО РАН
Новосибирск, Россия

В ПРЕДДВЕРИИ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ХЛЕБНОГО РЫНКА РОССИИ (февраль-октябрь 1917 г.)*

Целью статьи является анализ продовольственной политики Временного правительства в контексте предшествовавшей ей царской и последующей советской. Тематические рамки ограничены важнейшим продуктом заготовки и потребления в России в изучаемый период — хлебом. Автор детально анализирует законодательство о заготовках хлеба с ноября 1916 до сентября 1918 г., на основании опубликованных и архивных документов прослеживает последовательное усиление государственного регулирования, обосновывает вывод о том, что действия власти привели к сокращению товарной доли производимой в России зерновой продукции. Мероприятия Временного правительства весной 1917 г. были нацелены на изъятие хлеба у торговцев и крупных производителей путем реквизиций. Это способствовало сокращению посевов в частновладельческих хозяйствах, увеличению доли внутреннего потребления в крестьянских хозяйствах. Для преодоления негативных последствий инфляции и падения на ее фоне объемов хлебозаготовок Временное правительство наметило летом 1917 г. комплекс мер. Он включал прямую организацию посевов в крупных хозяйствах, использование местным населением частного инвентаря и сельскохозяйственной техники для производства посевных и уборочных работ, прямой товарообмен промышленных изделий на хлеб с целью извлечения запасов хлеба у крестьян. Эти меры не были рассчитаны на нормальные рыночные взаимоотношения государства и производителей продовольствия и могли сработать только при эффективном контроле над крестьянством и возможности применения силы. До логического завершения все эти меры довело советское правительство.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Временное правительство; революция 1917 г.; хлебозаготовки; разверстка; хлебная монополия; цены.

Когда говорят о проблеме продовольственного обеспечения населения и армии как одной из предпосылок Февральской революции 1917 г., имеют в виду прежде всего перебои со снабжением хлебом городского и промышленного населения, а также нарушение товарных связей между городом и деревней, обнаруживавшихся в первую очередь в сфере обращения хлеба. Но и так называемой «революционной демократии» решить проблему не удалось. Осенью 1917 г. вопрос о власти оставался тесно связан с вопросом о хлебе. Данное

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-01-00067 «Зерновая проблема в Сибири в XX веке: этап, методы, решения»

© Рынков В. М., 2017

обстоятельство заставляет исследователей снова и снова концентрироваться именно на «хлебе насущном» как важнейшем аспекте революционного процесса и одной из ключевых его движущих сил.

Продовольственная политика Временного правительства неоднократно становилась предметом пристального внимания историков. В советское время доминировала оценка ее как буржуазной по своему характеру и провальной по результатам [Лозинский, с. 124–144; Волобуев, с. 383–468; Китанина, 1985, с. 302–355]. Как показали советские авторы, в регулировании цен Временное правительство ориентировалось на интересы крупных и средних производителей хлеба, а принудительные меры были нацелены на изъятие зерна у мелких и средних. Отказываясь от принудительного отчуждения зерна и фуража у держателей крупных товарных запасов и установив на них цены, близкие к рыночным, буржуазно-демократический режим обрек широкие слои города и деревни на голод и дороговизну. Авторы новейших публикаций также полагают, что Временное правительство «сохранило приверженность предпринимательским интересам» [Китанина, 2016, с. 343]. Другой подход можно найти в исследовании Н. Д. Кондратьева, который главную проблему видел в излишнем государственном регулировании, имевшем слабую корреляцию с реальными процессами на хлебном рынке [Кондратьев]. Новые акценты придает такой оценке М. В. Оськин, называя сбои в распределении хлеба ключевым недостатком продовольственной политики между Февралем и Октябрем [Оськин, 2015; 2016].

Данное исследование нацелено на анализ влияния перемен в государственной продовольственной политике, вызванных революционными потрясениями 1917 г., на продовольственное положение страны. В первую очередь речь пойдет о трансформации хлебного рынка и зернового хозяйства России под воздействием политических факторов. Хронологические рамки ограничены периодом от Февраля до Октября.

Приступая к изучению избранной темы, нельзя обойти вниманием назревшие еще в недрах царского режима изменения продовольственной политики. За 1914–1916 гг. площадь посевов сократилась на 8,7 % под влиянием оккупации германскими и австро-венгерскими войсками западных губерний Российской империи и на 6,7 % под влиянием внутренних условий. К таковым Н. Д. Кондратьев отнес дефицит рабочей силы, инвентаря, недостаток семян [Кондратьев, с. 121–124]. Он же отметил двух-трехкратное сокращение кредита под хлеботорговые операции, которое происходило в основном за счет торговых операций. Объем ссуд сельскохозяйственным производителям оставался прежним, а кредитование мелких хозяев даже усилилось благодаря кооперации [Там же, с. 145–146]. При этом накануне революции убыль рабочих рук удалось компенсировать за счет беженцев и военнопленных в крестьянских хозяйствах на 1,6 %, а в предпринимательских — на 30 % [Труды Совещания..., с. 47]. В результате крупные производители товарного хлеба лишились кредитов, но сохранили льготное обеспечение рабочими руками, а мелкие полутоварные,

полупотребительские хозяйства расширили кредит, но выращивали хлеб в условиях острого дефицита трудовых ресурсов.

Однако благоприятные погодные условия обеспечили неплохой урожай хлебов в 3,5 млрд пудов и примерно 700 млн пудов товарных излишков. Вместе с нереализованными излишками прошлых лет запасы хлеба составили 1370–1400 млн пудов и превосходили потребности армии и населения (1120 млн пудов) [Волобуев, с. 386]. Если за 14 месяцев войны цены на хлеб выросли на 17 %, то за лето 1916 г. — на 23 %. Плохие виды на урожай и ожидание пересмотра твердых цен в сторону повышения заставили продавцов придерживать хлеб и вывозить его на ссыпные пункты только по повышенным ценам, которые предлагали частные скупщики и продовольственные организации городов [Обзор хлебного рынка..., с. 5, 22]. Казна столкнулась с недозаготовкой. К 16 ноября 1916 г. правительственные уполномоченные закупили из нового урожая 201 млн пудов хлеба. Из этого количества они получили 73 млн пудов, сдали интендантству 34 млн пудов [Известия Министерства земледелия, 1916, № 47, с. 985]. Документы позволяют уточнить структуру заготовок. По ведомостям Особого совещания по продовольствию, из заготовленных к 7 ноября 1916 г. 72,1 млн пудов хлеба, рожь и пшеница в зерне или муке составляли только 30 млн пудов, ячмень и овес — 40 млн пудов и крупы — 2,1 млн пудов [РГИА, ф. 457, оп. 1, д. 1009, л. 125]. Как справедливо отмечает М. В. Оськин, основной проблемой стало не наличие хлеба вообще, а умение власти взять его и доставить до адресата [Оськин, 2011, с. 55]. Возникла острая необходимость либо кардинально увеличить заготовку, либо резко сократить нормы потребления.

Если до осени 1916 г. заготовительный аппарат руководствовался интересами армии, то в дальнейшем назрело решение об участии государства в снабжении и гражданского населения. Хорошо налаженная до войны инфраструктура хлебного рынка с выходом на него государства как нового доминирующего участника испытала серьезные потрясения. К осени 1916 г. на рынке выжили только спекулятивные участники, а все прочие работали в убыток. Рыночные цены поползли вверх и утратили связь с твердыми. В результате частноторговые институты потеряли возможность эффективно снабжать население [Тагирова, с. 69], а сформировавшиеся за время войны общественные заготовительные организации могли действовать только под патронажем государства.

Последним министром земледелия стал А. А. Риттих. В день своего утверждения на этом посту, 29 ноября 1916 г., он издал постановление о введении продовольственной разверстки. К такому шагу его сподвиг кризис на хлебном рынке лета 1916 г. Решение о введении разверстки не стало неожиданностью ни для министерства, ни на местах. Заседание Особого совещания по продовольствию, окончательно решившее ввести разверстку, состоялось 3 ноября 1916 г., а информационное письмо об ожидаемом в ближайшее время официальном объявлении о разверстке губернским уполномоченным разослали 12 ноября [РГИА, ф. 456, оп. 1, д. 129, л. 3–5]. Детали проведения разверстки на местах разъяснялись в распоряжении министра земледелия от 2 декабря. В нем обязанность

доставлять подлежащий сдаче хлеб и фураж на станции и пристани возлагалась на владельцев. Уполномоченные получили право создать сеть приемных пунктов там, где расстояние от мест производства до станций и пристаней превышало 20 верст. Министр предписал к 14 декабря произвести поуездную разверстку, к 20 декабря — волостную, к 24 декабря — поселенную и к 31 декабря — похозяйственную [Известия Министерства земледелия, 1916, № 49, с. 1029–1030]. Общее количество разверстанного хлеба составляло 772 млн пудов (из них 285 тыс. пудов ржи, 189 тыс. пудов пшеницы, 150 тыс. пудов овса), которые назначили к сдаче в первом полугодии 1917 г. На 14 хлебопроизводящих губерний европейской части России приходилось 69,3 % всей разверстки [Кондратьев, с. 201–205; Материалы по вопросам организации..., с. 3, 29].

Организация разверстки в губерниях была возложена на земства. Во многом это произошло под давлением Государственной думы, в которой порядок проведения разверстки обсуждался с 24 ноября по 16 декабря. При этом сам министр отметил, что перебои с закупкой хлеба связаны не с недоверием правительству, а с жестким лоббированием интересов потребителей, в том числе земствами [Гальперина, с. 40, 44]. 9 сентября 1916 г. заготовительные цены были установлены ниже рыночных, что и привело к сокращению предложения хлеба [Кондратьев, с. 389–398]. Но земства и городские продовольственные органы, частные торговцы сохраняли возможность закупать хлеб по повышенным ценам после выполнения населением разверстки. В результате продовольственные мероприятия власти привели к тому, что и торговцы, и производители в начале 1917 г. решили попридержать свой хлеб, не предъявляя его на рынок.

Для стимулирования сдачи хлеба министр ввел ряд льготных мер. От разверстки освобождались уже сделанные торговые запасы. Она накладывалась только на производителей. Сданный после объявления, но до проведения разверстки хлеб стали зачитывать в наряд разверстки. Казна готова была взять на себя доставку хлеба на ссыпные пункты, а за доставку крупных партий даже устанавливалось повышенное вознаграждение. Современники и исследователи считали эти меры достаточным аргументом, чтобы обвинить министра в потворстве крупным хлеботорговцам. На деле в первые недели вознаграждение оказалось незначительным и, по отзывам с мест, мало стимулировало подвоз хлеба [Материалы по вопросам организации..., с. 6]. Но впоследствии цены на подвоз росли и весной 1917 г. давали надбавку к ценам сентября 1916 г. почти на треть [Кондратьев, с. 259].

Промежуточные результаты «риттиховской» разверстки оценивались поразному. Сам министр утверждал в начале февраля 1917 г., что спас страну от голода, задание почти выполнено, и половина разверстанного хлеба уже свезена к станциям. Между тем, к 30 января 1917 г. губернские совещания разверстали по уездам только 83,3 % назначенного к разверстке объема хлеба, уездные — 29,6 %, а волостные органы приняли к разверстке только 1 % [Материалы по вопросам организации..., с. 25]. Поступление хлеба государственным уполномоченным в январе 1917 г. (57 млн пудов) немного превышало прошлогоднее (55,7 млн

пудов), февральское (41 млн пудов) оказалось существенно ниже прошлогоднего (67 млн пудов), а мартовское (69 млн пудов) опять немного превзошло показатели марта 1916 г. (62,8 млн пудов) [Кондратьев, с. 365]. Имевшийся у крупных производителей хлеб тщательно укрывался от учета. Пришлось даже вводить комиссионное вознаграждение лицам, сообщавшим об избытке хлеба у соседей [Пензенская губерния..., с. 15].

Временное правительство с первых дней своего существования приступило к реорганизации продовольственных органов. 2 марта продовольственная комиссия Временного комитета Государственной думы и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов под председательством В. Г. Громана распорядилась организовать на местах продовольственные комитеты (губернские, уездные, волостные, мелкорайонные и городские) «на широких демократических началах». 7 марта это решение подтвердил министр земледелия А. И. Шингарев. Представительство в местных продовольственных комитетах получили земства, союзы кооперативов, советы рабочих и крестьянских депутатов, профессиональные союзы, сельскохозяйственные общества [Известия Министерства земледелия, 1917, № 9, с. 167–168]. Учрежденный 11 марта 1917 г. Общегосударственный продовольственный комитет встал во главе местных организаций. Он заменил упраздненное Особое совещание по продовольствию [Там же, № 10, с. 175–176]. 25 марта 1917 г. постановление Временного правительства уточнило состав и полномочия продовольственных органов на местах. Теперь представительство получили предпринимательские организации и специалисты в области сельскохозяйственного производства (агрономы, статистики и пр.) [Там же, № 11, с. 193–197]. Чтобы исключить перерывы в продовольственной работе и преемственность, постановление предписывало упразднять организации уполномоченных Министерства земледелия лишь по мере создания продкомов, получавших от преемников все дела, кредиты и товарные запасы. Но едва сформировавшись, продовольственные органы на местах претерпели трансформацию составов. Этот процесс протекал вне всякого правового регулирования и являлся результатом «революционного творчества масс». Летом из большинства продовольственных комитетов были устранены представители «технических» организаций. Их заменяли на выборных от советов, а нижестоящие продовольственные комитеты стали блокировать решения вышестоящих [Волобуев, с. 401–403].

В начале весны такого поворота событий в правительстве еще не предвидели и рассчитывали на создание работоспособных и управляемых местных учреждений. Чтобы заготовительная работа не прекратилась, отдел заготовок Министерства земледелия распорядился уполномоченным Министерства земледелия по заготовке хлеба и фуража для действующих армий продолжать исполнение своих обязанностей до избрания губернских и областных продовольственных комитетов и передачи им всех полномочий по заготовкам [ЦГИА РБ, ф. и-343, оп. 2, д. 18, л. 77].

6 марта 1919 г. Временное правительство утвердило постановление о создании Особого управления по продовольствию. Революционность этой меры

заключалась не только в учреждении особого ведомства, но и в том, что его основу составило подразделение общественной организации: отдел продовольствия Всероссийского земского союза [Журналы заседаний..., т. 1, с. 41–42]. Уже на стадии принятия данного решения обозначился серьезный конфликт. Министр земледелия А. И. Шингарев высказал возражение против передачи вновь учреждаемому ведомству Отдела сельского хозяйства, существовавшего в структуре Всероссийского земского союза. Он предложил влить его в Министерство земледелия. Этот факт объясняет, почему самодержавие воздерживалось от организации специального ведомства продовольствия, поручив работу по заготовкам продуктов для армии Министерству земледелия. Это был единственный способ избежать дублирования. Решение же Временного правительства привело к тому, что функции и интересы двух министерств и их местных органов в сфере регулирования производства продовольствия и выработки мер по его стимулированию стало практически невозможно размежевать.

5 мая 1917 г. Временное правительство приняло решение о создании Министерства продовольствия. Министром был назначен А. В. Пешехонов, принимавший участие в работе Временного правительства уже со следующего заседания. Но до 1 июня управление делами министерства временно возложили на А. И. Шингарева [Журналы заседаний..., т. 2, с. 369–370]. Положение о Министерстве продовольствия Временное правительство утвердило 1 июня и ввело в действие с 1 июля 1917 г. Новому ведомству передавались в распоряжение все учреждения, кредиты и товарные запасы Министерства земледелия, связанные с «исполнением мероприятий по продовольственному делу и снабжению населения предметами первой необходимости» [Сборник указов и постановлений..., с. 91–116].

Как самостоятельное ведомство Министерство продовольствия стало функционировать фактически только с июля месяца. Для реализации собственного курса продовольственной политики времени ему было отведено мало, и это оказалось время быстрой утраты контроля над ситуацией на местах центральными органами Временного правительства. Хлебозаготовительную политику Временного правительства в большей степени определяло Министерство земледелия, заложившее нормативный и организационный базис хлебной монополии. Но на этом основании обойти вниманием Положение о Министерстве продовольствия будет неверно. Данный нормативный акт отразил новую концепцию продовольственной политики, реализовать которую суждено было уже советской власти. Положение предполагало сосредоточить в едином ведомстве заготовки всех основных продовольственных товаров (хлеба, мяса, животного и растительного масла, яиц, овощей, сахара, чая, кофе, соли и табака), первичную его переработку (размол, просушку), хранение, транспортировку и распределение среди потребителей. Это же ведомство призвано было осуществлять снабжение производителей сельскохозяйственной продукцией, семенами, машинами, инвентарем, материалами, промышленными товарами.

Усложнение организационной структуры центральных продовольственных органов нашло обоснование в новой революционной идеологии. Государство принимало на себя заботу об удовлетворении нужд и чаяний производителей продовольствия. Многие меры прямого государственного регулирования оправдывались и объяснялись целью не допустить сокращения посевных площадей. 6 марта 1917 г. на Министерство земледелия возложили обеспечение сельскохозяйственных производителей семенными материалами [Известия Министерства земледелия, 1917, № 10, с. 175]. 28 марта на то же министерство возложили еще более широкий круг обязанностей — снабжать производителей помимо семян еще и металлами, орудиями производства, рабочими руками и кредитами. В структуре Министерства земледелия для этих целей учредили комитет по учету посевной площади [Там же, № 12, с. 214–215]. У данной меры существовал прообраз. Экономический отдел Всероссийского земского союза 22–24 ноября 1916 г. провел Совещание по организации посевной площади, наметившее мероприятия, возложенные на отдел [Труды Совещания...]. В соответствии с постановлениями упомянутого совещания, на вновь созданный комитет возложили снабжение производителей семенами, объединение мер продовольственных органов, земств и кооперации по поддержке сельскохозяйственных производителей, распределение рабочих рук между частновладельческими и крестьянскими хозяйствами [Известия Министерства земледелия, 1917, № 27, с. 567]. 6 июня 1917 г. Министерство продовольствия приняло на себя обязанность заготавливать, доставлять и распределять среди населения ткани, обувь, керосин, мыло и другие товары, отнесенные к «изделиям первой необходимости» [Журналы заседаний..., т. 2, с. 214; Известия Министерства земледелия, 1917, № 22, с. 428–429].

Весной 1917 г. у новой революционной власти сложилась иллюзия, что все сбои и пробуксовки в заготовках хлеба остались позади. Они якобы возникали вследствие недоверия населения к прогнившему монархическому режиму, а народной власти для устранения накопившихся проблем достаточно создать авторитетные органы. Понадобилось несколько месяцев, чтобы развеять эту иллюзию. 11 апреля 1917 г. Временное правительство обратилось к производителям хлеба с призывом продолжать засевать свои поля, трактуя это как «долг перед Родиной». Посевы при этом были объявлены «достоянием Государства», а охрану посевов и инвентаря власть возложила на население. Эту охрану должны были организовать местные продовольственные комитеты [Известия Министерства земледелия, 1917, № 13, с. 235]. В инструкции, разъяснявшей постановление от 11 апреля 1917 г., продовольственным комитетам разрешалось производить принудительный засев пустующих земель. Для этого предполагалось образовать специальные рабочие дружины из военнопленных или солдат и учащихся [Там же, № 20, с. 404]. Данную меру Временному правительству реализовать не удалось. Тем не менее, в мае 1917 г. А. И. Шингарев оптимистично рапортовал, что, вопреки опасениям, первые всходы революция дала в виде роста посевов [Там же, № 16, с. 313]. Однако с таким оптимизмом

плохо стыковались сведения о положении с сельскохозяйственными машинами. Их продажи в 1915 г. сократились примерно вдвое, в 1916 г. составляли 10–12 % от довоенного объема, к лету 1917 г. сократились до 2 % [Известия Министерства земледелия, 1917, № 18, с. 356, 358]. Столь же неоптимистичны были сообщения с мест о погромах крестьянами не только крупных помещичьих латифундий, но и хуторских хозяйств крестьян. Основания охранять товарный хлеб крупных производителей от расхищения у власти были. Ведь в соответствии с объявленной монополией он практически целиком считался собственностью государства. Следовательно, под охрану пытались поставить хлеб, подлежащий отчуждению в пользу государства и посевы, на которых он произрастал.

Шансов получить товарный хлеб от крупных производителей-латифундистов становилось все меньше, так как они воздерживались от новых посевов. Можно было только извлечь их товарные остатки и попытаться организовать производство принудительно. Другой альтернативой могли стать меры принуждения средних и мелких производителей-крестьян. Эволюция продовольственной политики Временного правительства в обоих направлениях происходила постепенно, но последовательно.

Первоначально Временное правительство сохранило хлебную разверстку, внеся в нее существенные коррективы. На основании циркуляра А. И. Шингарева от 2 марта 1917 г. на владельцев, посевы которых превышали 50 десятин, накладывалась реквизиция. Кроме того, в разверстку включили торговые запасы, которые полагалось также реквизировать. Реквизиции следовало производить без понижения твердых цен. Именно данная оговорка послужила основанием для советских историков утверждать, что данная мера оказалась чуть ли не более буржуазной, чем предшествующий царский курс. Действительно, до Февральской революции в случае реквизиции продовольствия компенсация владельцу была на 15 % ниже действовавших твердых цен [Китанина, 1985, с. 303–304]. Но необходимо помнить, что ранее реквизиции применялись как санкция за утайку продовольствия, тогда как теперь ее использовали как ординарную меру заготовок.

Главным мероприятием Временного правительства по урегулированию продовольственного вопроса считают введение хлебной монополии. Первоначальная инициатива исходила от председателя продовольственной комиссии В. Г. Громана, получившего полное одобрение в Петроградском совете [Волобуев, с. 392; Китанина, 2016, с. 340]. Предварительное решение по этому вопросу было принято Временным правительством 10 марта 1917 г. на основании устного предложения А. И. Шингарева [Журналы заседаний..., т. 1, с. 69]. Окончательное законодательное оформление оно получило в утвержденном 25 марта 1917 г. Временном положении о передаче хлеба в распоряжение государства. В соответствии с Положением в хозяйствах оставался только хлеб, необходимый для посевов следующего года, обеспечения внутренних продовольственных и фуражных потребностей. Остальное подлежало отчуждению по твердым ценам. Всех владельцев хлеба — произведенного, заготовленного для продажи или потребления — государство обязало предоставлять продовольственным органам

сведения об имеющемся у них количестве хлеба и собственных потребностях в нем. Определение норм, на основании которых исчислялось количество оставляемого в хозяйствах хлеба, возложили на губернские продовольственные комитеты. Владельцев хлеба обязали доставлять его до ссыпных пунктов на основании правил, действовавших при «риттеховской» разверстке [Известия Министерства земледелия, 1917, № 11, с. 191–193].

Еще одним новшеством стало введение обязательных твердых цен как при государственных заготовках, так и при скупке хлеба частными торговцами и общественными организациями. Выпущенная 17 апреля 1917 г. «Инструкция о заготовках хлеба и зернового фуража на комиссионных началах» позволяла губернским продовольственным комитетам устанавливать точные суммы комиссионного вознаграждения за посредничество при заготовке, упаковке и хранении хлеба [Оськин, 2016, с. 356]. Но утверждать, опираясь на упомянутые документы, что Временное правительство заботилось о частных интересах, как это делали советские исследователи [Волобуев, с. 396–397; Китанина, 1985, с. 312], нет никаких оснований. Главными посредниками государства в 1917 г. становились кооперативные организации, а не частные торговые фирмы. Именно с кооперативами и заключалось абсолютное большинство подобных договоров. Только в контексте данного обстоятельства следует воспринимать допуск к хлебозаготовкам на комиссионных началах торгово-промышленных организаций наряду с кооперативными.

Представление об отсутствии результатов государственной хлебной монополии также нуждается в корректировке. Во многих губерниях за несколько недель произвели учет хлеба крупных посевщиков и торговых запасов. Весной 1917 г. продовольственные органы оценивали все запасы приблизительно. После окончания распутицы приступили к реквизициям. В Могилевской губернии количество реквизированного хлеба составило 10–12 тыс. пудов на уезд [ГАРФ, ф. 1783, оп. 1, д. 168, л. 8]. В Тобольской губернии путем реквизиции у крупных посевщиков и торговцев к концу весны заготовили 1095 тыс. пудов пшеницы, 86 тыс. пудов ржи, 23 тыс. пудов овса, 24 тыс. пудов пшеничной муки [Там же, л. 17]. В апреле 1917 г. Тобольский губернский продовольственный комитет пошел даже дальше правительства, приняв решение о реквизиции хлеба у владельцев 15–20 десятин посевов, и признал желательным проведение общей реквизиции хлеба [Там же, л. 131]. Такой шаг представляется вполне закономерным на фоне отказа производителей, независимо от размера посевов, поставлять хлеб по твердым ценам. Часть продовольственных органов также саботировала монополию. Резоны приводились разные — от отсутствия необходимости в реквизициях, в связи с тем, что хлеб подвозится крестьянами по твердым ценам добровольно (Акмолинская область, Оренбургская губ.), до утверждения об отсутствии владельцев, запахивающих более 50 десятин (Пермская губ.) [Там же, л. 65, 89; д. 172, л. 148].

Однако, если посмотреть на динамику заготовок хлеба после введения государственной монополии, то нельзя не признать, что произведенные учет

и реквизиции имели эффект. Если в апреле 1917 г. государственные запасы хлеба удалось пополнить на 30 млн пудов (против 35,7 млн пудов в 1916 г.), то уже в мае заготовки составили 77 млн пудов (против 54,7 млн пудов предыдущего года), а в июне — 62 млн пудов, значительно превзойдя соответствующий месяц 1916 г. (34,5 млн пудов) [Кондратьев, с. 231]. Государственные заготовки хлеба вышли на максимальные показатели за всю историю мировой войны. Но приведенную статистику можно интерпретировать и иначе. За полгода было собрано 336 млн пудов, или половина от назначенного А. А. Риттихом к разверстке количества. Необходимо учесть еще одно обстоятельство. Раньше уполномоченные Министерства земледелия закупали хлеб только для армии, а гражданское население снабжалось частными заготовителями, мукомолами либо продовольственными и кооперативными организациями, конкурировавшими друг с другом на рынке. Теперь снабжение тыла происходило только через продовольственные комитеты.

Проблема заключалась не только в действии продовольственных органов. А. В. Пешехонов в приказе о мерах к устранению препятствий к уборке урожая от 18 июля 1917 г. признавал, что постановление об охране посевов не действовало.

> Крестьяне препятствуют уборке хлебов сельскохозяйственными машинами, снимают с работ на полях казенных и частновладельческих и других имений военнопленных, постоянных и пришлых рабочих; принуждают владельцев и арендаторов платить военнопленным за труд более установленной правительственною властью платы... насильственно захватывают хлеба и кормовые продукты, покосы, живой и мертвый инвентарь; препятствуют сбору хлебов и трав, молотьбе, подготовке полей к озимым посевам, производству посевов [Известия Министерства земледелия, 1917, № 24, с. 502].

Далее министр грозил и владельцам, не принимающим действенные меры к защите своих посевов, ответственностью по суду, а попустительствующим произволу населения членам продуправ всех уровней — уголовными взысканиями. Сообщения с мест рисуют еще более удручающую картину. Усадьбы крупных землевладельцев, хуторян и отрубщиков подвергались разгрому, товарные запасы хлеба и инвентарь вывозились крестьянами в свои деревни, земельные площади запахивались общинниками [Пензенская губерния..., с. 85–91]. Товарные запасы хлеба в итоге быстро сокращались и переходили в потребительский фонд.

Теряя контроль над деревней, власть летом 1917 г. пошла по пути усиления правовых оснований для вмешательства в частные хозяйства. 26 июля 1917 г. Министр продовольствия подписал приказ о принудительном доиспользовании сельскохозяйственного инвентаря. Он предусматривал изъятие у владельцев сельскохозяйственных машин и инвентаря, не эксплуатировавшегося ими с полной нагрузкой. Правда, пока еще закон признавал приоритет нужд самого владельца и заключенных им арендных договоров на эксплуатацию его техники на чужих полях, а принудительное использование — как дополнение к ним. Само

«доиспользование» имело временный и возмездный характер, происходило под контролем самого владельца [Известия Министерства земледелия, 1917, № 26, с. 534–535]. Однако данная мера стала основанием для того, чтобы волостные земельные комитеты произвели учет инвентаря в крупных хозяйствах и стали на их основе создавать прокатные пункты, а у крестьян появился стимул блокировать всякую возможность эксплуатации крупными владельцами своей сельскохозяйственной техники. В результате товарное производство хлеба в предпринимательских хозяйствах оказалось почти приостановлено. Но правительство интересовало во второй половине лета не столько производство, сколько изъятие оставшихся запасов хлеба у производителей.

Такая эволюция во многом объясняется динамикой государственных цен на зерно. С введением хлебной монополии закупочные цены были увеличены примерно на 70 %. Причем новые цены устанавливались 25 марта 1917 г., но действовали при оплате всех закупок со 2 марта, распространялись на хлеб нового урожая и остатки прежних лет. Такой шаг отнюдь не был чрезмерной уступкой производителям и торговцам. Экономический отдел Земского союза накануне повышения твердых цен сентября 1916 г. произвел подсчеты ценового паритета сельскохозяйственных и промышленных товаров. Оказалось, что цены на предметы промышленности в годы войны росли существенно быстрее, чем на продовольственные товары. Чтобы восстановить равновесие, необходимо было поднять твердые цены на хлеб в сентябре 1916 г. минимум на 60–70 % [Кондратьев, с. 260–261]. 9 сентября 1916 г. Министерство земледелия повысило твердые цены только на 30 %, т. е. лишь наполовину компенсировало возникший ценовой диспаритет. Мартовское повышение 1917 г. нельзя признать достаточным хотя бы потому, что за предыдущие полгода рыночные цены в Нечерноземье выросли на 58 %, в Черноземье на 40 %. 27 августа 1917 г. твердые цены на хлеб пришлось еще раз поднять, сразу двукратно. Но с весны до осени 1917 г. цены выросли в Нечерноземье в 2,7 раза, а в Черноземной полосе в 3,7. Следовательно, новое изменение твердых цен лишь отчасти компенсировало убытки производителя от сдачи хлеба государству. Нужно также помнить, что многие продовольственные органы сохранили весенние твердые цены или установили свои [Волобуев, с. 434]. Т. М. Китанина справедливо замечает, что такие ценовые скачки ударили по массовому потребителю хлеба — беднейшему крестьянству и рабочим. Она привела многочисленные факты протестов городских, рабочих и даже сельских продовольственных организаций потребляющих губерний [Китанина, 1985, с. 321–326]. Но были и другие факты. Продовольственные органы производящих губерний самовольно повышали заготовительные цены на том основании, что они в условиях инфляции не возмещали усилий крестьян и только стимулировали их к укрытию хлеба. Следует помнить, что крестьянство составляло четыре пятых населения страны, и интересы сельскохозяйственных производителей не были тождественны интересам крупной буржуазии.

В августе-сентябре 1917 г. крестьянство отказалось поставлять на рынок хлеб по новым ценам, по-прежнему далеким от рыночных. 6 сентября 1917 г.

Министерство продовольствия за отказ от сдачи хлеба по твердым ценам установило реквизицию с понижением цены на 30 % [ЦГИА РБ, ф. и-345, оп. 2, д. 82, л. 73 об.]. Именно в это время Временное правительство попыталось изъять хлеб у крестьян с помощью вооруженной силы. Другой альтернативой стало взятие на учет помещичьих усадеб с тем, чтобы с помощью местного населения или привезенных рабочих сжать хлеб [Липатова, с. 8; Пензенская губерния..., с. 98–99]. Результаты предпринятых усилий были более чем скромны. За август-октябрь 1917 г. правительственным органам удалось заготовить 74 млн пудов хлеба [Кондратьев, с. 365]. Из урожая осени 1917 г. государству не досталось почти ничего. Это не значит, что товарный оборот сжался до размера государственных заготовок. Просто большая часть хлеба вывозилась на рынок нелегально и доставлялась от производителей до потребителей спекулянтами. Хлебный рынок примитивизировался, ограничившись гужевыми и нелегальными железнодорожными перевозками, базарами.

Что касается крупных хлеботорговцев, то они уже не рассчитывали в 1917 г. вернуться на рынок в качестве серьезных участников. Интересный аспект взаимодействия революционной власти и буржуазии показал В. Я. Лаверычев. Сконцентрировавшиеся вокруг Центрального военно-промышленного комитета и Всероссийского союза торговли и промышленности предприниматели оценивали хлебную монополию Временного правительства как меру антигосударственную. Но при этом они не возражали против принудительного изъятия хлеба у производителей. Только осуществление монополии, начиная от заготовки хлеба и заканчивая распределением полученных запасов хлеба среди населения должно было, по их мнению, находиться в руках «технократов» — союзов хлеботорговцев, формирующих Совет при правительственных уполномоченных по продовольствию [Лаверычев, с. 315–318]. В условиях революции отдельные предприниматели рассчитывали выжить, представляя государству свои профессиональные навыки за небольшое вознаграждение.

Известно, что крупные хозяйства в России, занимая около 10 % посевных площадей, поставляли на рынок 35–40 % товарного хлеба. Остальное поступало из крестьянских хозяйств, имевших излишки. Крестьянский товарный хлеб подвержен наибольшим колебаниям. Значительно сокращают долю товарности крестьянских хозяйств не только неурожаи, но и неблагоприятные условия сбыта. Крестьяне легко могли наращивать нормы внутрихозяйственного потребления, что выступало удобной альтернативой сбыта хлеба на рынок. Именно так и произошло в 1917 г. Крупное производство оказалось практически уничтожено мероприятиями правительства и стихийным крестьянским «черным переделом». Частный хлеботорговый аппарат лишился значительной части своих капиталов, товарных запасов, а крестьяне предпочли потреблять больше хлеба, а не сдавать его государству себе в убыток. Продовольственная политика Временного правительства с первых недель носила антипредпринимательский характер. Решения Министерства земледелия, принятые в апреле-июле 1917 г., полностью лишили крупных и средних производителей стимула к товарному

производству хлеба. Новый этап в политике Временного правительство наметился с созданием Министерства продовольствия. Для получения хлеба из урожая следующего года правительству пришлось пойти на меры принуждения, включавшие даже взятие под государственный контроль и управление хозяйствами крупных и средних производителей хлеба. Временное правительство наметило многие меры, которые в дальнейшем реализовал и развил большевистский режим. Среди них организация посевов хлеба под контролем государства, проведение товарообменных операций и, наконец, принудительное изъятие хлеба у производителей по ценам, существенно ниже рыночных при запрете продажи хлеба по рыночной стоимости.

Источники

ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 168, 172.

Журналы заседаний Временного правительства : в 4 т. Т. 1 : Март-апрель 1917 г. / отв. ред. Б. Д. Додонов ; сост. Е. Д. Гринько, О. В. Лавинская. М. : РОССПЭН, 2001; Т. 2 : Май-июнь 1917 г. / отв. ред. Б. Д. Додонов ; сост. Е. Д. Гринько, О. В. Лавинская. М. : РОССПЭН, 2002.

Известия Министерства земледелия. Пг., 1916–1917.

Пензенская губерния в годы Первой мировой войны 1914 — март 1918 г. : в 2 кн. Кн. 2 : 1917 — март 1918 / отв. сост. В. В. Кондрашин. Прага : Sociosfera-CZ, 2014.

РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 129; Ф. 457. Оп. 1. Д. 1009.

Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып 2 : 5 мая — 24 июля 1917 г. Ч. 1. Пг. : Гос. тип., 1917.

Труды Совещания по организации посевной площади 22–24 ноября 1916 г. Доклады и постановления / Всерос. земск. союз. Совещание по организации посевной площади ; Гл. ком. Всерос. зем. союза. Экон. отд. М. : Тип. т-ва Рябушинских, 1917.

ЦГИА РБ. Ф. И-343. Оп. 2. Д. 18; Ф. И-345. Оп. 2. Д. 82.

Исследования

Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М. : АН СССР, 1962.

Гальперина Б. Д. IV Государственная дума (V сессия) и последний министр земледелия // Вестн. ТвГУ. Сер. «История». 2014. № 3. С. 34–52.

Китанина Т. М. Война, хлеб, революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г.). Л. : Наука, 1985.

Китанина Т. М. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика : курс лекций. СПб. : Гуманитарная Академия, 2016.

Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М. : Наука, 1991.

Лаверычев В. Я. Буржуазия и продовольственный вопрос в 1917 году // Ист. зап. 1977. Т. 99. С. 312–321.

Липатова В. Л. Ошибка регионального масштаба: Хлебная монополия Временного правительства и ее последствия // Центр и периферия. 2015. № 4. С. 4–9.

Лозинский З. Экономическая политика Временного правительства. Л. : Прибой, 1929.

Материалы по вопросам организации продовольственного дела. Вып. 8 : Основные принципы хлебной разверстки / под общ. ред. А. Чаянова и Н. Макарова ; сост. И. Воейковым и др. М. : [б. и.], 1917.

Обзор хлебного рынка за август-сентябрь 1916 г. Пг. : [б. и.], 1917.

Оськин М. В. Продовольственная политика России накануне февраля 1917 года // Рос. история. 2011. № 3. С. 53–66.

Оськин М. В. Продовольственный вопрос в России в 1917 году: слабое место новой власти // Науч. ведомости. Сер.: История. Политология. 2015. № 7 (204). Вып. 34. С. 164–171.

Оськин М. В. Продовольственная проблема в России в 1917 году // Современные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 2 (3). С. 355–361.

Тагирова Н. Ф. Хлебная торговля в России 1914–1917 гг.: коллизии рыночного и государственного регулирования // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения / сост. С. М. Исхаков ; отв. ред. Ю. А. Петров. М. : РОССПЭН, 2014. С. 62–75.

Статья поступила в редакцию 14.06.2017

Рынков Вадим Маркович
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт истории СО РАН
630009, Новосибирск, ул. Николаева, 8
E-mail: vadsvet@list.ru

Rynkov, Vadim Markovich
PhD (History), Senior Researcher,
Institute of History, Siberian Branch of RAS
8, Nikolaev Str., 630090 Novosibirsk, Russia
Email: vadsvet@list.ru

ON THE EVE OF WAR COMMUNISM: STATE FOOD POLICY AS A FACTOR OF THE RUSSIAN GRAIN MARKET TRANSFORMATION (February-October 1917)

This article analyses the food policy of the Provisional government within the context of the preceding tsarist and the upcoming Soviet regimes. The topic under consideration is limited to grain, the most important staple food product in Russia of the period in question. The author analyses the grain procurement legislation from November 1916 to September 1918 in detail. Referring to published and archival documents, the author observes consistent intensification of state regulation, and demonstrates that the government's actions led to a decrease in the production of grain as part of the commodity production system. In spring 1917, the activities of the Provisional government focused on the withdrawal of grain from salespeople and major manufacturers by means of requisition, which contributed to crops reduction in private households, and increased the level of consumption of the crops produced in peasant households. To overcome the negative consequences of inflation and the decline of grain procurement, the Provisional government planned a range of measures that included direct organisation of sowing in large households, the use of private equipment and agricultural machinery by the local population for sowing and harvesting, direct exchange of manufactured goods for grain in order to later withdraw grain stocks from peasants. These measures were not meant for normal market relations between the state and food manufacturers, and could only work due to effective control over peasantry and the use of force. All these measures were further implemented by the Soviet government.

K e y w o r d s: Provisional government; revolution of 1917; grain procurements; allotment; grain monopoly; prices.

Acknowledgements

The article is supported by the *Russian Scientific Foundation for the Humanities* (RGNF), research project 16-01-00067 "Grain Problem in Siberia in the 20th Century: Stages and Solution Methods".

Chayanov, A., & Makarov, N. (Eds.). (1917). *Materialy po voprosam organizacii prodovol'stvennogo dela* [Materials on the Issue of Food Supply Organisation] (Iss. 8: Osnovnye principy hlebnoj razverstki [Basic Principles of Grain Taxation]). Moscow: [s. n.]. (In Russian)

Gal'perina, B. D. (2014). IV Gosudarstvennaja duma (V sessija) i poslednij ministr zemledelija [4th State Duma (V Session) and the Last Minister of Agriculture]. *Vestnik TvGU. Serija "Istorija"*, 3, 34–52. (In Russian)

Kitanina, T. M. (1985). *Vojna, hleb, revoljucija (Prodovol'stvennyj vopros v Rossii. 1914 — oktjabr' 1917 g.)* [War, Bread, Revolution (Food Issue in Russia in 1914 — October 1917). Leningrad: Nauka. (In Russian)

Kitanina, T. M. (2016). *Rossija v Pervoj mirovoj vojne 1914–1917 gg.: jekonomika i jekonomicheskaja politika: Kurs lekcij* [Russia in World War I 1914–1917: Economy and Economic Policy: Course of Lectures]. St Petersburg: Gumanitarnaja academia. (In Russian)

Kondratiev, N. D. (1991). *Rynok hlebov i ego regulirovanie vo vremja vojny i revoljucii* [Grain Market and Its Regulation during War and Revolution]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Laverychev, V. Ja. (1977). Burzhuazija i prodovol'stvennyj vopros v 1917 godu [Bourgeoisie and Food Issue in 1917]. *Istoricheskie zapiski, 99*, 312–321. (In Russian)

Lipatova, V. L. (2015). Oshibka regional'nogo masshtaba: Hlebnaja monopolija Vremennogo pravitel'stva i ee posledstvija [Regional Mistake: Provisional Government's Grain Monopoly and Its Consequences]. *Centr i periferija*, 4, 4–9. (In Russian)

Lozinskij, Z. (1929). *Jekonomicheskaja politika Vremennogo pravitel'stva* [The Economic Policy of the Provisional Government]. Leningrad: Priboy. (In Russian)

Obzor hlebnogo rynka za avgust-sentjabr' 1916 g. [Review of Grain Market between August and September 1916]. (1917). Petrograd: [s. n.]. (In Russian)

Os'kin, M. V. (2011). Prodovol'stvennaja politika Rossii nakanune fevralja 1917 goda [Russian Food Policy on the Eve of the February Revolution 1917]. *Rossijskaja istorija*, 3, 53–66. (In Russian)

Os'kin, M. V. (2015). Prodovol'stvennyj vopros v Rossii v 1917 godu: slaboe mesto novoj vlasti [Food Issue in Russia in 1917: The Weakness of New Power]. *Nauchnye vedomosti. Serija: Istorija. Politologija*, 7 (204), *34*, 164–171. (In Russian)

Os'kin, M. V. (2016). Prodovol'stvennaja problema v Rossii v 1917 godu [Food Issue in Russia in 1917]. *Sovremennye problemy prava, jekonomiki i upravlenija*, 2(3), 355–361. (In Russian)

Tagirova, N. F. (2014). Hlebnaja torgovlja v Rossii 1914–1917 gg.: kollizii rynochnogo i gosudarstvennogo regulirovanija [Grain Trade in Russia 1914–1917: Market and State Regulation Collision]. In Yu. A. Petrov (Ed.), *Rossiya i Pervaja mirovaja vojna: jekonomicheskie problemy, obshhestvennye nastroenija, mezhdunarodnye otnoshenija* [Russia in World War I: Economy Problems, Public Sentiments, International Relations] (pp. 62–75). Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Volobuev, P. V. (1962). *Jekonomicheskaja politika Vremennogo pravitel'stva* [The Economic Policy of the Provisional Government]. Moscow: AN SSR. (In Russian)

Received on 14 June, 2017

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.047
УДК 94(47)“1917” + 94(439) +
+ 94(470.54-25) + 341.34

Г. Дьёни
Университет им. Лоранда Этвеша
Будапешт, Венгрия

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВЕНГРИЯ

В статье рассматривается влияние русской революции 1917 г. на венгерское общество. Во время Первой мировой войны много венгров оказалось в России в качестве военнопленных. Многие из них поддерживали красных в российской гражданской войне (их следы можно обнаружить, в том числе, в событиях последних недель жизни царской семьи), а в последующие десятилетия некоторые бывшие военнопленные (например, Имре Надь, Матяш Ракоши) играли важнейшую роль в истории Венгрии. Уже весной 1917 г. в Венгрии с удивлением и опасением воспринимали новости о русской революции, которая потрясла венгерскую общественность. После октябрьского переворота левые венгерские радикалы стали поддерживать ленинско-большевистские принципы, призывали к гражданской войне. Автор, анализируя тогдашнюю прессу, воспоминания, архивные документы, пришел к выводу, что в коллапсе «старой Венгрии» в 1918 г. важнейшую роль играли те бывшие военнопленные, которые в результате Брестского мира вернулись домой из России, «зараженные» идеями революции. Они буквально изнутри разорили армию и страну, в то время уже истощенную войной. В 1919 г. руководители Венгерской Советской Республики пытались адаптировать «московские образцы» управления, и многие венгерские интеллигенты сначала приветствовали эту попытку, но политика террора, проводимая венгерскими большевиками, закономерно привела к разочарованиям, и тому, что их власть сама разрушила свой собственный нравственный и политический фундамент.

Ключевые слова: Венгрия; русская революция; Октябрьский переворот; Екатеринбург; венгерские военнопленные; Венгерская Советская Республика.

В результате Первой мировой войны рухнули старые монархии Европы, в том числе и историческая «тысячелетняя» Венгрия. Коллапс Венгрии произошел именно в 1918 г., причем фактически еще до Октябрьской революции, однако не в последнюю очередь он был связан с русской революцией, которая потрясла весь мир. Венгрия не была здесь исключением.

Во время Первой мировой войны благодаря военнопленным началось небывалое перемещение венгерских и русских (российских) людей на чужие территории. Сотни тысяч венгерских военнопленных оказались на территории России. Приблизительно сто тысяч бывших венгерских военнопленных сражались в российской гражданской войне на стороне красных, причем известие о том, что венгерские солдаты сражаются на стороне большевиков, воспринималось в Венгрии с удивлением, хотя подобная информация, конечно, особо не афишировалась. Об этом, в частности, писал в своем дневнике герцог Иосиф

© Дьёни Г., 2017

Август Австрийский [József főherceg..., o. 670]. С другой стороны, чехословацкий корпус поддерживал белых, и в мае 1918 г. произошли известные столкновения между венграми и чехословацкими подразделениями в Челябинске на железнодорожной станции, — таким образом, внутренние разногласия Австро-Венгрии получили продолжение на территории России.

В дальнейшем многие из красных венгров сыграли важную роль в истории страны (поэт Геза Дьёни; премьер министр Имре Надь; лидер венгерского сталинизма Матяш Ракоши и т. д.) — все это тоже является последствием русской революции.

Во время Первой мировой войны в Екатеринбурге существовал лагерь для военнопленных Центральных держав. Документы, личные данные венгерских военнопленных, из которых многие активно участвовали в революционных событиях в России, хранятся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО, г. Екатеринбург), чрезвычайно богатом «венгерскими» материалами. Венгерская колония военнопленных была довольно многочисленной. Известно, что венгры были охранниками пленной царской семьи в Екатеринбурге (данные об Андраше Вергаше, который сделал надпись на стене дома Ипатьева и, по перечню Мейера, якобы участвовал в расстреле царской семьи, встречаются в документах упомянутого архива [Gyóni]). Это подтверждают не только российские, но и венгерские источники. Например, Матяш Ракоши в своих воспоминаниях утверждал, что лично беседовал с теми людьми, которые непосредственно участвовали в казни Николая II и его семьи [Rákosi, o. 249]. Занимаясь этой темой, пару лет назад автор данной статьи получил письмо от одного венгра, который попросил не публиковать его имя. Он утверждал, что его дед, будучи пленником в Екатеринбурге, был знаком с людьми, которые лично участвовали в казни.

Но в данном случае важнее всего то, что тысячи венгров — особенно, по-видимому, из многочисленной нищей аграрно-пролетарской среды — именно в России ощутили настоящую свободу и благодаря русской революции получили некий пассионарный толчок. Они обрели ощущение свободы именно в России, что, наверное, является уже само собой странным, невероятным для тех, кто отождествляет Россию с рабством, холопством. Возможно, поэтому немало венгров после войны осталось жить на Урале, в Екатеринбурге. Они не хотели возвращаться домой. Почему? Наверное, потому, что верили в светлое будущее, свободу, равенство (а кроме того, опасались репрессий со стороны контрреволюционного режима Хорти).

Этот пассионарный импульс, исходящий из русской революции, сыграл важнейшую роль в истории Венгрии в 1918 г. В Австро-Венгрии уже весной 1917 г. созрела взрывоопасная ситуация: росло недовольство войной, которая казалась все более непонятной, особенно пауперизировалось городское население. Война истощила страну, и после прихода к власти молодого кайзера Карла I начались секретные переговоры о выходе Австро-Венгрии из нее [Az első világháború 1914–1918, o. 422]. В Венгрии с удивлением восприняли Февральскую революцию в России [см., например: Véres éhségzendülések Oroszországban].

Многие не могли представить, что в стране самого авторитарного режима Европы мог произойти не просто переворот, а поворот к свободе и демократии. Читая тогдашнюю прессу, можно сделать вывод, что перемены в России, внезапное падание царской власти оказались шоком для венгерского общества уже весной 1917 г. [Andrássy, o. 159].

Восьмого апреля 1917 г. (когда Ленин был еще в Швейцарии) тогдашний премьер Венгрии Иштван Тиса издал секретный циркуляр, в котором попросил ишпанов (руководителей областей) обратить внимание на возможные революционные настроения в связи с российскими событиями [Az első világháború, o. 184–185].

Германия, как известно, поддерживала российских большевиков [Az első világháború 1914–1918, o. 427] (хотя, конечно, факт германской поддержки не объясняет их успеха), в то время как молодой австрийский кайзер Карл уже весной 1917 г. предостерегал немцев от этой политики: революционные волны, как бумеранг, будут бить обратно по самой Германии и Австрии [Németh, o. 330].

После того, как большевики пришли к власти в России, левые венгерские силы открыто приветствовали эти перемены. Например, журналист Йожеф Погань (в 1919 г. нарком Венгерской Советской Республики) уже 9 ноября, т. е. практически сразу, приветствовал большевистский переворот на страницах социал-демократической газеты «Népszava». В это время в венгерском обществе резко возрос интерес к России. Россия тогда для многих так называемых «прогрессивных» деятелей считалась объектом подражания. Например, «Кружок Галилеи»[1], который играл очень важную роль в культурно-политической жизни Будапешта в последние годы войны и считался эмблемой прогрессивного движения, организовал лекции, посвященные России. Этот «прогрессивный» кружок с начала 1918 г. фактически стоял на ленинских позициях: призывал к гражданской войне, уничтожению богатых, организовал конспиративную группу для захвата власти (некоторых членов кружка арестовали в январе 1918 г. и выпустили осенью, после революции) [Kelen, 1955, o. 76]. 25 ноября 1917 г. в Будапеште на митинге социал-демократической партии Венгрии участники приветствовали переход власти к большевикам. Дежо Бокани, один из руководителей СДПВ заявил, что мы подаем руку русским товарищам, потому что они доказали, что есть еще надежда для *человечества* [Hajdu, o. 60].

Таким образом, большевистский переворот вдохновил многих, особенно левые силы в Венгрии во второй половине 1917 — начале 1918 г. Интересно, что в венгерской прессе относительно много писали о большевиках и даже нередко в позитивном духе. Например, в еженедельном журнале венгерских «ассимилированных» евреев «Egyenlőség» («Равенство») восхищались Львом Троцким как человеком, который приносит мир всему миру, и с удивлением отмечали,

[1] Сначала члены кружка были пацифистами, а когда в Венгрии в 1919 г. пришли к власти коммунисты, поддержали диктатуру и призывали защищать власть венгерских коммунистов до «последнего патрона» [A Galileisták harci szózata, o. 5].

что в России, «в стране погромов», у власти мог оказаться еврей [Magyar]. То, что военная цензура пропускала такие статьи, объясняется, наверное, известной германской поддержкой большевиков. И хотя в декабре 1917 г. Рихард фон Кюльман, секретарь немецкого МИДа, с восторгом отметил успехи германской внешней политики, в результате которой большевики могли прийти к власти [Az első világháború 1914–1918, o. 61] (действительно, большевики весной 1918 г. заключили Брестский мир с Центральными державами, фактически отдавая Прибалтику, Белоруссию, Украину), в конечном счете более мудрыми и дальновидными оказались те опасения, которые еще весной 1917 г. высказал австрийский кайзер и венгерский король Карл.

Безусловно, для Венгрии Брест-Литовский мир в марте 1918 г. имел огромное значение прежде всего потому, что это мирное соглашение предусматривало возвращение военнопленных. В свою очередь, благодаря им русская революция постепенно проникала и в Венгрию.

Читая новости, воспоминания и прочие материалы 1918 г., можно прийти к выводу, что в Венгрии судьбоносную роль играли военнопленные, вернувшиеся из России. Первый транш бывших военнопленных прибыл из Советской России уже в самом конце февраля. Венгерское правительство создало двухнедельный карантин для этих людей, опасаясь революционных явлений [Iványi, o. 398]. У консервативного венгерского правительства действительно были причины для переживания, ибо эти люди, вернувшиеся из России, были «заражены» идеями свободы и равенства. Так писал об этом Арпад Пастор, журналист популярной газеты «Az Est» («Вечер») в начале марта 1918 г.:

> Я говорил с сотнями людей, возвращающимися из России, но не нашел никакого следа, что их заставили стать большевиками. Они вообще не употребляют слово большевик, для них современное состояние России — это слобода, как они говорят. Там есть слобода. То есть свобода [Pásztor, o. 3].

О решающей роли бывших военнопленных в Венгрии в 1918 г. красноречиво писал один из лучших венгерских писателей XX в. Дюла Ийеш в своем автобиографическом романе «Kora tavasz» («Ранняя весна»). Вот как выглядела ситуация в венгерской провинции и в венгерской деревне в его восприятии:

> Меня удивило, когда однажды утром взрослые стали возвращаться в свои дома. Эти бородатые люди с недоверчивыми глазами как будто находились на фронте, будто они готовились какую-то территорию захватить. Люди, оставшиеся дома, опасались их.
>
> Но рубежи деревни как бы расширились. Будто наша деревня поднялась в небо. Она облегчилась, быстрее дышала. <...>
>
> Рубежи деревни вдруг достигали Камчатки. По ночам жители не закрывали двери в ожидании долгожданных гостей из Красноярска <...>
>
> Казалось, вернувшихся стало больше, чем когда они ушли. Они занимали больше места. Они заполняли комнату, воздух стал от них тяжелее даже тогда, когда они молчали.

> Наш край стал диким. Диким или свободным? За одну неделю наш край вернулся на тысячелетие назад... <...> сопредельные земли стали свободными как во время обретения родины, по крайней мере, в глазах крестьян [Illyés, o. 89–90].

Действительно, солдаты возвращались в Венгрию толпами, сотнями, тысячами. И это были люди, которые считали себя свободными и героями, которые считали, что это общество должно им. Вот что писал венгерский либеральный политик Оскар Яси:

> Если солдаты вернутся из полузверской жизни траншей и увидят своих измученных, голодных, больных, нищих родственников, изменявших им жен, когда увидят малышей, зачатых чужими мужчинами, тогда здесь произойдет апокалипсис. Эти озверевшие существа выбьют нас из наших квартир, они лягут в наши постели, сожрут наши продукты, они станут носить нашу одежду. И мы даже не можем сказать, что они неправы [Jászi, o. 57].

И всё действительно произошло именно так. Тот, кто возьмется прочитать венгерскую прессу, начиная с весны 1918 г., увидит настоящую криминальную хронику. Возвращающиеся из России солдаты, несмотря на двухнедельный карантин, деморализовали армию, они и дезертиры, примкнувшие к ним, собирались в банды, скапливающиеся в больших городах, особенно в Будапеште, где к осени уже бродили 50 тысяч бывших или беглых солдат [Sándor László elmondja..., o. 2]. В провинции тоже собирались группы солдат, не желавших больше участвовать в этой, на их взгляд, несправедливой и бессмысленной войне[2]. Они добивали своих неверных жен, их любовников, воровали, грабили, «брали» все, что им хотелось. Ситуация стала такой серьезной, что фактически к лету в Венгрии прекратилась монополия государства на насилие. А где прекращается монополия государства на насилие — наступает неизбежная, закономерная смерть государства. Именно это и случилось в Венгрии в 1918 г.

Возможно, что Ленин и большевистское руководство заранее осознало последствия возвращения толп бывших военнопленных в Центральные державы. Вне сомнения, что сознательные большевики на самом деле подогревали огонь революции. Например, 18 апреля 1918 г. Комиссия венгерских военнопленных в России издала воззвание, в котором призывала солдат к тому, чтобы они у себя дома устроили вооруженное восстание.

> С оружием в руках, с ненавистью в сердцах, восстаньте! Уничтожьте все, что на пути вашей свободы. Только чуть маленький революционный толчок, и все будет принадлежать вам. Земля будет ваша, заводы будут ваши, вас ждет благополучие, счастье, мир. Но для этого неизбежно насилие, вооруженное восстание [A magyar internacionalisták..., o. 154–156].

---

[2] Есть свидетельства и о том, что солдаты, вернувшиеся из России, если их снова отправляли на фронт, считались самыми ненадежными, склонными к бунту [Szenti, o. 78].

По сути дела, лидер венгерских коммунистов Бела Кун дал правильный анализ в своей статье в «Правде» от 13 июля, когда писал, что гибель Австро-Венгрии неизбежна из-за возвращающихся из России военнопленных [A magyar internacionalisták..., o. 216].

Старый режим в Венгрии действительно рухнул — в октябре в Будапеште произошла революция, хотя передача власти 31 октября в руки Венгерского Национального Совета, созданного 25 октября 1918 г., и прошла не без элементов конспирации [Bús Fekete, o. 11]. К власти пришло прозападное «социал-либеральное» правительство графа Михая Каройи. В условиях полной политической свободы в ноябре в Будапеште была создана Коммунистическая партия Венгрии (еще ранее, в Москве, в гостинице «Дрезден» также была создана Партия коммунистов Венгрии: члены партии обязались ехать в Венгрию и там приложить усилия для создания условий «международной революции») [Kelen, 1976, o. 123]. К весне следующего года политика Михая Каройи потерпела поражение. Потерпела поражение прежде всего потому, что правительство Каройи, провозглашая политику пацифизма, не предприняло попытку защитить страну от напавших на Венгрию чехословацких, румынских, сербских агрессоров, которые, нарушая условия Белградского перемирия 13 ноября 1918 г., захватывали новые и новые территории. К весне 1919 г. вокруг Каройи «закончился воздух», его прижимали как правая, так и левая оппозиции. Советская Россия и коммунистические организации во главе с Белой Куном делали определенную конспиративную работу, чтобы подорвать позиции правительства Каройи [Budapest Főváros Levéltára VII, 5/c 614 f.].

После того как 20 марта 1919 г. союзники снова потребовали унизительных территориальных уступок от Венгрии в пользу Румынии, Каройи ушел в отставку, к власти пришла коалиция социал-демократов и коммунистов, была создана Венгерская Социалистическая Республика, просуществовавшая 133 дня. В настоящее время в Венгрии преобладает идеологический, резко отрицательный подход к этому событию, при котором забывается, что тогда, в марте 1919 г., действительно многие в Венгрии ждали какого-то чуда от коммунистов: социальной справедливости, отечественной войны. Власть коммунистов вначале поддерживали не только левые радикалы, но и цвет, лучшие представители венгерской интеллигенции: Бела Барток, Дюла Ийеш, Ласло Немет, Дежо Сабо, Шандор Мараи, Михай Бабич, Жигмонд Мориц, Дюла Круди. Другое дело, что через пару недель все они разочаровались и пришли к выводу, что это не совсем та власть, которую они ждали, и, несмотря на некоторые впечатляющие социальные реформы (например, бесплатный отдых для бедных детей), она использует неприемлемые методы, открытый террор против гражданского населения, действует, возможно, на словах, на благо народа, а на деле — против его воли, заставляя забыть о национальных традициях, унижая нацию (запрет венгерского национального флага, преследование религии и т. д.). К сожалению, ввиду того, что многие руководители венгерской коммунистической власти были евреями, негативная оценка Венгерской Советской Республики часто приобретала антисемитский характер.

Тем не менее, это был первый случай в истории Венгрии, когда венгерские власти открыто смотрели на Москву, когда была реализована попытка адаптировать «российскую модель управления» на восточно-европейской почве. И это тоже плод русской революции, хотя эта попытка не стала, да в сложившейся политической ситуации и не могла стать успешной. Венгерская Советская Республика рухнула прежде всего не из-за румынской агрессии в начале августа 1919 г., а потому, что новая власть с ее беспощадным и бессмысленным террором, нетерпимостью к инакомыслию сама выжигала почву под собой. От реальных же – военных – успехов (которые были достигнуты в действиях против чехословаков) эта власть отказалась сама.

Источники

A Galileisták harci szózata // Pesti Napló. 1919. 22 április. O. 5.

A magyar internacionalisták a Nagy Októberi Szocialista forradalomban és polgárháborúban (1917–1922). Dokumentumgyűjtemény. Budapest : Kossuth Könyvkiadó, 1967.

Andrássy Gy. Diplomácia és világháború. Budapest : Göncöl-Primusz, 1990.

Az első világháború / szerk. D. Szabó. Budapest : Osiris Kiadó, 2009.

Az első világháború 1914–1918. Tanulmányok és dokumentumok / szerk. I. Németh. Budapest : L'Harmattan, 2014.

Budapest Főváros Levéltára VII. 5/c 614 f. // Végzés az 1919. évi XI. t. czikkbe ütköző bűntett miatt Kun Béla és társai ellen indított bűnügyben a m. államrendőrség főkapitánysága által.

Bús Fekete L. Katona forradalmárok. Budapest : Phonix, 1918.

Illyés Gy. Kora tavasz. Regény. Mint a darvak. Visszaemlékezések, rajzok. Budapest : Szépirodalmi Könyvkiadó, 1972.

Iványi E. (szerk.): Magyar minisztertanácsi jegyzőkönyvek az első világháború korából 1914–1918. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1960.

Jászi O. Magyar kálvária — magyar föltámadás. Két forradalom értelme, jelentősége és tanulságai. Budapest : Magyar Hírlap könyvek, 1989.

József főherceg, altábornagy. A világháború amilyennek én láttam. VI. A katasztrófák útján a pusztulásba (A piavei csata). Budapest : MTA Kiadása, 1933.

Kelen J. Töretlen úton. Korvin Ottó élete. Budapest : Ifjúsági Könyvkiadó, 1955.

Kelen J. Eliramlik az élet... Budapest : Kossuth Könyvkiadó, 1976.

Magyar L. Troczky, orosz miniszterelnök // Egyenlőség. 1917. 17 november.

Németh I. A Német Császárság 1871–1918. Összegzés és dokumentumok. Budapest : L'Harmattan, 2009.

Pásztor Á. A magyar fiúk és a „szloboda" // Az Est. 1918. 7 március. O. 3.

Rákosi M. Visszaemlékezések 1892–1925 I. kötet. Budapest : Napvilág Kiadó, 2002.

Sándor László elmondja, hogy miért tört ki a forradalom // Az Est. 1920. 26 augusztus. O. 2.

Szenti T. Parasztvallomások. Gazdák emlékezései Hódmezővásárhelyről. Budapest : Századvég Kiadó, 2008.

Véres éhségzendülések Oroszországban // Pesti Hírlap. 1917. 12 március. O. 1.

Исследования

Gyóni G. A cári család kivégzésének magyar vonatkozásai [Electronic resource]. URL: http://www.russtudies.hu/Aindex.php?menu=86&dir=&lang=h (accessed: 13.07.2017).

Hajdu T. Közép-Európa forradalma 1917–1921. Budapest : Gondolat, 1989.

Статья поступила в редакцию 14.07.2017

Дьёни Габор
кандидат исторических наук,
научный сотрудник Центра русистики
Будапештский университет
им. Лоранда Этвеша
1088 Budapest, Múzeum körút, 6–8
E-mail: dominus2006@yandex.ru

Gyóni, Gábor
PhD (History), Researcher
Centre of Russian Studies
Eötvös Lorand University
6–8, Múzeum körút, 1088 Budapest, Hungary
Email: dominus2006@yandex.ru

THE RUSSIAN REVOLUTION AND HUNGARY

This article discusses the impact of the Russian revolution of 1917 on Hungary, and the Hungarian people. During World War I, many Hungarians found themselves in Russia as prisoners of war. Many of them supported the Reds in the Russian civil war (among others, their traces can be found in the events of the last weeks of life of the Imperial family), and in the subsequent decades, some of them (for example Imre Nagy, Matyas Rakosi) played a crucial role in the history of Hungary.

In the spring of 1917, many Hungarians were worried and impressed by the news about the Russian revolution which shook the Hungarian public. After the October revolution, the Hungarian left-wing Radicals began to support the Leninist-Bolshevik principles and call for civil war. The author analyses the press, memoirs, and archival documents of the time, and concludes that the collapse of the "old Hungary" in 1918 was due to a major role played by former prisoners of war who, as a result of the Brest peace in 1918, came home from Russia, "infected" by the ideas of the revolution. They ruined the army, and the country exhausted by war from the inside. In 1919, the leaders of the Hungarian Soviet Republic tried to adopt the "Moscow models" of governance. Because of the desperate situation in the country, many Hungarian intellectuals welcomed the attempt at first, but the policy of terror carried out by the Hungarian Bolsheviks naturally led to disappointment, and the fact that the government itself destroyed its moral and political foundations.

K e y w o r d s: Hungary; Russian Revolution; October Revolution; Yekaterinburg; Hungarian prisoners of war; Hungarian Soviet Republic.

Gyóni, G. *A cári család kivégzésének magyar vonatkozásai* [Hungarian Traces in the Execution of Russian Imperial Family]. Retrieved from http://www.russtudies.hu/Aindex.php?menu=86&dir=&lang=h. (In Hungarian)

Hajdu, T. (1989). *Közép-Európa forradalma 1917–1921* [Revolutions in Central Europe 1917–1921]. Budapest: Gondolat. (In Hungarian)

Received on 14 July, 2017

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.048
УДК 94(470.5)“1917/19” +
+ 070.22:821.161-1 + 82.091

И. Е. Васильев
1) Уральский федеральный университет
2) Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия

ТОПИКА И МИФОПОЭТИКА РЕВОЛЮЦИИ В МАССОВОЙ ПОЭЗИИ УРАЛА 1917–1919 гг.*

В работе изучается поэзия, опубликованная в уральских периодических изданиях 1917–1919 гг. Это в основном публицистические газетные стихи, представляющие интерес с точки зрения выражения общественного мнения относительно событий революций 1917 г. и Гражданской войны на Урале. Диапазон суждений и оценок этих событий определяется не только личными и партийными пристрастиями и предпочтениями, но прежде всего коллективными представлениями, присущими массовому сознанию. Именно на этом аспекте и сосредоточивается автор статьи. Его интересуют устойчивые мотивы и образы, восходящие к коллективному бессознательному уральской общественности. Для обозначения этих погруженных в традицию универсалий используются близкие, порой пересекающиеся понятия: топос, архетип, мифологема. Они ассимилируют в себе разные ментальные сферы — политику, религию, обыденное сознание, соотносят изображение с вневременными масштабами и тем самым выводят моделирование образа революции на более высокий уровень образных обобщений. В статье исследованы отдельные образные детали и мотивы (параллели Революция — Пасха; связь с календарной обрядностью, временами года, аграрной мифологией; цветовая и световая символика), а также метасюжет революционной поэзии, который включал в себя модифицирующиеся фигуры Героя, Врага, Жертвы, изображал революцию как борьбу и трудный путь к раю (коммунизму). Автор статьи в итоге приходит к выводам, что опора на общий культурный опыт, основанный на архетипических началах, способствует глубокому и плодотворному осмыслению жизни в эпоху исторического перелома, затрагивающего интересы широких масс общественности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Революция; Гражданская война; топика; мифопоэтика; коллективные представления; массовое сознание; стереотипы; метасюжет; борьба; труд; рай; коммунизм.

Революционные потрясения 1917 г. и события Гражданской войны не могли никого оставить равнодушным, ибо так или иначе касались каждого жителя страны. Происходила грандиозная ломка общественного устройства, потребовавшая воли, энергии, решительности, мобилизации всех ресурсов и человеческих способностей для решения возникающих задач. Революция вовлекла в орбиту своего притяжения миллионы людей и всколыхнула их самосознание, что

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 16-14-00118 «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX — первой половины XX в.».
© Васильев И. Е., 2017

выражалось не только в действиях, поступках, а также мотивировках принятых решений, но, в частности, и в самодеятельном поэтическом творчестве. Стихи в изобилии печатались в газетах, журнальной периодике, брошюрах и листовках и свидетельствовали о появлении поэтов, выражавших широкий спектр народных мнений. Множественность этих мнений фокусировалась коллективным началом, вне которого не существовало исторических событий. Александр Блок как свидетель и участник исторического процесса чутко это подметил в дневниках 1918 г.: «Революция – это: я — не один, а мы» [Блок, с. 333]. Ему вторит исследователь Р. Скидельски, который пишет, характеризуя XX век, что «именно коллективизм определяет уникальность уходящего столетия, если сравнивать его с предшествующими эпохами» [Скидельски, с. 11].

Коллективность оказывается, таким образом, решающим условием, формирующим восприятие и оценку революции, она лежит в основе массового сознания, базирующегося, как показали работы Э. Дюркгейма, Л. Леви-Брюля, З. Фрейда, К. Г. Юнга, на архаике, импульсах бессознательного, типовых реакциях.

Важную роль в изучении массового сознания, вырастающего на почве коллективных представлений и бессознательных образов, отождествляющихся в культурологии и литературоведении с мифологемами, архетипическими мотивами и образами, играют топосы, аккумулирующие культурный опыт человечества [Булгакова, с. 46]. Топос — общее место, не требующее аргументаций и обоснования для развиваемой темы речевого сообщения. Участники коммуникации принимают его как некую аксиоматическую данность, типовую схему или формулу, в символическом пространстве которых разворачиваются мотивированные смыслы. Различия во взглядах, разные ценностные предпочтения могут варьировать эти смыслы вплоть до их полной взаимоисключаемости, но сам топос обладает устойчивостью, встроенностью в культуру, традицию, историческую память. Эрнст Курциус, характеризуя топосы, отмечал, что это «твердые клише или схемы мысли и выражения, запечатлевающие формулы, фразы, обороты, цитаты, стереотипные образы, эмблемы, унаследованные мотивы» [Курциус, с. 118]. Ср. также мнение современного автора о топосе, что это «стереотипный, клишированный образ, мотив, мысль» [Махов]. В этом плане топос – культурная универсалия, связанная с коллективным сознанием, с его тягой к ментальным конструкциям, вырастающим на основе стереотипных представлений.

Топика как совокупность топосов выстраивает семантическое поле образных конфигураций и выступает языком описания различных явлений (в нашем случае – революции как культурного феномена). В ее границах концентрируются смыслы и оценки, представления о происходящем. Но топос это не только текстовая категория, она связана с культурно-исторической реальностью, действительностью, являющейся материалом художественной рефлексии. По отношению к этой действительности возникают импрессии, вписываемые в типовые представления, «национальную аксиоматику» [Панченко, с. 246]. Всё это связывает топос с пространственными координатами, делает его «местом

разворачивания смыслов», «которое может коррелировать с каким либо фрагментом (или фрагментами) реального пространства...» [Прокофьева, с. 89].

Топика существенно дополняется мифопоэтикой. Исследователь Н. О. Осипова предлагает следующее толкование термина и определение круга вопросов, стоящих перед теми, кто касается мифопоэтики: «Мифопоэтика — творческая, личностная и жизнетворческая система художника, основанная на художественно мотивированном обращении к традиционным мифологическим схемам, моделям, сюжетно-образным системам и поэтике мифа и обряда, в том числе и к созданию “неомифологических” текстов. Одновременно мифопоэтика представляет метод исследования таких явлений литературы, которые ориентированы на мифопоэтические модели, с целью проследить их генезис, развитие и функции в создании целостной картины мира, трансформацию традиционных образов, что позволяет исследовать широкие интертекстуальные связи» [Осипова, с. 51–52][1].

Мифопоэтика рассматривается нами как проявление закономерностей организации художественного целого, определяемых влиянием мифологических представлений, архаических верований, архетипических образований, ибо мифология революции разворачивает свою систему мифологических мотивов, символических образов и метафор, коллективных обрядов, религиозных ритуалов и посвящений. Она отражает совокупность художественных свойств, обусловливающих состав, структуру, систему взаимосоотнесенных элементов произведения, а также отдельных его блоков и образных единств, в частности, изображенного в стихах явления революции.

Восприятие и видение топики революции, ее суммарная многоплановая трактовка и использование участниками литературно-художественного процесса — вот что представляет для нас интерес. Что несла с собой попытка уральских авторов запечатлеть и осмыслить образы времени со стороны символических обобщений, важных для коллективной жизни? Какие стороны революции и Гражданской войны как ее продолжения и в каких формах мифопоэтического осмысления привлекали их внимание?

***

Вести о февральских событиях в столице дошли до Урала с небольшими опозданиями: 28 февраля пришла телеграмма о том, что Государственная дума взяла власть в свои руки, а 2 марта сообщили об отречении Николая II от престола. Власти сначала было заняли осторожную позицию и какое-то время перекрывали информационные каналы, в результате чего быстро поползли всяческие слухи и возникла некоторая неопределенность, однако вскоре произошел прорыв информационной блокады и на Урале развернулись активные преобразовательные процессы. Современный историк отмечает: «При первых правдивых известиях из Петрограда все на Урале пришло в движение. Стихийная

[1] Обзор литературы по проблемам мифопоэтики см.: [Ярошенко].

энергия масс вылилась в организацию органов власти, возрождение партий, профсоюзов и других общественных организаций» [Шапошников, с. 114].

Активизация общественной жизни на Урале привела к быстрому появлению во многих городах и местечках советов рабочих и солдатских депутатов, комитетов общественной безопасности, укреплявших новую власть, поддерживавших общественный порядок (разоружалась полиция и создавалась новая правоохранительная структура — милиция, смещались и арестовывалась представители прежней администрация и отпускались на волю политзаключенные). Жизнь перестраивалась на выборных, демократических началах с широким участием всех слоев населения.

Литературная общественность встретила революцию восторженно и патетически ее приветствовала, связывая с падением монархии представление о долгожданной свободе, новых возможностях для развития страны и надежды на улучшение жизни народа. Славословия революции, русскому народу, стране отливались в формы гимна: «Гимн празднику свободы» (Н. Анзоре), «Гимн новой России» (И. Н. Антонов). В стихотворении с многозначительным говорящим названием «Свершилось» автор «Народной газеты» Н. А. Грамолин пишет:

Пал старый строй России, к гибели ведущий,
Свободы светом озарилася она...
Привет тебе и счастия в грядущем,
Многострадальная страна!

[Голдин, кн. 1, с. 201]

Поэты говорили о «пробуждении» страны[2] и воскрешении русского народа, сравнивали происходящее с Пасхой, наполняющей воздух колокольным звоном, весенними настроениями:

Привет проснувшейся отчизне!
Да сгинут духи тьмы и зла!..
О новой, светлой, ясной жизни,
Смеясь, поют колокола!..

[Там же, с. 127]

Пасха в 1917 г. приходилась на середину апреля и в сознании граждан ассоциировалась с радостными переменами в обществе. Христианские мотивы воскрешения, спроецированные на социально-политическую ситуацию в стране, соединялись с темой возрождения Руси и образами пробуждающейся от зимней спячки природы. Мотивные ряды у одних авторов шли параллельно (природа либо фон, либо средство обнаружения процессов, происходящих в обществе):

---

[2] Мотив пробуждения от спячки имеет широкий коннотативный спектр. Для нас существен политический аспект: «В политической рефлексии свобода связывается с определенной формой активного бдения... а сон рассматривается как фокус отрицательных качеств — забывчивость, невосприимчивость, безволие, равнодушие, беззащитность, молчание, ведущие к рабству» [Пензин, с. 11].

Русь свободна! Русь проснулась! Вторят лес и горы.
Русь воскресла! — повторяют всюду птичьи хоры

[Голдин, кн. 1, с. 179], —

у других намечался род иносказания и сквозь весенний природный антураж проглядывала обновляющаяся человеческая жизнь, высказывалась надежда на перемены к лучшему и вера в переход от мрачного и ненастного «вчера» к светлому грядущему:

А ныне не узнать вчерашнего ненастья;
Завесу мрака ветер разогнал —
Во взгляде каждых глаз,
В улыбке каждой счастье,
И в мартовские дни как будто май настал;
Кругом снега, а чудится ручьями
Даль пробуждения поет, зовет, шумит,
И расцветает яркими цветами,
И о грядущем светлом говорит.

[Там же, с. 162–163]

Екатеринбургский литератор В. П. Чекин, написавший это стихотворение, прославляя революцию («Да здравствует свободная Россия! / Да здравствует раскованный народ!» [Там же, с. 163]), как и многие другие, называл февральские события «светлым праздником» освобождения.

Надо сказать, праздничные настроения тогда были словно разлиты в воздухе, напоенном эйфорией желанной свободы. Время от времени устраивались шествия, демонстрации, народные гуляния, обставленные соответствующей атрибутикой, революционными плакатами. Одно из таких мероприятий описывается в Приложении «1917 год в Пермской губернии: Хроника революционных событий» к «Календарю знаменательных и памятных дат Пермского края на 2007 год» следующим образом:

> **10 марта** – день погребения первых жертв русской революции. По распоряжению Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов день 10 марта был объявлен национальным праздником свободы и русской революции. В этот день учебные заведения и предприятия в г. Перми были закрыты, а на улицах города прошли большие демонстрации рабочих и войск местного гарнизона, звучал оркестр, у каждого манифестанта на груди был приколот красный бант[3], лента или цветок [Календарь..., с. 90].

---

[3] Исследователь эпохи революционных катаклизмов В. Булдагов отмечает, что во время Февральской революции «поразительно быстро стала возникать новая символика»: «Непременным ее атрибутом стали красные знамена и особенно банты. Красный (в прошлом красивый) цвет, вероятно, стал теперь ассоциироваться в массах с чем-то новым» [Булдагов, с. 66]. Красный цвет в рамках топики революции осознавался как символ света, солнца, утренней зари: «Красный цвет, / Алый цвет, / Солнца всход, / Солнца свет — / Наш оплот! / Наш завет!» [Голдин, кн. 2, с. 19].

Окрыленное завоеваниями революции, население вдохновлялось достижениями европейской цивилизации, лозунгами буржуазной демократии «Свобода! Равенство! Братство!». «В равенстве, братстве, в свободе святой / Жизнь обновленного края» [Голдин, кн. 2, с. 10], — писал, например, оренбургский поэт А. Беленников. Другие уральские авторы варьировали революционные постулаты:

Но разве кровь венец всего?
И разве в ненависти — новь?
От злобы гибнут без следа
Свобода, правда и любовь
[Голдин, кн. 1, с. 44].

Замена «Равенства» и «Братства» на «Правду» и «Любовь» вполне соответствует неукротимому русскому правдоискательству и желанию избавиться от ужасов войны, насилия.

Художественное осмысление происходящего на страницах газет утверждало заслугу революции в деле разрушения господства чиновников, полиции, монархического аппарата принуждения. Все антинародные силы получали негативную характеристику и выступали в массовом восприятии как силы зла. Революционная риторика задолго до февральской буржуазно-демократической революции изобрела емкое их обозначение — «темные силы» (вспомним строчку из знаменитой «Варшавянки»: «Темные силы нас злобно гнетут»). В семантических границах этого понятия осуществлялись их уральские атрибуции 1917 г.: «злодеи» [Там же, с. 246]; «палачи» [Голдин, кн. 2, с. 30]; «Каины» [Голдин, кн. 1, с. 25]; «ядовитые змеи» [Там же, с. 34]; «вампиры» [Там же, с. 66]; «шакалы и волки» [Голдин, кн. 2, с. 20]. Эти определения принимались и «правыми», и «левыми» политиками, сторонниками и противниками тех или иных начинаний. Собирательность понятия позволяла вписывать в его смысловой объем самые разные, порой совершенно противоположные реалии (монархию, германские войска, бюрократию, буржуазию и пр.), но главное — служила задаче консолидации сочувствующих демократическим преобразованиям. Все клялись в верности русскому народу и обличали его внутренних и внешних врагов. Стремясь отождествиться с положительными силами революции, поэты использовали личное местоимение первого лица множественного числа «мы», а также притяжательное местоимение «наш», относящее человека к группе лиц, среди которых есть и говорящий: «Наше спасение – / Объединение. / Светлая жизнь впереди» [Голдин, кн. 1, с. 30–31]. Такого рода единение показывало, что идеалы революции становились общим этико-мировоззренческим камертоном общества:

Пусть на устах всех застынут проклятья,
Крепко мы руки друг другу сожмем,
В семью одну все сольемся, как братья,
И к свету дорогой свободной пойдем!
[Там же, с. 246]

Поскольку понятие демократии чем дальше, тем естественнее сопрягалось с широчайшими народными массами — прежде всего трудящимися, работа, коллективные усилия становились показателями меры и должного характера вовлеченности человека в революционные процессы. Участие в революции, которое задолго до Февральской революции получило конспирологическое наименование «рабочее дело» («Но мы поднимем гордо и смело / Знамя борьбы за рабочее дело...» («Варшавянка»)), уравнивало борьбу и труд как деятельность. Метафорой революционного дела становилась работа кузнеца, а страна изображалась гигантской кузницей:

В этой кузнице огромной,
Что Россией мы зовем,
Свет и волю,
Жизнь и долю
Смело мы теперь куем...

[Голдин, кн. 1, с. 211]

Совокупными усилиями поэтов конструировался революционный миф, в рамках которого живет и действует культурный Герой — воин и кузнец. Такой герой в соответствии с мифологическими представлениями превосходит способности рядовых людей и возвышается над природой:

Я могуч... Я весь из стали...
С тяжким молотом в руках.
Все невзгоды, все печали
Я разбить сумею в прах!

[Там же, с. 89]

Молотобоец, разбивающий цепи рабства, — образ, рожденный революционным пролетарским мировосприятием, но корни его уходят в далекое прошлое, к образу бога грозы, грома и небесного огня, повергающего дракона.

Февральская революция, свергшая монархию и давшая буржуазно-демократические свободы населению, отменившая смертную казнь, вскоре стала пробуксовывать. Временное правительство со своими задачами не справлялось. Накопившиеся противоречия нарастали, социально-политические расхождения усиливались. Общество оказалось неготово к самоорганизации на новых принципах. Среди населения распространялось неверие, ожесточение и неуважение друг к другу. Стало понятно, что никакого мгновенного улучшения ситуации в стране не предвидится, ибо все слишком запущено, погрязло в рутине и безнадежности. Поэты без устали констатируют непорядок, всеобщий развал и разруху в экономике и в человеческих взаимоотношениях:

Землю крепко опутал разврат,
Ядовитые ползают змеи...

[Там же, с. 34]

Словно язвы, открылась нужда,
Бесконечные голод и слезы
И безжалостно свергла вражда
Молодые волшебные грезы.

[Голдин, кн. 1, с. 34]

Ползет зловещих туч гроза,
Анархия, погром...
Что день — беду родит беда
И ставит жизнь вверх дном.

[Там же, с. 165]

Первоначально широко распространенные экзальтации сменяются сокрушениями и вздохами сожаления:

Нет, враг не пал! Еще сильны
Инстинкты варварства в народе.
Подонки общества сильны
Своею дикостью в свободе.

[Там же, с. 31]

У многих опустились руки. Чувство разочарования передавалось впечатлениями блуждания человека, сбившегося с пути, как в аллегорическом стихотворении «Заблудились» автора курганской «Народной газеты»:

Снова непогоды,
Бездорожица.
Снова ищем мы
Пути торные.

[Там же]

В других случаях очевиден публицистический акцент:

Сбились мы, что делать нам?
Мчатся тучи, вьются тучи,
Жизнь душна, грязна. Темна.
Преступлений, злобы тучи,
Торжествует Сатана.

[Там же, с. 166]

Стали множиться те трактовки революционного мифа, которые связывали переход к новой жизни с сопротивлением врагов революции, со страданием и жертвами, возрождающей гибелью:

Еще прольется кровь! Без боя не уступит
Безумный хищный враг плененных им свобод...
Ценою новых жертв, ценой жестокой купит
Священные права воскреснувший народ!

[Голдин, кн. 2, с. 145]

Смерть героев революции воспринималась как сакральная жертва, благодаря которой возможно возрождение страны: «Пусть хоть на наших могилах / Новая жизнь расцветет» [Голдин, кн. 2, с. 76]. Мотив смерти оказывается связанным с аграрной мифологией, в которой брошенное в землю зерно дает всходы хлеба. Такова подоплека архаического сюжета об умирающем и оживающем боге. В стихотворении В. Илякова «Песня революционеров» муки и страдания борцов за народное счастье уподобляются распятию и воскрешению Христа: «Мы с крестом на Голгофу тащились. / Нас терновый кустарник колол...», «И воскреснет народное царство, / И на нем будет правды венец» [Голдин, кн. 1, с. 81].

В реальном социополитическом пространстве России и Урала продолжали развиваться негативные изменения: без каких-либо успехов длилась непопулярная война с Германией, из-за чего откладывалось решение проблем с крестьянством, с землей, постепенно терялось доверие масс к существующей власти и падение ее авторитета, обострилась борьба политических партий и усилилась их гонка за лидерством. На первые позиции постепенно стали выходить большевики, критиковавшие Временное правительство и выдвигавшие простые, понятные массам лозунги и обещания. Их ряды активно пополнялись, росло влияние в самых массовых общественных организациях — советах. Постепенно большевики стали заметной силой в борьбе за власть и сумели успешно захватить ее в октябре 1917 г.

Октябрьский переворот отчетливо поделил мир на своих и врагов. Большевики не принимали не только монархические начала, но капитализм в целом, как эксплуататорский строй. Автор, взявший себе псевдоним Фома Кузнец, в стихотворении «Буржуй и пролетарий» с предельной простотой и ясностью выразил конфликт времени:

Ты жил во дворце, – я в подвале холодном.
Ты вечно был празден, – я вечно в труде,
Ты был пресыщенным, – я вечно голодным.
Ты в злате купался, – я в горькой нужде...

[Там же, с. 159]

Наступил час, когда обездоленные и неимущие предъявили счет благополучным и состоятельным:

Оковы распались, но годы страданья
Изранили душу и сделали злой.
Так вот почему в час великий восстанья
Я, грозен и гневен, стою пред тобой.

[Там же]

Начавшаяся вскоре Гражданская война закрепила противостояние: возникшее в 1918 г. деление на «красных» и «белых» продолжало идеологическую и политическую конфронтацию, выражающуюся через систему трафаретной образности, стандартных стилистических клише. Среди «общих мест»

революционных произведений (как у «белых», так и у «красных») — уничижение противника с использованием сниженной лексики, уподоблений хтоническим чудовищам, зооморфных метафор («гады», «нечисть»), солярной символики (на стороне тех социальных сил, интересы которых отстаиваются, — солнце, свет, тепло; на стороне врагов — тьма, ночь, холод), природных, аграрных образных противопоставлений (смерть — жизнь; зима — весна, лето; скудость, неурожай — бурный рост, изобилие и пр.). Обе стороны утверждали, что борются за правду, отстаивают интересы народа, намерены освободить страну от ее поработителей. Обе стороны создавали идеализированный образ своих бойцов. И «белые», и «красные», приукрашивая свои достоинства, выступали патриотами, ратовали за свободу, которая могла быть достигнута лишь путем уничтожения врага.

Так, в стихах белогвардейских поэтов все, что связано с большевиками, Красной Армией, представало отталкивающим, ибо красноармейцы в восприятии защитников устоев покушались на святое — родину-мать, отчий дом, семью и близких:

...Русь охвачена борьбой.
На ее больное тело
Нож заносит сын родной.
Красным гордо он зовется,
Дик — свирепый супостат!
Кровь в стране ручьями льется,
Восстает на брата брат.

[Чернявский, с. 4]

Авторы не жалели черных красок и снижающих эпитетов, характеризуя противника: бойцы Красной Армии — это шайка «воров и иной голытьбы», «отвергнув законы и право», они узурпировали власть. Фиксируется их жестокость, уродство и безумие, а также разрушительные наклонности. Особенно возмутительным представало святотатство большевиков, поругание ими религии, осквернение храмов, родных могил:

Те храмы, где жарко молились когда-то,
И мы, и отцы наши — во вражьих руках,
И грубые ноги чужого солдата
На дедовских стали костях.
Добро трудовое разбойничьи взято,
Грабеж узаконен толпою убийц,
Оплевано все, что и мило, и свято
От века для наших станиц.

[Беленинов, с. 1]

Противостоящие же злым коммунистам сторонники «белого» движения изображались благородными патриотами, «великанами», очищающими страну от проказы большевизма [Шершень, с. 3].

Временные победы над противником тут же становились предметом воспевания и славословия. Так, после освобождения Уфы от «красных» челябинский поэт Н. Арнольд пишет торжествующие стихи об этом событии:

К ногам отчизны возрожденной
Уфа склонилась...
Город пал.
И враг, позором заклейменный,
От грозной армии бежал.

[Арнольд, с. 1]

Белая армия виделась ему воплощением праведной силы и мощи, освобождающей от вражеских «уз» и «оков»:

В порыве мощного движенья
Сметает полчища врагов.
И рвутся узы заточенья,
Спадают тяжести оков.

[Там же]

Обретение свободы предстает всеобщим праздником возрождения и счастья, который сопровождается ликованием природы, потоками солнечного света:

Еще порыв, еще мгновенье,
И солнце ярче заблестит,
И светлый праздник возрожденья
Россию счастьем озарит.

[Там же]

Борьба с «красными» поддерживалась обращением к религиозной образности. Публиковались, например, молитвы с просьбами сберечь нацию, православные устои и традиции. В стихотворении С. Михеева из Перми «Святой Георгий опять в бою» использован известный сюжет о святом Георгии Победоносце, повергающем змея. Святой — на стороне «белых», силы «красных» же представляет хтоническое чудовище:

Замолкнут клики кровавых оргий,
И только будут среди полей —
Святой Георгий
И мертвый змей.

[Голдин, кн. 2, с. 98]

По мере осложнения обстановки, затягивания военных действий в условиях Гражданской войны все чаще начинает преобладать пессимистический взгляд на исход этой битвы. Смерть предстает всесильной и победительной. Никто не может спастись от ее гнева — «ни красавица-дева, ни монах, ни мужик, ни юнец, ни старик». Стихотворение Якова Пасынкова, включающее эти

строчки, является своеобразным экфрасисом, изображающим пляску Смерти с ее неизменными атрибутами (коса, скелетообразный вид, белый саван). Мотив карающей смерти отсылает к христианскому сюжету бренности и тщете земной жизни. К религии прибегал Пасынков и в тех случаях, когда в трудную для людей минуту призывал к любви и долготерпению, стойкости, верности избранному пути:

Будь герой до конца. И, страдая, любя,
За идею свою не жалей и себя:
Ведь в любви и страданье — вся жизнь. Посмотри —
Сколько гибнет людей... Никого не кори —
И умри...

[Пасынков, с. 3]

Прозаическая публицистика сочувствующих белому движению использовала те же клише и общие места в трактовке событий и обрисовке противника, что и политическая лирика. В частности, привлекалась топика контрастных времен года. Пермский публицист Б. Попов, уповая на грядущую победу своих политических единоверцев, изображал большевиков носителями осеннего морока, серости и грязи, а сторонников идей Февральской революции, противопоставляемой октябрьскому перевороту, репрезентантами весеннего обновления и солнечного света:

> Преодолевая нечистую, октябрьскую хмару, серый ползучий туман осени и разрушения, нам снова светит февральское солнце ранней весны, за которым приходит могучее половодье, смывающее всю нечисть и грязь, оплодотворяющее землю для новой жизни, для светлого, неизбежного, вечного чуда воскресенья [Попов, 1919а, с. 3].

Этот патетический пассаж, в котором природная параллель с общественными процессами подпитана еще и религиозными аллюзиями (мотив воскрешения Христа), эквивалентен распространенным лирическим высказываниям.

Использовалась и революционная фразеология, понятия «темных сил», политические штампы:

> Не надо переоценивать, но нельзя и недооценивать разрушительную силу того яда, который привит русскому государственному организму большевиками. Под лозунгом социал-демократии, марксизма, коммунизма со дна русской жизни подняты накоплявшиеся там веками темные, стихийные силы, разнузданы самые животные инстинкты широких масс [Попов, 1919б, с. 3].

У «красных» была своя мифология, в том числе и перекликающаяся с христианской. Поэты, сочувствующие большевикам, избегали религиозных экспликаций, но некоторые христианские мотивы и христианские представления невольно прокрадывались в их, казалось бы, атеистическую риторику. Сближения возникали в результате определенной схожести религиозной веры и коммунистической идеологии: у коммунистов своя библия (Манифест

коммунистической партии), священные тексты (различные постановления, решения и протоколы заседаний), свои почитаемые святые и святыни, символы (красный стяг, звезда, портреты вождей), собственные ритуалы (партсобрания, манифестации, шествия), поклонения и пр. Коснемся только некоторых моментов этой квазирелигиозной и мифопоэтической составляющей революционного сознания.

В годы Гражданской войны большая часть поэтов, сторонников большевиков, была сосредоточена в частях Красной Армии, меняющих свою дислокацию в ходе военных действий. Красноармейская поэзия, публиковавшаяся в газетах политотделов Восточной армии, опиралась на традиции освободительного рабочего движения (в годы революции и Гражданской войны на Урале неоднократно издавались сборники подпольной поэзии [Песни революции; Песни свободы]).

Еще задолго до Революции 1917 г. сложились жанровые каноны революционной лирики, возникли распространенные сюжетные ходы и мотивы, выработались свои стилистические приемы. Метасюжет дореволюционной подпольной поэзии укладывался в следующую динамическую схему: угнетенный рабочий человек (трудящийся) рано или поздно осознáет свою зависимость как препятствие на пути к свободе, восстанет и, преодолевая препятствие (сопротивление своих антагонистов), начнет двигаться к коммунизму — обществу благоденствия, благополучия и всеобщего равенства, справедливости и счастья.

Коммунизм в определенном смысле — проекция коллективных архаических представлений о гармонии Золотого века, христианских верований в рай. «Рай – награда за праведный образ жизни, это воплощение желаний, а желания, мечты и чаяния являются естественной, онтологической характеристикой человеческой экзистенции» [Орнатская, с. 187]. Достижение этого земного рая возможно только на путях борьбы и труда, преодоления препятствий и сопротивления тех же «темных сил» — сторонников зла, защитников эксплуататоров, врагов трудящегося человечества. Революционное насилие временная, но необходимая мера для построения коммунизма: ведь идею всеобщего равенства принимают отнюдь не все, ей сопротивляются имущие классы, интересы которых защищают белогвардейцы. Таким образом, «белые» – главная преграда к счастью и благополучию, гарантом же изменений была социалистическая революция, поэтому направленность художественных поисков и содержание поэзии «красных» определяли пропаганда коммунистических ценностей, агитация за победу большевизма.

Рассмотрим пример воплощения очерченной мифопоэтики на материале стихотворения «Коммунарам», помещенного в одном из красноармейских изданий [Дворецкий, с. 2].

Первая строфа стихотворения фиксирует момент начала борьбы, побуждения к действию:

Товарищ, руку, смело к бою.
Мы — дети все семьи одной,

Сплоченной горем и нуждою
В союз народа трудовой

[Дворецкий, с. 2]

Здесь репрезентируется групповая идентичность: «мы» — это «свои», дети единой семьи трудового народа, испытавшие лишения и невзгоды. Во второй строфе локализуется местонахождение борцов-героев между прошлым и будущим, метафорически представлен трудный процесс борьбы и оптимистическая перспектива грядущей победы:

Века борьбы, века мучений
Мы все оставим позади.
У нас нет страха, нет сомнений —
Победа наша впереди.

[Там же]

Две первые строки следующей строфы изображают прозрение участников революционной борьбы как начальную фазу преодоления препятствия и необходимое условие свершения революционного подвига: «Народ рабочий дружно, смело / оковы тяжкие разбил» («оковы» — метонимия темницы, «разбил» — синоним революционного действия). Далее говорится о продолжении борьбы с препятствием, о трудностях перехода в зону счастья и благополучия, о необходимости мобилизовать усилия: «Теперь, товарищи, за дело, / Как ни тяжел бы путь наш был» (тяжесть пути — показатель масштабов препятствия). И в последней строфе выражается уверенность в преодолении препятствия, наступлении благополучного финала, который будет беззаботным отдыхом, вечно длящимся покоем («день лучезарный» – перифрастическая номинация рая):

Уж скоро, братья, день победы,
День лучезарный настает,
И, позабыв печаль и беды,
Борец усталый отдохнет.

[Там же]

Органичность мифопоэтических импульсов, опору на ходячие представления и бессознательные реакции наглядно демонстрирует книжка-листовка «Три года Пролетарской Революции», выпущенная Пермским губернским комитетом РКП (большевиков) в 1920 г. Она освещала ход революции и Гражданской войны в свете достижений большевистской власти. Исторические события и процессы представали в схематичном, мистифицированном виде. Мифологизация происходившего побудила авторов пропагандистской брошюры аттестовать Ленина как «друга бедняков», а о сильной «непобедимой Красной армии» и ее воине-герое говорить в напыщенном тоне: «...Наш красный воин в лаптях и рваной шинелке, но нет в мире другой армии сильнее нашей Красной! Красноармейская звезда своими огненными лучами ярко светит нашему герою, и он идет вперед

и вперед к заветной цели — оборонить Советы и добиться мира» [Три года..., с. 5]. Уничижительные детали, оттеняющие победительные свойства красного воина, органично входят в риторику революционного дискурса.

Такой же смысловой контраст присутствует в описании российского пролетариата: будучи окруженным полчищами врагов-контрреволюционеров, «высоко он взмахнул своим молотом и нанес сокрушительный удар черным ратям» [Там же]. Здесь реализуется библейское «кто унижает себя, тот возвышен будет», перерастающее в революционный лозунг «кто был ничем, тот станет всем!». В смысловую коллизию такого общего места входит и символика жертвы. Павшие в борьбе и сражениях — это герои революции, обеспечивающие своей смертью ее победу и достижение народного счастья. В пермской листовке об этом пишется следующим образом: «Вечная память павшим борцам! По трупам павших, навстречу к солнечной лучезарной Трудовой Коммуне идут трудящиеся России» [Там же, с. 8]. Выражение «идти по трупам» здесь означает, что жертвы не напрасны, что они обеспечивают грядущую победу коммунизма.

Таким образом, разные силы и участники исторических процессов 1917–1919 гг., активизируя репертуар революционной топики, прибегали к испытанным формам коммуникации и пропагандистского воздействия, используя культурные универсалии, топосы (устоявшиеся представления) и мифопоэтические образные решения.

Источники

Арнольд Н. Уфа // Вестн. Приуралья. 1919. № 3.

Беленинов А. Призыв // Вестн. Приуралья. 1919. № 10.

Голдин В. Н. Поэзия гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917–1919 годы : в 2 кн. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006.

Дворецкий Г. Коммунарам // Красноармейский набат. 1919. № 56. 12 марта.

Пасынков Я. Смерть // Курганская свободная мысль. 1919. № 32.

Песни революции : сб. революционных песен и стихотворений. Вятка : журн. «Молодые порывы», 1917.

Песни свободы. Тюмень : Тюмен. группа партии социалистов-революционеров, 1917.

Попов Б. Вехи // Свободная Пермь. 1919а. № 45.

Попов Б. Где не врачует железо... // Свободная Пермь. 1919б. № 26.

Три года Пролетарской Революции. Пермь : Пермский губернский комитет РКП (большевиков), 1920. С. 5.

Чернявский Г. За отчизну // Голос сибиряка. 1919. № 2.

Шершень. Песня о сибирских стрелках // Сибирские стрелки. 1919. № 61.

Исследования

Блок А. Из записных книжек и дневников // Блок А. Собр. соч. : в 6 т. Т. 6. М. : Правда, 1971. С. 99–386.

Булгакова А. А. Топика в литературном процессе : пособие. Гродно : Изд-во Гродн. ун-та, 2008.

Булдагов В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : Рос. полит. энциклопедия, 1997.

Календарь знаменательных и памятных дат Пермского края на 2007 год / Перм. обл. универс. б-ка им. А. М. Горького, отд. краеведения ; сост. О. С. Баранова. Пермь : [б. и.], 2006.

Курциус Э. Европейские литературы и латинское Средневековье // Теоретическая поэтика: Понятия и определения : хрестоматия для студентов : в 2 т. / сост. Н. Д. Тамарченко. М. : РГГУ, 2001. Т. 1. С. 118.

Махов А. Е. Топос // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М. : НПК «Интелвак», 2001. Стб. 1076.

Орнатская Л. А. О социальной функции рая // Образ рая: от мифа к утопии. СПб. : С.-Петерб. филос. о-во, 2003. (Symposium ; вып. 31). С. 186–190.

Осипова Н. О. Мифопоэтика как сфера поэтики и метод исследования // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: Русский журнал. 2000. № 3. С. 46–52.

Панченко А. М. Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения / под ред. М. Б. Храпченко и др. М. : Наука, 1986. С. 236–251.

Пензин А. А. Образы сна в культуре. Анализ современных философско-антропологических концепций : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М. : ИФ РАН, 2006.

Прокофьева В. Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестн. Омск. гос. ун-та. 2005. № 11. С. 87–94.

Скидельски Р. Дорога от рабства: Об экономических и политических последствиях краха коммунизма. М. : Ad Marginem, 1998.

Шапошников Г. Н. 1917 год: информационная война на Урале // Изв. Урал. гос. ун-та. 2005. № 37. (Проблемы образования, науки и культуры ; Вып. 18). С. 111–129.

Ярошенко Л. В. Неомифологизм в литературе XX века. Гродно : Изд-во Гродн. ун-та, 2002.

Статья поступила в редакцию 05.07.2017

Васильев Игорь Евгеньевич
доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной
литературы
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
ведущий научный сотрудник
сектора истории литературы
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской,
16
E-mail: igus.w@yandex.ru

Vasilyev, Igor Yevgenyevich
Dr. Hab. (Philology), Professor
Chair of Russian and Foreign Literature
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Leading Researcher,
Department of the History of Literature
Institute of History and Archaeology, Ural
Branch of RAS
16, Kovalevskaya Str.,
620990 Yekaterinburg, Russia
Email: igus.w@yandex.ru

THE TOPICS AND MYTHOPOETICS OF THE REVOLUTION IN THE MASS POETRY OF THE URALS BETWEEN 1917 AND 1919

This article considers poetry published in Ural periodicals between 1917 and 1919. It mainly comprises journalistic newspaper verses that are of interest from the point of view of how they reflect public opinion about the events of the 1917 revolutions and the Civil War in the Urals. The range of judgments and assessments of the events in question is determined not only by personal and political preferences, but primarily by the collective notions that are characteristic of mass consciousness. The author

of the article concentrates on this aspect. He is interested in stable motifs and images that go back to the collective unconscious of the Ural public. To designate these universals immersed in tradition, he sometimes employs overlapping concepts: topos, archetype, and mythologeme. They assimilate various mental spheres — politics, religion, everyday consciousness, and establish a correlation of an image with timeless scales and thereby take the modeling of that image of the revolution to a higher level of figurative generalisations. The article examines individual figural details and motifs (parallels Revolution — Easter, connections with calendar rituals, seasons, agrarian mythology, colour and light symbols), as well as the meta-story of revolutionary poetry that included the modifying figures of the Hero, Enemy, Victim, depicted Revolution as a struggle and a difficult path to paradise (communism). As a result, the author of the article comes to the conclusion that reliance on common cultural experience based on archetypal principles promotes a profound and fruitful comprehension of life in the era of a historical crisis affecting the interests of the general public.

K e y w o r d s: Revolution; Civil war; topic; mythopoetics; collective representations; mass consciousness; stereotypes; metaplot; struggle; work; paradise; communism.

Acknowledgements

The article is supported by the *Russian Foundation for Basic Research*, project 16-14-00118 "Between Literature and Fact: Languages of Self-description in the Periodicals of the Urals and Northern Priuralye from the 19th to the First Half of the 20th Centuries".

Baranova, O. S. (Comp.). (2006). *Kalendar znamenatelnyh i pamjatnyh dat Permskogo kraia na 2007 god* [Calendar of Significant and Memorable Dates of Perm Region for 2007]. Perm: [s. n.]. (In Russian)

Blok, A. (1971). Iz zapisnych knizhek i dnevnikov [From Notebooks and Diaries]. In A. Blok, *Sobranie sochinenii* [Collected Works] (Vol. 1–6). (Vol. 6, pp. 99–386). Moscow: Pravda. (In Russian)

Bulgakova, A. A. (2008). *Topika v literaturnom prozesse: posobie* [Topics in the Literary Process: Handbook]. Grodno: Grodno University Press. (In Russian)

Buldagov, V. (1997). *Krasnaia smuta. Priroda i posledstviia revoluzionnogo nasiliia* [The Red Troubles. The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow: Rossiiskaja politicheskaia enziklopedya. (In Russian)

Kurtcius, E. (2001). Evropeiskie literatury i latinskoe Srednevekovie [European Literature and the Latin Middle Ages]. In N. D. Tamarchenko (Ed.), *Teoreticheskaya poetika: Ponyatiya i opredeleniya: hrestomatiya dlia studentov* [Theoretical Poetics: Concepts and Definitions: Reader for Students] (Vol. 1–2). (Vol. 1, p. 118). Moscow: RGGU. (In Russian)

Makhov, A. (2001). Topos. In A. N. Nikolyukina (Ed.), *Literaturnaya enziklopediya terminov i poniatii* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts] (p. 1076). Moscow: NPK Intelwak. (In Russian)

Ornatskaya, L. A. (2003). O sozialnoi funkzii raia [On the Social Function of Paradise]. In Obraz raya: ot mifa k utopii [The Image of Paradise: from Myth to Utopia]. *Symposium, 31*, 186–190. St Petersburg: St Petersburg Philosophic Society. (In Russian)

Osipova, N. O. (2000). Mifopoetika kak sfera poetiki i metod issledovaniya [Mythopoetics as a Sphere of Poetics and Research Method]. *Sotcyalnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 7. Literaturovedenie: Russkij zhurnal*, 3, 46–52. (In Russian)

Panchenko, A. M. (1986). Topika i kulturnaia distantciya [Topics and Cultural Distance]. In M. B. Khrapchenko (Ed.), *Istoricheskaia poetika. Itogi i perspektivy izucheniya* [Historical Poetics. Results and Prospects of the Study] (pp. 236–251). Moscow: Nauka. (In Russian)

Penzin, A. A. (2006) *Obrazy sna v kulture. Analiz sovremennykh filosofsko-antropologicheskikh konzepziy* [The Images of Sleeping in a Culture. The Analysis of Contemporary Philosophic-Anthropological Conceptions] (doctoral dissertation). Moscow: IF RAN. (In Russian)

Prokofieva, V. Yu. (2005). Kategoriya prostranstvo v hudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy [The Category of Space in Artistic Refraction: Loci and Topoi]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*, 11, 87–94. (In Russian)

Shaposhnikov, G. N. (2005). 1917 god: informatcionnaya voina na Urale [1917: Information War in the Urals]. *Izvestiia Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*, 37 (*Problemy obrazovaniya, nauki i kultury*, 18), 111–129. (In Russian)

Skidelsky, R. (1998). *Doroga ot rabstva: Ob ekonomicheskikh i politicheskikh posledstviyakh krakha kommunizma* [Road from Slavery: On the Economic and Political Consequences of the Collapse of Communism]. Moscow: Ad Marginem. (In Russian)

Yaroshenko, L. V. (2002). *Neomifologizm v literature XX veka* [Neomythologism in the Literature of the 20th Century]. Grodno: Grodno University Press. (In Russian)

Received on 5 July, 2017

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.049
УДК 94(47)“1917” + 378.662(470.23-25) + + 378.115.15 + 930.25

Ю. А. Русина
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ 1917 г. В «САМИЗДАТЕ» ПЕТРОГРАДСКИХ СТУДЕНТОВ*

Статья вводит в научную практику неизученный ранее исторический источник: самодеятельный журнал студентов Петроградского института инженеров путей сообщения Императора Александра I, выпускавшийся в 1917–1918 гг. Информационное богатство этого периодического издания и, как следствие, его исследовательский потенциал определяются временем и местом появления источника, а также осведомленностью его авторов. В журнале отражен поколенческий взгляд на события Февральской и Октябрьской революций, динамика в настроениях и ожиданиях молодых людей, оказавшихся в центре глобальных исторических сдвигов. Скрупулезный содержательный анализ 12 журнальных выпусков позволил увидеть ломку дореволюционной образовательной системы, а также зачатки новых социальных ценностных ориентиров, приведших к появлению пресловутой мифологизации в образе *homo soveticus*. С другой стороны, периодическое издание, организованное студентами, оказавшимися на волне двух революций, демонстрирует социокультурный и эмоционально-психологический облик поколения, чье личностное становление происходило в эпоху гибели одной империи и зарождения другой, поколения, «ушедшего» со сцены советской истории. Термин «самиздат» применительно к журналу «Топор и якорь» используется условно, в связи с чем закавычен в заглавии. В данном случае признаки, определяющие самиздат — нелегальность, неподцензурность, — отсутствуют. Напротив, журнал был принят и одобрен руководством вуза и всячески им поддерживался, в том числе и в финансовом плане. «Топор и якорь» скорее относится к самодеятельной периодике, а самиздатность определяется лишь инициативой и добровольными усилиями его создателей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Февральская революция 1917 г.; Октябрьская революция 1917 г.; студенческая самодеятельная периодика; Петроградский институт инженеров путей сообщения Императора Александра I; исторический источник.

Два месяца прошло с момента рождения Русской Свободы. Два месяца тяжелого творческого труда и беспримерной организационной работы. В этой работе есть и наша доля. Два месяца тому назад мы всем институтом шли к Государственной Думе – отдать наши силы в ее распоряжение. На улицах нас встречала ружейная трескотня, дробь пулеметов и зарева пожаров. <...> Ныне в молниеносном беге событий и времени эти дни вспомнятся как далекие, подернутые завесой забвения осколки

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ — отдел гуманитарных и общественных наук, проект № 17-21-07002а(м) «“Человек советский” в амбивалентной рецепции венгерской и русской гуманитаристики XX–XXI вв.».

© Русина Ю. А., 2017

> Истории. И наша первая и ближайшая цель — приподнять эту завесу и по мере сил и возможности осветить эту область, уже отошедшую в историю, и в частности ту роль, которую сыграло студенчество нашего института в те великие дни [Топор и якорь, № 1, 10 мая 1917 г., с. 1].

Этими словами открывается первый номер журнала студентов-путейцев «Топор и якорь». Выпуск журнала был организован учащимися Петроградского института инженеров путей сообщения Императора Александра I. В названии самодеятельного студенческого периодического издания были вербализованы знаки отличия института. Первый машинописный журнальный номер вышел 10 мая 1917 г. (см. рис. 1) на волне духовного подъема февральских революционных событий, последний, он же юбилейный, 12-й номер — в мае 1918 г.

Путейский вуз, занимавший одно из первых мест в системе российского образования, внес весомый вклад в развитие инженерного дела в стране, в подготовку специалистов по строительству железных и водных дорог, мостов и плотин. Корпус и институт Корпуса инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге были созданы в 1810 г. с целью «снабдить Россию инженерами», так как понимание, что «бездорожье — одно из главнейших бедствий России, которую гнетут ее огромные расстояния» [цит. по: Смык, с. 4], присутствовало в просвещенных умах и на рубеже XVIII–XIX вв. Это был первый подобный вуз в стране. Профессия инженера являлась престижной, хорошо оплачиваемой и имела высокий социальный статус. К концу XIX в. инженерное сообщество существовало как особая социальная группа, выделяющаяся высоким уровнем образования, широкой эрудицией, творческим подходом к решению технических

Рис. 1. Обложка 1-го выпуска журнала «Топор и якорь», 10 мая 1917 г.

проблем, математической логикой мышления [Смык, с. 5]. Без преувеличения можно утверждать, что именно благодаря русским инженерам в XIX в. была создана структура путей сообщения, включавшая водные системы, железные и шоссейные дороги. С 1825 по 1861 г. было проложено около 9 тыс. км шоссе, например, такие дороги как: Петербург — Москва, Москва — Нижний Новгород, Москва — Смоленск, Петербург — Рига [Там же].

В 1865 г., когда создавалось Министерство путей сообщения, Институт был преобразован в открытое высшее учебное заведение с пятилетним сроком обучения, где создано семь специальных кафедр по железнодорожному, водному и шоссейному транспорту. Согласно положениям вуза, в нем могли обучаться представители всех сословий с шестнадцатилетнего возраста, выдержав вступительные экзамены. Студентам устанавливалась стипендия. Слушателю, получившему на выпускном экзамене окончательную оценку, равную четырем баллам, выдавался диплом на звание гражданского инженера. Интересно, что на протяжении своей дореволюционной истории состав работников и студенчества Путейского института был сугубо мужским: даже на такой должности, как секретарь-машинистка, работали мужчины [Там же, с. 6].

В 1913 г. Московский и Санкт-Петербургский институты инженеров путей сообщения являлись единственными в России высшими учебными заведениями по подготовке специалистов в области транспорта. Впоследствии на базе факультетов этих двух образовательных учреждений Российской империи происходило формирование отраслевых транспортных институтов СССР [Там же, с. 7].

Питомцы Санкт-Петербургского путейского вуза нередко проявляли недюжинные таланты как в научной, так и во всякого рода творческих и экспериментальных областях.

Например, с 1908 г. в институте в течение десяти лет существовал кружок по изучению вопросов воздухоплавания. Увлечение авиацией, столь характерное для начала XX в., не могло миновать стен учебного заведения, где обучали премудростям организации транспортного дела. В 1907 г. группа студентов обратилась в Совет института с просьбой ввести факультативный курс воздухоплавания. В результате, за десять дней под ходатайством подписались более 300 учащихся. Просьба была удовлетворена: в следующем 1908 г. при институте организован кружок, а вскоре появился первый выпуск рукописного научного журнала «Аэромобиль», подготовленного на основе статей студентов. Деятельность кружка подробно рассмотрена в двух работах его создателя и руководителя, профессора института Н. А. Рынина. Огромный авторитет последнему принесли не только его глубокие научные познания, но также и практический опыт: профессор имел довольно редкое «тройное звание пилота» (на аэроплане, дирижабле и воздушном шаре). Именно Н. А. Рынин посоветовал кружковцам выпускать свой научный журнал. В результате вышло шесть его объемных томов [цит. по: Охочинский, с. 142–143].

Среди выпускников института можно встретить имена людей, оставивших след и в истории Урала. Так, Борис Александрович Бахметев (1880–1951),

окончивший Санкт-Петербургский путейский вуз в 1902 г., с 1917 по 1922 г. был послом Временного правительства России в США. После окончания института Б. А. Бахметев четыре года стажировался за границей — в Швейцарии и США. В Америке он принял участие в постройке канала Эри. По возвращении из-за границы будущий дипломат создал частную фирму по проектированию объектов гидроэнергостроения, которая в 1906 г. взялась за проектирование и постройку одной из первых ГЭС в России — на реке Большая Сатка (Южный Урал). Плотина и сейчас считается уникальным произведением технической мысли, так как ее тело выложено из природного камня на цементном растворе. Здесь же Бахметев спроектировал и построил ферросплавный завод — первое предприятие такого рода в нашей стране и в течение 20 лет остававшееся единственным. Местность, где расположены эти объекты, в 1995 г. решением ЮНЕСКО признана памятником истории техники и культуры международного значения. Позже Б. А. Бахметев стал профессором Колумбийского университета, собрал уникальную коллекцию документов и воспоминаний своих соотечественников за рубежом, названную сегодня его именем [Коренев, с. 107–109].

Другой значимый пример — творчество Евгения Евгеньевича Баумгартена (1867–1919). С 1900 г. он вел занятия по техническому рисунку в путейском вузе (см. рис. 2). Е. Баумгартену удалось победить в конкурсе проектов на создание павильона Каслинского чугунного литья для российского отдела Всемирной выставки в Париже в 1900 г. Создатели чугунного кружева, известного всем уральцам (художник Е. Баумгартен, скульптор Мария Диллон и мастера-лепщики Каслинского чугунного завода), были награждены призом — хрустальным гран-при и большой золотой медалью (см. рис. 3). Преуспел художник и в малых формах. К столетнему юбилею института, в 1910 г., он создал эскизы памятной медали и жетона. Их изготовила на Монетном дворе скульптор Мария Диллон. Эти мемориальные награды в дни празднования столетия вуза были вручены тем, кто внес свою лепту в развитие инженерного дела в России [Там же, с. 110–111] (см. рис. 4).

Примечательным фактом является то, что в лоне технического вуза рождались и талантливые литераторы. Диплом инженера Санкт-Петербургского института путей сообщения получил писатель и путешественник Николай Георгиевич Гарин-Михайловский (1852–1906), автор тетралогии «Детство Тёмы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры». Одна из глав его автобиографической повести «Студенты» полностью посвящена альма-матер писателя.

В этой связи органичным и естественным видится тот факт, что около половины содержания самодеятельного журнала «Топор и якорь» составляла художественно богатая, ярко эмоционально окрашенная литературная часть, которая свидетельствует о многих талантах студентов-путейцев. Встречаются здесь романтические заметки, напоминающие бунинскую прозу, чувствуется поколенческая связь с поэзией Серебряного века, влияние стилистики символизма. Одаренные художники в числе авторов журнала также не были редкостью.

Рис. 2. Предположительно, шарж-портрет Е. Баумгартена
[Топор и якорь, № 10, апрель 1918 г.]

Рис. 3. Павильон Каслинского завода
на Всемирной выставке в Париже, 1900 г.
(Е. Баумгартен — справа)

Рис. 4. Жетон к 100-летнему юбилею
Петербургского института инженеров
путей сообщения Императора
Александра I (1910).
Художник Е. Баумгартен

Что же представлял собой «самиздатский» студенческий журнал образца 1917–1918 гг.? Страницы его передают социокультурный и эмоционально-психологический облик студенческой молодежи, получавшей образование «в дни войн и революций», чье личностное становление происходило в эпоху гибели одной империи и зарождения другой.

Журнал сразу был объявлен «беспартийным», в чем виделся залог «течения свободной отныне жизни нашей Родины». Через три месяца редакция журнала подтвердила верность такой аполитичной позиции:

> За эти три месяца непрерывного ливня политики, политики всеобъемлющей и вездесущей — политики на газетных столбцах, политики в театрах, на улице, во дворце, в школе и церкви, домах и ночлежках; мы все смертельно от нее устали — и поэтому каждое живое слово, каждая строчка и страница, в которых не пестрят ни Советы Рабочих и Солдатских депутатов, ни Временное Правительство, где нет ни Стекловых, ни Милюковых, ни Скобелевых — вызывали к себе невольные симпатии [Топор и якорь, № 5, с. 2].

О тиражах и популярности «Топора и якоря» также можно узнать со станиц самого журнала:

> Как уже известно, первый № нашего журнала, отпечатанный в количестве 100 экземпляров, разошелся в течение 3-х часов. <...> Второй номер, отпечатанный в литографии Управления железных дорог, в количестве уже 200 экземпляров, разошелся также в течение 3-х часов. Запись на второе издание № 1 дала уже свыше 100 человек, и номер уже сдан в литографию. Учитывая все возрастающий спрос — Издательский комитет постановил выпустить третий номер «Топора и якоря» в количестве уже 300 экземпляров [Там же, № 3, с. 12].

В юбилейном номере за май 1918 г., когда журналу исполнился год, были напечатаны поздравления от студентов и преподавателей, также отражающие уважение и высокую оценку этого студенческого издания.

> *Член бюро Союза Преподавателей института В. А. Косяков*: «Топор и якорь» как студенческий журнал сильно способствовал еще большему сближению преподавателей со студентами <...>
>
> *Секретарь Союза Преподавателей Института И. И. Ярмолович*: Искренне желаю молодому юбиляру стать большим и толстым журналом.
>
> *Председатель студенческой библиотеки Н. А. Шошин*: Знание и культура — мощные и надежные двигатели жизни человечества вперед к лучшему будущему. Пусть же «Топор и якорь» ярким пламенем свободного слова все полней и шире освещает наш путь туда [Там же, № 12, с. 4–5].

Общая юбилейная статья называла журнал «одной из отдушин, через которую вырывается поток духовных исканий, юношеских грез и молодого юмора» [Там же, с. 19].

Интересно читать, как студенты, обремененные в это же время сдачей экзаменов, описывают в первом номере журнала февральские революционные дни:

> Улицы в это время уже оглашались залпами и на главных артериях столицы были сосредоточены значительные массы войск и полиции, газеты перестали выходить и над городом царствовал всесильный страх. Трамвай стал. Извозчики не выезжали и даже пешеходное сообщение было сведено к минимуму расставленными всюду патрулями <...> 27-ое — понедельник — экзаменационный день и, несмотря на общее повышенное и напряженное состояние, состоялись почти все экзамены... под доносившуюся трескотню пулеметов, ружейных залпов и орудийных выстрелов... [Топор и якорь, № 1, с. 5].

В журнале было создано несколько постоянных рубрик, которые позволяют судить о студенческой жизни, взаимоотношениях с преподавателями, традициях института и восприятии быстро меняющихся дней 1917–1918 гг. Так, в разделах «Наши дела» и «Очередные темы» освещались студенческие собрания, сходки и прочая повседневность. Был открыт отдел «Хроники», куда помещались новости институтской жизни. Художественно и литературно одаренным студентам давалась возможность публиковать свои произведения в соответствующих журнальных рубриках. На юмористических страницах, называвшихся «Досуги лягушат», «неограниченная власть» была предоставлена «веселой остроумной шутке, легкому юмору и безобидному шаржу» и тем, кто «не утратил способность смеяться и видеть смешное в смешном» [Там же, с. 3].

История символики, связанной с зеленой лягушкой, достойна отдельного рассказа. Существует несколько предположений, почему изображение этого земноводного стало неофициальной эмблемой института. Одно из них, уходящее к истокам появления вуза, обращает внимание на то, что форменные мундиры первых студентов-путейцев имели ярко-зеленый воротник, а геодезическая практика часто проводилась в болотистых местах пригорода Санкт-Петербурга. Другое объяснение выбора такой эмблемы содержит свидетельства о том, что в период царствования Николая I орнамент, украшавший патент (диплом) инженера, включал изображение лягушки. Имеется и уточняющая это объяснение версия о собственноручном рисунке императора Николая Павловича на одном из выпускных документов [Воронин, Воронина].

Насколько близки эти предположения к истине, сказать трудно, однако известно, что в институте с самого его основания зеленая лягушка воспринималась как олицетворение сущности инженерной деятельности в области изысканий, проектирования и строительства сухопутных и водных путей сообщения. Зеленая лягушка на протяжении многих десятилетий являлась любимым символом института (см. рис. 5). В институте существовали неофициальные серебряные значки, которые могли носить инженеры и студенты. В верхней их части размещался вензель Александра I (А-1), увенчанный короной. Вензель опирался на небольшой щиток, на обратной стороне значка было помещено изображение лягушки. В верхней части значок имел цепочку — его можно было носить как брелок или прикреплять к пуговице. Этот анималистический взгляд нашел отражение в оформлении ежегодных празднований годовщины основания Санкт-Петербургского института инженеров путей сообщения. Зеленая лягушка

изображалась на всех объявлениях о балах по случаю празднования очередной годовщины. Балы в Институте инженеров путей сообщения по своей торжественности и популярности считались вторыми после балов Морского кадетского корпуса. Скульптурное изображение зеленой лягушки длиной около 60 см устанавливалось во время балов на специальном постаменте на площадке между первым и вторым этажами на лестнице главного входа. Во время балов и других институтских торжеств обязательно исполнялся путейский танец — «Лягушка» или, как еще его называли, «Червяк» [Воронин, Воронина]. Описание этого танца встречается в студенческом самодеятельном журнале «Топор и якорь», выходившем в революционные дни. Изображение лягушки было помещено и на упомянутый выше памятный жетон художника Евгения Баумгартена, выпущенный к 100-летию института в 1910 г. [Там же].

Рис. 5. Юмористический рисунок с изображением студента-путейца в образе лягушонка [Топор и якорь, № 12, май 1918 г.]

Материалы журнала «Топор и якорь» очень разнообразны: с одной стороны, почти половину его содержания занимают художественные тексты, созданные самими студентами, а также юмористические произведения «на злобу дня» и карикатура, с другой – они позволяют судить о развитии принципов автономии и демократии в управлении Институтом и его внутренней жизни. Например, из текста ясно, что довольно плотно взаимодействовали друг с другом Совет профессоров и Совет старост. Последний избирался студентами, отстаивал их интересы перед преподавательским составом и созывал по мере необходимости общие студенческие сходки.

Какие вопросы могли обсуждаться на сходках? Выборы в Совет старост, организация отпусков на летние каникулы, условия сдачи зачетов и книг в библиотеку накануне отпусков, организация работы библиотеки института, внутренняя жизнь общежития. В дни революционных событий у сходок появилась политическая окраска: «25 февраля 1917 г. на сходке, собранной для разрешения ряда академических вопросов... была послана приветственная телеграмма Государственной Думе как единой выразительнице воли народа» [Топор и якорь, № 1, с. 5].

Во втором семестре 1917 г., как сегодня говорят, осеннем, состоялись две институтские сходки. Темой первой из них было отношение студентов к произошедшим политическим событиям, второй — вопросы об эвакуации института и о занятиях на Рождество. На второй сходке было решено вопрос об эвакуации института передать компетенции Совета старост и не допустить закрытия института. Что касается рождественских каникул, то предлагалось отказаться от них в пользу экзаменов и консультаций. Студенческая сходка ходатайствовала об этом перед Советом преподавателей института [Там же, № 6, с. 11].

Журнал свидетельствует, как события осени 1917 г. заставили обратить внимание на политику аполитичное студенчество или аполитичную редколлегию студенческого журнала. Сходка 18 января 1918 г. была посвящена проблеме финансового положения института, где было высказано общее мнение, что непременным условием поддержания нормальной жизни института является «совместная работа Совета старост с Советом профессоров в сохранении единого фронта со всей интеллигенцией страны» [Там же, № 8, с. 15]. Докатившимся до студентов-путейцев «разгулом демократии», наверное, можно объяснить решение сходки, созванной Советом старост 23 апреля 1918 г., о том, что прием в институт будет производиться по конкурсным экзаменам, причем в экзаменационную комиссию войдут студенты [Там же, № 12, с. 14].

Кроме сходок собирались также студенческие митинги. Журнал повествует, по крайней мере, об одном из них:

> 30 мая 1917 г. в аудитории № 1 состоялся митинг, на котором произнесли... речи министр Франции Альбер Тома, чешский профессор Масарик и П. Н. Милюков. В журнале были воспроизведены автографы, сделанные на предложенном студентами листе ватмана видными участниками митинга. Этот лист ватмана предполагается

поместить под стекло и присоединить к историческим реликвиям Института [Топор и якорь, № 4, с. 17] (см. рис. 6).

Студенческая повседневность и напоминает, и отличается от жизни современного студента. Она полна как учебных, так и бытовых, досуговых сюжетов. Вот некоторые штрихи этой жизни.

Для того чтобы поселиться в общежитие, следовало «подать прошение о зачислении в кандидатский список». Все «кандидаты разбивались на 5 групп в соответствии с принятой 5-ти бальной оценкой нуждаемости» [Там же, № 3, с. 13]. Число лекционных часов в неделю составляло 36 [Там же, с. 14]. Студенты могли вносить свои предложения, касающиеся учебного процесса. Так, Предметная комиссия, куда входили старосты, рекомендовала Совету профессоров: «произвести общее сокращение числа экзаменов и зачетов, исключить из экзаменационных программ вопросы, требующие главным образом работы памяти» [Там же]. «Все желающие» получать стипендию «должны подать прошение на имя Инспектора Института, а затем дополнить его сведениями о материальном положении» [Там же, с. 15]. В первом семестре 1918 г., в связи со значительно усложнившимся финансовым положением института, плата за обучение повысилась с 50 до 100 руб. за полугодие. А «ввиду расстройства трамвайного движения» начало всех экзаменов было перенесено на 10 часов утра [Там же, № 7, с. 16].

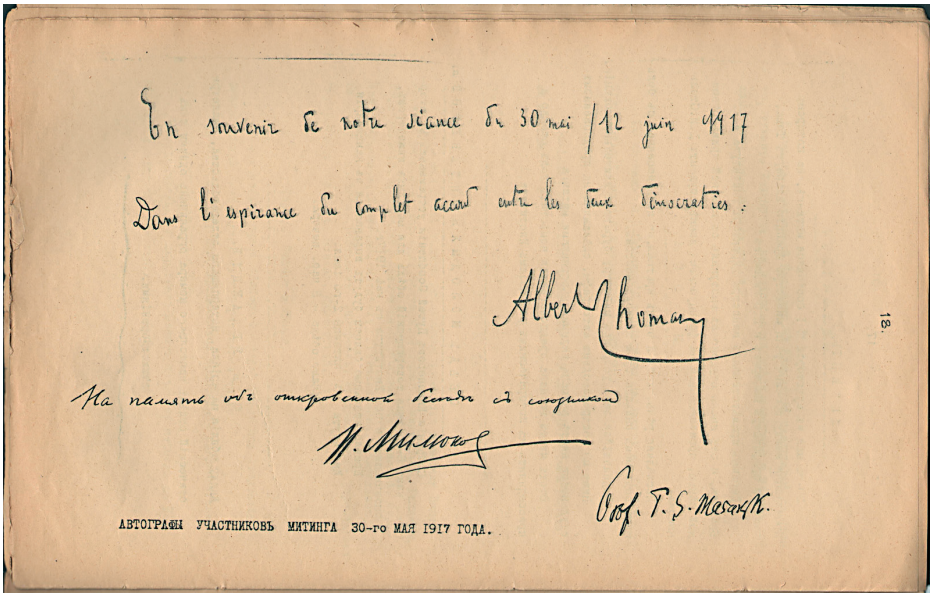

Рис. 6. Лист с автографами участников институтского митинга 30 мая 1917 г. [Топор и якорь, 5 июня 1917 г.]

Символом единства и осознания своей причастности к альма-матер и единой корпорации были ежегодные товарищеские ужины в день годовщины института, 23 ноября, в залах ресторана «Аквариум». Однако, как с легкой грустью пишет журнал, «война перевернула все вверх дном. Россия стала вдруг трезвой и многие “Аквариумы”, рассыпанные по лицу ее земли, — принуждены были ликвидировать свои дела, закрылся и наш — Петроградский. Тогда... наши ужины мы, студенты, перенесли в столовую Николаевского Общежития, отчего эти ужины приобрели еще более уютный характер семейного творчества» [Топор и якорь, № 6, с. 5]. Но старые институтские традиции неизменно соблюдались: как прежде подписывали и дарили друг другу книжечки-меню, «качали» преподавателей, что называлось «полетами», исполняли традиционный путейский оригинальный танец «Червяк» или «Лягушка» (встав друг за другом, «в хвост», прыгали на одной ноге несколько кругов, в то время как другую, согнутую назад, ногу подхватывал товарищ, стоящий за спиной), организовывали «вокально-музыкально-танцевальное отделение, где... путейцы показывали себя и поэтами, и имитаторами, и танцорами, и певцами, и пианистами» [Там же, с. 7].

Дважды в журнальной подшивке встречается инициатива студентов отказаться от каникул в пользу продолжения занятий. Взаимодействие с преподавателями института для решения этого вопроса брал на себя Совет старост.

Так, старосты V курса летом 1917 г. ратовали перед директором института профессором А. Брандтом «о пересмотре вопроса о летнем семестре». Студенты V курса предлагали организовать летние занятия «для желающих студентов, которые в этом случае отказываются от отпуска и остаются в Петрограде для продолжения занятий». Мотивировалось студенческое предложение тем, что «почти все профессора и преподаватели, руководящие дипломным проектированием, кроме Института заняты еще службой в различных государственных учреждениях и по условиям своей службы остаются на лето в Петрограде и, следовательно, фактически могут уделить Институту от 2 до 4 часов в неделю». Интересно, что доказать необходимость летнего семестра старосты V курса попытались при помощи организации опроса студентов и преподавателей, который выявил, что на лето в Петрограде остается 60 % студентов и 64 % преподавателей, осуществляющих руководство дипломным проектированием. Идейная сторона необходимости летнего семестра, по мнению студентов, была связанная с тяжелым положением, «в котором находится сейчас наша Родина». Общая студенческая сходка, состоявшаяся 20 мая 1917 г., поддержав инициативу пятикурсников, приняла резолюцию, в «которой признала летние занятия для студентов V курса не только “крайне желательными”, но и безусловно необходимыми» [Там же, № 4, с. 6–9].

Однако дирекция института не поддержала предложения студентов и поэтому пятый номер «Топора и якоря» за июнь 1917 г. на первой (титульной) странице напечатал следующее заявление старост V курса:

> Студенты V курса доводят до сведения Совета профессоров, что, исчерпав все мирные и культурные пути к проведению в жизнь летнего семестра, настоятельно диктуемого жизненною необходимостью и практическим смыслом и не считая возможным становиться на путь анархии, они, высоко ставя автономию высшей школы, подчиняются решению Совета профессоров от 10 мая 1917 года, но слагают с себя нравственную ответственность за невозможность продолжать свою горячую работу [Топор и якорь, № 5, с. 1].

После Октябрьского переворота, когда институт был на грани закрытия и переживал нехватку денег, кризис преподавательских кадров, насаждение новых порядков, ломку привычных социальных норм и приоритетов, студенческая сходка предложила продолжать занятия на Рождество «без обычного перерыва на две недели». Это предложение также не было реализовано, но уже по вине самих студентов, не явившихся на заседание Совета профессоров [Там же, № 6, с. 11].

Следует обратить внимание, что самодеятельный студенческий журнал, возникший на историческом перепутье как рефлексия на глобальные перемены в стране, как желание участвовать в них и запечатлеть переживаемые события в публицистическом и художественном слове, свидетельствует также об апатии, инертности и равнодушии к так называемым «общественным делам» довольно большой части студентов. Здесь нельзя, конечно, утверждать об аполитичности всего студенчества как социального слоя. Напротив, в воспоминаниях, опубликованных через десятилетия в эмиграции, говорится об активном участии студентов в революционных событиях февральских дней на улицах Петрограда и Киева [Россия 1917 года в эгодокументах, с. 19, 139].

«Топор и якорь» демонстрирует, как политические события осени 1917 г. настигают аполитичную редколлегию студенческого журнала.

Безымянный автор раздела «Очередные темы» номера «Топора и якоря» за март 1918 г. очень эмоционально высказывается о студенчестве, которое «в массе своими организациями, созданными годами, не интересуется и не дорожит» и «после непродолжительной вспышки энергии делается еще более вялым, инертным и мертвым». Он с горечью пишет о равнодушии тех, кто, поучаствовав в выборах Совета старост, придерживается тактики «выбрали — ну и работайте», не желая ходить на студенческие сходки и вынуждая тем самым Совет «идти ощупью, не зная мнения студентов». В студенческой заметке звучит понимание опасности переживаемого исторического момента:

> Мы забываем, какая грозная туча висит сейчас над нами... что без нас, без нашего содействия... очень и очень мало шансов за то, что плодам нашего творчества суждено созреть. Ибо, если прикроют институт, все наши великолепные проекты... полетят клочьями на завертку тех самых селедок, которыми сейчас наводнен солдатский рынок столицы <...> Мы предпочитали корпеть над своими проектами, быть может, уже обреченными на бесславную гибель на лотках торгашей селедками, предпочитали глотать в буфете отдающий веником чай, слушать безграмотную и нудную галиматью

новоиспеченных социалистов на Съездах Викжелей и Викводов, но на сходки не шли [Топор и якорь, № 9, с. 2–4].

Заканчивается статья призывом участвовать в выборах нового Совета старост и своим голосованием подтвердить ценность и важность этой организации. Но «избавить свой Совет старост от лопнувшего по всем швам принципа партийности... избрать людей дела, а не политики», дань которой уже заплачена [Там же].

Возможно, политика, от которой стремились уйти будущие инженеры, наслаждаясь свободой, творчеством, своей причастностью к корпорации специалистов-путейцев, настигла их, причем в самой неожиданной и неприглядной форме. Уйти в свою раковину — это, наверное, была реакция многих представителей интеллигенции и образованного сословия. Но лишь некоторые из них отчетливо понимали, что, «промедление смерти подобно», о чем буквально прокричал и был услышан вождь другого лагеря.

Журнальные выпуски первых месяцев 1918 г. говорят о попытках институтского руководства и студенческого актива сохранить институт и не ломать учебный процесс, а также о брезгливо-насмешливом принятии социальных перемен.

В рубриках «Наши дела», «Наша хроника», «Очередные темы» говорится о том, как изменилась институтская жизнь в 1918 г. Институт, как и другие вузы Петрограда, стал абсолютно «автономным учреждением», он не финансировался никакими министерствами, а средства на существование и продолжение учебного процесса изыскивались самой администрацией. Плата студентов за обучение была повышена в два раза, в то же время на 25 % понижена заработная плата («содержание») преподавателей, которую предполагалось в дальнейшем, по мнению «Топора и якоря», уменьшить на 75 %. И, несмотря на это, «преподавательский персонал... соглашается на подобных из ряда вон выходящих условиях работать» [Там же, № 7, с. 11]. Многие студенты (по свидетельству журнала, до 80 %) покинули вуз, остальные одновременно учились и работали «в различных конторах» [Там же, № 8, с. 2–3]. При Совете профессоров была учреждена особая комиссия по сокращению штата института [Там же, с. 9]. В феврале 1918 г. профессор А. Брандт сложил с себя полномочия директора института после заседания Совета профессоров, на котором большинством голосов было принято решение обратиться с просьбой о финансировании деятельности института в Наркомат путей сообщения [Там же, с. 10].

Но, несмотря на переживаемые трудности и остроту их восприятия, студенческий самодеятельный журнал сохранил все творческие рубрики (поэзию, прозу, публицистику и юмор), занимавшие по-прежнему около половины его содержания. Кроме того, в начале 1918 г. вышел первый и единственный номер литературного альманаха «Зеленая лягушка», также подготовленного студентами института (см. рис. 7).

В первом номере за 1918 г. напечатан «Маленький фельетон», написанный от мужского лица, но подписанный — «Блондинка». Тема его, на самом деле,

самая серьезная: о переменах, возвысивших сторожей, дворников, коридорных над преподавателями и «профессорами-буржуями». Действительно, как отмечалось в деловых разделах журнала, ситуация с расходами на деятельность института была такова, что наибольшая их часть приходилась на оплату жалования низшим служащим, количество которых журнал оценивал, как «огромное», а качество «совершенно бесполезное», лишь обременяющее бюджет. При этом, в условиях новой власти «уменьшение этого штата не представлялось возможным». Автор фельетона саркастически замечает:

> По-видимому, сторожам показалось ниже их достоинства получать жалование, всего в два раза превосходящее директорское. <...> Отдается приказ — урезать, что можно, с преподавателей-буржуев. Ну разве же не буржуи: получают в месяц по 25 рублей — и еще неисправно ходят — отговариваясь какими-то побочными заработками. Бесятся с жиру! <...> В целях демократизации преподавательского состава поручить: курс геодезии — сторожу Ляховичу... богословия — столовщику общежития Филимону Осипову и политической экономии — коридорному того же общежития Андрею Матвееву [Топор и якорь, № 7, с. 8–11].

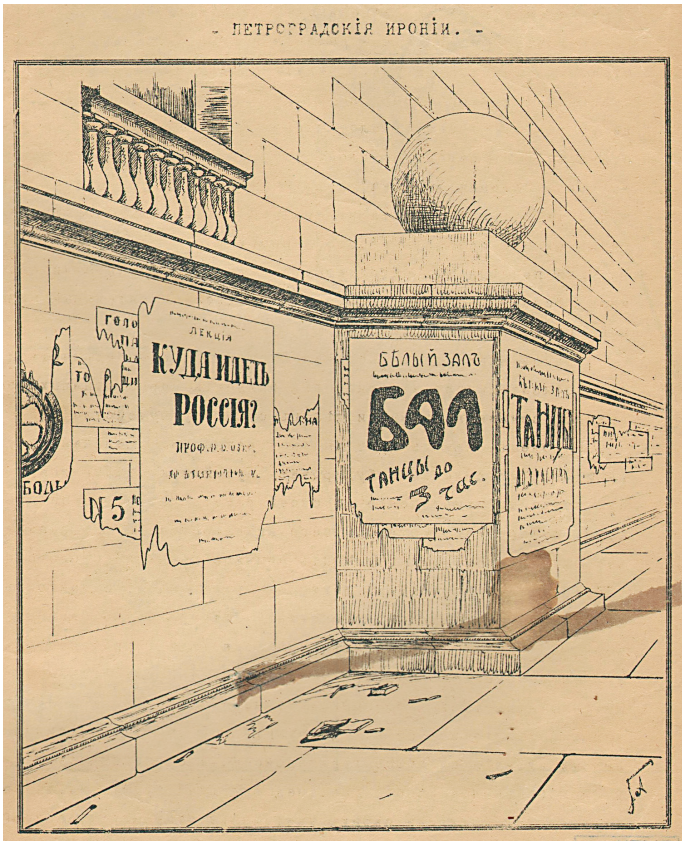

Рис. 7. Рисунок из литературного альманаха «Зеленая Лягушка», 1 мая 1918 г.

В приведенных юмористических фрагментах интонационно уже просматривается орнамент, которым был выписан образ булгаковского Шарикова, а позже вошедший в характеристики мифологизированной дефиниции *homo soveticus*.

Рост самоуважения в среде «низшего люда» отразила также ироничная публикация «Краткий справочник и толкователь некоторых терминов, употребительных в обиходе институтской жизни». Здесь, наряду с объяснением слов и словосочетаний, присутствующих во всякой студенческой жизни, встречаются и термины «на злобу дня»:

> БРОКГАУЗ И ЭФРОН — словарь, пробелы которого восполняет теперь «Топор и якорь»; АВИАЦИОННАЯ НЕДЕЛЯ — неделя, устраиваемая в конце учебного года, когда студенты, не выполнившие учебной программы, вылетают из института; ВИКЖЕЛЬ — жаргон, обозначающий бутерброд с кетой и салом (намек на то, что на съезды профсоюза железнодорожников ходили с целью посещения буфета); ИЛЬЯ — швейцар общежития: за 1 рубль в месяц здоровается — сидя, за 2 — стоя, за 3 рубля — подает пальто; ПУТЕЕЦ — о, это марка! [Топор и якорь, № 12, с. 20–21].

В юмористическом разделе студенческого журнала, выходившего на рубеже двух эпох, под заголовком «Из подслушанных разговоров» можно прочитать диалог, смысл которого впоследствии стал классикой диссидентского отношения к советской прессе:

> ...Чёрт бы их драл — эти газеты — противно читать!
> ...А Вы не читайте. Вот берите пример с меня — с октября ничего, кроме «Топора и Якоря», не читаю! [Там же, № 7, с. 19]

Ярко и выразительно публикации студенческого журнала демонстрируют изменения в настроениях, эмоциональном состоянии и ожиданиях, вызванные Октябрьским переворотом 1917 г. Если февральские дни были встречены восторженно, как «рождение Русской Свободы» и «светлый февральский подъем», то события осени вызвали «тусклое уныние и беспредельную горечь» [Там же, № 12, с. 1].

Февральская революция приветствовалась студентами так:

> Тяжелая, беспросветно-темная пора прошла. Дни гнилой распутицы за плечами. Пришедшая могучая весна сейчас смывает своими дружными ручьями последнюю труху и гниль. Впереди расцветает светлая, молодая и прекрасная жизнь <...> Великая страна — страна открытого сердца, долготерпения и подвига, страна необъятного пространства... в два дня сделавшая Великую Революцию — эта страна сумеет выковать своей железной закаленной рукой судьбу, достойную ее [Там же, № 1, с. 3].

Совершенно иная эмоциональная и содержательная окраска у строчек, датированных январем 1918 г.: переживаемое время характеризуется авторами студенческого журнала как «страшная, поистине трагическая година... когда все святое затоптано в грязь, когда рушатся все идеалы... когда царствуют наглость, насилие и произвол и когда вся страна залита потоками братской крови» [Там же,

№ 7, с. 1]. Однако молодость дает о себе знать, и пафос надежды прорывается сквозь уныние и разочарование:

> Как бы не было тяжело и безотрадно настоящее, не будем забывать, что оно проходит в условиях длящегося государственного переворота, в стране, раздавленной неслыханной тяжестью сорокамесячной войны. <...> Будем помнить: «чем ночь темней — тем ярче звезды», тем лучезарней золотая утренняя заря [Топор и якорь, № 7, с. 1].

Наивная вера звучит и в юбилейном, двенадцатом, последнем номере журнала, вышедшем в мае 1918 г.:

> Мы пережили за этот год самое страшное и самое трагическое: мы были свидетелями гибели Родной Земли. <...> Кругом бесновались толпы пьяных рабов. <...> И над всеми и всем царил властно один бог, один идол: нажива. <...> А враг стоял у ворот. <...> Но верьте: из дыма пожаров, из бездны позора, из братоубийственной бойни, из нищеты и голода, — как Феникс из пепла, Россия выйдет свободной, могучей, великой [Там же, № 12, с. 1].

Попав в провал между эпохами, молодое поколение в лице студенчества, видимо, пока не осознавало необратимости происходящего.

Журнал «Топор и якорь», организованный в 1917–1918 гг. студентами-путейцами, учащимися Петроградского института инженеров путей сообщения Императора Александра I, строго говоря, не принадлежит к самиздату, именно поэтому термин, связанный с историей инакомыслия, используется здесь условно и закавычен в заглавии. В данном случае отсутствуют признаки, определяющие самиздат: нелегальность, запрет, неподцензурность и т. п. Напротив, журнал был принят и одобрен руководством вуза и всячески им поддерживался, в том числе и в финансовом плане. «Топор и якорь», скорее относится к самодеятельной периодике. Самиздатность его определяется лишь инициативой и добровольными усилиями тех, кто взял на себя труд посвятить свое время и творческие возможности запечатлению событий, очевидцами и участниками которых, волею судьбы, они стали. В явлении этой самодеятельной периодики сегодня можно увидеть такое качество, как историческую ответственность, осознанную поколением, оказавшимся на волне двух революций. Создатели журнала стремились сохранить на его страницах то, что они видели вокруг себя, отразить свое понимание происходящего, осознавая, что они присутствуют внутри событий огромного исторического масштаба. И в то же время, можно предположить, что среди авторов журнала мы видим в большинстве своем представителей поколения, «ушедшего» со сцены истории будущей советской России.

Источники

Россия 1917 года в эгодокументах: Воспоминания / науч. ред. Н. В. Суржикова. М. : Полит. энциклопедия, 2015.

Топор и якорь. Журнал студентов-путейцев. 1917–1918 гг. // Объединенный музей писателей Урала. Ф. 120. Оп. 1. Д. 38.

Исследования

Воронин М. И., Воронина М. М. Зелёная лягушка. Из истории путейского института Петербурга // История Петербурга. 2001. № 3. С. 65–67.

Коренев Л. И. Забытые имена в истории Петербургского государственного университета путей сообщения // Изв. ПГУПС. 2009. № 4. С. 99–119.

Охочинский М. Н. Студенческие научные общества в области авиации и космонавтики (1910–1920-е годы) // Высшее образование в России. 2014. № 8–9. С. 141–146.

Смык А. Ф. От императорского инженерного училища к отраслевым транспортным институтам (1810–1930) // Вестн. МАДИ. 2014. Вып. 2 (37). С. 3–14.

Статья поступила в редакцию 05.07.2017

Русина Юлия Анатольевна
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: iulia.rusina@urfu.ru

Rusina, Yulia Anatolyevna
PhD (History), Associate Professor
Chair of the History of Russia
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: iulia.rusina@urfu.ru

FEBRUARY AND OCTOBER 1917 IN THE *"SAMIZDAT"* OF PETROGRAD STUDENTS

This article introduces a previously unpublished historical source, i.e. a self-published magazine of the students of the Emperor Alexander I Petrograd Institute of Transport Engineers which was published between 1917 and 1918. The informational diversity of this periodical and, as a result, its historical potential are determined by the time and place of its appearance and by its authors' knowledge. The magazine reflects the generational view on the events of the February and October Revolutions, the dynamics in the ideas and expectations of young people who found themselves in the centre of global historical changes. A scrupulous content analysis of twelve issues of the magazine demonstrates how the pre-revolutionary educational system was broken and new social values appeared which led to the well-known mythologisation of the *homo soveticus* notion. On the other hand, the periodical established by the students of the two revolution waves, portrays the social and cultural, emotional and psychological image of the generation, whose personal development coincided with the perishing of one empire and the emergence of another, this generation being "erased" from the pages of Soviet history. The term *Samizdat* regarding the magazine *Topor i Yakor'* (Eng. *Axe and Anchor*) is given in its relative meaning, that is why inverted commas are used in the title. In this case, the properties of Samizdat (illegality, lack of censorship) are absent. On the contrary, the magazine was approved by the administration of the institute and was supported financially and in many other ways. *Topor i Yakor'* is rather an amateur periodical, whereas its correlation with Samizdat can be identified only due to the initiative and the voluntary effort of its creators.

K e y w o r d s: February revolution of 1917; October revolution of 1917; student self-published periodical; Emperor Alexander I Petrograd Institute of Transport Engineers; historical sources.

Acknowledgements

The research is sponsored by the *Russian Foundation for Basic Research* — Department of Humanities and Social Sciences, project 17-21-07002a(m) "'Homo soveticus' as ambivalently received phenomenon in Hungarian and Russian humanities of 20th–21st centuries".

Korenev, L. I. (2009). Zabytye imena v istorii Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniia [Forgotten Names in the History of Petersburg State Transport University]. *Izvestiia PGUPS*, 4, 99–119. (In Russian)

Okhochinsky, M. N. (2014). Studencheskie nauchnye obshchestva v oblasti aviatsii i kosmonavtiki (1910–1920) [Student Academic Societies in the Field of Aviation and Cosmonautics (1910–1920)]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 8–9, 141–146. (In Russian)

Smyk, A. F. (2014). Ot imperatorskogo inzhenernogo uchilishcha k otraslevym transportnym institutam (1810–1930) [From the Imperial Engineering School to Branch Transport Institutes (1810–1930)]. *Vestnik MADI*, 2 (37), 3–14. (In Russian)

Voronin, M. I., & Voronina, M. M. (2001). Zelenaia liagushka. Iz istorii puteiskogo instituta Peterburga [The Green Frog. From the History of the Transport Institute of St Petersburg]. *Istoriia Peterburga*, 3, 65–67. (In Russian)

Received on 5 July, 2017

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.050
УДК 821.511.141-312.6 Маркович +
+ 341.34(439) + 94(47 + 57)“1917/22”

Э. Шиллер
Университет им. Лоранда Этвеша
Сомбатхей, Венгрия

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ, РУССКИЙ ПЛЕН И ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РОМАНАХ Р. МАРКОВИЧА*

В статье впервые на русском языке рассказывается о двух романах венгерского писателя Родиона Марковича (*Rodion Markovits*) «Сибирский гарнизон» и «Золотой поезд», причем подчеркиваются те элементы их содержания, которые говорят об отношении к русским событиям пореволюционного времени и русским людям, охваченным вихрем революционных перемен. Первый из упомянутых романов, «Сибирский гарнизон» (1927), в свое время стал всемирной сенсацией, будучи одним из самых первых европейских художественных текстов о русском плене, о далекой экзотической Сибири и вообще о послереволюционной России. В нем описывается путь военнопленных через всю огромную страну от ее западной границы вплоть до Дальнего Востока, а также будни двухлетнего плена на берегу реки Уссури. В романе «Золотой поезд» (1929) рассказывается о периоде, наставшем после Брестского мира, о возвращении на родину австро-венгерских солдат через объятую революцией Россию. Помимо наблюдений, касающихся восприятия героем-венгром русской культуры, истории и человеческой психологии, в статье содержатся выводы об особой историко-психологической достоверности автодокументальных художественных текстов, каковыми являются романы Родиона Марковича, писателя, придумавшего особый жанр — коллективный роман-репортаж.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Родион Маркович; венгерские военнопленные; Первая мировая война; гражданская война в России; автодокументальная проза.

В отношении венгров к русскому человеку, ставшему потом советским, значительную роль играла Первая мировая война, и особенно военный плен на территории России. Известны истории тех венгерских военнопленных, которые, освободившись из плена, по разным причинам сражались в Гражданской войне на стороне Красной Армии. Их судьбы стали сюжетами фильмов и книг после Второй мировой войны, когда венгерское государство, в первую очередь Венгерская коммунистическая партия, старались отыскать свои идеологические корни уже в советском времени.

Однако истории военнопленных на самом деле были гораздо более сложны и неоднозначны, и в последние годы ведутся серьезные архивные исследования

* Работа выполнена в рамках международного проекта № 17-21-07002а(м) «“Человек советский” в амбивалентной рецепции венгерской и русской гуманитаристики XX–XXI вв.» (РФФИ — отдел гуманитарных и общественных наук).

© Шиллер Э., 2017

на эту тему, изучающие численность, человеческие судьбы, места захоронения и т. д. Это, конечно, очень ценные изыскания, но по своей природе они не могут передать таких деталей, чувств, личных переживаний, которые возможно сохранить в художественных текстах.

Первый роман из тех двух, о которых будет идти речь в этой статье, стал на короткое время всемирной сенсацией. Он оказался одной из самых первых книг военной тематики — вышел чуть раньше знаменитого романа Ремарка, в 1927 г. – и первым дал сведения о русском плене, далекой экзотической России и такой неведомой земле, как Сибирь. Всё это было для западных читателей поразительной новостью, почти что небылицей, которая всё-таки произошла. По сути дела, это было первое личное свидетельство о русском плене солдат разных народов Австро-Венгрии, о двух русских революциях, вернее, об их отблесках в Сибири, о гражданской войне глазами венгерских военнопленных. Роман имел ошеломляющий успех, его перевели на 14 языков (по известным причинам русский не фигурирует среди них). Тираж был такой огромный, что автор романа стал богатейшим человеком — впоследствии никто не понимал, как он мог потерять это огромное состояние у столиков для карточной игры[1].

Название романа было «Сибирский гарнизон», а его автора звали Родион Маркович. Тут нужно сразу сделать отступление. Родион Маркович родился как Jakab Markovits в 1884 г. в трансильванском селе (принадлежащем в то время Венгрии) в религиозной еврейской семье. Его отец был организатором и духовным отцом еврейской общины деревни, но это не мешало ему и его жене быть исключительно образованными людьми, укорененными в западной культуре. Сыновьям они обеспечили хорошее университетское образование. Якаб учился в Будапештском университете, стал юристом. В столице он познакомился с литераторами, увлекся журналистикой. Во время своих первых публикаций, по-видимому, он считал, что его имя имеет слишком сильный еврейский характер, и решил его поменять. Это не говорит о том, что он полностью отказался от своих еврейских корней, но лишь о том, что стал жить жизнью более ассимилированных евреев, подобно многим в то время. Обратим внимание на то, какое именно имя он себе выбрал. Имя Родион — уникальное на той территории, где он жил (и в венгерском, и в румынском языках), он взял его из романа Достоевского. На рубеже XIX–XX вв. русская литература была «в моде» — как в Западной Европе, так и в Венгрии. По-русски в Венгрии практически никто не читал, не говорил, переводили с немецкого. (Носители славянских языков кое-что понимали, первые венгерские русисты вышли из их рядов.) Но переводы выходили в огромном количестве — Тургенев, Толстой, Достоевский, Гоголь, Пушкин, Чехов, Горький всюду печатались и всеми читались. То, что венгерская публика знала о России, приходило к ней сквозь призму литературы.

---

[1] За несколько лет и этот успех, и самого автора забыли, и он стал второстепенной, полузабытой фигурой венгерской литературы.

Родиона Марковича в январе 1915 г. призвали в армию, он оставил у своих родителей в родной деревне жену и маленького сына. После военной подготовки он непродолжительное время воевал, затем попал в плен на территории Галиции летом 1916 г. Был в лагере военнопленных на Амуре вплоть до Брестского мира, т. е. до марта 1918 г. Потом он, подобно тысячам других, вынужден был без всякой организованной помощи добраться до дома через всю огромную страну во время Гражданской войны. Приехал домой только в мае 1921 г.

В середине 1920-х гг. Маркович решил написать книгу о русском плене. Он придумал своеобразный жанр: коллективный роман-репортаж. Затея была такая: написанное — это не только его личные впечатления, судьба, не только то, что произошло исключительно с ним. Он хотел собрать как можно больше разных воспоминаний. Сделал даже объявление в газете в городе Клюж (с 1920 г. румынский город, но в то время еще с преобладанием венгерского населения), прося бывших военнопленных поделиться какими-либо воспоминаниями, и действительно получил множество писем, — к сожалению, неизвестно, насколько он ими воспользовался.

Выход романа (1927) не был замечен, но второе, уже будапештское, издание вызвало огромный шум. Спустя два года Маркович пытался повторить успех, написав свой второй роман «Золотой поезд» о приключениях, связанных с возвращением домой через всю Россию.

В обоих романах повествование ведется от третьего лица, но повествователь словно всё знает о главном герое, имя которого долго остается неизвестным для читателя. Лишь во второй книге в определенный момент это имя звучит, причем в русифицированном варианте: Якаб превращается в Якоба Иосифовича. Это подтверждает догадку читателя, что главный герой очень близок самому автору. (Отчество в венгерском языке не употребляется, но отца писателя звали Йожеф — по-русски Иосиф.) Действительно, оба романа имеют откровенно автобиографический характер и могут быть отнесены к документально-художественной прозе, которая ценна своим потенциалом исторического свидетельства гораздо более, нежели своей художественной стороной.

Попытаемся рассказать об этих двух романах венгерского писателя Родиона Марковича, подчеркивая те элементы их содержания, которые говорят об отношении к русским событиям послереволюционного времени и русским людям, охваченным вихрем революционных перемен.

Главный герой романа «Сибирский гарнизон» попал в русский плен при относительно «товарищеских» обстоятельствах. Ему очень повезло. У него с собой была сливовая палинка (водка), сделанная отцом. Ею он угостил русского офицера, который в итоге велел своим солдатам сшить полоску на его рубашку, обозначавшую, что он прапорщик, т. е. тоже офицер. Это, конечно, не спасло его от всех страданий, от голода, унижения, грязи, но на долгие годы обеспечило гораздо более терпимую жизнь, чем жизнь рядовых солдат. Кто знает, смог ли бы он выжить вообще без помощи русского офицера?

Военнопленные австро-венгерской армии при страшных обстоятельствах добрались до границы. Они убедились, что пришли к рубежу России, когда увидели широкие колеи. Там их посадили в поезд, и начался долгий путь на восток. По приезде в Киев главного героя в качестве прапорщика доставили к русским офицерам, которые хотели узнать у него военные секреты. «Прапорщик», конечно, никаких сведений не имел. Он вошел в зал между двумя русскими солдатами. Там сидели элегантные, высокопоставленные чины. Судя по формам, «прапорщик» решил, что все они генералы. И в ярком свете люстр:

> ...потихоньку плыл к нему некий роман Тургенева. Ему померещились герои Анны Карениной Толстого, появилась потрепанная фигура солдата Карамазова, и Пушкин играл на арфе где-то высоко: «Итак, я жил тогда в Одессе». И если он мог бы подойти к ним и открыть свою душу, говоря:
>
> – Вы не представляете, глубокоуважаемые господа, с каким умилением я отношусь к русской земле... Генерал Павел Павлович, я знаю Тургенева, знаю Гоголя, знаю Лермонтова, Горький у меня хороший друг, и на веки веков моя неразлучимая сестра — Соня, которая проводила убийцу в Сибирь... <...>
>
> После всего этого генерал, который сидит на почетном месте за столом, поцелует его, как это часто происходит в русских романах. Он будет упоминать о Чехове, об Обломове... <...>
>
> – Значит, вы готовы дать разъяснения в некоторых вопросах? — спросил переводчик.
>
> – Нет... никак... — ответил он заикаясь. — Я же офицер, моя клятва не разрешает... Но как вам сказать, я большой поклонник русской литературы...
>
> – Вы об этом хотите говорить?
>
> – В самом деле нет, об этом тоже нет... Здесь всё как у Достоевского... Как в романе Толстого... (здесь и далее перевод мой. — *Э. Ш.*) [Markovits, 2009, o. 127–128].

«Прапорщика», конечно, увели, никто не желал говорить с ним о русской литературе. Вскоре после этого эпизода поезд отправился к Москве, «в святой город русских», как выразился главный герой. Путешествие, конечно же, не очень комфортное — они едут под конвоем, в закрытом вагоне, но мысли главного героя всё еще романтичны:

> Два русских солдата сторожили их. <...> Они наверняка были опытными солдатами, но оказались очень строгими. Они не пускали людей к дверям вагонов, а окон не было — как приятно было бы взглядывать на страну Горького и Гоголя. Он мог только тайком бросать взгляд на деревни, где живут мужики, на маленькие городки, где зимой дворяне ходят в гости друг к другу, на дороги, где мчатся тройки в русских романах, на поля, на которых пасутся стада князя Вронского, на сады, где некогда мечтал Гончаров [Ibid., o. 137–138].

И когда герой засыпает, ему снится, что он разговаривает с Генеральным штабом об Обломове и Ольге Сергеевне. И он сильно разочаровывается, когда понимает, что они зря находятся в Москве – город им не увидеть, только кремлевские башни чуть видны издали.

Дальше они ехали поездом, шли пешком, плыли кораблем по Волге и по Унже. Но всё еще настоящее не могло вытеснить старых литературных впечатлений, чувства туманной тоски, общности с русской землей, ощущения, что он приехал домой. Осенью пленные должны были покинуть Макарьев, где жили относительно хорошо на берегу реки, и отправиться в Сибирь. Они узнали, что их конечная цель — Хабаровск. Они достигли Урала, увидели из окон (офицеры ехали в пассажирских вагонах) белый столб, указывающий рубеж Европы и Азии. Этот столб имел для них символическое значение — они молча прощались с европейской жизнью и культурой. Сибирь — это Азия, это тайна, это место ссыльных и каторжан. Тут уже и главный герой перестал размышлять о русской литературе.

Путешествие продолжалось долгие недели. Поезд иногда останавливался, пленные выходили, на Амуре сели на корабль. В течение этих недель некоторые, среди них и главный герой, издавали (т. е. писали от руки) газету. Сначала под названием «Транссибирский вестник», потом «Амурский курьер», — естественно, по-венгерски. На берегу реки Уссури в китайском рыбачьем поселке находился их лагерь. Они там оказались не первыми пленными, некоторые солдаты жили там уже не первый год. Были в окрестностях и другие лагеря, и пленные разных лагерей время от времени могли общаться друг с другом. В лагере жили венгры, австрийцы и немцы. Продолжалось издание газеты, на этот раз «Сибирской газеты»[2].

Возвращаемся к нашей основной теме — отношению венгров к русским. Маркович, говоря о буднях лагеря, мало пишет о русских. Жителей лагеря больше интересовали свои дела — от того, как отнесутся к ним дома армия и правительство, каковы их шансы на возвращение, что делают их родные (они часто обменивались письмами) – вплоть до самодеятельного лагерного театра. В описании жизни лагеря более значительную роль имели отношения пленных между собой, их будни, в которых русские играли, конечно, основную, но всё же косвенную роль. Каждый день офицер, понимающий по-русски, переводил новости. Так пленные узнали и о Февральской революции, после которой всё больше и больше ощущалось, что они не совсем изолированы от жизни окружающей страны. Русские офицеры становились менее самоуверенными, в воздухе нависала неопределенность. Доходили вести о том, что русские войска отступают, и солдаты носят большие флаги с надписью «Долой войну!» Эти новости вселили в пленных солдат надежду на освобождение. Однако лето наступило более тяжелое, чем раньше. Они больше не получали писем из дома, денег и еды стало заметно меньше. После Октябрьской революции пленные стали твердо верить в то, что Россия просит мира, и их, как офицеров победоносной армии, привезут домой. После заключения Брестского мира они поняли, что, во-первых, это не полный мир, поэтому, если они попадут

[2] Надо заметить, что в венгерском словоупотреблении Сибирь означает всю территорию от Урала до Тихого океана.

домой — должны будут служить дальше, скорее всего на итальянских фронтах. Во-вторых, что никто никакого поезда из Европы не пошлет за ними. Приехал потом русский комиссар, выступил с пламенной речью за коммунистические идеалы — ситуация была нелепая, потому что переводчик не хотел правильно переводить, а пленные плохо знали язык. Но в последние месяцы в лагере передавались книги, брошюры с революционной пропагандой, так что эти мысли офицерам были знакомы.

Русских перестало интересовать, убегут пленные или нет, и в определенный момент военнопленные решили сами сторожить лагерь, требовать соблюдения порядка, так как русские уже не знали, кому они должны подчиняться.

Вести о гражданской войне всё приходили и приходили. Постепенно приблизилась и сама эта война. Как поступить? Некоторые из солдат и офицеров приняли необычные решения: бежали в Америку, в Китай, женились на русских (или китайских) девушках. Те, которым удалось достать деньги, решили поездом доехать до Хабаровска или Владивостока и там сесть на пароход. Однако поехать домой становилось всё более нереализуемой мечтой. Как отправиться и как проехать всю страну в условиях гражданской войны?

Второй роман Родиона Марковича «Золотой поезд», не имевший успеха, но художественно все-таки более удачный, чем первый, говорит именно об этом преодолении огромного пространства, об одной-единственной цели — попасть поближе к Карпатскому бассейну и выжить, что удалось не всем.

В романе «Золотой поезд» главным героем, как и в первом, является тот же Якоб Иосифович. И хоть этот роман уже не называется автором «коллективным», но, вероятно, содержит не меньше автобиографических фактов, чем «Сибирский гарнизон».

Как же преодолевают российские пространства герои романа — венгерские, австрийские, чешские офицеры? Они отправляются с берегов Амура, где в лагере больше страдали от тоски по родине, чем от физических испытаний. Перед отъездом Якоб стал комиссаром лагеря, и именно он выдумал детали проезда. Поезд с пленными проехал через Маньчжурию, на пятый день все вышли у Байкала. Там договорились с красными о движении дальше. В Иркутске австро-венгерские пленные должны были вступить в Красную гвардию — за исключением высокопоставленных офицеров, которых увезли неизвестно куда. Остальные присоединялись к красным — обсуждая между собой, что, по-видимому, этим не наносят вред своей родине. Среди офицеров в идеологической сфере — полное замешательство. Какую сторону честно поддерживать? Чего ожидать офицерам Австро-Венгрии, особенно тогда, когда уже стало известно, что поражения не избежать, и что армия и вся Австро-Венгрия распались, а еще позже — стало ясно и то, что территория Венгрии становится меньше, и есть опасения, что часть страны перейдет новорожденному государству — Чехословакии, причем солдаты этого формирующегося государства сражались в армии Австро-Венгрии вместе с венграми. Ко всему этому еще добавилось и уже упомянутое опасение — а что, если придется служить дальше?

Офицеры, которые остались свободными, ехали дальше: Омск, Урал, и, наконец, достигли первого европейского города — Самары. Оттуда они не могли ехать дальше, потому что белые и красные воевали за мост на Волге. Дежурный по железнодорожной станции советовал пленным вернуться — раз им так повезло и у них есть поезд, то лучше всего вернуться в Сибирь, «где текут молоко и мёд». И вот опять проехали мимо белого столба и попали в Красноярск, лагерь для военнопленных. Там было много чехов, которые быстро вступили в Гражданскую войну на стороне белых, потому что они надеялись на их помощь в основании чехословацкого государства и боялись ехать домой, где их могли бы казнить за измену родине (ведь их «родина» была Австро-Венгрия). Чехи хотели попасть на восток и во Владивостоке присоединиться к адмиралу Колчаку. В лагере чехи напали на венгров и с помощью нескольких словаков устроили бойню.

Якобу удалось спастись, он сбежал, пришел в деревню Секретарская. У него всё еще оставались романтические представления о русской деревне, которая в своей отсталости жаждет красивого и хорошего. Он думал, что будет жить там в качестве сельского учителя (на каком языке он бы работал — об этом автор умалчивает; вполне возможно, что и главный герой, и сам автор за это время уже выучили русский) и начнет делать записки о простом русском народе, а потом дома будет читать лекции о нем. Вместо этого герой провел в деревне несколько месяцев, живя на положении невольника. Ему пришлось быстро понять, что романтические чувства здесь неуместны, что живут тут отнюдь не крестьяне классической русской литературы и царствуют грубость, грязь, беспощадность. Несколько венгров жили там вместе с ним в самых страшных условиях, но когда прибыли красноармейцы и освободили их с тем, чтобы венгры могли присоединиться к их отряду, вся деревня прощалась с ними, как со своими сыновьями.

Потом Якоб попал к партизанам, среди которых почти не было русских — там были китайцы, венгры, австрийцы, немцы, киргизы, а их вожатый был венгерским солдатом. Отсюда Якоб тоже бежал — вернулся в красноярский лагерь. Здесь отметил новый 1920 год. Гражданская война продолжалась, и, соответственно красным победам, заводы, где работают пленные, становились социалистическими. Среди других работающих пленных находился и знаменитый Матэ Залка.

И вот тут, уже почти в середине книги, появляется настоящий главный герой — золотой поезд. Заглавие романа кажется сказочным, но этот поезд — реальный. Адмирал Колчак на этом поезде вез золотое обеспечение денег своего правительства. Поезд должен был доехать до Москвы. Решили, что для этого нужны опытные офицеры, и, опасаясь нападений белых и похищений красных, для выполнения этой задачи выбрали «красных» иностранцев. Вместе с главным героем на золотом поезде оказались и Матэ Залка, и Ярослав Гашек, впоследствии ставший автором всемирно известного романа, главный герой которого тоже солдат Первой мировой войны. (Отметим, что Маркович не пишет о Гашеке ни слова.) Якоб надеялся на возвращение домой, другие рассчитывали на ордена. Через Омск они доехали до последней сибирской станции, Челябинска, а потом

поехали дальше через Урал. Когда они увидели белый столб, то им показалось, что всё, что они оставили дома, уже очень-очень близко, ведь они в Европе. Дальше, конечно, ехать было не так просто, кругом нищета, голод, болезни. Оказалось, что железнодорожник был прав — по сравнению с европейской частью страны в Сибири на самом деле текли молоко и мед. В романе детально не говорится о том, как Якоб попал в Москву и потом домой. В Казани он заболел, его привезли в столицу, а потом с партийными поручениями пропустили на родину. Он должен был организовать революцию на Балканах, в Болгарии.

Судя по всему, главный герой книги, как и ее автор Маркович, за это время, скорее всего, выучил русский язык — хотя об этом писатель никогда и нигде не говорит. С точки зрения нашей темы, включающей интерес венгров к новым русским людям, переплавленным в горниле революции, один интересный эпизод произошел в Казани. Якоб познакомился с женщиной, которая уговаривала его пойти в гости такими словами: «Вы, наверное, можете встретиться у нас с некоторыми фигурами вашего возлюбленного Тургенева и любимого Гоголя» [Markovits, 2011, o. 259]. Но, конечно, в это время тургеневско-гоголевские русские люди сменяются типичными фигурами формирующейся советской страны. Маркович очень рано увидел и понял некоторые карикатурные и даже абсурдные черты советской жизни. Трудно судить, понимал ли он это в 1920–1921 гг. или понял намного позже, когда создавалась книга, во всяком случае, Маркович пишет как раз о том, с чем мы встречаемся только в советской сатирической литературе 1920-х гг. Чаще всего основой схваченного им абсурда становилось то, что русские люди новой, нарождающейся формации не понимали тех политических выражений и лозунгов, в мире которых пребывали. В ироническом тоне автора есть и самоирония, ведь главный герой стал коммунистом тоже только благодаря случайности.

Маркович воспроизводит смешные истории, например, пишет о «Комитете борющихся против суеверий», который должен проверять святых — настоящие они или нет. Повествователь обращает внимание на вопиющие противоречия между яркими плакатами, громкими, воодушевленными статьями и бледными, сонными, молчаливыми людьми, сухими полями вокруг города.

Лично для меня самое грустное наблюдение автора касается поведения и хода мышления русской интеллигенции. Так, в Казани Якоб знакомится с искусством авангарда, сталкивается и с теорией этого искусства. Искусствовед, образованный, интеллигентный человек, объясняет на выставке, что новое искусство побуждает к размышлению, при этом обращает внимание на то, что коллективное искусство рождается не из мещанских интеллигентных «мозгов», а из коллективного общества. Я считаю это исключительно точной метафорой «шизофренического» состояния будущей советской интеллигенции.

Подводя итог, хочется повторить, что в нашем случае мы имеем дело с литературными произведениями, написанными через несколько лет после воспроизводимых событий — Первой мировой, сибирского плена австро-венгерских солдат, русской Гражданской войны. Не стоит говорить о том, насколько они

правдоподобны, не в этом дело, хотя Маркович пишет о множестве таких исторических фактов и явлений, которые активно изучаются ныне в исторических исследованиях. Но я думаю, что не это главное. Важно и интересно именно то, что эти два романа («Сибирский гарнизон» и «Золотой поезд») показывают уникальный взгляд на Россию, на ее людей, на их жизнь и культуру в самое волнующее историческое время. Маркович пишет во втором романе, когда его герой думает, как сбежать из деревни: «Нам надо решить — мы будем красными или белыми» [Markovits, 2011, o. 136]. Несмотря на то, что герой принял, как мы уже писали, вполне определенное решение, его взгляды, чувства, образованность, любопытство не позволили ему односторонне воспринять Россию и все те события, которые ему пришлось в ней пережить. Долгие десятилетия такое неоднозначное отношение к русской и советской культуре было невозможно.

Источники

Markovits R. Szibériai garnizon: Kollektív riportregény. Pomáz : Kráter, 2009.
Markovits R. Aranyvonat. Kolozsvár : Kriterion Könyvkiadó, 2011.

Статья поступила в редакцию 27.07.2017

Шиллер Эржебет
PhD, доцент
кафедры венгерской литературы
Университет им. Лоранда Этвеша
Филологический центр, г. Сомбатхей
9700 Szombathely, Berzsenyi Sq., 2
E-mail: schillererzsebet@hotmail.com

Schiller, Erzsébet
PhD (Philology), Associate Professor
Chair of Hungarian Literature
Eötvös Loránd University
Centre for Humanities of Szombathely
2, Berzsenyi Square, 9700 Szombathely, Hungary
Email: schillererzsebet@hotmail.com

THE RUSSIAN REVOLUTION, RUSSIAN CAPTIVITY, AND RETURN TO THE MOTHERLAND IN THE AUTOBIOGRAPHICAL NOVELS OF RODION MARKOVITS

For the first time in the Russian language, this article explores two novels by Hungarian writer Rodion Markovits *Siberian Garrison* and *Gold Train*, underlining the elements in their plot that illustrate the attitude towards the Russian events of the post-revolutionary period and the Russian people in the vortex of revolutionary changes. The first of these novels, *Siberian Garrison* (1927), caused a huge uproar when it was first published, being one of the earliest European artistic texts about Russian captivity and post-revolutionary Russia in general. It describes the path of prisoners of war across the country right to the Far East, as well as the routine of two-year captivity. The novel *Gold Train* (1929) tells of the period after the Brest Peace, the return of Austro-Hungarian soldiers to their homeland through Russia seized by revolution.

In addition to observations concerning the perception of Russian culture, history, and human psychology by a Hungarian character, the article contains conclusions about the special historical and psychological reliability of auto-documentary artistic texts, which are the novels by Rodion Markovits, the writer that came up with a new genre of the collective report novel.

K e y w o r d s*:* Rodion Markovits; Hungarian prisoners of war; World War I; civil war in Russia; auto-documentary prose.

Acknowledgements

The research makes part of the international project 17-21-07002а(m) "'Homo soveticus' as ambivalently received phenomenon in Hungarian and Russian humanities of 20th–21st centuries" (*Russian Foundation for Basic Research* — Department of Humanities and Social Sciences).

Received on 27 July, 2017

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.051
УДК 811.161.1'373.2 + 811.161.1'374.3

О. Е. Фролова
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

О КОННОТАЦИЯХ СЛОВ *АРИСТОКРАТ*, *БАРИН*, *БУРЖУА* И ИХ ДЕРИВАТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье описываются номинации представителей разных слоев общества, приобретающие переносные характеризующие значения, — *аристократ*, *барин*, *буржуа*. Проанализированы словарные толкования в словарях русского языка, прямые и переносные значения данных единиц. Рассмотрены личные и абстрактные существительные, а также прилагательные. На материале Национального корпуса русского языка показана активизация характеризующих значений личных существительных, прилагательных и абстрактных существительных. У слов *аристократ*, *барин* и *буржуа* по-разному формируются переносные значения дериватов. В группе слова *аристократ* отрицательные коннотации отмечаются в переносном значении личного существительного, но не у прилагательного и абстрактного существительного. В словообразовательном гнезде слова *барин* отрицательные коннотации присутствуют в переносных значениях всех трех единиц: личного существительного, прилагательного и абстрактного существительного. В третьей группе *буржуа* возникает специальное личное существительное с негативным характеризующим значением *буржуй*. Употребление прилагательного *буржуазный* демонстрирует изменения в коннотациях. В советскую эпоху прилагательное имеет идеологически негативную оценку, в постсоветскую эпоху наблюдаются употребления с положительными коннотациями. В начале XXI в. существительное *буржуазность* демонстрирует как положительно маркированные, так и отрицательно маркированные контексты, однако прототипически все же связано с отрицательной оценкой.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальная стратификация; социальный статус; толковый словарь; словарные пометы; метафора; коннотация; личное существительное; относительное прилагательное; абстрактное существительное; краткая форма

© Фролова О. Е., 2017

прилагательного; маркер «в хорошем смысле»; амбивалентность; Национальный корпус русского языка.

Социальная стратификация изучается, прежде всего, социологией [Радаев, Шкаратан] и уже затем лингвистикой [Ерофеева; Крысин, 1988; 2004; Сушкова-Ирина].

Наличие или формирование социального компонента значения слова — следствие профессиональной и социальной дифференциации языка [Крысин, 1988], однако в речи происходит и противоположный процесс — на основе номинативного значения единиц, описывающего структуру общества, возникает характеризующее, когда слово тяготеет к выполнению оценочной предикатной функции. В изменении частотности употребления прослеживаются пики актуализации, которые можно назвать тенденцией одобрения или порицания в зависимости от характера метафоры и коннотаций [см.: Балашова].

Л. В. Балашова пишет: «Чрезвычайно активно подвергается метафоризации семантическое поле “Социальная структура общества”, куда включаются номинации классов, сословий различных социальных и государственных систем. Интересно, что наиболее регулярно в социолектах используются наименования привилегированных слоев населения» [Там же, с. 281]. Мы бы сказали, что метафоризация приводит к появлению новых значений у лексических единиц социальной стратификации, употребление которых выходит за пределы социолектов. Слова в новых значениях становятся частью общелитературного языка.

Номинации социальных статусов человека отражены в лексике языка и, как следствие, в словарях. Обращение к нескольким из них позволяет проследить динамику формирования переносных значений. Сравнение толкований в словарях дает возможность показать изменение в семантике на протяжении XX в., анализ употребления по Национальному корпусу русского языка показывает степень острой новизны или же, напротив, привычности прямого и переносного значений слова.

Социальная структура общества описывается идеографическими словарями. Однако существующие лексикографические издания такого раздела не содержат.

В пятом томе «Русского идеографического словаря» выделен раздел «Народ, власть», а нем три подраздела: «Толпа», «Власть» и «Суд» [РИС, 5b]. Единицы, описывающие общество, попадают во все три подраздела, однако главным образом сосредоточены во втором и третьем[1].

Л. В. Балашова выделяет несколько семантических полей, которые описывают социальную структуру общества в различных аспектах: «Государственно-политическое устройство», «Хозяйственно-экономическая деятельность социума», «Политика и идеология» [Балашова, с. 277—284].

---

[1] См. в нашей статье «Нижняя ступень социальной иерархии и ее семантическое переосмысление» (в печати).

На наш взгляд, в поле социальной стратификации должны входить единицы, помещенные в обе рубрики, приведенные в словаре Н. Ю. Шведовой, а также семантические поля, выделенные Л. В. Балашовой, касающиеся устройства государства, его экономики и политики: а) глаголы, описывающие власть и зависимость одних людей от других; б) имена существительные, являющиеся номинациями классов, социальных слоев и групп; в) имена, называющие представителей социальных групп; г) имена, называющие общественно-политические и экономические институты; д) отыменные прилагательные, образованные от личных существительных: *зависеть*, *подчиняться*, *властвовать*, *управлять*, *владеть*, *судить*, *армия*, *аристократия*, *боярство*, *дворянство*, *гильдия*, *интеллигенция*, *купечество*, *мещанство*, *чиновничество*, *флот*, *пролетариат*, *полиция*, *элита*, *холопство*, *рабство*, *суд*, *царь*, *император*, *монарх*, *правитель*, *великий князь*, *аристократ*, *боярин*, *дворянин*, *землевладелец*, *интеллигент*, *помещик*, *барин*, *барство*, *купец*, *крестьянин*, *раб*, *холоп*, *офицер*, *солдат*, *чиновник*, *мещанин*, *президент*, *матрос*, *законодатель*, *депутат*, *предприниматель*, *жандарм*, *урядник*, *люмпен*, *рабочий*, *пролетарий*, *пенсионер*, *судья*, *крепость* (форма зависимости), *аристократический*, *боярский*, *дворянский*, *мещанский*, *купеческий*, *помещичий*, *чиновничий*, *крепостной*, *крестьянство*, *крестьянский*, *рабский*, *пролетарский*, *элитарный*[2].

Мы проанализировали несколько групп однокоренных слов: личные существительные, образованные от них прилагательные и субстантивные дериваты с абстрактным значением. Предметом наших наблюдений стали слова *аристократ*, *барин*, *буржуа*, прилагательные *аристократический*, *барский*, *буржуазный* и существительные *аристократизм*, *барство*, *буржуазность*. Выбранные существительные отражают социальную стратификацию общества. Относительные прилагательные позволяют описывать довольно широкий круг предметов, ситуаций и явлений. Абстрактные существительные выступают как имена признаков, сохраняющих смысловую связь с производящей основой, но уже отчасти отделившихся от собственно социальной тематики.

Формирование переносных метафорических значений у лексических единиц рассматривается в лингвистике с позиций стилистики, языковой образности, оценки, логического анализа, когнитивистики [Lakoff; Lakoff, Johnson; Метафора в языке и тексте; Арутюнова, 1990; Теория метафоры; Скляревская; Балашова]. Нас интересует тот тип метафоры, который Н. Д. Арутюнова назвала образным [Арутюнова, 1978]. «Выйдя из идентифицирующей по своему основному назначению лексики, метафора обычно в нее не возвращается. Метафора в этом случае есть ресурс, к которому прибегают в поисках образа, способа индивидуализации или оценки предмета, смысловых нюансов, а не в погоне за именем» [Там же, с. 334]. Л. В. Балашова считает социальную метафору самой динамичной

[2] Разумеется, приведенный список не претендует на исчерпывающую полноту. О понимании значения слова элита см.: [Фролова].

в диахронии и отмечает в качестве отличительной черты «тенденцию к постоянной оценочной характеристике именуемых явлений» [Балашова, с. 257].

Посмотрим, как у номинаций социальной стратификации происходит переход от общественного к индивидуальному. Обратимся к словарям. Первое словообразовательное гнездо образуется вокруг заимствованного корня. *Аристократ* — «приверженец, защитник аристократического правления» [Даль, т. 1, с. 22]; «*ирон.* принимающий вид, подражающий приемам аристократа [Грот, т. 1, с. 64]; «*перен.* человек, сторонящийся масс, ставящий себя в исключительное положение; белоручка (*разг. ирон.*)» [Ушаков, т. 1, с. 55]; «лицо, принадлежащее к аристократии (в 1 знач.)» [Ожегов, с. 27]; «привилегированная часть какого-л. класса или какой-л. общественной группы» [МАС, т. 1, с. 45], «*разг.* о человеке изысканном, утонченном, но высокомерном» [БТС, с. 46].

Мы видим колебания и в наличии или отсутствии переносного значения в словарных пометах и в характеризующих семах. Уже в конце XIX в. в словаре Я. К. Грота появляется помета «*ирон.*». Переносное значение описывает Д. Н. Ушаков, С. И. Ожегов же не отмечает переноса. МАС в зоне толкования отсылает личное существительное к прямому значению слова *аристократия* и описывает только оттенок значения. Метафору фиксирует БТС. Колебания семантики, на наш взгляд, значительны: ‘подражатель знати’ у Грота, ‘белоручка’ у Ушакова, ‘изысканный, утонченный’, но ‘высокомерный’ в БТС.

МАС не отмечает переноса у личного существительного *аристократ*, однако такое значение дается в зоне толкования прилагательного *аристократический* — «свойственный аристократу; изысканный, утонченный» [МАС, т. 1, с. 44].

Некоторые словари отмечают наличие двух абстрактных существительных *аристократичность* и *аристократизм* [Там же], а также двух прилагательных *аристократический* и *аристократичный* [Ушаков, т. 1, с. 55]: первое прилагательное может служить атрибутом в словосочетаниях преимущественно с прямым значением определяемого слова, второе выступает в характеризующем употреблении применительно к более широкому кругу явлений и может образовывать краткие формы. В НКРЯ находим два прилагательных *аристократический*, *аристократичный* и два наречия *аристократически*, *аристократично*.

(1) *Статью и ростом он напоминал графа Игнатьева, а лицом был красивей, и значительней, и, как ни странно,* ***аристократичней****, хотя не существовало дворянского рода Прохоровых* (Ю. М. Нагибин. О Галиче — что помнится (1994)) [НКРЯ][3].

(2) *К тому же Алик был* ***аристократично*** *красив, изысканно нежен* (Виктория Токарева. Один из нас (1964–1994)).

Так, в примерах (1), (2), относящихся ко второй половине и концу XX в., встречаем наречие *аристократично* и прилагательное *аристократичный* по отношению к описанию внешности человека.

---

[3] Все примеры, за исключением специального оговоренных, взяты из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Значение абстрактного существительного словари определяют следующим образом: *аристократизм* — «благородство, благородное изящество (в дворянско-буржуазном обществе)» [Ушаков, т. 1, с. 55]; «в дворянско-буржуазном обществе: поведение, свойственное аристократу, внешняя изысканность» [Ожегов, с. 27]; «свойственная аристократам манера поведения, внешняя изысканность, утонченность» [МАС, т. 1, с. 44]; «благородство поведения; изящество манер» [БТС, с. 46].

Сравнение толкований личного и абстрактного существительных показывает, что последнее не является семантически преемственным по отношению к первому: Ушаков снимает сему ‘белоручка’ из толкования, *аристократизм* характеризируется лишь положительными качествами: изысканностью, утонченностью и благородством.

Для того чтобы проследить, как меняется характер употребления единиц трех словообразовательных гнезд, мы выделили пять подкорпусов в НКРЯ, отталкиваясь от значимых социально-политических и экономических событий: первый подкорпус 1700—1800 гг. относится к эпохе петровского и послепетровского феодализма, период 1801—1860 гг. охватывает годы сложных общественных потрясений — войны 1812 г., восстания 1825 г., вплоть до отмены крепостного права; в эпоху 1861—1916 гг. после освобождения крестьянства происходит активное формирование новых экономических отношений, заканчивается этот период Первой мировой войной; 1917—1991 гг. относятся к советской эпохе со сломом социальных структур предшествующих периодов, а также с социалистической экономикой; наконец, 1992—2017 гг. — новейший постсоветский период, характеризующийся новой резкой сменой политико-экономических основ государства, установлением капиталистических отношений в экономике, свободным, затем регулируемым рынком. В каждый из выделенных нами периодов (см. табл. 1) происходит изменение социальной структуры общества, что, как мы полагаем, должно отразиться на употреблении интересующих нас единиц.

Таблица 1

Общее количество текстов, привлеченных к анализу (по подкорпусам НКРЯ)

Объем	1700—1800	1801—1860	1861—1916	1917—1991	1992—2017
Количество документов	1 853	2 755	41 490	23 360	45 124
Количество предложений	291 982	1 377 005	4 688 864	9 617 038	8 524 504

Различный объем загруженных текстов затрудняет анализ. Тем не менее, табл. 2 показывает частотность употребления единиц словообразовательного гнезда *аристократ*, *аристократический*, *аристократичный*, *аристократизм*, *аристократичность*. Характеризующие прилагательное *аристократичный* и абстрактное существительное *аристократичность* появляются позднее, чем

единицы с номинативным прямым значением. В советский период сокращается количество употреблений собирательного существительного *аристократия*. Прилагательное же с характеризующим значением *аристократичный* обнаруживает тенденцию к росту употреблений.

Таблица 2

Употребление слова *аристократ* и его дериватов (по данным [НКРЯ])

Лексема	1700—1800	1801—1860	1861—1916	1917—1991	1992—2017
аристократ	3 док., 6 вх.	97 док., 251 вх.	299 док., 571 вх.	346 док., 659 вх.	438 док., 654 вх.
аристократия	6 док., 20 вх.	97 док., 269 вх.	315 док., 684 вх.	276 док., 533 вх.	214 док., 315 вх.
аристократизм	1 док., 1 вх.	18 док., 21 вх.	93 док., 183 вх.	105 док., 156 вх.	85 док., 100 вх.
аристократичность	—	1 док., 1 вх.	14 док., 17 вх.	15 док., 18 вх.	6 док., 6 вхй.
аристократический	13 док., 18 вх.	118 док., 278 вх.	401 док., 1 023 вх.	407 док., 761 вх.	376 док., 511 вх.
аристократичный	—	2 док., 2 вх.	19 док., 25 вх.	33 док., 40 вх.	62 док., 67 вх.

Анализ переносного употребления слов *аристократ*, *аристократический*, *аристократичный* свидетельствует о том, что говорящий ощущает себя ниже на лестнице социальной иерархии, чем объект оценки.

Обратимся к словообразовательному гнезду с русским корнем. *Барин* — «боярин, господин, человек высшего сословия; дворянин; иногда всякий, на кого другой служит, в противоп. слуге, служителю. <...> хозяин» [Даль, т. 1, с. 49]; «хозяин — дворянин в отношении к своему слуге», «вообще господин, хозяин» [Грот, т. 1, с. 115]; «лицо, принадлежащее к господствующим, эксплуатирующим классам (*разг.*, теперь *презрит.*)», «аристократ по привычкам и манерам (*устар.*)», «(в знач. мн. употр. *господа*) хозяин (по отношению к прислуге; *разг. дореволюц.*)», «лицо, принадлежащее к обеспеченному и образованному слою городского населения, интеллигент (*дореволюц. разг.* или *ирон.*). *Одет барином*», «обращение к лицу интеллигентного вида (*простореч. дореволюц.*)», «человек, избегающий грязной работы, белоручка (*разг. неодобрит.*). *Держит себя барином. Жить барином* (*разг.*)» [Ушаков, т. 1, с. 90]; «*перен.* человек, к-рый не любит трудиться сам и предпочитает перекладывать работу на других (*разг.*)» [Ожегов, с. 34]; «*разг.* о человеке, который уклоняется от труда, перекладывает свою работу на других» [МАС, т. 1, с. 62]; «хозяин, господин (обычно в обращении простолюдинов)», «*разг.* о солидном (обычно богато одетом) человеке с важной походкой, степенными манерами», «*разг.* о человеке, ведущем праздный образ жизни, не желающем трудиться или чрезмерно избалованном, изнеженном» [БТС, с. 59].

Показательно толкование Д. Ушаковым значения слова *барин* с помощью существительного *аристократ*. В русском языке в семантике слова *аристократ* отражается сема ‘благородное происхождение’, а у слова *барин* — ‘владелец’, ‘хозяин’.

У Д. Н. Ушакова обнаруживаем словарные пометы «*презрит.*» и «*неодобрит.*», недвусмысленно свидетельствующие об отрицательной оценке в структуре переносного значения личного существительного. Четыре словаря — Ушаков, МАС, Ожегов, БТС — отмечают ‘нежелание трудиться’ как отрицательно оцениваемое качество.

Барство — «состояние, быт, звание барина; сословие бар; все общие барские качества, по себе взятые; хлебосольство, тороватость, властолюбие, тщеславие, спесь и пр.» [Даль, т. 1, с. 49]; «звание, достоинство барина», «сословие дворян, особенно землевладельцев, в укоризненном значении», «барские свойства» [Грот, т. 1, с. 117]; «сословие дворян (*пренебр.*)», «*собир.* баре, господа, помещики», «изнеженность, избалованность, свойственная барам (*разг.*)» [Ушаков, т. 1, с. 91]; «барская изнеженность, нежелание работать», «высокомерие, пренебрежительное отношение к людям», «*собир.* помещики, дворяне (*устар.*)» [Ожегов, с. 35]; «*собир.* помещики, господа», «высокомерие, пренебрежение к нижестоящим людям, свойственное барам», «изнеженность, избалованность, стремление к праздности, свойственные барам» [МАС, т. 1, с. 62, 63]; «*собир.* в России до 1917 г.: помещики, господа. *Всё московское барство*», «внешность, манеры и образ жизни барина (степенность, праздность, высокомерие и т. п.)» [БТС, с. 60].

Слово *барство* является и собирательным, и абстрактным. Словари последовательно отмечают отрицательно оцениваемые признаки в семантике абстрактного существительного, начиная с Даля — ‘тщеславие’, ‘спесь’; Грот упоминает «укоризненное значение»; Ушаков дает помету «*пренебр.*»; Ушаков, Ожегов и Евгеньева вводят в толкование семы ‘изнеженность’, ‘избалованность’ ‘высокомерие’, ‘праздность’. Отмеченная у Даля сема ‘хлебосольство’ не поддерживается более поздними лексикографическими источниками.

Подобно первому словообразовательному гнезду, группа дериватов личного существительного *барин* включает два прилагательных *барский* и *барственный*, второе из которых является характеризующим, а также два абстрактных имени *барство* и *барственность*. Только последнее из них выступает в качестве номинации абстрактного признака.

Отношения личного существительного *барин* и абстрактных *барство*, *барственность* обнаруживают тесную семантическую связь и содержат отрицательно оцениваемые семы ‘высокомерие’ и ‘нежелание работать’.

Наблюдения над функционированием единиц данного словообразовательного гнезда отражены в табл. 3. Как видим, в советский период сокращается количество употреблений и личного, и собирательного существительных *барин* и *барство*; прилагательное *барственный* и абстрактное существительное *барственность* образовались позже и имеют тенденцию к росту употреблений.

Таблица 3

Употребление слова *барин* и его дериватов (по данным [НКРЯ])

Лексема	1700–1800	1801–1860	1861–1916	1917–1991	1992–2017
барин	42 док., 290 вх.	385 док., 3 387 вх.	1 141 док., 887 вх.	955 док., 4 764 вх.	1 100 док., 2 935 вх.
барство	—	22 док., 35 вх.	105 док., 182 вх.	78 док., 98 вх.	37 док., 47 вх.
барственность	—	—	4 док., 4 вх.	11 док., 12 вх.	5 док., 6 вх.
барский	14 док., 42 вх.	214 док., 727 вх.	564 док., 1 953 вх.	509 док., 1 432 вх.	298 док., 448 вх.
барственный	—	3 док., 3 вх.	16 док., 17 вх.	69 док., 92 вх.	46 док., 54 вх.

Контексты с абстрактными существительными *барство* и *барственность* синонимичны (см. примеры (3), (4)), слова могут быть заменены одно на другое.

(3) *...в то лето Николай Степанович не только неотлучно находился при Берии, но и возглавлял Четвертое управление, секретно-политическое, изучая ржавчину железных людей: похоть, порочные наклонности, пьянство,* ***барство****, присваивание блестящих безделушек — все, что следовало знать императору, — подустал от низости и не считал нужным улыбаться этим...* (Александр Терехов. Каменный мост (1997–2008)).

(4) *Основной маской Юрченко за последнее время стало выражение непререкаемой* ***барственности*** (Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)).

Важность социальных статусов и их вербального выражения подтверждает пример (5), поскольку автор предполагает, что адресат поймет игровую оксюморонность его конструкции: *купеческий размах* не совместим с хорошим вкусом и степенностью *барственности*.

(5) *Правда, его* ***барственность*** *отдавала сейчас купеческим размахом* (Ю. М. Нагибин. О Галиче — что помнится (1994)).

Последовательно выраженная отрицательная оценка у личного существительного, прилагательного и абстрактного существительного противоречит выводу Л. В. Балашовой: «в русском языке в целом положительную или нейтральную оценку при переносе сохраняют наименования российских и западноевропейских монархов, а также большинство привилегированных сословий» [Балашова, с. 298].

Позиция говорящего такая же, как и при переносе в словообразовательном гнезде с корнем *аристократ-*, — ниже объекта оценки.

Перейдем к рассмотрению единиц третьей группы. Словообразовательное гнездо *буржуа*, *буржуазия*, *буржуй*, *буржуазный*, *буржуйский*, *буржуазность* является более новым по отношению к двум, проанализированным выше, и, как

следствие, — хуже описанным лексикографически, с нашей точки зрения. Словари XIX в. неточно отражают картину вхождения слова *буржуазия* в русский язык, поскольку оно отмечается уже в XVIII в. и включено в «Словарь русского языка XVIII в.». БАС указывает, что впервые слово *буржуазия* было лексикографировано в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знания (Справочном энциклопедическом лексиконе)» Ф. Г. Толля только во второй половине XIX в. [БАС, т. 1, с. 597]. Слово *буржуа* сохраняет неизменяемость как один из признаков неосвоенности иноязычного заимствования русским языком, однако впервые отмечено в прямом значении лишь в XX в. в словаре Ушакова: «лицо, принадлежащее к классу буржуазии» [Ушаков, т. 1, с. 206]. Оттенок значения «о том, кто ведет буржуазный образ жизни, подражает буржуазии» описывает только БТС [БТС, с. 104].

Значение собирательного существительного имеет ряд особенностей: *буржуазия* — «*франц.* мещане, мещанство, горожане, среднее сословие, граждане, обыватели, торговый и ремесленный люд» [Даль, т. 1, с. 143]; «мещане, мещанство, среднее сословие» [Грот, т. 1, с. 294]; «в капиталистическом обществе — класс эксплуататоров, владеющий на правах частной собственности орудиями и средствами производства и извлекающий прибавочную стоимость посредством эксплуатации наемного труда», «в феодальном обществе — сословие горожан (*истор.*)» [Ушаков, т. 1, с. 206]; «в капиталистическом обществе: класс собственников средств производства, существующий за счет прибавочной стоимости, получаемой в результате применения наемного труда» [Ожегов, с. 61]; «господствующий класс капиталистического общества, являющийся собственником орудий и средств производства и живущий капиталистическим доходом, получая прибавочную стоимость эксплуатацией наемного труда» [МАС, т. 1, с. 126]; «класс капиталистического общества, владеющий средствами производства и существующий за счет доходов с наемного труда» [БТС, с. 104].

Включая в зону толкования слово *мещане*, словари XIX в. создают ряд трудностей, поскольку, во-первых, данное слово формирует свое переносное оценочное значение, отмеченное Д. Ушаковым: «*перен.* человек с мелкими, ограниченными, собственническими интересами и узким идейным и общественным кругозором» [Ушаков, т. 2, с. 208]; во-вторых, уже во второй половине XIX в. денотат существительного *буржуазия* «разрастается» и перестает быть равен объему понятия, стоящего за словом *мещане*.

Прилагательное *буржуазный* обнаруживает оценочное значение уже у Грота, но эту тенденцию более поздние словари не поддерживают: «мещанский, простой, несколько грубый» [Грот, т. 1, с. 294]; «свойственный буржуазии» [Ушаков, т. 1, с. 206]; «*прил.* к *буржуазия*, свойственный буржуазии. *Буржуазная пресса. Буржуазные партии. Буржуазный быт*», «*только полн. ф.* характеризующийся господствующей ролью буржуазии, осуществляемый в интересах буржуазии» [МАС, т. 1, с. 126]; «*только полн.* к *буржуазия. Буржуазная пресса. Буржуазные партии. Б-ые идеологи*», «*только полн.* характеризующийся господствующей ролью буржуазии; осуществляемый в ее интересах. *Буржуазная революция.*

Буржуазная республика. Буржуазная демократия. Буржуазное общество. Буржуазное государство», «свойственный, присущий буржуазии. *Буржуазные нравы, предрассудки. Буржуазный быт*» [БТС, с. 104].

Как видим, оценочные семы в толковании значения слова отмечены только Гротом. Важна грамматическая помета при прилагательном у Евгеньевой и Кузнецова — *только полн. ф.*, поскольку данное слово употребляется и в краткой форме, выполняющей предикатную функцию. Фраза «*Он буржуазен*» является оценочной и не описывает ситуацию, когда некто имеет отношение к владению средствами производства и наемному труду.

Что касается абстрактного существительного *буржуазность*, оно не представлено у В. И. Даля, Я. Грота, в МАС. Это слово упоминается только в словаре С. А. Кузнецова при прилагательном *буржуазный* [см.: БТС, с. 104].

Особенность данной группы заключается в том, что переносное значение формируется не у личного существительного, а возникает единица с функционально-синтаксически ограниченным предикатным значением *буржуй* [см.: Виноградов, с. 24]. Впервые это слово отмечается у Д. Ушакова как «презрительное или бранное обозначение буржуа. *Буржуи с нами вкусов разных.* Д. Бедный. *Первый по Москве алтынник, буржуй — одно слово!* Тургенев» [Ушаков, т. 1, с. 206].

Характер употребления единиц словообразовательного гнезда отражен в табл. 4.

Таблица 4

Употребление слова *буржуа* и его дериватов (по данным [НКРЯ])

Лексема	1700—1800	1801—1860	1861—1916	1917—1991	1992—2017
буржуа	—	10 док., 18 вх.	150 док., 515 вх.	222 док., 436 вх.	122 док., 161 вх.
буржуазия	—	9 док., 31 вх.	187 док., 992 вх.	729 док., 3 958 вх.	275 док., 495 вх.
буржуй	—	—	39 док., 85 вх.	375 док., 1 266 вх.	183 док., 287 вх.
буржуазность	—	—	27 док., 66 вх.	47 док., 76 вх.	50 док., 69 вх.
буржуазный	—	8 док., 9 вх.	248 док., 1 198 вх.	1 370 док, 5 478 вх.	695 док., 1 422 вх.
буржуйский	—	—	1 док., 1 вх.	69 док., 101 вх.	61 док., 83 вх.

Как показывают наблюдения, единицы с характеризующей семантикой *буржуй*, *буржуазность* возникают позже, в советскую эпоху наблюдается резкий рост их употребления.

С целью определения характера переносного значения в Национальном корпусе русского языка был задан поисковый запрос с прилагательным *буржуазный*,

чтобы по характеру сочетаемости с определяемым словом выявить положительно и отрицательно маркированные словоупотребления. Среди первых — *прогрессивно буржуазное требование национализации земли*, вторые многочисленнее и разнообразнее: *буржуазный невзыскательный вкус*, *буржуазное развращение*, *самодовольная буржуазная маска*, *буржуазный страх*, *буржуазная спячка*, *весьма буржуазное и малоосмысленное существование*, *мещанская мораль о буржуазном счастье*.

Корпус обнаружил ряд параллельных, отрицательно маркированных контекстов с прилагательными *мещанский* и *буржуазный*: *мещанский* / *буржуазный вкус, образец, стиль*.

Отрицательная оценка в семантике прилагательного обнаруживается уже в примере (6), датированном второй половиной XIX в.

(6) *Много глупого, надменного,* ***буржуазного*** *разумелось под этим словом, но сущность его истинна* (А. И. Герцен. Былое и думы. Часть четвертая. Москва, Петербург и Новгород (1857)).

Для советского периода характерны употребления словосочетаний с прилагательным *буржуазный*, отражающие идеологическое и политическое противостояние двух систем (см. пример (7)).

(7) *В языке дореволюционной интеллигенции (главным образом дворянской и* ***буржуазной****) существовал только первый (старый) тип спряжения (т. е. пеку, печёшь и т. д.); если бы дореволюционный интеллигент стал бы спрягать пеку, пекешь (например, сказал бы о своей кухарке, что «пекет пироги»), то на него посмотрели бы в его кругу как на недостаточно образованного человека, как на человека низшей марки, над ним смеялись бы* (Л. П. Якубинский, А. М. Иванов. О теоретической учебе писателя (1932)).

Пример (8) связан с порицаемым в советское время стремлением к обогащению.

(8) *Я сейчас принесу другое! — Тут она почему-то стала шептать: — Я вам дам одно кольцо, старинное, с сапфиром. Вы же любите* ***буржуазные*** *вещи? Золото?* (Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)).

В постсоветскую эпоху обнаруживаются полемичные по отношению к недавнему прошлому положительно маркированные контексты (см. пример (9)).

(9) ***буржуазные*** *ценности — сперва в виде чистого белья и хорошей еды на тарелке, а потом и более тонкие вещи, интеллигентского обихода: доброжелательность и сдержанность, чистоплотность не только внешняя, но и внутренняя, называемая порядочностью, и чувство юмора, смягчающее все ситуации, в которых другие, знакомые Томе люди, начинали ссориться, кричать, даже драться, — все эти ценности, физические и духовные, Таня теперь предавала, заявив своим новым поведением: плевать я хотела на всё ваше мироустройство!* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000).

Автор неслучайно сближает прилагательные *буржуазный* и *интеллигентский*, соотнося порядок и опрятность с первым, а внутренние качества человека — со вторым.

Вопросы, на которые не дают ответа словари: а) присутствует ли оценочное значение в семантике абстрактного существительного, или его надо интерпретировать как идеологическое?; б) какова семантика данного слова?

Первое употребление слова *буржуазность* по НКРЯ обнаруживается у Н. Г. Чернышевского (см. пример (10)).

(10) *чуть ли не половина компании даже слушала спор Дмитрия Сергеича с двумя студентами, самыми коренными его приятелями из всех младших его приятелей; они отыскивали друг в друге неконсеквентности, модерантизм,* ***буржуазность****, это были взаимные опорочиванья; но, в частности, у каждого отыскивался и особенный грех* (Н. Г. Чернышевский. Что делать? (1863)).

Очень близко по времени НКРЯ фиксирует сходное употребление у А.И. Герцена (см. пример (11)).

(11) *«Женщина эта меня не любит, — говорил он, — да и не может любить; то, что она понимает во мне и ищет — скверно, а что во мне есть хорошего — для нее китайская грамота; она испорчена* ***буржуазностью****, с своим внешним RespektabilitatoM, с мелким фамилизмом, мы замучим друг друга, это для меня ясно»* (А. И. Герцен. Былое и думы. Часть пятая. Париж — Италия — Париж (1862—1866)).

Примеры (10) и (11) объединяются отрицательными коннотациями абстрактного существительного.

Контексты начала XX в. демонстрируют различную актуализацию существительного, обращенного к бытовой и духовной сторонам жизни человека. Н. А. Бердяев выделяет философский и нонконформистский аспекты буржуазности (см. примеры (12), (13)).

(12) *Господствующая мораль, связывающая себя с христианским сознанием, вся насквозь проникнута буржуазно-демократическим приспособлением к условиям этого мира.* ***Буржуазность*** *— основная моральная категория. В понятие* ***буржуазности*** *здесь, конечно, вкладывается смысл религиозно-метафизический, а не социально-классовый* (Н. А. Бердяев. Смысл творчества (1913—1914)).

(13) *Русский человек с большой легкостью духа преодолевает всякую* ***буржуазность****, уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни* (Н. А. Бердяев. Душа России (1915)).

Пример (14) можно рассматривать как своеобразный комментарий к словоупотреблению Бердяева: с двумя аспектами *буржуазности*, сформулированными несколько иначе — экономическим и культурным.

(14) *Культурная «****буржуазность****», обесцвечивающая жизнь и понижающая уровень человеческой личности, по его мнению, была таким же великим несчастием XIX столетия, как и* ***буржуазность****, понимаемая в экономическом смысле* (В. М. Шулятиков. Критические этюды [О Бердяеве] // Курьер, 1901).

С другой стороны, по-видимому, *буржуазность* в начале XX в. рассматривается как основа устойчивости или стабильности жизни (см. пример (15)).

(15) ***Буржуазность*** *есть приспособление к мировой данности в целях устроения, спокойствия и безопасности в этом мире* (Н. А. Бердяев. Смысл творчества (1913—1914)).

Положительно маркированные контексты начала XXI в. представлены примерами (16—18). Некоторые из них взяты из статей глянцевого журнала «Домовой», положительные коннотации связаны с благоустройством жизни. Буржуазность в данных примерах ассоциируется с европейским стилем жизни, эстетикой, демократическим устройством государства.

(16) *Кабанова Ольга. Новая русская* ***буржуазность****. Московская архитектура стала удивлять европейскими традициями* (Ольга Кабанова. Новая русская буржуазность. Московская архитектура стала удивлять европейскими традициями // «Известия», 2002.07.02).

(17) *В них есть* ***демократичная буржуазность****, которая очень подходит нам по духу* (Марина Каминарская. Англоманка // «Домовой», 2002.06.04).

(18) *Казалось, что подобные художественные акции с заселением сквотов, разрушенных домов и прочих непригодных для искусства помещений принадлежат эпохе 90-х и что сегодня в искусстве мода на красоту и* ***буржуазность*** (Николай Молок. Леса в лесу. Актуальные художники три дня удобряли Московскую область // «Известия», 2002.09.02).

Наличие амбивалентных контекстов со словом *буржуазность* делает вопрос об оценочной семантике абстрактного существительного более острым. Однако примеры с маркером *в хорошем смысле* свидетельствует о том, что все же у прилагательного *буржуазный* и его субстантивного деривата *буржуазность* наличествует отрицательная оценка (примеры (19), (20)).

(19) *На наших глазах рождается электорат буржуазной (в хорошем смысле слова) консервативной партии* (2016) [Пономарь].

(20) *Все жили довольно скучной, в хорошем смысле этого слова,* ***буржуазной*** *жизнью* (2015) [Кизевальтер].

(21) *Еще нравится то, что эта музыка воплощает в себе нормальность и здравый смысл.* ***Буржуазность*** *в хорошем смысле. Простые ценности для простых людей. Простые слова, универсальный опыт. При этом высокие критерии мастерства, сочинительства, исполнения* [Westcoast AOR].

Итак, мы полагаем, что в значении прилагательного *буржуазный* и существительного *буржуазность* присутствует не идеологический компонент, а именно отрицательная оценка, связанная с конформизмом, потребительским отношением к жизни и приматом материальных ценностей над духовными.

Объясняя особенности отрицательной оценки у слова *буржуй*, Л. В. Балашова включает данное имя в ряд других: «Зазорно предпочесть материальное духовному, а тем более добиваться богатства недозволенными методами, за счет

угнетения других (ср.: *феодал*, *крепостник*, *буржуй*, *пират*, *грабитель*, *разбойник* развивают метафорические значения пейоративной оценки... не в силу того, что приобретают собственность, а в силу того, что обретают ее за счет других)» [Балашова, с. 250]. Картина, с нашей точки зрения, не столь однозначна: действительно, предикатное оценочное *буржуй* имеет сему ‘обогащение’, однако абстрактное существительное *буржуазность* не касается хищного приобретения материальных благ, а в большей степени описывает конформизм и примат материального над духовным.

Позицию говорящего по отношению к объекту оценки в случае с буржуазностью трудно определить однозначно: для существительного *буржуй* — это взгляд снизу вверх, если же говорящий приписывает кому-либо или чему-либо признаки *буржуазности*, то, видимо, это позиция сверху вниз.

Подведем итоги. Мы рассмотрели три словообразовательных гнезда слов *аристократ*, *барин*, *буржуа* и выяснили, что во всех трех случаях происходит формирование переносных оценочных значений у личного существительного и прилагательного, и, как следствие, возникает абстрактное существительное. Однако в группе слова *аристократ* отрицательно оцениваемые семы присутствуют в переносном значении личного существительного, но не у прилагательного и абстрактного существительного. Для выражения характеризующих значений в данном гнезде возникают прилагательное *аристократичный* и существительное *аристократичность*. Переносное значение личного существительного связано с нелюбовью к труду, а прилагательного и абстрактного существительного — с благородством и утонченностью.

В словообразовательном гнезде слова *барин*, в отличие от первого случая, наблюдается семантическая преемственность между личным существительным, прилагательным и абстрактным существительным. И в этом случае возникают специальные слова для передачи характеризующих оценочных значений — *барственный*, *барственность*. Семантика переноса описывается для этой группы слов как ‘изнеженность’, ‘нежелание работать’, ‘избалованность’.

В отличие от двух первых случаев, третье гнездо порождает специальное оценочное предикатное существительное *буржуй* с резко отрицательной оценкой. Амбивалентность употреблений прилагательного и абстрактного существительного затрудняет интерпретацию их семантики, однако появление специального маркера *в хорошем смысле* свидетельствует о том, что *буржуазность* связана с отрицательной оценкой. Семантику переносного значения можно описать как ‘конформизм’, ‘тяга к обогащению’, ‘потребительство’. Наличие положительно маркированных контекстов позволяет предположить, что семантика переноса единиц этого словообразовательного гнезда может претерпевать изменения.

Источники

БАС — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / гл. ред. В. И. Чернышев. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948—1965.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / авт. и рук. проекта С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2002.

Грот — Словарь русского языка, сост. Вторым отд-нием Имп. Акад. наук : в 9 т. / под ред. Я. К. Грота, А. А. Шахматова. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1891–1930.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1978–1980.

Кизевальтер Г. Эти странные семидесятые, или Потеря невинности: Эссе, интервью, воспоминания. М. : Новое лит. обозрение, 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=Sq4vCgAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=isbn:5444803976&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwivwdmOmqfSAhUBKpoKHdRVAlAQ6AEIHDAA#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 29.03.2017)

МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985–1988.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: ruscorpora.ru.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 4-е изд. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960.

Пономарь О. На наших глазах рождается электорат буржуазной (в хорошем смысле слова) консервативной партии [Электронный ресурс] // VDOME.UA. Опубл. 14.09.2016. URL: http://vdome.ua/15-kolonki-i-blogi/9486-oleg-ponomar-na-nashikh-glazakh-rozhdaetsya-elektorat-burzhuaznoj-v-khoroshem-smysle-slova-konservativnoj-partii.html (дата обращения: 29.03.2017).

РИС — Русский идеографический словарь : в 6 т. [Электронный ресурс] / отв. ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова. URL: http://www.slovari.ru/default.aspx?p=5485 (дата обращения: 29.03.2017).

СРЯ — Словарь русского языка XVIII в. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991.

Ушаков — Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова М. : Терра, 1996.

Westcoast AOR / Yacht Rock 1970-80s. Обсуждения [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/topic-125143706_33980567 (дата обращения: 29.03.2017)

Исследования

Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Изв. Акад. наук СССР. Сер. лит. и яз. 1978. Т. 37. № 4. С. 333–343.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32.

Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии XI–XXI вв. М. : Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014.

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопр. языкознания. 1953. № 5. С. 3–29.

Ерофеева Т. И. Субкультура в лингвистическом освещении // Социо- и психолингвистические исследования. 2013. Вып. 1. С. 5–10.

Крысин Л. П. Социальный компонент в семантике языковых единиц // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка / отв. ред. Ю. Д. Дешериев и Л. П. Крысин. М. : Наука, 1988. С. 124–143.

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Наука, 1988.

Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М. : Аспект Пресс, 1996.

Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб. : Наука, 1993.

Сушкова-Ирина Я. И. Динамика социальной стратификации и ее представленность в картинах мира [Электронный ресурс] // Электрон. журн. «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 4. Культурология. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Sushkova-Irina/ (дата обращения: 29.03.2017).

Теория метафоры / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М. : Прогресс, 1990.

Фролова О. Е. Элита в новом русскоязычном сознании // Мода в языке и коммуникации : сб. ст. / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. М. : Изд-во РГГУ, 2014. С. 133–144.

Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago : Univ. of Chicago Press. 1987.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1980.

Статья поступила в редакцию журнала 23.04.2017

Фролова Ольга Евгеньевна
доктор филологических наук,
заведующая лабораторией фонетики
и речевой коммуникации
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1,
стр. 51, филологический факультет
E-mail: olga_frolova@list.ru

Frolova, Olga Yevgenyevna
Dr. Hab. (Philology)
Head of the Laboratory of Phonetics
and Speech Communication
Moscow State University
1 — 51, Leninskie Gory, 1
Humanities Building, GSP-1
119991 Moscow, Russia
Email: olga_frolova@list.ru

ON THE CONNOTATIONS OF *АРИСТОКРАТ, БАРИН,* AND *БУРЖУА* AND THEIR DERIVATIVES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

This article describes the names of representatives of different social strata, which acquire metaphorical characterising meanings *аристократ* (Eng. *aristocrat*), *барин* (Eng. *barin, gentleman*) and *буржуа* (Eng. *bourgeois*). The author analyses semantic interpretations of the direct and figurative meanings of these units in dictionaries, examining personal, abstract nouns, and adjectives. Referring to the Russian National Corpus, she demonstrates how the characterising meaning of adjectives and abstract nouns comes to the fore. The figurative meanings of the derivatives of the Russian words *аристократ* (Eng. *aristocrat*), *барин* (Eng. *barin, gentleman*) and *буржуа* (Eng. *bourgeois*) are formed differently. Among the derivatives of *аристократ*, only the figurative meaning of the noun bears a negative connotation but not the corresponding adjective or abstract noun. Among the derivatives of the word *барин*, the figurative meanings of all the three units have negative connotations: the personal noun, the adjective and the abstract noun. In the third group of the *буржуа* derivatives, there appears the noun *буржуй*. The use of the adjective *буржуазный* (Eng. *bourgeois*) demonstrates a change in connotations throughout time. During the Soviet era, the adjective was used with an ideologically negative colouring, and during the post-Soviet era one can notice a positive connotation. In the early 21st century, the noun *буржуазность* has both positive and negative connotations though originally it appears to have been a negative one.

K e y w o r d s: social stratification; social status; explanatory dictionary; dictionary field labels; metaphor; connotation; relative adjective; personal noun; abstract noun; short form of the adjective; “in the good sense of the word” marker; ambivalence; Russian National Corpus.

Arutyunova, N. D. (1978). Funktsional'nye tipy metafory [Functional Types of Metaphor]. *Izvestia Akademii nauk SSSR. Seria literatury i jazyka, 37* (4), 333–343. (In Russian)

Arutyunova, N. D. (1990). Metafora i diskurs [Metaphor and Discourse] In N. D. Arutiunova (Ed.), *Teoria metafory* [The Theory of Metaphor] (pp. 5–32). Moscow: Progress. (In Russian)

Arutyunova, N. D. (Ed.). (1990). *Teoria metafory* [The Theory of Metaphor]. Moscow: Progress. (In Russian)

Balashova, L. V. (2014). *Russkaja metaforicheskaja sistema v razvitii XI–XXI c.* [The Russian Metaphorical System in Its Development between the 11th and 21st Centuries]. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnej Rusi: Znak. (In Russian)

Erofeeva, T. I. (2013). Subkul'tura v lingvisticheskom osveschenii [Subculture in Linguistic Light]. *Sotsio- i psiholingvisticheskie issledovania*, *1*, 5–10.

Frolova, O. E. (2014). Elita v novom russkojazychnom soznanii [Elite in the New Russian-speaking Mind]. In L. L. Fedorova (Ed.), *Moda v jazyke i kommunikacii: sbornik statej* [Fashion in Language and Communication: A Collection of Articles] (pp. 133–144). Moscow: Izdatel'stvo Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. (In Russian)

Krysin, L. P. (1988). Sotsial'nyj component v semantike jazykovyh edinits [The Social Component in the Semantics of Language Units]. In Yu. D. Desheriev, & L. P. Krysin (Eds.), *Vlijanie sotsial'nyh faktorov na funktsionirovanie jazyka* [The Influence of Social Factors on the Functioning and Development of Language] (pp. 124–143). Moscow: Nauka. (In Russian)

Krysin, L. P. (2004). *Russkoje slovo svoie i chuzhoje: Issledovania po sovremennomu russkomu jazyku i sotsiolingvistike* [The Russian Word, One's Own and That of Others': The Study of the Modern Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow: Jazyki slavianskoj kul'tury. (In Russian)

Lakoff, G. (1987). *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago: University of Chicago Press.

Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press.

Radaev, V. V., & Shkaratan, O. I. (1996). *Sotsial'naja stratifikatsia* [Social Stratification]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian)

Sklyarevskaya, G. N. (1993). *Metafora v sisteme jazyka* [Metaphor in the System of Language]. St Petersburg: Nauka. (In Russian)

Sushkova-Irina, Ja. I. (2010). Dinamika sotsial'noj stratifikatsii i jeje predstavlennost' v kartinah mira [The Dynamics of Social Stratification and Its Representation in Different Worldviews]. *Electronic journal "Znanie. Ponimanie. Umenie"*, *4. Kul'turologia*. Retrieved from http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Sushkova-Irina/. (In Russian)

Telia, V. N. (Ed.). (1988). *Metafora v jazyke i tekste* [Metaphor in Language and Text]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Vinogradov, V. V. (1953). Osnovnye tipy leksicheskih znachenij slova [The Basic Types of Lexical Meanings of a Word]. *Voprosy jazykoznania*, 5, 3–29. (In Russian)

Received on 23 April, 2017

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.051
УДК 811.161.1'38 + 811.161.1'42 + 81'23

А. Е. Бочкарев
НИУ «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Россия

О СПОСОБАХ И СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ ЧУВСТВА УДОВЛЕТВОРЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются способы и средства отображения чувства удовлетворения в русском языке с целью показать, как варьируется содержание анализируемого эмоционального концепта в обыденном сознании. Национальный корпус русского языка позволяет установить, что по основанию рус. *удовлетворение* может быть моральным, нравственным, умственным, физическим, половым, нарциссическим, садистским, мазохистским; по интенсивности — огромным, глубоким, глубочайшим, полным, легким; по моральной оценке: высшим, совершенным; по физическим ощущениям — приятным, горьким, болезненным; по эмоционально-психологическим переживаниям — радостным, благостным, унылым, унизительным; по области приложения — творческим, эстетическим, христианским, общепартийным; по участию субъекта — мужским, женским, взаимным, обоюдным и пр. Отразить многообразие ситуаций, связанных с чувством удовлетворения, позволяют также установленные в корпусе предметно-понятийные корреляции. В разных контекстах употребления рус. *удовлетворение* сочетается по принципу дополнительности с *потребностью*, *работой*, *удовольствием*, *наслаждением*, *восторгом*, *счастьем*, *самодовольством*, *страстью* и пр. Причиной тому служит как множество удовлетворяемых человеком потребностей, так и многообразие ситуаций и установок, связанных с чувством удовлетворения. В этом смысле содержание *удовлетворения* диффузно, как диффузны и многие другие эмоциональные концепты.

Ключевые слова: корпусная лингвистика; языковое сознание; чувства и эмоции; контекст мнения; корреляции; социальные конвенции.

В определении психологов чувство удовлетворения возникает в связи с удовлетворением потребностей человека, в том числе физических, этических, эстетических и пр.[1], по обеспечению выживания и благополучия индивида в соответствии с существующими в обществе культурными нормами. Притом независимо от того, являются ли потребности врожденными или приобретенными, физиологическими или социальными, обусловленное их реализацией переживание признается положительной эмоцией и как таковое взаимодействует с другими положительными чувствами и переживаниями, в том числе довольством,

[1] Исходя из определения «нет потребности — нет удовлетворения», ситуацию удовлетворения можно представить по бихевиористской модели *S* (стимул) → *R* (реакция) с переменными значениями *S* и *R*. Например, 1) потребность (*S*) → удовлетворение потребности (*R*), 2) удовлетворение потребности (*S*) → чувство удовлетворения (*R*).

© Бочкарев А. Е., 2017

а с повышением интенсивности — удовольствием, радостью и наслаждением как наивысшей степенью довольства [Ильин, с. 328–330].

Не вдаваясь в обсуждение психологических аспектов, обратимся скорее к толкованиям в языке с ц е л ь ю определить, как варьируются подводимые под *удовлетворение* смыслы в зависимости от установки, ситуации и сценарных амплуа вовлеченных в ситуацию действующих лиц[2], и тем самым установить, как форматируется чувство удовлетворения в русском языковом сознании. В качестве инструментария исследования здесь должны привлекаться на принципах федерализма методы разных, нередко конкурирующих между собой дисциплин, в том числе дескриптивной лингвистики, фреймовой семантики, теории социальных стереотипов, корпусной лингвистики; в качестве исследовательского корпуса — все (или почти) засвидетельствованные в языке употребления и дистрибутивные возможности в виде допустимых предметно-понятийных корреляций.

Начнем со словарного определения. В толковом словаре русского языка *удовлетворение* определяется как 1) действие по глаголу *удовлетворить* в 1, 2 и 3 значении. *Удовлетворение кредиторов. Удовлетворение запросов. Удовлетворение потребностей. Удовлетворение обиженного*; 2) удовольствие, испытываемое тем, чьи требования, желания или потребности удовлетворены. *Удовлетворение от поездки. Выслушал ответ с полным удовлетворением. Испытывать чувство удовлетворения.* ❖ Требовать удовлетворения (устар.) — вызывать на дуэль. *Я не требовал удовлетворения от этого пьяного сумасброда* (А. С. Пушкин) [Ушаков].

Значение *удовлетворения* как удовлетворения потребностей и запросов не имеет, в сущности, отношения к эмоциям и чувствам, как и удовлетворение кредитора или обиженного. Собственно чувством как таковым является, пожалуй, только эмоциональное состояние довольства, вызванное исполнением каких-то потребностей, запросов или желаний [Бочкарев]. Поэтому в отмеченных значениях с чувством связано фактически только значение 2) удовольствие, испытываемое тем, чьи требования, желания или потребности удовлетворены.

Ситуацию, связанную с удовлетворением как особым эмоционально-психологическим состоянием, обусловленным удовлетворением потребности, запроса или желания, можно представить в самом общем виде по модели с переменными *X*, *Z*, *Y* и *R* (где *X* — субъект, *Z* — потребность, *Y* — средство удовлетворения потребности, *R* — положительное эмоциональное состояние как результат удовлетворения потребности):

X испытывает потребность в *Z*.
X удовлетворяет потребность в *Z* при посредстве *Y*.
Реализация *Z* при посредстве *Y* каузирует *R*.

---

[2] Такие поведенческие программы, безусловно, выходят за рамки семантической компетенции, но не учитывать их в толковании лингвистическая семантика не вправе хотя бы в силу предначертанного ей назначения изучать «жизнь знаков в рамках жизни общества» [Соссюр, с. 54]. Поэтому, заметим попутно, фреймовая семантика обращает такие программы в сценарные типы, теория речевых актов — в намерения и интенциональные состояния, когнитивная семантика — в пропозициональные модели, идеализированные когнитивные модели, интерпретирующая семантика — в прагматические пресуппозиции и интерпретанты.

В первом приближении раскрыть переменные значения *X*, *Z*, *Y* и *R*, т. е. установить, каким является в диапазоне допустимого варьирования субъект, объект, средство и результат удовлетворения, можно и по так называемым «эмпирическим правилам смысла» [Айдукевич; ср.: Лосский, с. 69–77, 87–90, 166–182, 300–306]. Ибо если обозначения переживания относятся к состоянию переживания, определить значение обозначающих его выражений можно тогда и по отношению к самим переживаниям. Например, когда кто-то говорит: *я испытываю чувство удовлетворения от работы*, значение выражения *испытывать чувство удовлетворения от работы* можно привести в соответствие с собственным переживанием означенного состояния, а затем решать, насколько адекватным в условиях данной ситуации является подобное словоупотребление.

Такое на первый взгляд простое решение неприемлемо для лингвистической семантики. И не только потому, что субъективные переживания вариативны и разнообразны, но прежде всего потому, что наряду с эмпирическим, пусть и разделенным, опытом говорящие руководствуются еще и речевым узусом, предписывающим, как высказываться и какие языковые выражения избирать для описания того или иного переживания. Поэтому утверждать, каким является содержание анализируемого эмоционального концепта в языке, можно только по засвидетельствованным в языке словоупотреблениям.

По данным Национального корпуса русского языка общим объемом свыше двух тысяч вхождений, помимо субъекта, испытывающего необходимость в удовлетворении какой-то потребности, удовлетворения ищут в качестве самостоятельной силы и некоторые как бы отчуждаемые от него свойства и состояния[3], в том числе ч у в с т в а: *...удовлетворение этого чувства было в Минкиной такой же страстью, как и к вину* (Е. А. Салиас); л ю б о п ы т с т в о: *Горн и в зрелые годы постоянно добывал пищу для удовлетворения своего любопытства* (В. В. Набоков); л ю б о з н а т е л ь н о с т ь: *Трудная личная жизнь как-то погасила в нем эту простую радость видеть, удивляться и чувствовать наслаждение от удовлетворения любознательности* (А. П. Платонов); т щ е с л а в и е и ч е с т о л ю б и е: *...он решался жить в Петербурге и рассудил, что для удовлетворения своего тщеславия и честолюбия ему открыты две дороги: служба и большой свет* (В. А. Соллогуб); с а м о л ю б и е: *Она удовольствовалась одним удовлетворением своего самолюбия* (Е. А. Салиас); г о р д о с т ь: *В этом она находила удовлетворение своей гордости, возмездие за свое глубоко оскорбленное чистое сердце* (Н. Э. Гейнце); ч е с т ь: *Ворошилов даже вопрос себе поставил: не требует ли офицерская честь удовлетворения?* (И. С. Тургенев); а м б и ц и и: *Ради удовлетворения амбиций* (М. Елизаров); п р е д р а с с у д к и: *Но в нас еще не изжита потребность в удовлетворении этих предрассудков!* (Н. Н. Евреинов); с о в е с т ь: *Павлищев делал*

[3] В расщепленном субъекте отношения между *я*-субъектом и *я*-свойством предстают как отношения между *я*-ответственным за поступки и *я*-желающим, *я*-рациональным и *я*-иррациональным, *я*-социальным и *я*-асоциальным. Пара $я - я_1$ совпадает отчасти с парой *агонист* (объект каузации) — *антагонист* (субъект каузации) в определении Талми или парой *я — другой* в определении Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, с. 647–649, 796–799].

добро для удовлетворения собственной совести (Ф. М. Достоевский); д у ш а: *...и этот поцелуй и удовлетворение его души передались его матери и всем* (Н. Г. Гарин-Михайловский); а л ч н о с т ь: *Наицелесообразнейшее средство для удовлетворения алчности дала ему сивушная реформа* (М. Е. Салтыков-Щедрин); а п п е т и т: *...вплоть до удовлетворения своего аппетита и любовных стремлений* (М. М. Зощенко); ж е л а н и я: *Цель жизни — удовлетворение всех желаний, пусть они — злые, вредные для других, наплевать на других!* (М. Горький); н и ч т о ж н ы е ж е л а н и я: *...и продают в себе все, самое святое, за удовлетворение своих мелких, ничтожных желаний* (А. А. Потехин); п р и х о т и: *Английское дворянство богато и бросает деньги для удовлетворения своих прихотей* (Ф. В. Булгарин); к а п р и з: *...и не думали, что есть какой-нибудь незаконный путь для удовлетворения каприза вашей дочери* (А. К. Шеллер-Михайлов); л и ч н ы й э г о и з м: *...предаваться удовлетворению личного эгоизма* (И. С. Тургенев); п о т р е б н о с т и: *Счастье — возможно полное удовлетворение потребностей* (М. Горький); е с т е с т в е н н ы е ч е л о в е ч е с к и е п о т р е б н о с т и: *Счастье человека — в нем самом, в удовлетворении естественных человеческих потребностей* (В. Ерофеев); л и ч н ы е п о т р е б н о с т и: *...единственная идеология, которой он поклоняется, — это максимальное удовлетворение личных потребностей, а они у него безграничны и входят в противоречие с возможностями, которые, как бы ни были велики, всегда ограничены* (В. Войнович); д у х о в н ы е з а п р о с ы: *Я понял, что гимназическая наука не предназначена для удовлетворения наших, как тогда говорили, духовных запросов* (Л. А. Кассиль); к у л ь т у р н о - б ы т о в ы е п о т р е б н о с т и: *Общий размах расходов государства на удовлетворение культурно-бытовых потребностей населения составил за пятилетие пятьсот двадцать четыре и пять десятых миллиарда рублей, причем особое внимание было уделено народному здравоохранению — около ста миллиардов рублей* (А. Львов); п о л о в ы е п о т р е б н о с т и: *Любви нет. Удовлетворение половой потребности* (В. Аксенов); с е к с у а л ь н ы е п о т р е б н о с т и: *Удовлетворение сексуальных потребностей за углом* (В. Войнович); п о л о в о е ж е л а н и е: *...дело в том, что я не вижу существенной разницы между удовлетворением полового желания и физиологическим отправлением* (В. Ерофеев); с т р а с т и: *...он думает только об удовлетворении своих страстей* (Л. Н. Толстой); ж и в о т н а я с т р а с т ь: *Вам нужно удовлетворение животной страсти* (Л. Н. Толстой); п о х о т ь: *Они были созданы для мелких романов, для удовлетворения похоти* (П. Н. Краснов); с е к с у а л ь н ы й г о л о д: *Удовлетворение сексуального голода в компании Вадима было беспроблемным и надежным вариантом* (А. Маринина); ч у в с т в е н н о с т ь: *...он видел в любви только удовлетворение чувственности, после которого наступает быстрое пресыщение и охлаждение* (П. Н. Краснов); л ю б о с т р а с т и е: *...ради удовлетворения минутным вспышкам любострастия отнять у мужа жену или обесчестить крестьянскую девушку* (М. Е. Салтыков-Щедрин) и пр.

В разных контекстах употребления удовлетворение могут доставлять самые различные объекты и обстоятельства, в том числе с и т у а ц и я: *Ситуация эта доставляла мне какое-то жестокое удовлетворение* (С. Д. Кржижановский);

внутреннее состояние: *Временами он ощущал даже некоторое удовлетворение от этого своего состояния* (А. Битов); жизнь: *Примерное благодушие и удовлетворение жизнью* (Н. Н. Шпанов); служение великой цели: *...найти удовлетворение можно единственно в службе великому, всеобъемлющему* (А. И. Эртель); деньги: *Но этот приносит творческое удовлетворение и деньги* (Б. Левин); работа: *И я получал от работы известное удовлетворение, мне казалось, что я, хоть и в малой степени, помогаю Родине в ее трудные минуты* (С. М. Голицын); труд: *...всякий труд способен приносить удовлетворение* (М. Бутов); рабочая деловая атмосфера: *Рабочая деловая атмосфера стала давать Наташе новое удовлетворение* (А. М. Коллонтай); семья: *Теперь, когда дело шло к восьмидесяти, у него было одно, подлинно мужское удовлетворение — он поднял сына, создал семью* (А. Мишарин); любимый человек: *...она наравне с болью испытала бессознательное удовлетворение за любимого человека* (Л. М. Леонов); поступок: *...испытала глубокое удовлетворение от поступка* (Г. Щербакова); нравственный импульс: *Нравственный импульс доставлял тебе удовлетворение, и этого было вполне достаточно: ты чувствовал себя чистоплотным* (А. Н. Толстой); собственная правота: *Они оба испытали удовлетворение оттого, что Савельев оказался прав* (К. Симонов); торжество справедливости: *Я испытывал в такие минуты глубокое нравственное удовлетворение перед торжеством справедливости* (И. Г. Эренбург); философия: *Я люблю философию, которую и читаю «с листа», и она мне приносит удовлетворение, или мемуарную литературу* (С. Есин); мысль: *...эта жестокая мысль приносила ему удовлетворение* (Д. Рубина); слова: *Особое удовлетворение он получал от слова «соединение» — неизвестно почему и отчего возникшего в вечно хмельной голове Артюхи Колотушкина* (В. Астафьев); прекрасное: *...может найти покой и удовлетворение только в прекрасном* (А. П. Чехов); произведения искусства: *Немногие произведения искусства могут и во мне разливать удовлетворение!* (В. Ерофеев); чтение: *...и чтение это доставляло ему удовлетворение* (М. А. Алданов); рискованность: *...в рискованности ее находил особое удовлетворение* (П. Ф. Нилин); мученичество: *...так пусть все под откос, и в мученичестве удовлетворения ищешь* (М. Веллер); месть: *...и чувствует, должно быть, чрезвычайное удовлетворение, точно и в самом деле отмстил* (Ф. М. Достоевский); унижение другого человека: *Нравственное он тоже удовлетворение получил: он видел мое унижение* (Ф. М. Достоевский); выигранная партия: *Варя испытала нормальное удовлетворение человека, который и в этот раз выиграл партию* (Г. Щербакова); выигранное сражение: *...и чувствовал удовлетворение, подобное тому, какое должен чувствовать полководец, выигравший сражение* (А. Крон); маленькие победы: *Рабочие редко побеждают, и даже маленькие победы дают им большое удовлетворение* (М. Горький); комсомол: *Часто думаю: как бы я могла жить и находить удовлетворение в жизни, если бы не была в комсомоле?* (В. В. Вересаев); служба в кавалерии: *...служба в кавалерии давала более счастья и удовлетворения, нежели служба в пехоте* (П. Н. Краснов); диктатура пролетариата: *...ведь*

полное удовлетворение наступит разве при диктатуре пролетариата, да и то едва ли! (В. Аксенов); власть над людьми: *Мой отец находил удовлетворение во власти над людьми* (А. Н. Вербицкая); эксперименты над людьми: *Ни деньги, ни женщины, ни изысканные блюда и отдых в экзотических уголках мира не приносили Наставнику такого удовлетворения и ощущения полноты жизни, как эксперименты над людьми* (М. Милованов); пища: *...колонисты в течение некоторого времени интересовались исключительно удовлетворением самой первичной потребности человека — в пище* (А. С. Макаренко); калым: *...на лице его читалось глубокое удовлетворение: получен очередной калым* (Ю. Нагибин); никотин: *...даже крохотная порция никотина способна доставить глубочайшее удовлетворение* (Е. Сухов); женщина: *Он говорит, что ищет в женщине отдыха и удовлетворения, покоя и дружбы* (Н. Н. Берберова); оргазм: *Не получая удовлетворения с мужчиной — я имею в виду оргазм, потому что удовлетворение и удовольствие можно получать и без оргазма* (Н. Медведева); гаджеты: *Однако удовлетворение любопытства обычным способом не тешит самолюбия так, как удовлетворение через айфон: за это удовольствие люди и потрошат свои кошельки, оплачивая трафик* (А. Иванов) и пр.

• По ***основанию*** удовлетворение может быть законным: *...если бы в моем случае это законное удовлетворение просто сводилось все к одному и тому же однообразному приему, общественное мнение с этим бы примирилось, разве что пожурило бы меня за слишком частую смену любовниц* (В. В. Набоков); душевным: *...и испытывал при этом полное душевное удовлетворение* (Ф. Д. Крюков); моральным: *...как бы какое-то моральное удовлетворение от того, что да вот пропадаю на заводе* (К. Букша); нравственным: *...в душу снизошел восторг нравственного удовлетворения* (Н. Н. Златовратский); умственным: *Не скажу, чтобы это было приятно, но кое-какое умственное удовлетворение все же давало* (И. Грекова); физическим: *...будто это доставляет ему глубокое моральное и физическое удовлетворение* (Л. М. Леонов); половым: *...раз навсегда вычеркнуть статью расходов по половому удовлетворению из расходной части Вашего бюджета* (А. П. Платонов); нарциссическим: *...в виде компенсации получает нарциссическое удовлетворение* (Е. Пищикова); садистским: *...у него, похоже, появлялось какое-то садистское удовлетворение, когда он провоцировал меня и моих старинных друзей* (В. Аксенов); мазохистским: *...и в дикости обретал какое-то мазохистское удовлетворение* (М. Веллер);

• по ***длительности*** — сиюсекундным: *Вам что важнее — сиюсекундное удовлетворение или будущее счастье?!* (Е. Радов);

• по ***интенсивности*** — огромным: *...почувствовал огромное удовлетворение* (Ф. Искандер); глубоким: *Сорока испытал чувство глубокого удовлетворения* (Г. Щербакова); глубочайшим: *Так! — с чувством глубочайшего удовлетворения сказала мать* (А. Слаповский); чрезвычайным: *...и чувствует, должно быть, чрезвычайное удовлетворение* (Ф. М. Достоевский); достаточным: *...она всегда получает достаточное удовлетворение* (Е. Белкина); полным: *...он выражал полное удовлетворение по поводу готовящейся совершиться революции*

(А. Н. Толстой); л е г к и м: *Экзамены мне казались взаимным обманом, приносящим легкое удовлетворение* (А. Терехов); т и х и м: *...открыла глаза и рассмеялась смехом, полным тихого удовлетворения* (А. С. Грин); к р о ш е ч н ы м: *...никогда в жизни мне не удавалось написать ничего, что доставило бы мне хотя бы крошечное удовлетворение* (М. А. Булгаков); м и к р о с к о п и ч е с к и м: *...какое-то микроскопическое удовлетворение* (К. Сурикова);

• по ***аутентичности*** — н а с т о я щ и м: *...настоящее удовлетворение он получает далеко не всегда* (Т. Набатникова); и с т и н н ы м: *Вот такая работа может приносить истинное удовлетворение* (Д. Гранин);

• по ***моральной оценке*** — в ы с ш и м: *...научная работа дает человеку высшее удовлетворение* (Д. Гранин); с о в е р ш е н н ы м: *...и на лице его появлялось совершенное удовлетворение* (М. Веллер); д ь я в о л ь с к и м: *И испытываю какое-то дьявольское удовлетворение оттого, что ничего стоящего нет* (А. Кириллин);

• по ***физическим ощущениям*** — в н у т р е н н и м: *Все это доставляло ему чрезвычайное внутреннее удовлетворение* (Ф. М. Достоевский); п р и я т н ы м: *...и почувствовал приятное удовлетворение* (Л. Н. Толстой); с л а д к и м: *...он испытывал сладкое удовлетворение* (К. Я. Ваншенкин); г о р ь к и м: *...горькое удовлетворение* (В. Распутин); о с т р ы м: *В этом Антон находил некоторое острое удовлетворение* (Б. К. Зайцев); б о л е з н е н н ы м: *Выражения преданности и робкой зависимости вызывали какое-то болезненное удовлетворение, хотелось поймать его унижение, его слабость* (И. Муравьева); п о ч т и б о л е з н е н н ы м: *...почти болезненное удовлетворение, что ставит крест на собственной судьбе* (Б. Васильев);

• по ***эмоционально-психологическим переживаниям*** — р а д о с т н ы м: *Его лицо побледнело, но на нем все еще блуждал отблеск радостного удовлетворения* (В. Г. Короленко); с ч а с т л и в ы м: *В голосе ее слышится счастливое удовлетворение, какое бывает, когда человеку удается как-то осуществить свое назначение, и он думает, что вот не зря он родился* (М. Палей); б л а г о с т н ы м: *Но в то же время сколько благостного удовлетворения и тихого счастья было в ее голубых, слегка прикрытых глазах* (Ф. Абрамов); г о р д ы м: *...лицо его, как я успел заметить, сияло радостью и гордым удовлетворением* (С. Д. Кржижановский); у н ы л ы м: *И в который раз с унылым удовлетворением вспомнил я, что писать должно либо о том, что ты знаешь очень хорошо, либо о том, чего не знает никто* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий); б у д н и ч н ы м: *Он, быть может, нашел бы то будничное удовлетворение жизнью, которая на языке близоруких людей называется счастьем* (Н. Э. Гейнце); с м у т н ы м: *...смутное удовлетворение* (Л. Юзефович); с т р а н н ы м: *И испытывал какое-то странное усталое удовлетворение* (А. Маринина); т о м и т е л ь н о-с т р а н н ы м: *В гибели своей армии он, против воли, находил томительно-странное удовлетворение* (В. Гроссман); м р а ч н ы м: *Никакого раскаяния. Только мрачное удовлетворение* (Д. Глуховский); у н и з и т е л ь н ы м: *Что-то похожее на тайное, не сознаваемо унизительное удовлетворение мелькнуло в глазах Фирсова* (М. П. Арцыбашев); м е р з к и м: *...не ненависть испытал я тогда, а приятное мерзкое удовлетворение, что у стенки стоял не я, а кто-то другой, что я жив* (И. Г. Эренбург); с у р о в ы м:

Подобные сообщения она делала с суровым удовлетворением (Д. Рубина); злым: *Но и тут же с необъяснимым упорством и злым удовлетворением думал: «И пусть»* (В. Шукшин); злорадным: *...испытывали некоторое злорадное удовлетворение* (К. Г. Паустовский); мстительным: *И хоть болела с перепоя голова, он испытывал мстительное удовлетворение* (Ч. Айтматов); извращенным: *Кореш-то твой, — с каким-то извращенным удовлетворением сообщил он, — сорвался* (Е. Лукин);

• по ***области приложения*** — творческим: *Физическая усталость и творческое удовлетворение идут рука об руку, думал он* (Б. Левин); артистическим: *Я чувствовал некоторое артистическое удовлетворение оттого, что волны хохота усиливались, когда я дергал за ручку, вздымающую хвост лошади* (Ф. Искандер); эстетическим: *...от одного только торжественного обещания Алевтины Мякишевой надоить по четыре тонны молока в год от каждой коровы получает большее эстетическое удовлетворение, чем от любой, даже тонко исполненной арии какой-нибудь хваленой столичной певички* (В. Войнович); христианским: *Даже испытывали некоторое христианское удовлетворение: бог еще раз покарал зло!* (А. П. Ладинский); общепартийным: *Было и какое-то, как бы общепартийное удовлетворение в том, что вот эту кулацкую силу, в данный момент олицетворенную в Еремее, удалось захватить, заковать и получить над ней право жизни и смерти* (И. Л. Солоневич);

• по ***участию субъекта и степени вовлеченности*** — мужским: *...подлинно мужское удовлетворение* (А. Мишарин); женским: *...жена только и караулила, чтобы где-нибудь подловить его, подставить начальству, похоже, находя в этом свое мстительное женское удовлетворение* (В. Быков); взаимным: *Все шло хорошо, к взаимному удовлетворению* (В. Некрасов); обоюдным: *Разговор, однако, следовало, по возможности, закончить к обоюдному удовлетворению* (Е. Парнов); всеобщим: *И как-то постепенно он переселился к ней, оставив квартиру бывшей жене: к всеобщему удовлетворению* (М. Веллер).

Предметно-понятийные корреляции

Отразить возможные ситуации, так или иначе связанные с чувством удовлетворения, позволяют, кроме того, установленные в корпусе корреляции. Как свидетельствуют примеры из Национального корпуса русского языка, *удовлетворение* сочетается по принципу дополнительности с потребностью: *...отсюда очевидно, что полное наличие удовлетворения обуславливает наличие потребности* (А. П. Платонов); работой: *...мы решили, что удовлетворение жизни в работе, а счастье в творчестве* (П. Н. Краснов); радостью: *В чем же тут радость, где удовлетворение?* (Д. Гранин); удовольствием: *Работа приносила ей настоящее удовольствие и удовлетворение* (В. Валеева); наслаждением: *Вместе с наслаждением он испытал и полное моральное удовлетворение: ну вот он и настоящий мужчина* (М. Чулаки); восторгом: *...момент высшего удовлетворения и восторга* (А. А. Бек); блаженством: *Настоящее*

удовлетворение, почти блаженство он почувствовал лишь тогда, когда с его плеч сняли тело Горелова и он смог, закрыв глаза, едва не теряя сознание, опуститься на руки друзей (Г. Адамов); с ч а с т ь е м: *Странная эмоция, совсем не похожая на счастье или удовлетворение, осветила его лицо* (М. Елизаров); д у ш е в н ы м о с в о б о ж д е н и е м: *...не ощутил он душевного освобождения или удовлетворения* (А. И. Солженицын); т о р ж е с т в о м: *Равнодушие было напускное; за ним пряталось явное удовлетворение, пожалуй, даже предвкушаемое торжество* (А. Г. Малышкин); г о р д о с т ь ю: *...с тем чувством удовлетворения и гордости, с каким хороший хозяин смотрит на дело рук своих* (К. М. Станюкович); с а м о л ю б и е м: *Сладкое удовлетворение своего дьявольского самолюбия* (Н. Э. Гейнце); с а м о д о в о л ь с т в о м: *...и в голосе его звучало необычайное и совершенно неуместное самодовольство и удовлетворение* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий); у с п о к о е н н о с т ь ю: *...и при этом буду чувствовать успокоенность и удовлетворение* (А. Битов); п о к о е м: *...тот может найти покой и удовлетворение только в прекрасном* (А. П. Чехов); л ю б о в ь ю: *Он видел в любви только удовлетворение чувственности, после которого наступает быстрое пресыщение и охлаждение* (П. Н. Краснов); с т р а с т ь ю: *...удовлетворение этого чувства было в Минкиной такой же страстью, как и к вину* (Е. А. Салиас); с е к с о м: *Возможно, большинство женщин-нимфоманок, вступающих в сексуальные отношения в поисках любви, признания и одобрения получают, пусть и вторичное, но удовлетворение от секса* (Н. Медведева); к а й ф о м: *...кайф и удовлетворение я испытываю, когда происходит по любви* (С. Есин); о р г а з м о м: *Оргазма не получила, но некоторое удовлетворение все же испытала* (А. Кириллин); р а з о ч а р о в а н и е м: *Удовлетворение сменилось разочарованием* (С. Данилюк); с о м н е н и е м: *...вместо чувства удовлетворения в душе у него какое-то растерянное сомнение* (В. Я. Брюсов); д и с к о м ф о р т о м: *...мы скорее испытываем внутренний дискомфорт, чем удовлетворение* (С. Алексиевич); о п у с т о ш е н н о с т ь ю: *И не было удовлетворения, а только опустошенность и неприятный мутный осадок, и злость на себя, манекена* (М. Гиголашвили); б е з о б р а з и е м: *А как вошел в удовлетворение и стал от своего безобразия изнемогать, тут его бери и крути* (А. В. Амфитеатров) и пр.

Таким образом, с удовлетворением сочетаются в языке самые разнообразные понятия — и радость, и счастье, и самолюбие, и удовольствие, и наслаждение, и оргазм, и торжество, не имеющие, казалось бы, ничего общего (или мало общего) в плане внешних проявлений и переживаний. Предпосылкой тому служит, безусловно, многообразие типовых ситуаций, так или иначе связанных с чувством удовлетворения[4]. В некоторых случаях удовлетворение эксплицируется по отношению к потребностям, запросам и желаниям; в других раскрывается

[4] Не исключаются, впрочем, и такие случаи, когда отбираемые по случаю выражения отражают сомнения в правильности номинации, именовать ли означенное эмоциональное состояние *удовлетворением, удовольствием, счастьем* или как то иначе. Ср.: *...испытывая глубокое плотоядное удовлетворение прожитым — почти счастье* (А. Ким).

путем уточнения сопутствующих переживаний — счастья, радости, восторга или торжества; в третьих противопоставляется контрарным эмоциям — разочарованию, дискомфорту и опустошенности. При этом в подавляющем большинстве случаев условием сочетаемости служит, как правило, каузальная импликация вида *A — B*: напр., потребность →удовлетворение, удовлетворение потребности →удовольствие, любовь →удовлетворение, работа → удовлетворение и т. п.

Пропозициональная модель

Пропозициональная модель, построенная на данных Национального корпуса русского языка, предоставляет, кроме того, информацию о том, что приложимые к *удовлетворению* действия-предикаты варьируются в зависимости от позиции в синтаксической структуре высказывания.

В функции семантического объекта к *удовлетворению* приложимы, в частности, предикаты испытывать: *Удовлетворение, которое испытывает игрок, связано именно с их преодолением* (В. Пелевин); чувствовать: *И Соня чувствует удовлетворение. — Что я наделала?* (А. Н. Вербицкая); получать: *Нетнет, если тебе нравится, можешь и дальше получать моральное удовлетворение* (Т. Соломатина); давать: *Дать удовлетворение русским женщинам, чтобы они оставались одна другой краше* (В. Г. Распутин); находить: *Ну, давай, давай, бичуй, ты же в этом находишь удовлетворение!* (П. Проскурин); излучать: *Заметив ведущего документалиста, главный бонза, казалось, излучал значительное удовлетворение* (В. Аксенов); выражать: *Бесстрастный женский голос выразил удовлетворение, что Валентин Петрович на месте* (Г. Щербакова); скрывать: *Принесла пирога, и Иван Африканович кашлянул, скрывая удовлетворение, поскреб штаны на колене* (В. Белов).

В функции семантического субъекта *удовлетворение* переосмысливается поверх категориальных границ в терминах пропозициональной модели, подходящей скорее для водной стихии. По аналогии с водой *удовлетворение* наполняет: *Самгин шел бездумно, бережно охраняя чувство удовлетворения, наполнявшее его, как вино стакан* (М. Горький) и разливается: *По лицу его разливалось удовлетворение, казалось, он даже о Курмышове забыл* (А. Маринина). Причем такое словоупотребление становится настолько обыденным, что носители языка не обращают внимания на метафоричность выражений вида *удовлетворение наполняет*, а принимают их чуть ли не за объективную характеристику удовлетворения.

Так приходим к следующим установлениям.

• Определить чувство удовлетворения можно и по так называемым эмпирическим правилам смысла, но утверждать, каким является его содержание в языке, можно только по всем (или почти всем) употреблениям, засвидетельствованным в Национальном корпусе русского языка.

• По данным Национального корпуса русского языка, по ***основанию*** удовлетворение может быть законным, душевным, нравственным, умственным,

физическим, половым; по ***интенсивности*** — огромным, глубоким, чрезвычайным, полным; по ***моральной оценке*** — высшим, совершенным; по ***физическим ощущениям*** — приятным, острым, болезненным; по ***эмоционально-психологическим переживаниям*** — радостным, счастливым, унизительным, мерзким; по ***области приложения*** — творческим, эстетическим, христианским; по ***участию субъекта*** — мужским, женским, взаимным, обоюдным, всеобщим и т. п.

• Отразить возможные ситуации удовлетворения позволяют установленные в корпусе предметно-понятийные корреляции. Сообразуясь с ситуацией и сценарным амплуа вовлеченных в ситуацию действующих лиц, содержание *удовлетворения* моделируется в диапазоне допустимого варьирования и по отношению к естественным и культурно-бытовым человеческим потребностям — еде, работе, делу, служению, любопытству, тщеславию, гордости, прихоти, похоти, страсти; и по отношению к сопутствующим чувствам и переживаниям — счастью, радости, восторгу и торжеству; и по отношению к контрарным чувствам и переживаниям — разочарованию, дискомфорту и опустошенности.

• В зависимости от установки и аксиологической системы координат удовлетворение могут доставлять жизнь, труд, работа, деньги, семья, любимый человек, пища, торжество справедливости, служение великой цели, унижение другого человека и пр.

• В метафорической проекции *удовлетворение* определяется в терминах пропозициональной модели, подходящей скорее для водной стихии, о чем свидетельствуют присоединенные предикаты вида *наполнять* и *разливаться*.

• В русском языковом сознании содержание *удовлетворения* диффузно, поскольку соотносится в разных контекстах употребления с разными потребностями и разными ситуациями, так или иначе связанными с их удовлетворением.

Источники

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora/ru/.

Ушаков — Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Терра, 1996.

Исследования

Айдукевич К. Язык и смысл // Логос. 1999. № 7. С. 67–93.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999.

Бочкарев А. Е. О чувствах и эмоциях в русской языковой картине мира // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. Вып. 1. С. 5–14.

Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб. : Питер, 2001.

Лосский Н. О. Обоснование интуитивизма // Лосский Н. О. Избранное. М. : Правда, 1991. С. 11–334.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. С. 7–285.

Статья поступила в редакцию 22.05.2017

Бочкарев Андрей Евгеньевич
доктор филологических наук, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
603155, Нижний Новгород,
ул. Б. Печерская, 25/12
E-mail: abotchkarev@hse.ru,
bochkarev.andrey@mail.ru

Bochkarev, Andrey Yevgenyevich
Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of Literature and Intercultural Communication,
National Research University "Higher School of Economics"
25/12, Bolshaya Pecherskaya Str.,
603155 Nizhny Novgorod, Russia
Email: abotchkarev@hse.ru,
bochkarev.andrey@mail.ru

ON WAYS AND MEANS OF EXPRESSING SATISFACTION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

This article explores the ways and means of expressing satisfaction in the Russian language in order to show how the analysed emotional concept varies in everyday cognitive and volitional states of consciousness. According to the Russian National Corpus, satisfaction may be moral, mental, physical, sexual, narcissistic, sadistic or masochistic by nature; profound, deep, full or light by intensity; supreme or perfect by the moral evaluation; pleasant, pleasurable, bitter or painful regarding the physical sensations; happy, blissful, sad or humiliating regarding the emotional sensations; artistic, aesthetic, communist or Christian regarding the field of application; male, female, mutual or reciprocal regarding the subject participating. Satisfaction is also defined, in many different contexts, in relation to need, work, pleasure, delight, happiness, complacency, passion, curiosity, joy, etc. Such correlations may be explained by many human needs as well as many situations, causes or means of being satisfied. In this regard, the concept of satisfaction is diffuse like many other emotional concepts.

K e y w o r d s: corpus linguistics; linguistic consciousness; feelings and emotions; opinion context; correlations; social conventions.

Ajdukiewicz, K. (1999). Yazyk i smysl [Language and Meaning]. *Logos, 7*, 67–93. (In Russian)

Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russian)

Bochkarev, A. E. (2017). Chuvstva i emotsii v russkoy yazykovoj kartine mira [Feelings and Emotions in the Russian Linguistic Worldview]. *Perm University Herald*, *Russian and Foreign Philology, 9*, 1, 5–14. (In Russian)

Ilyin, E. P. (2001). *Emotsii i chuvstva* [Emotions and Feelings]. St Petersburg: Piter. (In Russian)

Lossky, N. O. (1991). Obosnovanje intuitivizma [Justification of Intuitivism]. In N. O. Lossky, *Izbrannoe* [Selected Works] (pp. 11–334). Moscow: Pravda. (In Russian)

Saussure, F. de (1977). *Kurs obtchej lingvistiki* [Course in General Linguistics]. In F. de Saussure, *Trudy po iazykoznaniiu* [Works on Linguistics] (pp. 7–285). Moscow: Progress. (In Russian)

Received on 22 May, 2017

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.052
УДК 811.161.1'374.221 + 81-119

М. Ю. Мухин
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ГРАНИЦЫ РУССКОЙ АНТОНИМИИ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА*

Статья отражает результаты исследования, направленного на развитие антонимической зоны в семантической базе данных Уральской семантической школы. В целях создания нового словаря синонимико-антонимических комплексов проведено сопоставление лексикографических ресурсов, содержащих описание русских антонимов. Материал составили словники шести традиционных словарей, а также русского Викисловаря и Большого толкового словаря синонимов русской речи, создаваемого под руководством проф. Л. Г. Бабенко. Все источники переведены в стандартную машиночитаемую форму; проведены сравнение алфавитных словников и основной части словарей, анализ видовых пар глаголов, соотнесение прямых и обратных антонимических пар. Приводятся данные о количестве антонимов в каждом словаре и пересечении словников в лексикографических ресурсах. Даны комментарии к статистическим данным — в том числе к самым объемным источникам (русскому Викисловарю и Большому толковому словарю синонимов русской речи). Определена ядерная и периферийная зоны русской антонимии. В первую попадают 57 антонимических пар, представленных во всех словарях (*абстрактный — конкретный, антипатия — симпатия, бедный — богатый* и др.) и около тысячи антонимов, которые фигурируют хотя бы в четырех словарях из восьми. Периферийная зона выделена с опорой на русский Викисловарь. Рассмотрены группы антонимов, объединенные причиной, по которой они не попали в классические лексикографические источники. Сделаны выводы о значимых проблемах описания русской антонимии и возможностях дальнейшей работы в рамках исследовательской программы Уральской семантической школы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: лексикография; словарь; антонимы; антонимическая пара; синонимы; синонимический ряд; база данных; статистический анализ; Уральская семантическая школа.

1. Вводные замечания

В эпоху идеографических словарей и развития электронных тезаурусов описание антонимических отношений может быть воспринято как пройденный этап, элементарный фрагмент большой классификации. Действительно, существует

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований — проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты», а также Программы повышения конкурентоспособности Уральского федерального университета (номер соглашения 02.A03.21.0006).

© Мухин М. Ю., 2017

набор известных словарей антонимов, которые отчасти закрывают потребность в отражении семантики противоположности. Мы имеем в виду лексикографические труды Л. А. Введенской [2003], А. С. Гавриловой [ССАСРЯ], Н. П. Колесникова [1972], М. Р. Львова [1984], О. А. Михайловой [2010], О. Д. Ушаковой [2008]. Нельзя, однако, сказать, что представленный в них комплекс русских антонимов безупречен с точки зрения полноты; кроме того, изменения в языке требуют корректировки словников. Начнем наши рассуждения со следующего перечня антонимических пар:

начинать — прекращать,
маленький — взрослый,
интерес — безразличие,
общий — конкретный,
следующий — предыдущий,
ближайший — дальнейший,
современный — архаичный,
бывший — нынешний,
опыт — неопытность,
технический — гуманитарный,
практический — теоретический,
звук — тишина,
постоянно — изредка,
норма — аномалия,
правильный — ошибочный,
отечественный — зарубежный.

Все эти антонимы отсутствуют в указанных изданиях, а выявлены они по данным русского Викисловаря [РВ][1] — современного проекта, который пополняется при помощи краудсорсинга. При всей неоднозначности отношения к объемному и пока эклектичному Викисловарю отражение в нем перечисленных антонимов заставляет задуматься о полноте описания антонимических отношений — как в классических толковых словарях, так и в современных тезаурусах.

Изучение и описание русской антонимии представляет интерес для известного центра идеографической лексикографии — научной группы «Русский глагол» (г. Екатеринбург), которая составляет ядро Уральской семантической школы. Этот коллектив под руководством профессора Л. Г. Бабенко за 25 лет создал большую серию словарей, в которых отражены различные семантические отношения: «Толковый словарь русских глаголов», 1999 [ТСРГ], «Большой толковый словарь русских существительных», 2005 [БТСРС], «Словарь-тезаурус синонимов русской речи», 2008 [СТСРР], «Словарь-тезаурус русских прилагательных», 2012 [СТРП], «Словарь-тезаурус синонимов русского языка», 2017 [СТСРЯ] и др. Завершается работа над «Большим толковым словарем синонимов русской речи» [БТССРР]. Первый том словаря уже вышел в 2008 г., в процессе подготовки к изданию находятся остальные четыре тома.

Специфика данного словаря заключается в том, что его статья (описание синонимического ряда) содержит также антонимы, приписанные или ко всему ряду, или к отдельным словам, входящим в этот ряд. В итоге словарь представляет не просто пары антонимов, а целые синонимико-антонимические комплексы. В новом проекте словарной группы, предполагающем изучение отношений

[1] Автор выражает огромную признательность Андрею и Наталье Крижановским за помощь в извлечении антонимических пар из русского Викисловаря, а также Ольге Алексеевне Михайловой за возможность работы с данными Словаря синонимов и антонимов для школьников [Михайлова].

противоположности в словаре и дискурсе, заложена идея четкой систематизации антонимических отношений в русской лексике на новом уровне.

Главная задача исследования, представленного в данной статье, — уточнение и развитие антонимической зоны в семантической базе данных Уральской семантической школы для создания нового словаря синонимико-антонимических комплексов. В существующих словарях антонимы отражены по-разному и с точки зрения состава словника, и с точки зрения принципов лексикографирования. Поэтому мы, во-первых, сопоставили словники словарей русских антонимов, а также антонимический фрагмент базы данных БТССРР и пары антонимов, представленные в русском Викисловаре. Во-вторых, постарались выделить «ядерную» и «периферийную» зоны русской антонимии с точки зрения лексикографических ресурсов. Именно в периферийной зоне мы видим потенциал обновления словника антонимического словаря.

2. Словари русских антонимов: сопоставительный анализ

Сопоставление данных классических словарей, многие из которых не переведены в машиночитаемую форму, является нетривиальным делом. Кроме того, низкий уровень качества многих электронных версий, размещенных в интернете, затрудняет формализованное исследование. См. об опыте такой сопоставительной работы публикации [Браславский и др.; Мухин], в которых параметры различных словарей представлены в объективированном формате. Такие исследования позволяют скорректировать и развить пользовательское представление о классических лексикографических источниках.

В данном случае сопоставление проводится на базе уже перечисленных шести словарей антонимов, русского Викисловаря и пока незавершенного БТССРР (первые четыре тома). Из всех словарей извлечены антонимические пары, которые составляют лексемы, признанные антонимами в любом из указанных источников, независимо от значений слов. Даже если антонимия связывает разные значения двух лексем (например, *бедный — богатый*), такая пара фигурирует в нашей базе один раз. Таким образом, антонимическая пара в нашем сопоставительном исследовании — это в первую очередь формальная единица.

Для корректного представления данных все привлеченные источники были переведены в стандартную машиночитаемую форму. Процедура включала такие этапы, как сравнение алфавитных словников и основной части словарей на предмет их возможной асимметричности; анализ видовых пар глаголов, включенных в антонимические ряды (работа производилась вручную); соотнесение прямых и обратных антонимических пар на предмет возможного несовпадения их перечня.

Единицей описания в словарях часто становятся не антонимические пары, а крупные гнезда антонимов и синонимов. Однако в алфавитной части изданий обычно приводятся только заголовочные пары антонимов. Соотнесение их

с основной частью словаря дает в разных случаях значительное расширение словника. Рассмотрим типичную статью из словаря [Михайлова]:

ОТЗЫ́ВЧИВЫЙ – РАВНОДУ́ШНЫЙ

Быстро и легко откликающийся на чужие нужды, просьбы; всегда готовый помочь другому. *Отзывчивый человек.* **Участливый**	Исполненный безразличия, не проявляющий заинтересованного отношения к окружающим. *Равнодушный человек.* **Безразличный, безучастный**

В статье четко разведены словарные дефиниции и синонимические ряды в левой и правой части. Зоны выделены также и шрифтом, что является подспорьем для автоматизации обработки текста. В итоге набор отражаемых пар расширяется (*участливый — равнодушный* и т. п.), несмотря на то, в алфавитной части их нет: для лексем типа *участливый* приводится ссылка на заголовочное слово *Отзывчивый*. Поэтому в нескольких изданиях нами выделено значительно больше антонимических пар, чем указано в аннотации и в алфавитном разделе.

Специфика подачи видовых пар в словарях потребовала дополнительной работы по соотнесению глаголов несовершенного и совершенного вида — там, где в описании они даются вместе. Это касается, например, БТССРР и словаря О. А. Михайловой. К примеру в БТССРР к ряду *Копать* (в него входят также глаголы *отрывать* / *отрыть*, *раскапывать* / *раскопать*, *рыть* / *вырыть*) приводится антонимичный ряд *Закапывать* / *закопать* (в том числе *зарывать* / *зарыть*, *забрасывать* / *забросать*, *закидывать* / *закидать*). Отсюда получается два противопоставления, в соответствии с видом:

закапывать, *зарывать*, *забрасывать*, *закидывать* ↔ *копать*, *отрывать*, *раскапывать*, *рыть*;
закопать, *зарыть*, *забросать*, *закидать* ↔ *отрыть*, *раскопать*, *вырыть*.

В дальнейшем преобразуем эти ряды в большой набор антонимических пар: *закопать — отрыть*, *закопать — раскопать* и т. д.

После необходимой обработки из шести «бумажных» словарей классического типа, русского Викисловаря и лексикографической базы БТССРР извлечено 43 909 антонимических пар, которые после группировки повторов преобразовались в 34 686. Данные сопоставлены; в частности, выявлены лексемы-антонимы, которые оригинальным образом представлены только в одном словаре (см. табл. 1).

Количество оригинальных единиц описания зависит от разных факторов: времени создания словаря, общего объема словника, его тематической спецификации (например, отражения узкоспециальной лексики), ориентации на пользовательскую аудиторию, специфики распространения и, наконец, особенностей авторского коллектива. С точки зрения последнего фактора самым экзотичным является Викисловарь, не имеющий единого набора постоянных авторов.

Таблица 1

Словари антонимов: общая характеристика

Редактор словаря	Всего пар	Оригинальных пар	Оригинальных пар, %
А. С. Гаврилова	585	29	4,96
О. Д. Ушакова	886	117	13,21
Л. А. Введенская	943	101	10,71
Н. П. Колесников	1334	345	25,86
М. Р. Львов	2 838	551	19,42
О. А. Михайлова	4 056	1 567	38,63
Л. Г. Бабенко [БТССРР]	15 397	12 823	83,28
краудсорсинг (Викисловарь)	17 870	14 272	79,87

В табл. 2 представлен процент совпадений словников антонимических словарей.

Таблица 2

Пересечение антонимических словников (% от общего состава пар антонимов)

	А. С. Гаврилова	О. Д. Ушакова	Л. А. Введенская	Н. П. Колесников	М. Р. Львов	О. А. Михайлова	Л. Г. Бабенко [БТССРР]	Викисловарь
А. С. Гаврилова		38,63	47,35	40,34	86,67	74,53	45,98	77,61
О. Д. Ушакова	25,51		53,27	23,14	52,31	60,72	46,16	61,63
Л. А. Введенская	29,37	50,05		25,98	66,81	63,41	44,75	64,90
Н. П. Колесников	17,69	15,37	18,37		38,83	38,23	25,04	60,87
М. Р. Львов	17,86	16,33	22,20	18,25		50,70	33,69	56,17
О. А. Михайлова	10,75	13,26	14,74	12,57	35,48		26,60	39,20
Л. Г. Бабенко [БТССРР]	1,75	2,66	2,74	2,17	6,21	7,01		12,03
Викисловарь	2,54	3,06	3,42	4,54	8,92	8,90	10,37	

С одной стороны, количество единиц, составляющих словник, определяет и качественные характеристики всего словаря. Самый небольшой из рассмотренных словарь А. С. Гавриловой в 86,67 % антонимов повторяет словарь М. Р. Львова — наиболее известный источник. С другой стороны, в этом словаре мы обнаруживаем всего 6,2 % антонимов из лексической базы БТССРР, что говорит о ее перспективах. Опыт составления БТССРР с большим объемом

антонимического словника показывает, что материал увеличивается значительным образом за счет детальной проработки синонимических рядов, включающих эмоционально и стилистически маркированную лексику.

3. Ядро и периферия русской антонимии

Для дальнейшего развития словарной базы и составления нового словаря синонимико-антонимических комплексов мы ставим задачу уточнить «ядерную» и «периферийную» зоны русской антонимии, в том числе выявить реальные антонимы, не попавшие в словник известных словарей.

Антонимические пары, входящие в сферу «ядерной антонимии», выявить несложно. 57 пар антонимов обнаружены во всех привлеченных источниках (см. табл. 3).

Таблица 3

Ядерная зона русской антонимии

1) *абстрактный — конкретный*
2) *антипатия — симпатия*
3) *беднеть — богатеть*
4) *бедность — богатство*
5) *бедный — богатый*
6) *бедняк — богач*
7) *беспорядок — порядок*
8) *быстрый — медленный*
9) *виноватый — правый*
10) *война — мир*
11) *враг — друг*
12) *вражда — дружба*
13) *вредный — полезный*
14) *временный — постоянный*
15) *глубокий — мелкий*
16) *говорить — молчать*
17) *горький — сладкий*
18) *горячий — холодный*
19) *громкий — тихий*
20) *грязный — чистый*
21) *густой — жидкий*
22) *густой — редкий*
23) *дешево — дорого*
24) *дешевый — дорогой*
25) *длинный — короткий*
26) *добрый — злой*
27) *доверие — недоверие*
28) *достоинство — недостаток*
29) *живой — мертвый*
30) *жизнь — смерть*
31) *заплакать — засмеяться*
32) *избыток — недостаток*
33) *истинный — ложный*
34) *исходный — конечный*
35) *крупный — мелкий*
36) *легкий — трудный*
37) *легкий — тяжелый*
38) *ложь — правда*
39) *любовь — ненависть*
40) *максимум — минимум*
41) *мало — много*
42) *минус — плюс*
43) *мир — ссора*
44) *молодой — старый*
45) *оптимизм — пессимизм*
46) *первый — последний*
47) *плакать — смеяться*
48) *плач — смех*
49) *победа — поражение*
50) *различие — сходство*
51) *редкий — частый*
52) *робкий — смелый*
53) *родина — чужбина*
54) *свой — чужой*
55) *сильный — слабый*
56) *тишина — шум*
57) *толстый — тонкий*

Добавим к этому, что 1 095 антонимических пар лексем представлены как минимум в четырех словарях из восьми. Эта зона наименее проблемная для выделения антонимов, т. е. признания семантики противоположности.

Чтобы решить задачу по выявлению «периферийной» антонимии мы обратились первым делом к антонимическим парам, выделяемым составителями русского Викисловаря[2]. Естественно, чем больше объем словника, тем больше в его составе и оригинальных единиц описания.

Напомним, что Викисловарь создается посредством краудсорсинга, в его составлении может участвовать любой человек, в том числе без всякого

[2] Викисловарь — это постоянно меняющийся ресурс. Примеры, которые приводятся в данной статье, извлечены из словаря осенью 2016 г.

лингвистического образования. Любая вики-стратегия приводит к увеличению количества данных и одновременно остро сказывается на их качестве. В случае антонимии мы имеем здесь множество ошибочно выведенных пар. Например, *дьявол* (о злом, язвительном, хитром, коварном человеке) — *герой*; ср. также: *ученик* (тот, кто следует чему-либо в своих поступках, взглядах) — *образец*. Отдельное описание в Викисловаре устаревшей или просторечной формы единственного числа *будень* (наряду с *будни*) приводит к существованию пары *праздник — будень*, а буквальная интерпретация фразеологизма *дух и буква закона* приводит к паре *дух — буква*. Из этого не следует, однако, что вся антонимическая зона Викисловаря такого же качества.

Как уже отмечалось ранее, в русском Викисловаре обнаружено 14 272 оригинальные антонимические пары. Они были упорядочены по критерию частоты лексем на основании данных «Нового частотного словаря русской лексики» [НЧСРЛ]. Из самых частотных 4 000 слов выбраны лексемы, участвующие в примерно 300 парах, наиболее показательных с точки зрения отсутствия в антонимических словарях. Спонтанность, естественность, свобода от традиции приводит авторов Викисловаря, с одной стороны, к лексикографическому браку, халтуре, а с другой — к находкам. Антонимические пары мы объединили в группы с точки зрения причин их возможного отсутствия в традиционных словарях. Приведенная ниже классификация не претендует на единство основания, в данном случае наше дело — указать на новый для лексикографии материал и связанные с ним проблемы.

• Более строгое выделение антонимов в традиционных словарях определяет то, что антонимические отношения чаще всего связывают первичные, наименее зависимые от контекста значения. Пары из Викисловаря часто трудно интерпретировать без толкований. Сравним случаи *знать — гадать*, *готовый* (пьяный) — *трезвый*, *целый — расколотый* (или *разбитый*), *армия — гражданка*, *далее* (в письменном тексте) — *выше*, *человеческий — животный*. В самом деле, когда оценивается ряд синонимов, наличие в нем вторичных значений вполне привычно. Сам синонимический ряд является важным элементом семантизации! А для оценки антонимической пары, в которую включены вторичные значения, обычно необходимо контекстное уточнение.

• Многие антонимические пары содержат слова, социально ограниченные в употреблении или стилистически сниженные. Речь идет о профессиональном жаргоне (*мама — папа*, тип соединения), разговорной и разговорно-сниженной лексике (*дед — новобранец*, *снять — одеть*, *хорошо — херово*, *знать — плавать*). Викисловарь — это не словарь литературного языка, его словник далеко не всегда нормативен. Пользователь найдет здесь пары типа *важно — пофиг*, *правда — деза*, не говоря уже о матизмах (*х... — п...*). Настаиваем, однако, на том, что этот слом стереотипов лексикографии часто дает новый материал, с которого мы и начали статью. Среди профессиональных слов и значений находим антонимические пары *сигнал — шум*, *тон — шум*, *прием — передача*, *литературный — просторечный*, *опытный — серийный*, *очередь — залп*, *воздушный — сухопутный*, а также *наземный*.

• В нашем материале достаточно много пар слов, не отражаемых словарями по чисто хронологическим причинам. Это или совсем новые значения (*гость — администратор*, (*гос*)*заказ — краудфандинг*, *цифра — пленка*, о фотоаппарате и технологии), или те, что сами по себе описаны в толковых словарях, но не фигурируют в словарях антонимов (к примеру, *государственный — коммерческий*, *новый — б/у* или *бэушный*, *кабельный — беспроводной* или *эфирный*). Сюда же можно отнести противопоставления, которые по разным причинам не получили словарной интерпретации в советскую эпоху: *белый — красноармеец*, *господин — товарищ*, *коммунист — беспартийный*.

• Слова служебных частей речи и местоимения в некоторые словари антонимов вообще не попадают. Отчасти причина этого — дискуссионные теоретические вопросы, связанные с особенностями номинации, иногда же это просто лексикографическая «привычка». С нашей точки зрения, такие пары, как *и — или*, *мы — они*, *всё — часть*, *ничто — нечто*, *никто — кто-то* или *кое-кто*, все же заслуживают внимания.

• В словарях антонимов не отражается большое количество производных слов. Среди них большие группы составляют отглагольные существительные (*рост — падение*, *создание — упразднение*, *открытие — закрытие*), отадъективные наречия (*практически — теоретически*, *спокойно — взволнованно* или *раздраженно*, *абсолютно — относительно*), отадъективные существительные (*белый — негр*, *тонкий — толстяк*, *знакомый — незнакомец*). Составители Викисловаря включили в словник многие антонимы с приставкой *не-* и другие приставочные дериваты: *готовый — неготовый*, *традиционный — нетрадиционный*, *страшный — нестрашный*, *реклама — антиреклама*, *наука — псевдонаука*, а кроме того, *квазинаука*, *антинаука*, *паранаука*. Словообразовательная регулярность, лексическая множественность — причина того, что многие прилагательные и наречия с *не-* действительно не попадают в словари антонимов.

• Отдельную проблему в плане выделения антонимических отношений составляют слова-конверсивы и вообще пары лексем, объединенные семантикой разнонаправленности или взаимодополнения: *устать — отдохнуть*, *снять — повесить*, *получить — дать*, *продажа — приобретение*, *гость — хозяин*, *писатель — читатель*, *врач — больной* или *пациент*, *ребенок — отец* или *мать*, *руководитель — подчиненный*, *солдат — офицер*. Вопрос о соотношении таких явлений с антонимией так или иначе будет стоять на повестке дня при создании идеографических словарей. Дискуссия о признании слов антонимами возникает и в связи с родовыми (гендерными) противопоставлениями. В Викисловаре находим такие пары антонимов: *друг — подруга*, *мама — папа*, *бабушка — дедушка*, *поэт — поэтесса* и даже *дурак — дура*.

• Особую позицию в нашем рассуждении занимают части коллокаций, составных наименований. Поскольку сами неоднословные выражения представлены в антонимических словарях крайне бедно, следует задуматься о таких парах, как *внутренний — заграничный* (паспорт), *боевой — холостой* (заряд, выстрел), *рабочий — выходной* (день), *правильно — превратно* (понять),

домашний — уличный (например, об одежде), (попасть в) *молоко — яблочко*. Если такие пары не включены в словники словарей сами по себе, их нужно фиксировать в составе соответствующих выражений.

4. Выводы

Сравнительно-статистический и содержательно-лексикографический анализ показывает, что в существующих словарях антонимов обнаруживается ряд устойчивых проблемных моментов, требующих лексикографического обсуждения и коррекции:

- соотношение основной части и алфавитного словника;
- соотношение антонимических отношений и видовых пар глаголов;
- системное отражение антонимии при лексической деривации, противопоставлении словообразовательных гнезд (например, дана пара антонимов-прилагательных, а производные от них наречия и существительные приведены непоследовательно, если вообще приведены);
- системное отражение антонимов с приставкой *не-* и другими приставками, выражающими отношения противоположности;
- вопрос отражения в словаре новых, а также ограниченных в употреблении слов и значений;
- необходимое включение в словник слов служебных частей речи и неоднословных выражений, которые представлены в словарях крайне фрагментарно.

Очевидно, что к антонимии в сравнении с синонимией лексикографы относятся как к более четкой категории — и в семантическом, и в стилистическом планах (сравним, к примеру, обозначающие оценку внешности прилагательные-синонимы *некрасивый — разг. страшный* и антонимы *красивый — страшный*). В синонимических рядах гораздо свободнее уживаются слова, отличающиеся по смыслу или стилистически: отношения сходства только подталкивают к выявлению этих нюансов.

Поэтому, как бы то ни было, своей очереди ожидают и такие разнородные противопоставления, как *человек — Бог* или *робот*, *город — деревня* или *природа*, *центр — глушь* или *провинция*, *жена — любовница*, *женщина — девушка* или *девочка*, *улица — дом*, *автор — исполнитель*, *работа — хобби*, *уровень — отвес*, *гражданин — иностранец*, *искусство — шоу-бизнес*, *поэт — прозаик*, *запись — воспроизведение*, *остров — материк*, *урок — перемена*, *степень — логарифм* и мн. др. Этот материал, безусловно, нуждается в лексикографической проверке, и такая работа уже ведется в рамках исследовательской программы Уральской семантической школы.

Конечно, антонимия, трактуемая слишком широко, создает свои семантические, денотативные и стилистические проблемы. С другой стороны, наличие дополнительного материала для создания полноценного словаря всегда лучше, чем его отсутствие.

Браславский П. И., *Киселев Ю. А.*, *Мухин М. Ю.* и др. Russian Lexicographic Landscape: a Tale of 12 Dictionaries // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27—30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21) / ред. В. П. Селегей. М. : Изд-во РГГУ, 2015. Т. 1. С. 254—271.

БТСРС — Большой толковый словарь русских существительных. Свыше 15 000 имен существительных. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.

БТССРР — Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. (Сер. «Фундаментальные словари»).

Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка : более 500 антоним. гнезд. М. : АСТ : Астрель, 2003.

Колесников Н. П. Словарь антонимов русского языка. Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1972.

Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка : более 2 000 антоним. пар. М. : Рус. яз., 1984.

Михайлова О. А. Словарь синонимов и антонимов для школьников. М. : АСТ, 2010.

Мухин М. Ю. Новая версия лексикографической интерпретации: опыт статистического сопоставления русских толковых словарей // Новые версии лексикографической интерпретации языковой реальности : материалы Всерос. науч. конф. «Язык. Система. Личность: Современная языковая ситуация и ее лексикографическое представление» / ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2010. С. 144—150.

НЧСРЛ — Новый частотный словарь русской лексики [Электронный ресурс] / под ред. С. А. Шарова и О. Н. Ляшевской. URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php (дата обращения: 30.05.2017).

РВ — Русский Викисловарь [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wiktionary.org (дата обращения: 30.05.2017).

ССАСРЯ — Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50 000 слов / под ред. А. С. Гавриловой. М. : Аделант, 2014.

СТРП — Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012.

СТСРР — Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008.

СТСРЯ — Словарь-тезаурус синонимов русского языка / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М. : Словари XXI века, 2017.

ТСРГ — Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС, 1999.

Ушакова О. Д. Синонимы и антонимы. Словарик школьника. СПб. : Литера, 2008.

Статья поступила в редакцию 18.06.2017

Мухин Михаил Юрьевич
доктор филологических наук,
директор департамента лингвистики
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: mikhail.mukhin@urfu.ru

Mukhin, Mikhail Yuryevich
Dr. Hab. (Philology),
Head of Linguistics Department,
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: mikhail.mukhin@urfu.ru

THE SCOPE OF RUSSIAN ANTONYMY AND LEXICOGRAPHIC PRACTICE

This paper presents the results of an analysis of the development of the antonymic database of the Ural School of Semantics. To compile a new dictionary of synonyms and antonyms, comparative research of lexicography resources was conducted. The researchers studied six traditional dictionaries as well as the Russian Wiktionary and the Great Explanatory Dictionary of Russian Synonyms, which is being compiled under the supervision of Professor L.G. Babenko. All the materials having been converted into a machine-readable form, the researchers compared the alphabetic glossaries with the basic parts of dictionaries. The article also includes an analysis of aspectual pairs of verbs, as well as the correlation of direct and reverse antonymic pairs. The author discusses data related to the number of antonymic pairs in each dictionary and the overlapping of glossaries in the lexicographic resources in question, providing comments to the statistical data of the resources, including the most comprehensive ones (the Russian Wiktionary and the Great Explanatory Dictionary of Russian Synonyms). The author also defines the nuclear and peripheral zones of Russian antonymy. The former comprises 57 antonymic pairs, present in all dictionaries (*abstract — concrete*, *antipathy — sympathy*, *poor — rich*, etc.), and the latter has about a thousand antonyms, which appear at least in four of the eight dictionaries. The peripheral zones are identified with reference to the Russian Wiktionary. Additionally, the article describes groups of antonyms, united by a reason, which prevented them from being included into classic dictionaries. The author draws conclusions concerning problems with describing Russian antonyms and opportunities of further work within the framework of the research programme of the Ural School of Semantics.

K e y w o r d s: lexicography; dictionary; antonyms; antonymic pair; synonyms; synonymic row; database; statistical analysis; Ural Semantic School.

Acknowledgements

The research supported by the *Russian Foundation for Basic Research*, project 16-06-00340, “Relations of oppositions in a dictionary and discourse: lexicographic, cognitive-discourse and linguo-culturological aspects”, and by the Programme for the improvement of competitive ability of Ural Federal University (number of agreement 02.A03.21.0006).

Babenko, L. G. (Ed.). (1999). *Tolkovyi slovar’ russkikh glagolov* [An Explanatory Dictionary of Russian Verbs]. Moscow: “AST-PRESS KNIGA” Publ. (In Russian)

Babenko, L. G. (Ed.). (2005). *Bol’shoi tolkovyi slovar’ russkikh sushchestvitel’nykh. Svyshe 15 000 imen sushchestvitel’nykh. Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy* [The Great Explanatory Dictionary of Russian Nouns. Over 15 000 nouns. Ideographic Description. Synonyms. Antonyms]. Moscow: “AST-PRESS KNIGA” Publ. (In Russian)

Babenko, L. G. (Ed.). (2008a). Bol’shoi tolkovyi slovar’ sinonimov russkoi rechi: ideograficheskoe opisanie, antonimy, frazeologizmy [The Great Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language: Ideographic Description, Antonyms, Idioms]. *Fundamental’nye slovari*. Moscow: “AST-PRESS” Publ. (In Russian)

Babenko, L. G. (Ed.). (2008b). *Slovar’-tezaurus sinonimov russkoi rechi* [A Thesaurus of Synonyms of Russian Speech]. Moscow: “AST-PRESS KNIGA” Publ. (In Russian)

Babenko, L. G. (Ed.). (2012). *Slovar’-tezaurus russkikh prilagatel’nykh, raspredelennykh po tematicheskim gruppam* [A Thesaurus of Russian Adjectives Divided into Thematic Groups]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Babenko, L. G. (Ed.). (2017). *Slovar'-tezaurus sinonimov russkogo iazyka* [A Thesaurus of Synonyms of the Russian Language]. Moscow: "Slovari XXI veka" Publ. (In Russian)

Braslavsky, P. I., Kiselev, Yu. A., Mukhin, M. Yu. et al. (2015). Russian Lexicographic Landscape: a Tale of 12 Dictionaries. In V. P. Selegey (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies]. Proc. Annual International Conference "Dialog" (Moscow, 27—30 May 2015) (Issue 14 (21), Vol. 1, pp. 254–271). Moscow: Izd-vo RGGU.

Gavrilova, A. S. (Ed.). (2014). *Slovar' sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo iazyka. 50000 slov* [A Dictionary of Synonyms and Antonyms of Modern Russian. 5000 words]. Moscow: "Adelant" Publ. (In Russian)

Kolesnikov, N. P. (1972). *Slovar' antonimov russkogo iazyka* [A Dictionary of Antonyms of the Russian Language]. Tbilisi: Tbilisi University Press. (In Russian)

Lvov, M. R. (1984). *Slovar' antonimov russkogo iazyka: Bolee 2 000 antonim. par* [A Dictionary of Antonyms of the Russian Language: Over 2 000 Antonymic Pairs]. Moscow: "Russkii iazyk" Publ. (In Russian)

Mikhailova, O. A. (2010). *Slovar' sinonimov i antonimov dlia shkol'nikov* [A Dictionary of Synonyms and Antonyms for Schoolchildren]. Moscow: "AST" Publ. (In Russian)

Mukhin, M. Yu. (2010). Novaia versiia leksikograficheskoi interpretatsii: opyt statisticheskogo sopostavleniia russkikh tolkovykh slovarei [A New Version of Lexicographic Interpretation: An Attempt at Statistic Comparison of Russian Explanatory Dictionaries]. In T. A. Gridina (Ed.), *Novye versii leksikograficheskoi interpretatsii iazykovoi real'nosti: Proc. "Iazyk. Sistema. Lichnost': Sovremennaia iazykovaia situatsiia i ee leksikograficheskoe predstavlenie"* [New Versions of Interpretation of Language Reality: Proc. "Language. System. Personality. Modern Linguistic Situation and Its Lexicographic Representation"] (pp. 144—150). Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University Press. (In Russian)

Russkii Vikislovar' [Russian Wiktionary]. Retrieved from https://ru.wiktionary.org. (In Russian)

Sharov, S. A., & Lyashevskaya, O. N. (Eds.). *Novyi chastotnyi slovar' russkoi leksiki* [A New Frequency Dictionary of Russian Vocabulary]. Retrieved from http://dict.ruslang.ru/freq.php. (In Russian)

Ushakova, O. D. (2008). *Sinonimy i antonimy. Slovarik shkol'nika* [Synonyms and Antonyms. A Schoolchild's Dictionary]. St Petersburg: "Litera" Publ. (In Russian)

Vvedenskaya, L. A. (2003). *Slovar' antonimov russkogo iazyka: Bolee 500 antonim. gnezd.* [A Dictionary of Antonyms of the Russian Language: Over 500 Antonymic Families]. Moscow: "AST", "Astrel" Publ. (In Russian)

Received on 18 June, 2017

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.053
УДК 811.161.1'373.2 + 811.112.2'373.2 + + 811.581'373.2 + 81'374.3

Н. Д. Голев
Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия
О. П. Сологуб
Тайваньский национальный университет
Тайбэй, Тайвань

О ФАКТОРЕ КРЕАТИВНОСТИ В НОМИНАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(на материале обозначений птиц носителями разных языков)*

Настоящая статья является продолжением исследования номинативных механизмов в разных языках в условиях естественной номинации с антиномических позиций. Главным предметом рассмотрения по-прежнему является антиномия «национально-специфическое — универсальное» в ее соотношении с категориями «персональное — аперсональное», «креативное — акреативное» и др.

Цель работы — выявление соотношения указанных категорий, определение их удельного веса в актах номинации и на этой основе — более полное и объективное научное представление номинативного процесса.

Названные аспекты стихийной номинативной деятельности, проявленные в ее продуктах, созданных носителями разных языков (русского, немецкого, китайского), рассматриваются в работе с позиций акреативных тенденций такой деятельности, при этом акцент делается на анализе различных проявлений уклонения называющих субъектов от сильных форм фиксации специфики называемого объекта.

Лингвистический анализ в значительной мере основывается на материале узуальных орнитонимов, входящих в номинативные системы русского и немецкого языков, окказиональных наименований, полученных в ходе экспериментальных исследований в разноязычных аудиториях; также в качестве материала для исследования привлекаются данные ассоциативного эксперимента, представленные в «Словаре обыденного толкования русских слов».

В результате проведенного анализа авторы приходят к выводу о доминировании универсальных тенденций в номинативной деятельности рядовых носителей языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а: номинация; мотивировка; национально-специфическое; универсальное; окказиональное; узуальное; персональное; аперсональное; креативное; акреативное.

* Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект 15-04-00311 «Лингвокогнитивный анализ конфликтов в сфере обыденной политической коммуникации».

© Голев Н. Д., Сологуб О. П., 2017

1. Акреативные факторы стихийной номинативной деятельности

Настоящая работа является продолжением антиномического анализа фундаментальных категорий «национально-специфическое» и «универсальное» в номинативной деятельности[1].

Эти категории обладают, кроме всего прочего, и теоретико-лингвистической значимостью. В этой связи логика нашего исследования такова: в первом разделе обсуждаются некоторые подходы к моделированию номинативного процесса и их издержки, приводящие к неполному или упрощенному представлению последнего, в том числе и в плане выражения тенденций к универсальному и национально-специфическому. Во втором разделе статьи производится детальный анализ одного из наиболее сильных проявлений тенденции к универсальному в номинативной деятельности рядовых носителей языка — их уклонения от креативности в актах номинации.

Итак, обозначим некоторые моменты в моделировании номинативного процесса, обусловливающие недостаточно полное, недостаточно корректное его описание, в том числе и в плане проявления антиномии «национально-специфическое — универсальное».

На наш взгляд, одной из методических особенностей многих исследований, ставящих своей задачей выявить, обосновать наличие в номинативных системах разных языков национально-культурной и/или национально-ментальной специфики, является отвлечение от момента обоснования принципа отбора материала и — в конечном итоге — его количественной характеристики. Это оказывается напрямую связано с качеством моделирования номинативного процесса и его результатов. Названная методическая особенность проявляется в следующих моментах моделирования номинативного процесса.

1. ***Редукция (неучет) предноминативных этапов процесса номинации***. На предноминативных этапах создаются окказиональные названия, существующие (или могущие существовать) в бесконечном числе окказиональных вариантов. Построение модели номинативной деятельности исключительно на узуальных наименованиях существенно снижает ее (модели) объяснительные возможности и вероятность надежной верификации.

2. ***Редукция (неучет) постноминативных этапов номинативного процесса***. Их протекание определяется факторами неноминативного порядка, их массовость и «мощность» нивелируют многие особенности предшествующих собственно номинативных этапов и соответственно собственно номинативных свойств имени. Редукция таких факторов в модели номинативного процесса ослабляет ее объяснительные возможности.

Редукция происходит по разным причинам, приведем некоторые из них.

А. *Опора исключительно на литературные номинативные варианты современного русского языка*. Это приводит к тому, что из поля зрения исследователя

[1] Предыдущее наше исследование, посвященное осмыслению данной проблематики, см. в [Голев, Сологуб, 2017].

выпадает факт существования громадного пространства других форм общенародного русского языка: диалектных, профессиональных и др. Таков, например, словарь А. С. Савенко [2012], призванный лексикографически описать национальную специфику мотивировки названий птиц: в качестве заглавных лексем в этом словаре выступают литературные и научно-номенклатурные варианты орнитонимов (*альбатрос, буревестник, древолаз, китоглав, молотоглав, фаэтон*), лишь некоторая часть из них «восходит» к народным названиям, остальные — продукт научного терминотворчества.

Б. *Смешение литературных форм и научной номенклатуры.* Это также может видоизменить объективную картину номинативного процесса. На наш взгляд, степень ономасиологических различий этих форм литературного языка значительно бóльшая, чем степень различий народных названий одной группы денотатов в разных языках [Голев, с. 27]. К примеру, в диалектной лексике природы в принципе невозможны мемориальные названия типа *нырок Бэрда*, а в научных терминах — мифологических (*вещунья*) или утилитарно-прагматических (*матёрка*). Сам по себе факт большого расхождения функциональных сфер одного языка в ономасиологическом плане достаточно красноречиво говорит о влиянии на характер мотивировки целевых установок говорящих, той картины мира, которая присуща номинаторам.

Вследствие всего вышесказанного, выбор в качестве материала исследования исключительно «олитературенного» языкового материала (чаще всего литературных форм) делает их квалификацию как носителей искомой национальной специфики не вполне убедительной: рядом с избранными номинативными системами существует множество неизбранных, неучтенных, в том числе невозможных для учета (к таковым относятся, например, научная и отраслевая номенклатуры, терминологические системы, системы условно-символических наименований).

В. *Неучет процессов узуализации.* Процесс узуализации есть движение от плана создания нового имени к плану его функционирования как готовой номинативной единицы, что нередко сопровождается нейтрализацией номинативных свойств слова, деактуализацией мотивировочного признака — демотивацией (*синица* — не синяя, *неганка* — не пегая, *зимородок* — не рождается зимой, *козодой* — не доит коз, *крапивник* — не обитает в крапиве, *жаворонок* — не ворона — подобных названий существует в диалектной лексике множество). На этой основе развиваются процессы деэтимологизации и народной этимологии.

Все процессы такого рода: узуализация, лексикализация, терминологизация, демотивация, ремотивация — осуществляются как стихийные, акреативные, аперсональные процессы; субъективно-личностное начало в них растворено в массовости, индивидуальная субъектность — в коллективной. В конечном итоге эти антропоцентрические факторы воздействуют на языковую систему и формируют тенденцию к немотивированности, протекающую в стихийном формате. Эти моменты не всегда учитываются в ономасиологической и мотивологической литературе с сопоставительным акцентом. Так, в упоминаемом выше «Мотивационно-сопоставительном словаре русского и английского

языков» словарные статьи строятся на материале опросов информантов, которые нередко «дают научное объяснение, высказывают свою гипотезу о том, почему слово получило такое название; например, *павлин*, как предполагается информантом, “был назван по имени путешественника Павла”; *пеночка* — “ест пенки с вареньем”» [Савенко, с. 11]. По нашему мнению, такого рода данные не фиксируют исходную номинацию и по этой причине не отражают взгляда называющего народа на внешний мир.

Здесь вернемся к начатому нами в предыдущем исследовании [Голев, Сологуб, 2017] обсуждению тезиса А. В. Суперанской, согласно которому мотивированное имя может отражать те или иные свойства называемого объекта, но реализация названной способности не носит обязательного характера [Суперанская, с. 170]. Данное положение касается не только синхронного бытия имени, но и его генезиса, включающего окказиональное порождение имени или его «предыменных» вариантов. Это важное положение не получило развернутого пояснения в книге А. В. Суперанской. На наш взгляд, оно осталось незамеченным в отечественной ономасиологии и ономастике. Вопрос о степени вероятности-обязательности отражения в мотивированном имени мотивировочного признака остается открытым, хотя, разумеется, его так или иначе касались многие. В этом вопросе доминирует представление о главенствующей роли информативной, отражательной (в контексте нашего обсуждения — мотивировочной) функции имени, воплощаемой в его внутренней форме. Как мы показали, ориентации на отражение придается целеполагающий характер, часто она трактуется как интенция называющего субъекта. Обсуждая вопрос об отражательных свойствах имени, исследователи часто не принимают во внимание условную сторону имени, не учитывают представление о мотивировке как о техническом, а не идеологическом (ментальном, отражательном) плане мотивировки. Несущественность последнего в процессах функционирования слова иллюстрирует, например, тот факт, что демонстративно неотражательные названия типа *безымянный палец, суббота* выполняют коммуникативную функцию ничем не хуже названий прочих: информативно-отражательных, мотивированных (*большой, средний, указательный палец; вторник, среда, четверг, пятница*) и слабомотивированных (*мизинец; понедельник, воскресенье*) названий. Таким образом, коммуникативное функционирование поглощает генетическое бытие слова, застывшее в его морфемной структуре.

На представлении об отражательной природе имени строятся и различные исследования массивов наименований — к их числу относятся также сопоставительные и типологические исследования; в последних установка на отражение трактуется уже не как номинативная особенность именующего индивидуума, а как номинативная тенденция всего языкового коллектива. Во многих из таких исследований заметно влияние популярных концептов «картина мира», «языковая картина мира», предполагающих в их сильных вариантах трактовку выбора мотивировочного признака как проявления влияния группового специфического (для каждого коллектива) видения мира (фрагмента мира).

Таким образом, изложенные выше представления о характере моделирования номинативного процесса в современных лингвистических исследованиях согласуются с ранее сделанными нами выводами о том, что основные тенденции процессов номинации в разных языковых коллективах совпадают, и «языковые картины мира» (фрагментов мира, в нашем случае — мира птиц) не отличаются большим национальным своеобразием [Голев, Сологуб, 2017].

Проиллюстрируем данный вывод анализом еще одной номинативной стратегии, реализуемой носителями языка, — уклонения от креативности в номинативной деятельности.

2. Уклонение от креативности в номинативной деятельности

Одной из стратегий номинативной деятельности в условиях естественной номинации является отказ от имятворчества, опора на сложившуюся «сетку» наименований, извлечение из нее уже готовых номинативных единиц. Главной речемыслительной операцией в данном случае является процесс отождествления и последующее использование отождествляющих номинаций. Уклонение от креативности в данном случае мы понимаем, таким образом, как примат отождествляющей функции имени над выделяющей функцией.

2.1. Широкое использование отождествляющих номинаций

Процессы отождествления весьма характерны для естественной номинации птиц в разных языках, о чем свидетельствует большое количество отождествляющих наименований как в сложившихся номинативных системах русского и немецкого языков, так и в ответах участников экспериментов. Основой отождествления выступают, как правило, одни и те же — известные, широко распространенные — виды птиц:

— синица: *синичка* ‘трясогузка белая’ (новг.), *синька* ‘жаворонок рогатый’ (Обь) и др. — *Meise* ‘синица’: *Reidmeise* ‘болотная камышевка’ (мюнст.), *Thannmeissli* ‘королек’ (б. п.), *Baummeise* ‘поползень’ (б. п.) и др.;

— трясогузка: *большая трясогузка* ‘оляпка’ (яросл.) — *Bachstelze* ‘трясогузка’: *Waldbachstelze* ‘лесной конек’ (Ланд-Луст);

— воробей: *снежный воробей* ‘пуночка’ (каз.), *водяной воробей* ‘оляпка’ (повс.), *каменный воробей* ‘зимородок голубой’ (сиб.), *луговой воробей* ‘дубровник’ (повол.), *сыч-воробей* ‘сычик’ (каз.) и др. — *Sperling* ‘воробей’: *Rohrsperlinge* ‘камышевка дроздовидная’ (повс.), ‘овсянка камышевая’ (Ланд-Луст); *Spatz* ‘воробей’: *Rohrspatzen* ‘сорокопут-жулан’ (б. п.) и др.;

— ласточка: *ластовица* ‘крачка-мартышка’ (оз. Сарпа), *ласочка* ‘стриж черный’ (новг.) – *Schwalbe* ‘ласточка’: *Nachtschwalbe* ‘козодой’ (бар.), *Seeschwalme* ‘зимородок’ (силез.), *Meerschwalbe* ‘крачка’ (страсб.);

— дятел: *дятелок* ‘поползень’ (яросл.), *плавневой ятель* ‘зимородок голубой’ (Днестр) — *Specht* ‘дятел’: *Murspecht* ‘пищуха’ (б. п.), *Wasserspecht* ‘зимородок’ (штайерм.), *Blauspechtle* ‘поползень’ (силез., сакс. и др.);

— ворона: *вороненочек* ‘стриж черный’ (ряз.), *воронок* ‘ласточка’ (повс.), *воронка* ‘сизоворонка’ (б. п.), *ворон* ‘ястреб’ (калуж.) — *Rabe* ‘ворон’: *Nachtrabe* ‘козодой’ (пфальц., вестф.), *Blauracke* ‘сизоворонка’ (прусск., альтм. и др.)[2].

Доминирование отождествляющих наименований мы наблюдаем и в ассоциативных словарях, в частности, в СОТРС. Во-первых, посредством отождествляющих номинаций выражаются более конкретные, чем родовые (птица, зверь, цветок), ассоциации носителей языка, возникающие при восприятии птиц, например, аист ассоциируется с цаплей, альбатрос и гага — с чайкой, воробей — с дроздом, глухарь и грач — с вороном, горихвостка — с сорокой, гриф — с орлом, куропатка — с тетеревом, кулик — с выпью и т. д. Во-вторых, отождествляющие номинации служат средством выражения значения словбионимов: *морская птица, похожа на чайку, только крупнее* (об альбатросе); *птица, наверное, с хохолком, похожая на дятла* (о выхухоли); *птица с черным оперением, родственная вороне* (о галке); *коричневая птичка, похожая на голубя* (о горлице); *похожая на ворона* (о граче); *птичка певчая размером с воробья, но окраска очень яркая* (о зяблике); *птица с длинной шеей, вроде аиста*; *птица, возможно, родственник чибиса* (об ибисе).

Данная стратегия является одним из наиболее продуктивных способов решения задачи по созданию наименований для участников экспериментов (отождествляющие наименования представлены в каждом из экспериментов более чем в одной трети анкет). Результаты экспериментов, проведенных с носителями русского языка, были уже описаны нами в предыдущей работе [Голев, Сологуб, 1990]. В настоящей работе мы развиваем основные положения нашего анализа, дополняя их новыми данными, полученными в ходе эксперимента с носителями китайского языка. Участники всех экспериментов нередко игнорировали установку экспериментатора на создание новообразований, на личное словотворчество. Даже если «анкетер» стремился помочь испытуемым создать новообразования, эта помощь ими отклонялась, ср.: *У птицы крылья красные. Назвали бы Вы ее краснокрылкой? — Мы по крыльям не называем, а как знаем, так и называем: сорока, ворона, дятел.* Называющим оказалось гораздо легче «вписать» предложенный для номинации вид в издавна сложившуюся сетку обозначений подобного рода объектов. Нередко эти процессы сопровождаются процессами сравнения: *желтобрюхий, похож на дрозда* (о пересмешке зеленой); *хвост, как у ласточки* (о сорокопуте-жулане); *похожа на чайку* (о крачке речной); *красивенька, как кулик* (о зимородке голубом); *эта подвид снегиря, красный* (о сизоворонке) и др. (русские респонденты); *как кондор* (об ибисе); *как красная утка, как лебедь* (об алом ибисе); *птица, которая очень похожа на туканов* (о птице тукан) (тайваньские респонденты). При этом участники эксперимента часто осознают неточность, некорректность систематизации

[2] Источником русских орнитонимов послужили различные диалектные словари русского языка, орнитологические справочники, очерки ученых-орнитологов. Немецкие орнитонимы извлечены из монографии Г. Суолахти [Suolahti].

именуемых объектов, ср.: *похож на дрозда*; *утка что ли, не знаю, водоплавающая*; *ласточка, но она сизая*; *как куропатка вроде бы*; *вроде опять как дятел*; *скворчик не скворчик*; *серая птица, может, трясогузка*; *какая-то сизая птица, по-моему, чайка* (русские респонденты-диалектоносители); *кажется, напоминает фазана*; *по моим ощущениям — сова*; *фазан? Кажется, знакомый* (тайваньские респонденты). Но, тем не менее, испытуемые, несмотря на колебания, отраженные в их предноминативной деятельности, доводят ее до логического конца, создавая прямые отождествляющие номинации. Например, для саксаульной сойки носители русского языка используют отождествляющие номинации *сорока*, *оляпка*, *трясогузка*, *чайка*; для сорокопута-жулана и щегла — *ласточка*; для сизоворонки и зарянки — *снегирь*; для крапивника и оляпки — *скворец*; для зяблика и щегла — *синичка* и т. д. Тайваньские респонденты также дают такого рода наименования, например, голиаф получает отождествляющие номинации *тигровая выпь, зимородок, кондор*; ибис — *бурый гриф*; морская турако — *воробей*; птица-носорог — *пеликан*; королевский скворец — *голубая сорока*; алый ибис — *красная цапля*; сулавесский калао — *тукановая птица*.

Крайнее проявление уклонения от креативного компонента номинативной деятельности можно наблюдать в ситуации прямого отказа реципиента включаться в обозначение биологического объекта. В отдельных случаях респонденты не воспринимали поставленную перед ними задачу имянаречения как насущную, необходимую для реализации, и в ответ на просьбу произвести номинативные акты они отвечали прямым отказом, демонстрируя тем самым отсутствие интенций в создании новых наименований, свою акреативность. Так, например, диалектоносители на вопрос *Как бы вы назвали эту птицу?* порой попросту уклонялись от ответа: *А зачем нам ее называть?* Случаи уклонения от «новообразовательной» стратегии мы наблюдали и в эксперименте, проводимом с носителями китайского языка, когда получали ответы типа *Не знаю, что это*; *Что это такое?* Такое речевое поведение свидетельствует о том, что носители языка в ситуациях обыденного общения не видят необходимости специально создавать наименования незнакомых им объектов. У испытуемых есть ощущение, что все уже названо, что название где-то существует и создавать его вновь нет никакой необходимости, поэтому словотворчество не является живой «номинативной традицией», оно как бы утратило свою актуальность.

Итак, и результаты анализа орнитонимов узуального характера, и данные ассоциативных словарей, и показания участников эксперимента свидетельствуют о том, что ярко выраженной тенденцией в условиях необходимости употребления наименования для малознакомой / незнакомой птицы является стремление носителей языка определить место именуемого объекта в сформированной в их сознании народной номенклатуре птиц путем отождествления с уже известными видами птиц (вместо затраты определенных усилий на новообразование). При этом испытуемые предпочитают ошибиться, но тем не менее определить место обозначаемого вида в имеющейся у них «биологической классификации», которая часто довольно далека от научной.

2.2. Использование номинативных единиц широкой семантики

Другим вариантом уклонения от номинации является использование вместо новообразования номинативной единицы широкого содержательного плана. Проявление данной тенденции мы усматриваем в довольно часто встречающихся отождествлениях незнакомых птиц с птицами домашними. Подобные случаи мы наблюдали в номинативных системах русских и немецких орнитонимов, где в качестве наименований для различных птиц использовались номинативные единицы *курица, петух*: *курушка* ‘чайка’ (олон.), *курочка* ‘кукушка’ (волог.), *курица* ‘ворона’ (арх.), *степные куры* ‘дрофа’ (иркут.), *петушок* ‘королек желтоголовый’ (моск.), ‘удод’ (томск.), *бережной петушок* ‘стриж’ (арх.), *кочет* ‘фазан’ (терск.) — *Huhn* ‘курица’, *Hahn* ‘петух’: *Rebhunli* ‘серая куропатка’ (б. п.), *Shildhahn* ‘тетерев’ (австр.), *das Kirchenhunli* ‘сыч домовый’ (б. п.), *Holtzhun* ‘черный дятел’ (б. п.), *Weld mierhong* ‘большая дрофа’ (люксемб.), *Wasserhunle* ‘бекас обыкновенный’ (б. п.), *Kothahn* ‘удод’ (страсб.). Реже в данной функции выступают орнитонимы *утка, индейка*: *зимняя утка* ‘тетерев’ (арх.), *лесная индейка* ‘глухарь’ (брян.).

Для наименования птиц с необычным внешним видом, ярким внешним признаком используются названия экзотических птиц — *попугай* в русском языке: *попугай* ‘свиристель’ (б. п.), ‘удод’ (б. п.), ‘чибис’ (б. п.); *попугайчик* ‘тупик’ (б. п.), *попугайка* ‘обыкновенная каменка’ (Енисей); *Strauss* ‘страус’ в немецком языке: *Strussentli* ‘чернеть хохлатая’ (швейц.), *Straus Teucher* ‘поганка большая’, *Strussmeislin* ‘синица хохлатая’ (б. п.), *Strüssli* ‘королек’ (Берн).

Та же тенденция находит отражение и в ассоциативном словаре [СОТРС], это, например, такие реакции: *индюк* (выхухоль, кукушка); *гусь* (гага, куропатка, лунь); *птица, похожая на курицу* (глухарь, куропатка); *птица, что-то среднее между уткой, гусем и пеликаном* (гага); *птица, что-то похожее на индюка* (глухарь); *курица*; *курица, у которой припадки*; *цыплята*; *дикая курица*; *дикая курочка*; *птица наподобие курицы* (куропатка).

Тайваньские респонденты также порой сравнивали незнакомых птиц с домашними птицами. Так золотой фазан вызвал реакции *как курица*; *красная курица*; *разноцветная курица*; *курица-огонь*; *как петушок*; *красивый петушок*; бородатый барбета — *маленькая курица*; *курица*; ибис — *индейка*; *индейка с длинным клювом*; красная хохлатая турако — *зелёная курица с коротким клювом*; птица голиаф — *утка*; королевский скворец — *тупоголовая утка*.

Для наименования птиц с необычным внешним видом, с ярким внешним признаком носители разных языков используют названия экзотических птиц. Например, русские используют в этих целях орнитоним *попугай*: *попугай* ‘свиристель’, ‘удод’, ‘чибис’; *попугайчик* ‘тупик’, *попугайка* ‘обыкновенная каменка’. Этот же орнитоним использовали и тайваньские респонденты в качестве реакции на экзотических птиц с яркими внешними признаками: *попугай* (морская турако); *миниатюрный и милый попугай*; *цвет зелёный, как у попугая* (красная хохлатая турако); *попугай с петушиным гребешком* (сулавесский калао). Реже

в этих целях используется орнитоним *павлин*: *павлин* ‘горихвостка’ [СОТРС]; *павлин*; *как павлин*; *павлин распускает перья* (венценосный журавль, коронованный голубь); *жёлтый павлин*; *перья на шее, как распушенные перья павлина* (венценосный журавль); *синий павлин*; *хохолок как у павлина* (коронованный голубь) (тайваньские респонденты).

В ряде случаев участники эксперимента поднимались на крайнюю ступень обобщения и использовали родовые имена, не считая важным и актуальным давать более определенную характеристику именуемому объекту. Показательна в этом плане реакция одного из русских участников эксперимента: *Птица и птица. Так бы и назвал: птица* [Голев, Сологуб, 1990]. Особенно ярко тенденция использования родового имени обозначилась в ассоциативных словарях: во всех словарных статьях с названиями птиц присутствует ассоциация *птица*, в подавляющем большинстве случаев она является наиболее продуктивной. Например, в СОТРС 32 % (32 из 100) и в РАС 19 % (21 из 109) ассоциатов орнитонима *воробей* — это родовое имя *птица*, *птичка*. Для орнитонимов *галка* и *дятел* процент употребления родовых имен в качестве ассоциатов составляет соответственно 44 % (СОТРС) — 20 % (РАС) и 27 % (СОТРС) — 17 % (РАС). Также довольно часто родовое имя используется и при толковании лексического значения: *птица или лягушка, не помню точно* ‘кряква’; *птица, возможно, редкая*; *птица (точнее описать не могу)*; *птица, может быть* ‘ибис’; *птичка?*; *птичка (вроде птичка)* ‘иволга’. Подобные реакции присутствуют и в ответах тайваньских респондентов: *птица* (морская турако); *тип птиц* (сиреневогрудая сизоворонка); *плавающая птица* (алый ибис, птица голиаф, ибис); *птица из тропиков* (королевский скворец, бородатый барбета)[3].

Тайваньские респонденты, помимо того, использовали определения самого общего характера, не желая тратить усилия на выражение каких-либо отличительных признаков птицы: *странная* (сулавесский калао, птица-носорог, птица тукан), *странная птица* (птица тукан, королевский скворец, ибис), *обычная* (птица голиаф); *простая и без всяких украшений, интенсивная* (птица-носорог), *китайская традиционная* (золотой фазан); *необычные цвет и порода* (коронованный голубь); *птица, которая выглядит необычной* (сулавесский калао). В ответах русских респондентов роль таких определений выполняют неопределенные местоимения: *какая-нибудь птичка*; *птица какая-то* ‘ибис’ [СОТРС].

Таким образом, не желая тратить усилий, не считая актуальным, важным создание отличительного названия птицы, субъекты номинативной деятельности использовали для номинации самые общие названия: это названия домашних птиц, распространенных экзотических птиц, родовые названия, прилагательные с обобщенной семантикой, местоимения. Подобного рода

[3] Доминирование одной и той же тенденции в ономасиологической и семасиологической деятельности (речемыслительной и языкотворческой, по Л. Н. Засориной [Засорина, с. 9]) дает основание для вывода об их корреляции.

номинации используются во всех рассматриваемых языках, следовательно, данную тенденцию можно считать универсальной.

Показателем продуктивности данной тенденции явились данные ассоциативных словарей, содержащие результаты ассоциативных экспериментов. Наибольший процент ассоциатов к орнитонимам приходится на родовое имя *птица*, оно же наиболее частотно при толковании значения слова-бионима.

Заключение

Итак, проведенное исследование одной из ведущих стратегий номинативной деятельности носителей разных языков в сфере естественной номинации — уклонения от креативности в номинативной деятельности, как и анализ другой номинативной стратегии — реализации единых механизмов номинативной деятельности [см.: Голев, Сологуб, 2017], — позволяют сделать вывод о более сильном проявлении универсальных тенденций в номинативном процессе, чем это обычно представляется в ономасиологической литературе с сопоставительным содержанием. Особенно ярко это проявляется в актах отказа от создания нового наименования и в опоре на уже сложившуюся «сетку» наименований, «вписывании» именуемого объекта в эту «сетку» (использование отождествляющих номинаций): носители разных языков нередко используют для отождествления одни и те же виды птиц, характер отождествления принципиально не различается. В не меньшей степени отказ от креативного начала и возрастание удельного веса универсальных тенденций наблюдаются в актах использования слов широкой семантики: наименований домашних птиц, экзотических птиц с яркими внешними признаками, родовых имен, широких определений. В ряде случаев уклонение от креативности в номинативной деятельности находило свое крайнее выражение: носители отказывались от номинации, считая это неактуальным для своей практической (в том числе и коммуникативной) деятельности.

Заявленная нами проблема соотношения двух тенденций сложна и многогранна. Основные наши выводы касаются проявления универсальных тенденций. Акцентированное рассмотрение национально-специфического плана номинации предполагает постановку отдельной самостоятельной задачи и системный подход к ее решению. Возможно, что реализация такой задачи потребует привлечения данных разных (особенно в типологическом отношении) языков, различных функциональных сфер имен, расширения экспериментальных данных.

Источники

РАС — Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1 : От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М. : АСТ-Астрель, 2002.

Савенко А. С. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: орнитонимы. М. : URSS, 2012.

СОТРС — Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы : в 2 т. Т. 1 : А — М (АБРИКОС — МУРАВЕЙ) / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово : Изд-во Кем. ун-та, 2011.

Suolahti H. Die deutschen Vogelnamen. Eine wortgeschichtliche Untersuchung. Strassburg, 1909.

Исследования

Голев Н. Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны // Русские говоры Сибири / ред. В В. Палагина. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1981. С. 17–28.

Голев Н. Д., Сологуб О. П. Антиномический анализ тенденций к универсальному и национально-специфическому в номинации (на примере обозначений птиц в разных языках) // В созвездии слов и имен : сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут / редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.), Т. Н. Дмитриева, Н. В. Кабинина и др. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 274–292.

Голев Н. Д., Сологуб О. П. Соотношение известного и нового в процессе естественной номинации (на материале народной лексики природы и лингвистического эксперимента в с. Мельникове, Шегарского р-на Томской области) // Русские старожильческие говоры Сибири / отв. ред. В. В. Палагина. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1990. С. 3–11.

Засорина Л. Н. О некоторых эмпирических принципах металингвистики // Вопросы металингвистики / отв. ред. Л. Н. Засорина. Л. : Изд-во ЛГУ, 1973. С. 5–26.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973.

Сокращения в названиях говоров

австр. — австрийские говоры немецкого языка
альтм. — альтмаркские говоры немецкого языка
арх. — архангельские говоры русского языка
б. п. — без помет
бар. — барийские говоры немецкого языка
брян. — брянские говоры русского языка
вестф. — вестфальские говоры немецкого языка
волог. — вологодские говоры русского языка
иркут. — иркутские говоры русского языка
каз. — казанские говоры русского языка
калуж. — калужские говоры русского языка
люксемб. — люксембургские говоры немецкого языка
моск. — московские говоры русского языка
мюнст. — мюнстерские говоры немецкого языка
новг. — новгородские говоры русского языка
олон. — олонецкие говоры русского языка
повол. — поволжские говоры русского языка
повс. — повсеместно
прусск. — прусские говоры немецкого языка
пфальц. — пфальцские говоры немецкого языка
ряз. — рязанские говоры русского языка
сакс. — саксонские говоры немецкого языка
сиб. — сибирские говоры русского языка
силез. — силезские говоры немецкого языка
страсб. — страсбургские говоры немецкого языка
терск. — терские говоры русского языка
томск. — томские говоры русского языка
швейц. — швейцарские говоры немецкого языка
штайерм. — штайермаркские говоры немецкого языка
яросл. — ярославские говоры русского языка

Статья поступила в редакцию 27.06.2017

Голев Николай Данилович
доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка,
Кемеровский государственный университет
650043, Кемерово, ул. Красная, 6
E-mail: ngolevd@mail.ru

Сологуб Ольга Павловна
доктор филологических наук, доцент факультета иностранных языков и литератур,
Тайваньский национальный университет
10617, Taiwan, Taipei, Roosevelt Rd., No. 1, Sec. 4
E-mail: olsolpa@mail.ru

Golev, Nikolay Danilovich
Dr. Hab. (Philology), Professor
Chair of the Russian Language
Kemerovo State University
6, Krasnaya Str., 650043 Kemerovo, Russia
Email: ngolevd@mail.ru

Sologub, Olga Pavlovna
Dr. Hab. (Philology), Associate Professor
Department of Foreign Languages and Literatures
National Taiwan University
No. 1, Sec. 4, Roosevelt Rd., 10617 Taipei, Taiwan
Email: olsolpa@mail.ru

ON THE ROLE OF CREATIVITY IN NOMINATION ACTS (with Reference to Designations of Birds in Different Languages)

This article continues the research of nominative mechanisms in different languages from the antinomic perspective in the conditions of natural nomination. As previously, the subject-matter of the analysis is the antinomy "national-specific — universal" in its relationship with the categories "personal — impersonal", "creative — uncreative", etc. The work aims to identify the relationship of the above categories, estimating their share in acts of nomination, and provide a more complete, and more objective description of the nominative process.

The said aspects of spontaneous nominative activity manifesting themselves in the resulting products created by native speakers of different languages (Russian, German, Chinese) are considered in the work from the perspective of non-creative trends of such activity. It should be noted that emphasis is made on the analysis of various occurrences of deviation from strong forms of fixation of the specific character of the designated object by the subjects of nomination.

The linguistic analysis is largely based on common ornithonyms that are part of nominative systems of the Russian and German languages, occasional names obtained in the course of experimental research in multilingual audiences; associative experimental data represented in the "Dictionary of Non-scholarly Interpretations of Russian Words" are also referred to for the analysis.

The authors conclude that universal trends dominate in the nominative activity of the average native speakers of different languages.

K e y w o r d s: nomination; motivation; national specific; universal; occasional; usual; personal; non-personal; creative; non-creative.

Acknowledgements
The work is sponsored by the *Russian Foundation for Humanities*, project 15-04-00311 "Linguistic-cognitive Analysis of Conflicts in the Field of Everyday Political Communications".

Golev, N. D. (1981). O nekotoryh obschih osobennostjah principov nominatsii v dialektnoi leksike floryi i faunyi [On Some General Features of Nomination Principles in Dialectal Vocabulary of Flora and Fauna]. In V. V. Palagina (Ed.), *Russkie govory Sibiri* [Russian Dialects of Siberia] (pp. 17–28). Tomsk: Tomsk University Press. (In Russian)

Golev, N. D., & Sologub, O. P. (1990). Sootnoshenie izvestnogo i novogo v processe jestestvennoy nominatsii (na materiale narodnoy leksiki prirodyi i lingvisticheskogo eksperimenta v s. Mel'nikove, Shefarskogo r-na Tomskoy oblasti) [The Correlation of the Known and the New in the Process of Natural Nomination (With Reference to the Popular Vocabulary of Nature and Linguistic Experiment in the Village of Melnikovo of Shegarsky District of Tomsk Region)]. In V. V. Palagina (Ed.), *Russkie starozhil'cheskie govory Sibiri* [Russian Old-Residents' Dialects of Siberia] (pp. 3–11). Tomsk: Tomsk University Press. (In Russian)

Golev, N. D., & Sologub, O. P. (2017). Antinomicheskiy analys tendencij k universalnomu i nationalno-specificheskomu v nominatsii (na primere oboznachenij ptits v raznyh yazyikah) [An Antinomic Analysis of Trends towards Universal and Nationally Specific Patterns in Naming (Based on Designations of Birds in Different Languages)]. In E. L. Berezovich, T. N. Dmitrieva, N. V. Kabinina et al. (Eds.), *V sozvezdii slov i imen: sbornik nauchnyh statej k jubileiu Marii Eduardovny Rut* [In Constellation of Words and Names: Collection of Scholarly Papers for the Birthday of Maria Eduardovna Rut] (pp. 274–292). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Superanskaya, A. V. (1973). *Obschaja teorija imeni sobstvennogo* [General Theory of the Proper Name]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Zasorina, L. N. (1973). O nekotoryh empiricheskih principah metalingvistiki [On Some Empirical Principles of Metalinguistics]. In L. N. Zasorina (Ed.), *Voprosy metalingvistiki* [Metalinguistic Issues] (pp. 5–26). Leningrad: Leningrad University Press. (In Russian)

Received on 27 June, 2017

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.054
УДК 821.161.1-1 Каменский +
+ 7.037.3 + 159.943

С. А. Казакова
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

ТУРНЕ ВАСИЛИЯ КАМЕНСКОГО ПО КАВКАЗУ: К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОМ ПОВЕДЕНИИ

Статья посвящена рекламной и саморекламной деятельности футуриста Василия Каменского в Грузии в период с 1910 по 1920-е гг. В работе рассматриваются методы самопродвижения авангардиста на примере его лекций, художественных акций, поэтических выступлений во время гастролей. Также приводятся критические отзывы, отражающие взгляд провинциальной прессы на рекламную тактику Василия Каменского и других футуристов. В статье дается анализ творческого поведения Каменского, нацеленного на формирование собственной литературной репутации, и творческих стратегий, которые должны были закрепить за автором статус новатора-футуриста. Стиль саморепрезентации поэта, гиперболизированный, нарочито дерзкий и откровенный, имеет сходство с цирковыми и театральными приемами, площадным искусством слова, а его бойкая и задорная самореклама напоминает цирковые афиши. Также Каменский испытал влияние рекламных методов своих соратников по футуризму, чье сценическое поведение ориентировалось на скандал, эпатаж, провокацию. Основные черты, характеризующие манеру самопродвижения Каменского, выявляются на примере текстов афиш, листовок, тезисов лекций и саморекламных изданий. Таким образом, самопродвижение Каменского в Грузии можно назвать успешным, поскольку ему удалось остаться в сознании массового читателя футуристом, ниспровергателем старого искусства, авангардистом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: реклама; самореклама; литературная репутация; Грузия; самопродвижение; саморепрезентация; футуризм.

© Казакова С. А. , 2017

Василий Каменский известен как поэт-футурист, авиатор, художник, актер, новатор в области дизайна и типографии. Будучи разносторонним человеком, мастером жизнетворчества, он занимался поисками во многих областях искусства, синтезируя живопись и поэзию, театр и цирк. Разным аспектам деятельности Василия Каменского посвящены работы В. Абашева, З. Антипиной, Ю. Герчука, С. Гинца, Г. Импости, А. Крусанова, В. Маркова, Ю. Молока, Т. Никольской, М. Полякова, Н. Степанова, А. Стригалева и др. Данное исследование касается темы, связанной с творческой и саморекламной активностью Василия Каменского в Грузии, куда поэт часто приезжал с гастролями и к которой был особенно привязан.

Колоритная атмосфера этого свободного места привлекала людей, увлеченных театром и литературой. В первые десятилетия XX в. Грузия стала центром творческого эксперимента, интеллектуальной и культурной жизни: «В 1917–1921 годах столица Грузии превратилась в своеобразный культурный оазис. Культурные очаги создавались в годы гражданской войны и в других южных городах. Но в отличие от Юга России и Украины, где власти постоянно менялись, в Грузии существовала относительная стабильность, способствовавшая притоку творческой интеллигенции и расцвету всех искусств» [Никольская, с. 5]. В годы триумфа русского футуризма авангардисты активно пропагандировали свое творчество в провинции, левые поэты и художники гастролировали по городам Российской империи и стремились познакомить местную аудиторию с современным искусством. Независимая обстановка в Грузии как нельзя лучше подходила для демонстрации смелых идей футуристов.

У Каменского был богатый опыт путешествий еще со времен театральной карьеры, когда он выступал под псевдонимом Васильковский в труппе Помпы-Лирского, а также поездок в Турцию и Персию и гастролей с другими футуристами. Поэт называл себя «перелетной птицей» и описывал свою страсть к постоянным разъездам в главе «Крылья» «Его-Моей Биографии Великого Футуриста»:

> Эй Ты разудалая отчаянная головушка сокол Поэт. Куда в неведомые страны какие потянуло Тебя обиженного буднями и мелочью, непониманьем и одиночеством. <...> Забраться ли в горы — в татарский аул поохотиться на диких коз. Может быть сесть на корабль и укатить в Ялту — утешиться на качелях змеино-ветвистой араукарии. Али кинуться в раздолье волжское, бурлацкое широченное, размашное. И гармонью русскую взять с собой [Каменский, 1918, с. 208–209].

Знакомство Василия Каменского с Грузией произошло еще в 1910 г. вскоре после женитьбы на Августе Юговой. В это время он впервые побывал в Тифлисе и написал первую книгу «Землянка» (1910):

> Тифлис. Здесь Василий целые дни пропадал в духанах на персидском базаре и там накупил много редких старинных вещей, персидской и кавказской и индейской древностей. Кувшины, вышивки, кальяны, оружие, четки, платки, ковры заняли два

сундука — вот эта покупка впоследствии положила основанье музею на Каменке — где собраны с любовью всяческие редкости [Каменский, 1918, с. 104].

После поэт вернулся сюда уже во время турне кубофутуристов вместе с Маяковским и Бурлюком в 1914 г. 23 марта гастролеры прибыли в Тифлис и остановились в Гранд-отеле. Одним из способов самопродвижения будетлян были рекламные прогулки по городу, которые шокировали неискушенную публику. Вот как отзывался об этом «Тифлисский листок»:

Во вторник <25 марта 1914> на Головинском проспекте толпа зевак, состоявшая, главным образом, из подростков, сопровождала трех субъектов в странном одеянии. Один господин был в желтой кофте, на голове другого красовался какой-то странный убор, у третьего была раскрашена физиономия. «Цирк приехал, — говорили в толпе. — Клоуны ходят по улице для рекламы». В толпе, конечно, не знали, что странно одетые люди — футуристы [<Б. п.>, с. 3].

За этой провокацией последовало экстравагантное выступление в Тифлисском казенном театре 27 марта. Футуристы читали доклады и стихи, прославляя и самовозвеличивая себя:

— Мы пророки! — объявил футурист Каменский. <...> И дополнил свое оповещение щедрой раздачей своим товарищам эпитетов: великий, знаменитый, славный, гениальный. <...> Три «пророка» в шутовских нарядах при поднятии занавеса сидели за длинным столом. В середине — Маяковский в желтой кофте, по одну сторону — Каменский в черном плаще с блестящими звездами, по другую — Бурлюк в грязно-розовом сюртуке [Летописец, с. 4].

Футуристы демонстративно пили чай с лимоном, Маяковский периодически звонил в колокол, чтобы призвать слушателей к тишине, лекторы объясняли публике, что они раскрашивают лица и носят разноцветные костюмы в знак протеста против старого искусства. Каменский аттестовал себя «авиатором, скотопромышленником и футуристом» и читал стихотворения из книги «Танго с коровами» (1914).

Самореклама футуристов характеризовалась установкой на скандальное, хулиганское, нарочито вызывающее поведение. Реакция публики и прессы на эпатажные акции футуристов была резкой, журналисты отвечали язвительными рецензиями, часть которых была опубликована будетлянами в «Позорном столбе российской критики». Рекламные методы футуристов были тщательно продуманы, программа выступлений и поведение на сцене предварительно обсуждались участниками для того, чтобы вызвать более сильный резонанс.

В следующий раз Василий Каменский посетил Грузию во время совместного турне с Владимиром Гольцшмидтом в 1916–1917 гг., когда они объездили с лекциями и поэтическими чтениями Тифлис, Батум, Кутаис и другие города. 8 сентября 1916 г. состоялся вечер Каменского и Гольцшмидта «Вот как надо жить в Тифлисе (о бодрости до конца)» в театре Артистического общества. «Закавказская речь» осветила это выступление так:

> Каменский читал о необходимости красоты и бодрости в жизни, о необходимости более тесного слияния с природой, где человеку дано вовсе не быть только «булыжником на человеческой мостовой», рабом вещей, «медленно умирающим в рассрочку». Г-н Гольцшмидт читал о необходимости более здоровой и гигиенической жизни, призывал дать телу больше свободы и простоты и не заковывать его в «воротниках испанской инквизиции» [Камский, с. 3].

В этот же приезд футурист поселился на Кипиановской, стал изучать грузинский, работать над новой книгой стихов «Девушки Босиком» (1916). Вскоре Каменский сблизился с артистами Цирка братьев Есиковских и получил от директора предложение выступить в качестве именитого гостя. Поэт заключил контракт на семь концертов, которые состоялись 19–25 октября 1916 г. Каменский декламировал стихотворения в костюме Стеньки Разина, разъезжая верхом на коне, и произносил речь о поэзии цирка.

Известно, что 21 января 1917 г. Каменский выступил в Тифлисе с лекцией «Поэзия цирка — Поэзия улицы — Поэзия спорта» в Музыкальном училище. Тезисы лекции, как свидетельствуют газеты, были следующими:

> От цирка Рима до цирка сегодня. Цирковая толпа. Любовь к круглой арене. Яркость. Ловкость. Быстрота. Риск. Цирковые артисты. Цирк будущего. Улица. Публика. Спорт [Тифлисский листок, с. 1].

В годы революции и Гражданской войны Грузия превратилась в один из главных центров русского авангарда. Каменский прибыл в «солнцедатный» Тифлис в апреле 1919 г., однако обстоятельства приезда поэта в Грузию были необычны. В одной из автобиографий он вспоминает, что в феврале-марте 1919 г., «выступая в качестве культработника в Южной Красной Армии, попал к белым и был как “страшный большевик” засажен в белогвардейскую тюрьму в Ялте» [Каменский, 1926, с. 9]. Он был случайно принят за известного агитатора с той же фамилией, который должен был прибыть из Москвы. Когда ошибка стала очевидна, Каменского освободили с условием, что он покинет Крым.

Сохранилось сравнительно много свидетельств о пребывании поэта в Тифлисе в 1919 г. В мае состоялось успешное выступление в зале Артистического общества, на котором Каменский прочитал лекцию «Встречальности, звучальности, венчальности» и свои новые стихотворения, исполнявшиеся под музыку композитора А. Черепнина. За декорацию зала взялся С. Судейкин. В рецензии на этот вечер было написано, что Каменский «произносил нелепые слова вроде “цуваммы”» и «самым откровенно-циничным образом заявил (конечно, в поэтическом размере), что ему 33 года, что он хочет жить, любить женщин и вино и что, благодаря его энергии, ему удалось собрать целый зрительный зал» [Джорджадзе, с. 4]. По этому замечанию становится ясно, что Каменский читал отрывки своей поэмы «Цувамма», изданной в 1920 г. отдельной книгой [Каменский, 1920]. После она была перепечатана в рекламном «Моем журнале Василия Каменского» (1922) и в первом номере альманаха «Библиотека поэтов» (1922). В поэме описана волшебная страна Цувамма — «остров рубинных

расцветов» и «солнцетканных поэтов», гости из которой говорят на «цувамском» заумном языке.

Особая связь была у Каменского и с другим городом на Кавказе — Сухумом. Каменский часто и подолгу жил в Генуэзском переулке, о котором есть упоминание в стихотворении «Прибой в Сухуме» (1923):

...Берег — дом в Генуэзском.
Море — воздух — вино.
Будто память о детском.
Здесь живет Евреинов.
[Каменский, 1966, с. 124–125]

Культурная жизнь в Сухуме была очень насыщенной. В городе действовали сообщества «Художественное содружество» и «САО» («Сухумское артистическое общество»), куда, кроме Каменского, входили Шервашидзе (Чачба), поэт Виктор Стражев, актриса Наталья Бутковская. В 1920 г. поэт жил со своим близким другом Н. Н. Евреиновым в Сухуме, где написал пьесу «Паровозная обедня», которая шла в рабочих театрах Саратова и Баку.

В это время поэт активно выступал на публике, читал лекции и занимался саморекламой. 16 марта 1920 г. в сухумском театре «Алоизи» состоялась «единственная весенняя гастроль». Каменский аттестовал себя «главарем футуристов» и прочел две лекции. Одна из них называлась «Как надо жить в Сухуме (солнечные экспрессы жизнетворчества)». С вариантами этой лекции Каменский выступал во время турне 1916–1917 гг., всё время меняя ее название в зависимости от города: «Вот как надо жить в Крыму», «Вот как надо жить в Перми на Каме», «Вот как надо жить на Кавказе на водах», «Вот как надо жить в Харькове, счастье свободных (Творческие радости жизни)» и т. п. Другая лекция именовалась «Что такое футуризм (поэзия, музыка, театр, живопись)».

Каменский приурочил к этому выступлению дерзкий рекламный номер «Однодневной газеты Василия Каменского» (1920). Она вышла под девизом «Искусство спасет мир» и была целиком посвящена поэту. Газету снабдили «Передовой», в которой была заявлена жизнетворческая программа издания:

> Справедливо принято думать, что самое скучное на свете — это передовая статья любой газеты, обычно похожая на слегка поскрипывающую деревянную ногу изящной молодой дамы. Черт с ней — с этой деревянной ногой... Просто будем верить в сногсшибательный расцвет всех гениальных возможностей и невозможностей. Пусть солнцевеющая воля каждого из нас окрылит наши измызганные в борьбе души до сотворческого отдыха на пляже новой жизни. Барманзай. Все забавно, пока талантливо. Все талантливо, пока мудро и неожиданно. Счастливая рука судьбы не устает трепать кудри морского прибоя. Жизнь — всегда весна. И веснеянки на берегу ткут с<в>ет Чуда [Однодневная газета Василия Каменского, с. 1].

В газете было опубликовано стихотворение «Тост», воспевающее радость жизни, и отрывок из поэмы «Цувамма». Также был повторно воспроизведен

фрагмент речи Евреинова о Каменском, ранее опубликованной в специальном номере газеты «Искусство» [Искусство], выпущенной в Тифлисе к десятилетию литературной деятельности Василия Каменского. Тон речи «О Василье Каменском» был восторженный:

> ...Я не знаю другого поэта, от которого так разило бы юностью с ее улыбками, хохотом, прыжками, непосредственным подходом к труднейшим проблемам жизни, бесшабашностью, голубоглазием веры и песнями, песнями, песнями!.. [Однодневная газета Василия Каменского, с. 1].

Статья «К выступлению Поэта Василия Каменского» Бориса Корнеева, опубликованная в «Однодневной газете», тоже воспевала гений его друга. Помимо сообщения о «весеннем выступлении Поэта», в специальном разделе «Хроника» Каменский предсказывает, как будут развиваться события на его творческом вечере:

> Н. Н. Евреинов — этот великий гость будет на лекции Вас. Каменского в ложе № 10. Население Сухума — разместится уютно и беззаботно в театре «Алоизи» в день присутствия Н. Н. Евреинова на лекции Вас. Каменского 16 марта. Г. Г. Айолло — не совсем верующий в футуризм, впервые уверует в его солнцеющие крылья также 16 марта. Редакция «Наше Слово» — нежно встретившая Поэта, не пожалеет чернильных ладош для звучальных приветов... Правление «САО» — намерено всерьез прослушать декреты Поэта Каменского с Парохода Современности. Труппа «САО» — в полном составе будет ароматно улыбаться оратору, когда дело дойдет до футуро-сверхтеатра. Артисты Цирка Гамкрелидзе — являясь яркими друзьями Поэта — будут урывать моменты до и после своих талантливых номеров, чтобы услышать товарища. Стенька Разин — эта нашумевшая пьеса Вас. Каменского — в отрывках-стихах будет исполнена автором. Подношения и депутации — желательны, но не обязательны [Там же].

Через неделю после этого выступления (22 марта) в театре «Алоизи» состоялся торжественный вечер, посвященный «Поэзии и театру». Евреинов выступил с лекцией «Театр будущего (от кинемо до радиотеатра)», а Каменский декламировал новые стихи и свою излюбленную поэму «Сердце Народное — Стенька Разин», которую публика встречала с восторгом. Чтение сопровождалось «разбойничьим» свистом. А 7 апреля новое объявление приглашало жителей Сухума на лекцию Каменского о литературе:

> Приходите в гости ко мне в театр, и Я — поэт Василий Каменский в ярких и волнующе-острых красках расскажу вам истинные впечатления — как живут и работают Мастера Искусства (мои личные с ними встречи, приключения, переживания, творческая работа, веселый отдых). В великом хороводе знаменитых личностей перед вами промелькнет живая панорама расцветающего искусства и вы узнаете о жизни в домашнем семейном кругу ваших учителей и любимых творцов. Это будут Мастера: Репин, Шаляпин, Горький, Станиславский, Куприн, Андреев, Скрябин, Качалов, Рахманинов, Дункан, Евреинов, Маяковский, Д. Бурлюк, Прокофьев, Мейерхольд, Комиссаржевская, Блок, Северянин, Маринетти [Лакоба, с. 76–77].

Одним из последних выступлений Каменского в Сухуме в 1920 г. было музыкальное шоу «Кабаре монстр», состоявшееся 24 июня в зале кинематографа. Публику развлекали балетом, музыкой, романсами, импровизацией, танцами, куплетами, рассказами и цирковыми аттракционами. Каменский читал стихи, рассказы, танцевал и рекламировал программу Евреинова «Музыкальные гримасы». В июле Евреинов и Каменский уехали из Сухума.

Весной 1922 г. Каменский снова побывал в Сухуме. Здесь были написаны стихотворения «Жонглер» и «Прибой в Сухуме», опубликованные впоследствии Маяковским в журнале «Леф» (1923, № 1). В этих фонологических, экспериментальных вещах поэт проявляет себя как новатор, словотворец, исследующий языковую игру зауми и звукописи. В Сухуме Каменский по-прежнему выступал в местном цирке и читал стихи. Так, 18 апреля 1922 г. состоялись детский праздник с катанием на лошадях, в котором участвовали «все клоуны, рыжие, комики, наездники и японцы», и выступление «гордости, красы и корифея русских футуристов Василия Каменского» [Лакоба, с. 90]. Кроме того, он устраивал театрализованные представления, например, разыгрывал сцены из «Стеньки Разина». В местном театре даже решились поставить пьесу Каменского «Гений случая» из негритянской жизни.

Подводя итоги, стоит сказать о том, что самопродвижение Каменского в Грузии оказалось весьма эффективным благодаря бойкой балаганной саморекламе. Методы футуриста по привлечению внимания к своей творческой жизни схожи с цирковыми и театральными приемами. Неумеренное самопрославление, экзальтированная риторика, гиперболизация — неотъемлемые черты саморепрезентации Каменского. Футурист, так высоко ценивший искусство цирка, словно уподоблял себя человеку, зазывающему зрителей на представление. А. В. Крусанов предположил, что поэт выступал в качестве «балаганного зазывалы» [Крусанов, с. 850]. Кричащие афиши, задорная, веселая самореклама листовок и газет, приуроченных к выступлениям поэта, схожи с броскими цирковыми афишами. Гастроли в Грузии, как и выступления в других городах, должны были закрепить за Каменским статус звезды, «знаменитого поэта России» и «главаря футуристов», привлечь внимание к его художественным акциям. Многочисленные лекции, выступления, гастроли позволили Каменскому выработать самобытный стиль саморепрезентациии и сформировать литературную репутацию футуриста-новатора.

Источники

<Б. п.> Футуристы // Тифлисский листок. 1914. № 70. 27 марта. С. 3.

Джорджадзе В. О большевизме в искусстве (Вечер В. Каменского) // Грузия. Тифлис, 1919. № 106. 17 мая. С. 4.

Искусство. 1919. <№ 1>. 25 авг.

Каменский В. В. Его-Моя биография Великого Футуриста. М. : Китоврас, 1918.

Каменский В. Цувамма: Поэма. Тифлис : Куранты, 1920.
Каменский В. В. Автобиография <1926> // РГАЛИ. Ф. 1497. Оп. 2. Д. 6. Л. 9.
Каменский В. В. Стихотворения и поэмы. М. ; Л. : Сов. писатель, 1966.
Камский Я. И. На вечере футуристов // Закавказская речь (Тифлис). 1916. № 203. 10 сентября. С. 3.
Летописец. По житейскому морю // Тифлисский листок. 1914. № 73. 30 марта. С. 4.
Однодневная газета Василия Каменского. Сухум. 1920. 16 марта.
Тифлисский листок. 1917. № 17. 21 января. С. 1.

Исследования

Крусанов А. В. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор). Т. 2. Кн. 2. М. : Новое лит. обозрение, 2010.
Лакоба С. З. «Крылились дни в Сухум-кале...». Сухум : Абгосиздат, 2011.
Никольская Т. Л. Фантастический город: русская культурная жизнь в Тбилиси 1917–1921. М. : Пятая страна, 2000.

Статья поступила в редакцию 23.03.2017

Казакова Светлана Алексеевна
аспирант кафедры литературно-художественной критики и публицистики
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
125009, Москва, ул. Моховая, 9
E-mail: lettertosvetlana@gmail.com

Kazakova, Svetlana Alekseyevna
Postgraduate Student,
Chair of Literary Criticism
Lomonosov Moscow State University
9, Mokhovaya Str., 125009 Moscow, Russia
Email: lettertosvetlana@gmail.com

VASILY KAMENSKY'S TOUR OF GEORGIA: ON ARTISTIC BEHAVIOUR

This article analyses promotional and self-promotional activities of futurist Vasily Kamensky in Georgia between 1910 and 1920 with reference to his lectures, artistic performances, and poetry recitations during his tours. The article also presents critical reviews, which reflect the views of the provincial press on the advertising tactics of Vasily Kamensky and other futurists. The author describes the basic techniques Kamensky employed to form his own literary reputation and creative strategies that were supposed to secure the status of a futurist and innovator for him. The style of the self-representation of the poet, which is hyperbolised, deliberately bold and frank, resembles circus and theatre techniques, vulgar art, and his lively and playful self-promotion reminds of circus posters. Kamensky was influenced by the advertising techniques of his futurist peers, whose stage behaviour was scandal-oriented, shocking, and provocative. The main features that characterise Kamensky's style of self-promotion are identified with reference to the texts of posters, leaflets, lectures, abstracts, and self-advertising publications. Thus, Kamensky's self-promotion in Georgia can be called successful because he managed to stay in the mind of the general reader as a futurist, overthrowing old art, and an avant-gardist.

K e y w o r d s: advertising; self-advertising; literary reputation; Georgia; self-promotion; self-representation; futurism.

Krusanov, A. V. (2010). *Russkiy avangard: 1907–1932 (Istoricheskiy obzor)* [Russian Avant-Garde: 1907–1932 (Historical Review)] (Vol. 2, Book 2). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russian)

Lakoba, S. Z. (2011). *'Krylilis dni v Sukhum-kale...'* [The Days in Sukhum-Kale]. Sukhum: Abgosizdat. (In Russian)

Nikolskaya, T. L. (2000). *Fantasticheskiy gorod: russkaya kulturnaya zhizn v Tbilisi 1917–1921* [Fantastic City: Russian Cultural Life in Tbilisi 1917–1921]. Moscow: Pyataya strana. (In Russian)

Received on 23 March, 2017

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.055
УДК 821.161.1-312.6 Вадим Андреев +
+ 316.356.4 + 82.091

О. А. Дашевская
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Томск, Россия

РУССКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ПРОЗЕ ВАДИМА АНДРЕЕВА: ОТ «ПОВЕСТИ ОБ ОТЦЕ» К «ДИКОМУ ПОЛЮ»

Творчество Вадима Леонидовича Андреева (1902–1976) рассматривается в рамках ключевой для писателя интенции — сохранения национальной идентичности. Используется методика имманентного, историко-генетического, сравнительно-типологического анализа. В прозе Вадима Андреева актуализируется проблематика русской литературы, ее идеи и мотивы. Цель статьи — показать своеобразие реализации «русских» тем в трех произведениях писателя и выявить эволюцию форм воплощения заявленной проблематики. Выдвигается предположение о том, что «Повесть об отце», «Историю одного путешествия» и «Дикое поле» можно рассматривать как автобиографическую трилогию. В «Повести об отце» (1962) представлены доминанты национального сознания: «болезнь Россией» определяет «психоментальность» автобиографического персонажа. В повести «История одного путешествия» (1966) и в романе «Дикое поле» (1965) на первый план выходит идея милосердия и ставится проблема права на насилие, даже в ситуации войн и революций. В «Диком поле» она решается в рамках национальной традиции и в контексте идей Ф. Достоевского. Повесть «История одного путешествия» рассматривается в контексте литературы младоэмигрантов (в частности, она сопоставляется с романом Г. Газданова «Вечер у Клэр»). С другой стороны, показана ее корреляция с произведениями литературы метрополии: наиболее близким ей оказывается роман М. Булгакова «Белая гвардия». Утверждается, что мировоззренческая парадигма прозы В. Андреева восходит к содержательным идеям русской литературы XIX в. и разворачивание собственного культурного логоса осуществляется им в рамках национальной гуманистической традиции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Вадим Андреев; русские темы; проза младоэмигрантов; национальная идентичность; автобиографическая трилогия.

Как поэт и прозаик, Вадим Андреев (1902–1976), сын Леонида Андреева, сформировался в Европе. Наследие В. Андреева критиками и литературоведами в основном рассматривается в контексте литературы русской эмиграции первой волны [Струве; Дарк; Матвеева]. В самоопределении младоэмигрантов, оказавшихся в начале 1920-х гг. в Западной Европе, В. Андреев выбирает путь сохранения национальной и культурной идентичности в границах не только русского языка, но и констант мирообраза.

Эмиграция обострила национальную саморефлексию В. Андреева, оценку роли России. Общая духовная коллизия младоэмигрантов первой волны у В. Андреева обрела более глубокое выражение, поскольку связь с русской

© Дашевская О. А., 2017

культурой обострялась собственной литературной родословной. Чувство связанности с Россией у В. Андреева с годами не проходило, а усиливалось: «Чем дольше я жил за границей, тем беспредельней становилась моя “русскость”, тем беззаветней я лелеял русский язык, оставаясь глухим к тому, на каком языке говорили вокруг меня» [Андреев, 1974, с. 329]. В рамках этой статьи существенно подчеркнуть многолетнюю внутреннюю установку писателя на возвращение в Россию, которая сохранялась до конца 1950-х гг. Дети Вадима Андреева — Ольга Андреева-Карлайл и Александр Андреев — в интервью и публикациях указывают на разные причины «рвения» отца в Россию. Так, Александр Андреев считал, что любовь к России у В. Андреева была заложена «в перфокарте чувств»; он подчеркивает, что его отец идеализировал Россию, в семье царили «социалистические», «антибелые» настроения. По воспоминаниям сына, его отец, «мистически любя родной язык, родную литературу <...>часто повторял, что если хорошо овладеет французским, или, скажем, английским, то этим он засорит свой русский язык»; он считал «писательским призванием сохранять чистоту своего орудия производства» [Андреев, 1992, с. 37–38].

Проза Вадима Андреева — особая часть его наследия. Она издается в России с начала 1960-х гг.: «Повесть об отце» (1962; 1966), «Дикое поле» (1967), «История одного путешествия» (1974). Проза стала, с одной стороны, актом и фактом осмысления утраты, прощанием с Россией («Повесть об отце», «История одного путешествия»). С другой стороны, проза стала в определенном смысле духовным «возвращением» В. Андреева в Россию в качестве писателя.

В жанровом отношении прозу Вадима Андреева можно рассматривать как автобиографическую трилогию в рамках национальной традиции. Наиболее известны автобиографические трилогии С. Т. Аксакова («Семейная хроника», «Воспоминания», «Детские годы Багрова-внука»), Л. Н. Толстого («Детство. Отрочество. Юность») и М. Горького («Детство», «В людях», «Мои университеты»). Они представляют собой «жизнеописание» их авторов и историю их духовного взросления.

В этом же смысле можно говорить об автобиографической трилогии Андреева. Она объединяет две книги поэта: «Повесть об отце» (в первой редакции «Детство», 1938) и «Историю одного путешествия». «Повесть об отце» охватывает детство и отрочество автобиографического героя (жизнь Андреева до 17 лет); в свою очередь повесть «История одного путешествия» включает его юность (несколько лет жизни — с 1919 по 1922 г.). Однако «История одного путешествия» — это не только самостоятельная повесть, она дает название и книге, в которую входят еще два небольших произведения: «Возвращение в жизнь» (1969) и «Через 20 лет» (1974). Эти две более поздние повести, небольшие по объему, представляют жизнь героя в эмиграции. Обе они непосредственно примыкают к «Истории одного путешествия», продолжая ее в логике изображения становления повествователя.

«История одного путешествия» завершается возвращением, буквально бегством автобиографического персонажа в Турцию. В повести «Возвращение

в жизнь» он находится в русском лицее в Стамбуле, знакомится с кругом талантливой творческой молодежи, позже переезжает в Германию (с 1922 г.). Вторая повесть («Через 20 лет») рассматривает первые самостоятельные шаги субъекта сознания в поэзии, в ней ставятся проблемы творчества — рефлексируются эстетические стратегии. Таким образом, повествование в трилогии охватывает время с конца 1910-х гг. (Константинополь) — до начала 1920-х гг. (Германия) и конца 1940-х гг. (Франция). Вместе они во временной организации представляют вехи жизни автобиографического персонажа: отрочество — юность — зрелость. Автор завершил трилогию за два года до смерти.

Обратим внимание на то, что «Возвращение в жизнь» (1969) и «Через 20 лет» (1974) пишутся значительно позже, чем «История одного путешествия». Этот факт отражает стратегию автора на сознательное выстраивание жанра автобиографической трилогии. Существенное значение имеет и объем произведений: в «Истории одного путешествия» три произведения: одно из них крупное, а две другие части («Возвращение в жизнь» и «Через 20 лет») невелики по объему и их можно считать за одну. Таким образом, «Повесть об отце» и «Историю одного путешествия» (с двумя включенными в нее небольшими фрагментами — «Возвращение в жизнь» и «Через 20 лет») можно считать трилогией на том основании, что жизнь автобиографического героя осмыслена в них целостно и завершена по смыслу и логически. В. Андреев создает автобиографический миф о художнике-эмигранте, сыне знаменитого русского писателя, пронесшем через всю жизнь любовь к России и русской культуре и ставшем ее создателем.

Роман «Дикое поле» по сравнению с названными произведениями стоит особняком. На это справедливо указывает Ю. Матвеева [Матвеева, с. 89–91]. Он лишь отчасти автобиографичен. Романный сюжет повествует об отчужденном от автора персонаже Павле Осокине. Из разных биографических источников известны достаточно противоречивые факты о том, как В. Андреев попал на остров Олерон во время Великой Отечественной войны. Однако все указывают на факт его ареста и на то, что в 1944 г. Андреев был взят в плен, и только спешка отступающих немецких войск предотвратила его расстрел [Гарбер].

Вымысел присутствует в романе в системе персонажей (история спасения Лизы, которая становится воспитанницей Осокина, после смерти ее матери) и в сюжетных линиях (приезд тетки Лизы со слепым мальчиком) и т. д. В вымышленный роман вплетаются и отдельные факты биографии писателя. Контрастом к романному сюжету является документальный сборник статей «Герои Олерона», составленный В. Андреевым совместно с другими участниками движения Сопротивления В. Сосинским и Л. Прокшей [Андреев, Сосинский, Прокша].

Западные исследователи, в частности, Хелен Извольски, выделяют некоторые общие черты русской эмиграции. Исследовательница утверждает, что авторы Парижской группы пережили психологическую трансформацию во время Второй мировой войны. Во-первых, практически все русские писатели, оказавшиеся во время Второй мировой в Париже, отказались сотрудничать с властями.

Во-вторых, русская интеллигенция в Париже испытала подъем национальных чувств, что было обусловлено не политически, но эмоционально. Автор статьи указывает, что до войны молодые русские писатели-эмигранты были чужды гуманистического посыла, характерного для русской культуры предшествующей эпохи, наконец, они обрели его и вдохновились им. У этого посыла теперь может быть другое название, он прошел испытание скептицизмом, революцией, войной, бесчисленными страданиями — как физическими, так и духовными. И, тем не менее, он все еще узнаваем, и мы наблюдаем, как новая русская интеллигенция за рубежом все больше и больше поворачивается к национальным культурным истокам, в то же время участвуя в мировой культуре [Iswolsky, p. 73–76]. Наиболее значимо утверждение Х. Извольски о том, что источниками тем для авторов-эмигрантов становились личный опыт переживания войны и обращение к «русской» теме.

В прозе Вадим Андреев выступает прежде всего как художник «русских» тем. Во-первых, предметом исследования в прозе Андреева являются русские персонажи. Во-вторых, автор-повествователь и его герои существуют в границах национального мироощущения, это, по сути, национальный мир в чужом пространстве Западной Европы. В-третьих, в прозе актуализируется проблематика русской литературы, ее идеи и мотивы.

В первом прозаическом произведении В. Андреева, «Повести об отце», исследуется становление самосознания и мироощущения героя-повествователя, отрефлексированное с позиций зрелого возраста. В ней намечены несколько «русских» тем, актуальных и для последующих частей трилогии.

Первая тема — это «болезнь Россией», которая осознается субъектом сознания как исключительно национальная черта. В этом ракурсе в «Повести» представлен Леонид Андреев, который выражал умонастроения и духовные искания интеллигенции 1900–1910-х гг. и переживал исторические события, происходящие в России, как глубоко личные, свои собственные. Такое мироощущение было органически присуще Леониду Андрееву, и от него оно передается сыну. В концепции автобиографической повести чувство любви к России проявилось у Л. Андреева с началом войны 1914 г:

> ...у него появилось то новое, всепоглощающее чувство, которое я не умею назвать иначе, как *болезнь Россией*. Эта болезнь началась у отца еще раньше: первое ее проявление — «Сашка Жигулев». Она (болезнь. — *О. Д.*) кончилась только в день его смерти. То внутреннее «я», которое в жизни отца играло первенствующую роль, вдруг оказалось забытым, уничтоженным, бесполезным. Он говорил только о войне и думал только о России [Андреев, 1966, с. 93].

Речь идет о национальном сознании как о принципиально неэгоистическом сознании, о некоем особом свойстве и «качестве» русских людей, когда интересы страны (земли) превышают все индивидуальные ценности.

Аналогичное мироощущение присутствует в романе В. Андреева «Дикое поле»: такое же чувство «болезни Россией» будет переживать главный герой

романа Павел Осокин, когда, спасаясь на острове Олерон в ситуации начавшейся Второй мировой войны, он узнает о нападении Германии на Россию. Для Осокина начало войны с Россией — глубоко личная трагедия:

> То, что Россия находится в состоянии войны с Германией, никак не доходило до сознания Осокина. Те самые самолеты, которые сбрасывали бомбы на Эстамп, на Блуа, теперь сбрасывают их на русские города, на русские деревни, на русские дороги, те самые немецкие солдаты, которые столько времени отдыхали здесь, на Олероне, теперь попирают ногами русскую землю. <...> Он не верил тому, что произошло, но вместе с тем *во всем теле появилось ощущение физической боли* (курсив наш. — *О. Д.*). И вдруг как будто сама собою открылась дверь на террасу, и Осокин увидел заокские луга, увидел косые и крепкие <...> золотистые лучи солнца, длинные тени от снопов, ложащиеся на жнивье, и открытую на весь разворот газету, медленно заслоняющую и снопы, и солнечные лучи, и жнивье; и в газете — огромные черные буквы: ***Германия объявила войну России***. День прошел для Осокина в странном полусне: и пляж, и море, и небо — все затянулось серым, мертвенным туманом [Андреев, 1967, с. 164–165].

Примечательно, что другие русские персонажи, окружающие Осокина, воспринимают это событие совершенно иначе, отстраненно от себя. Аналогично тяжело, буквально как физическую болезнь, переживает Осокин известие о приближении немцев к Москве. Трудно выразимая словами любовь к России пронизывает все прозаические произведения Вадима Андреева.

Вторая тема — в «Повести об отце». В. Андреев создает свою «сентиментальную повесть»: историю «чувствительного» подростка, пытающегося завоевать любовь отца. Жизнь лирического повествователя определяется безответной любовью к отцу, отгородившемуся от сына стеной горя и новой семьей. Это период детства и раннего отрочества. Общение отца с сыном начинается с 14 лет.

Мистическая связь с отцом осуществляется ребенком через чтение его черновиков, рассматривание рисунков Л. Андреева и его копий с чужих картин, в частности, Гойи, которые заполняли стены комнат. Эта связь ощущается в самом пространстве его тайно посещаемого кабинета:

> Я чувствовал, что в воздухе, где еще жили его мысли <...> где рождались образы его книг <...> где таились звуки его голоса, в каждом предмете, который трогала несколько часов тому назад его рука, во всем, к чему он был близок <...> я как бы встречался с ним один на один, без посторонних свидетелей, что в эти минуты никто и ничто не может нарушить нашу незримую близость. <...> я начинал понимать, что наша разлука с отцом временна, что рано или поздно <...> в реальной и твердой человеческой жизни я с ним соединюсь, и на этот раз уже неразрывно [Андреев, 1966, с. 65].

В «Повести об отце» частотен мотив слез. Образ отца мифологизируется и «обожествляется», как и образ рано умершей матери (герою было 3 года) путем включения снов как архаического-бессознательного и писем отца к ней.

Третья тема — для «Повести об отце» характерен литературоцентризм сознания автобиографического героя, что является важной чертой русской

литературы в целом. Леонид Андреев дан в ореоле творчества и на фоне русской культуры. Анализируются его произведения: жизнь и творчество «прорастают» друг в друга. Центральное место в этой повести занимает пьеса «Жизнь человека» (1906) как ключевое произведение Л. Андреева, определившее его место в русской литературе. Жизнь писателя идентифицируется с этапами символической «жизни человека» в пьесе: жизнь отца прочитывается и излагается по пьесе, в ее логике. В драме Л. Андреева выделяются несколько «актов» человеческой жизни: рождение Человека — любовь и бедность — бал у Человека — несчастья — смерть. В сюжете «Повести об отце» отражены только некоторые из них, например:

> Эти годы — с 1908 по 1914 — *третий акт «Жизни Человека»* (курсив наш. — *О. Д.*). Во внешнем шуме и блеске, при полном материальном благополучии, отец жил странной, очень нервной и вместе с тем ненастоящей жизнью. Появлялись и исчезали люди. Пришла и начала медленно уходить слава. От людей, от ненастоящего шума и веселья, от самого себя отец прикрывался увлечениями: были они резки и почти мучительны, все эти занятия [Андреев, 1966, с. 57].

В данном фрагменте повествование медленно переходит от части «Бал» к части «Несчастья человека». Повесть завершается смертью отца. Таким образом, жизнь отца становится подтверждением и отражением идей пьесы. Но дело не только в этом. «Литературоцентричность» самой жизни Вадима Андреева в среде литераторов и художников как существование в рамках русской культуры, ее идей и духа, формирует определенную «психоментальность» писателя, что определяет его дальнейшее самосознание.

«История одного путешествия» и «Дикое поле» объединены темой войны (Гражданская и Великая Отечественная). В них онтология русского у В. Андреева находит выражение в жалости к человеку. Автор считает жалость главным качеством русского человека, открытого, как никто другой, «чувству сострадания, сознающего не только свою, но еще больше — чужую боль» [Андреев, 1974, с. 235]. Так В. Андреев определил сущность (ядро) национальной идентичности в высказывании об И. Ремизове. Центральное место в двух произведениях о войне занимает христианская проблематика с темой «не убий!», хотя она и реализуется в повести и в романе по-разному.

В повести «История одного путешествия» кульминация сюжета – сражение с красноармейцами. Оно происходит в Новом Афоне, крупнейшем религиозном центре Кавказа с конца XIX в. Участники высаживаются на Монастырской пристани, и бой происходит около святых мест. Автор вводит описание утра накануне битвы как некое предзнаменование: «рассеянный странный свет струился с неба» [Там же, с. 132].

В сцене сражения главным предметом рефлексии автора-повествователя становится символическая, или духовная, смерть героя. Духовная — потому что им переживается животный ужас перед возможностью гибели, с одной стороны, и одновременно чувство стыда за трусость — с другой. С третьей стороны, персонаж осознает непоправимую вину за то, что он стреляет «в своих, в русских».

Повествователь переживает полуобморочное состояние. Его ощущения даны по нарастающей, и третье — самое главное:

> Я почувствовал, что холодный пот покрывает все тело, и дрожащие руки готовы бросить обжигающую пальцы, раскаленную винтовку. *И я стрелял вот из этой самой винтовки туда, в них, в русских* (курсив наш. — *О. Д.*), я ловил на мушку бегающие фигуры солдат, я... [Андреев, 1967, с. 151].

В повести представлены две стадии «умирания» героя: символическую смерть (в ситуации боя) сменяет физическая болезнь и реально пограничное существование: герой в полубреду от лихорадки пролежал целую неделю, то теряя, то обретая сознание. Он не может ходить, его несут, поднимают на канате на борт парохода в Константинополь. Уточним некоторые реальные биографические факты из жизни Вадима Андреева. Из Франции он был отравлен в Галлиполи; оттуда пробрался для борьбы с большевиками в Грузию; участвовал в боевых действиях. В связи с заболеванием кавказской лихорадкой эвакуирован в лагерь Китчели, где провел полгода [Серков, с. 58]. В. Андреев в повести создает «эстетическую» версию жизни автобиографического героя.

Кульминация повести усилена снами и необычными состояниями сознания, которые имеют определенную структуру и традиционную модель «перехода в смерть». Эти переживания почти всегда включают несколько основных тем: расчленение тела, обновление органов, вознесение на Небеса и нисхождение в Преисподнюю, разговор с душами умерших. Об этом — три сна героя.

Первый сон он видит в самом начале повести после одного из разговоров с поручиком Артамоновым, соблазнившим молодых людей на опасное предприятие — продолжение борьбы с красными на Кавказе. Разговор развивается вокруг вопросов «что позволено» и «что запрещено». Поручик утверждает, что «войну надо принимать со всею грязью и мерзостью», оставив «донкихотство», так как на расстрелы нельзя отвечать «благодушеством» и «непротивлением злу». Согласие персонажа участвовать в «кавказской» кампании и есть его согласие с идеями опытного военного. В эту же ночь он видит первый сон:

> Мне снилось, что я ползу по краю скользкой крыши. Внизу, в страшной глубине, раскачивались вершины безлистых деревьев. <...> Я слышал, как ломались черепицы под тяжестью моего тела, мне чудилось, что еще одно движение, и я упаду туда, вниз, на острия черных сучьев. Вдруг я почувствовал, что перестаю весить — ***мое*** *тело исчезло, стало прозрачным, как стекло. Я удивился, что могу еще видеть, и чувствовал, что ветер подхватил меня и закружил в воздухе, как сорванный с дерева мертвый лист* (выделено нами. — *О. Д.*). Ветер нес меня все выше и выше, я боялся, что от прикосновения к облаку, повисшему надо мною, я разобьюсь, как окно, сорванное с петель. Но вот я очутился на мокрой траве, раскинув руки. <...> Головы у меня не было, и мне было непонятно, как я могу лежать безголовый и все же живой [Андреев, 1967, с. 64–65].

«Вершины безлистых деревьев» в страшной глубине — это образ преисподней (ада); «прикосновение к облаку» — вознесение на Небеса, образ «сорванного

с дерева листа» в поэтической системе Андреева, как правило, символ смерти; оторванная голова — расчленение тела. Таким образом, обозначена духовная смерть героя.

Второй сон герой видит накануне боя, это сон об отце. Символически это встреча с душами умерших. Повествователь во сне видит отца, который «сидел в маленькой стеклянной банке из-под варенья. Он был крошечный и ужасно несчастный. Я вертел банку в руках и никак не мог открыть ее: стеклянная крышка была крепко привинчена» [Андреев, 1974, с. 126]. Отец уменьшается и жалуется на головную боль, потом исчезает совсем. Герой пытается что-то сказать, но отец его не слышит. Сон имеет несколько значений: во-первых, образ отца в контексте повести и абсурд самого сна указывает на ложность происходящего с сыном и эмоционально готовит «ужас» предстоящего боя. Во-вторых, уменьшенный объем отца — свидетельство забвения родовых ценностей, перевернутость представлений сына. Леонид Андреев — художник гуманистической направленности, утверждающий общечеловеческие приоритеты. Отец не слышит и не хочет слушать доводов сына; на словах «Папа, ведь пойми же, пойми...» (и на многоточии) обрывается глава, что свидетельствует о невозможности понимания отцом действий сына. В-третьих, сон выполняет функцию предупреждения о ложности намерений автобиографического повествователя и предпринимаемого им путешествия. Уменьшенный образ отца — забвение родных, а также приоритета культуры, чем жил отец.

Третий сон после битвы связан с темой распятия. Персонаж видит себя сидящим «на торчавшем посередине трюма деревянном обрубке <...> было мучительно неудобно, как будто меня посадили на кол». Физическая мука сочетается с нравственной: «Хотелось спать до тошноты, я садился и падал с моего обрубка, и снова садился и падал. Вероятно, это была самая мучительная ночь в моей жизни: ощущение стремительного падения в никуда, во мрак, тяжелые, сонные ругательства и снова — тела, куски тел, руки и ноги, оторванные головы и тусклый свет лампы» [Там же, с. 150–151]. Отметим, что этот эстетически выстраиваемый текст акцентирует значение расплаты за содеянное.

Такой поворот проблемы, когда в центр выносится христианская тема «не убий», свойственен именно В. Андрееву в прозе о Гражданской войне, и речь здесь идет о недопустимости братоубийственной войны (все русские в православном смысле — братья по вере). Здесь уместно указать на значение фигуры Феди Мятлева, сына священника, глубоко верующего человека. Федя Мятлев — наиболее духовно близкий повествователю персонаж, они побратимы и меняются крестами. С Федей идут самые напряженные разговоры автобиографического героя о праве на убийство и об отношении к смерти. В бою Федю ранят, и вскоре после ампутации руки, по сути, не смертельной раны, он умирает. Федя верующий, участвующий в кровопролитной войне, наказанием которому становится смерть.

«Историю одного путешествия» В. Андреева можно сравнить с произведениями младоэмигрантов о Гражданской войне. Наиболее близок В. Андрееву

в данном случае Г. Газданов, от романов которого он, конечно, отталкивается: это роман «Вечер у Клэр» (1930) и «История одного путешествия» (1935). Об этом убедительно пишет Ю. В. Матвеева, справедливо указав на поколенческий диалог художников, участников Гражданской войны, которая во многом определила самосознание и дальнейшее творчество младоэмигрантов. Исследователь проанализировала «переклички» двух современников, подчеркнув сознательную ориентацию «Истории одного путешествия» Андреева на романы Газданова [Матвеева, с. 41–48].

Вместе с тем представляется важными развести повесть Андреева с романом Г. Газданова «Вечер у Клэр» в плане изображения войны и акцентов в проблематике. Произведения двух современников объединяет типологическая близость героев: некая романтическая наивность, инерция участия в белом движении, неопытность юности, определившая их выбор. В повести Андреева представлена история заблуждения автобиографического персонажа и искупления его вины, а также драма разрыва с Россией. В романе Газданова «Вечер у Клэр» совсем другой предмет изображения и фокус зрения на события Гражданской войны. Николай Соседов (двойник автобиографического героя Газданова) учился в кадетском корпусе[1], поэтому его взгляд на войну иной. Николай Соседов занимает позицию стоического выживания в ситуации абсурдной и очевидной обреченности с позиций тактики и стратегии белых (он находится на бронепоезде, символически названном «Дым»). Позиция персонажа Газданова — это позиция наблюдателя за происходящим, он аналитик, делающий «антропологический» срез — исследование разных человеческих типов в аспекте страха и бесстрашия, онтологии человека в экзистенциальной ситуации. Мир офицеров и народа ему равно чужд, опыт героя — открытие, как правило, ничтожества человека (за редким исключением). В романе дана негативная оценка и красных, и белых. Автор ценит индивидуальную личность. В романе Газданова представлен «вненациональный» взгляд на русский мир, в каком-то смысле «западный», неслучайно все его помыслы направлены к француженке Клэр. Родина для него связана более всего с матерью и с воспоминанием о любви к Клэр. Проблемы вины персонажа за участие в братоубийственной войне, как у В. Андреева, в прозе Газданова нет. Главный аспект изображения Гражданской войны — ее бестолковость и обреченность: бессмысленно гоняется по просторам России бронепоезд с оставшимися частями белой армии, на котором находится Николай Соседов, пока он не будет разбит конницей Буденного. «История одного путешествия» Андреева завершается тоской автобиографического героя по России, буквально желанием переплыть Босфор, откуда виден русский берег. Роман Газданова оканчивается встречей с Клэр и — «обещанием» будущего.

---

[1] Кадетский корпус — институт подготовки профессиональных военных кадров в России, защитников царя. В начале XX в. как система они, в первую очередь, подготавливали к служению Отечеству на военном поприще. URL: http://pandia.ru/text/78/319/002402.php (дата обращения: 14.01.2016).

«Историю одного путешествия» В. Андреева можно сравнить с прозой о Гражданской войне, появившейся в России в начале 1920-х гг.: И. Бабель, Б. Пильняк, К. Федин и др. Более всего позиция героя-повествователя Андреева близка к концепции, выраженной в романе М. Булгакова «Белая гвардия» (1924).

Главная проблема романа М. Булгакова — недопустимость кровопролития братоубийственной войны. В романе Алексей Турбин, выступающий духовным двойником писателя, становится невольным участником гражданской войны, развязанной Петлюрой. Спасаясь от преследования двух неизвестных, раненый, Алексей вынужден отстреливаться; он попадает в одного из них. Турбин искупает свою вину погружением в смерть: он в бреду вспоминает «человека в сером», которого, возможно, убил. Персонаж находится в пограничной ситуации, по сути, «погружается» в смерть, его собираются отпевать (эти сцены занимают объемное пространство романа). Спасение персонажа в христианской картине мира Булгакова происходит «мистическим» путем — благодаря молитве Елены.

Болезнь героя Андреева в «Истории одного путешествия» тоже выступает наказанием персонажу за участие в братоубийственной войне, хотя он никого не ранит, а спасается бегством с поля боя. Автобиографический персонаж Андреева добровольно участвует в братоубийственной войне. Пафос булгаковского романа с идеей недопустимости кровопролития, очевидно, в любом случае был близок В. Андрееву. Роман «Белая гвардия» завершается мощным гуманистическим посылом в зоне авторского повествования: мотивами креста и меча, противопоставлением совершенства природного универсума и недостойного поведения человека на земле. Трудно предположить, что В. Андреев не знал романа М. Булгакова «Белая гвардия», который был напечатан в середине 1920-х гг. в Германии, и, возможно, переклички с ним сознательны.

Русские темы в романе «Дикое поле» (1967) обретают новые акценты и аспекты. С этой точки зрения в нем можно выделить две сюжетные линии, которые переплетены в сложный смысловой узел. Первая из них связана с идеей жалости русского человека и сострадания к чужой жизни. Эта сюжетная линия занимает центральное место в романе и связана со спасением Павлом Осокиным Лизы. Вторая подразумевает участие Осокина в движении Сопротивления и участие в партизанской войне. Смысловой центр романа сопряжен с проблемой права на убийство: кульминацией этико-философской проблематики романа становится расправа Осокина с немецким фельдфебелем. Обе проблемы развиваются с оглядкой на наследие Ф. М. Достоевского и в логике пространства его идей, а также в рамках размышлений о соотношении русского и западного менталитета.

В романе Павел Осокин — русский эмигрант, который уже почти 20 лет живет во Франции, работает на заводе. Вступление немцев в Париж ставит его в сложное положение: он не хочет сдаваться в плен как иностранец, но презирает и дезертирство, так как считает его «несовместимым с тем сложным чувством любви и уважения, которое понемногу выработалось у него по отношению к Франции» [Андреев, 1967, с. 58]. В логике этих соображений существенно подчеркнуть «национальную» саморефлексию персонажа:

> Он не чувствовал себя французом, оставаясь русским в своих привязанностях, вкусах, в своей тоске, с которой вспоминал о детстве. Эту свою «русскость» Осокин не считал каким-нибудь особенным достоинством. Нет, это была скорее особенная черта характера, почти что физическое качество — как, например, его русский нос картошкой [Андреев, 1967, с. 58].

В некоторых сценах «русскость» героя маркируется особой отзывчивостью персонажа, не свойственной французам. Так, например, в романе важное место занимает эпизод спасения Осокиным католического священника: рискуя жизнью, Осокин во время сильнейшей бури на океане помогает отцу Жану взобраться на обрыв. Когда тот уже выбрался на берег, он сказал: «Я понял, вы русский».

Весь событийный ряд романа связан с появлением в жизни Осокина Лизы. Мать девочки погибает при авиационном обстреле. Рискуя жизнью, так как не имеет документов, Осокин передвигается с девочкой по незнакомой территории, выдавая ее за свою дочь. Они поселяются на острове Олерон, чтобы найти родственников Лизы.

Появление Лизы кардинально меняет жизнь Осокина. Проникнуть во французскую жизнь и слиться с нею на протяжении многих лет персонажу мешает не только «ощущение русскости» (об этом своем качестве он узнал много позже), а психология человека, утверждавшего, что «моя хата с краю», появившаяся «после душевной выжженности, которую он вынес из гражданской войны» [Там же, с. 133]. Теперь же его жизнь обретает другую направленность: он понимает, что отвечает не только за свою, но и за Лизину судьбу. Его жизнь меняется в двух направлениях: во-первых, в Осокине пробуждается чувство «всемирной отзывчивости». Живя в старинном особняке мадемуазель Валер XIX в., персонаж осознает себя причастным французской старине и собственной истории:

> Осокину иногда мерещилось, что он сам родился в этой комнате с высокими узкими окнами, со стеклянной дверью, выходившей прямо в сад. <...> казалось, и учился он не в рязанской гимназии, где его отец когда-то был учителем русского языка, а в иезуитском лицее в Ла-Рошели. <...> Иногда сквозь толщу католического быта, окружавшего Осокина, являлось прошлое [Там же, с. 138–139].

Эти чувства усиливаются, когда он начинает работать на виноградниках, возвращаясь к труду предков: «Осокин чувствовал себя теперь связанным *со всем миром* — своей работой на земле и огромной, вдруг проснувшейся в нем тягой к России» [Там же, с. 233]. Труд на земле, ее возделывание, выращивание винограда в сознании персонажа соединяло его с предками, он тем самым «подключался» и к началу освобождения России и всех других стран от фашизма.

Во-вторых, Осокин знакомится с Фредом и становится участником движения Сопротивления. Впервые имя Ф. М. Достоевского упоминается в начале романа доктором, осматривающим Лизу после травмы, который по акценту опознает в Осокине русского. Имя Достоевского здесь выступает двояко: с одной стороны, в смысле трудности воспитания подростка (есть отсылка к роману «Подросток»). С другой стороны, оно становится знаком вариативности русского

сознания, увлечения идеями. Любовь к Лизе, чувство немыслимой жалости и сострадания к ней, как и стремление защитить ее, толкает персонажа на безрассудные поступки.

Кульминационной сценой романа становится убийство Осокиным немецкого фельдфебеля за массовое уничтожение детей в концлагере. Немецкое окружение сочло его самоубийством — боязнью Восточного фронта. В структуре романа это событие становится предметом важнейших дискуссий.

Признание Осокина товарищам по движению Сопротивления в убийстве им немецкого ефрейтора вызывает гнев всех. Представлены разные варианты истолкования этого факта.

1. Французский социалист Фред исходит из интересов организации и поэтому возмущается поступком Осокина, так как он опасен для общего дела: Фред опасается арестов и поэтому расценивает убийство как эгоистическое своеволие.

2. Католический священник отец Жан видит в нем нарушение христианских заповедей: человек не Бог и не имеет права на такие решения. Вина Осокина в его представлении заключается в том, что убитому не была дана возможность покаяния, поэтому вина убитого переходит на убившего: «Вы лишили его возможности покаяться, и значит — вы отвечаете за содеянное им» [Андреев, 1967, с. 304]. Все осуждают поступок Осокина.

3. Разные точки зрения подсвечиваются женской позицией Мадам Дюфур: «...когда я подумаю, что этот мог поднять перекладину над головой Лизы <...> Я... поступила бы так же...» [Там же, с. 305]. Она единственная, кто оправдывает убийство.

Андреев, с нашей точки зрения, развивает в «Диком поле» мотив «слезинки ребенка», который присутствует в диалоге Ивана и Алеши Карамазовых из романа «Братья Карамазовы», где Алеша признает убийство во имя пресечения неслыханного порядка зла, сопряженного со смертью невинных детей.

Сам характер убийства, представленный читателю, развенчивает идею справедливого возмездия. Акт убийства сопровождается ситуациями и мотивами из романа «Преступление и наказание». Проследим последовательно.

1. Осокин выслеживает немецкого фельдфебеля и тщательно несколько дней готовится к убийству, продумывая все до мелочей.

2. С самого начала все идет не по плану. Осокин ищет топор, «топора не было»; тогда он ударил фельдфебеля гирей, тот падает, теряет сознание, Осокин с ужасом смотрит, боясь, что тот придет в себя, берет чужой случайно увиденный револьвер и стреляет лежащему без сознания солдату в рот, добивая его. В описании действий Осокина развивается его внутреннее сопротивление тому, что он совершает: «Неужели я для этого приехал сюда? — подумал он, невольно удивляясь нелепости своего поступка». «Растерянно он выпрямился во весь рост». Трижды он повторяет фразу: «Нет, я так не могу» [Там же, с. 295–296] и т. д. В авторском повествовании выражено сочувствие беззащитной жертве: «...немец стоял, не двигаясь, не поднимая рук для защиты, только в момент удара сильно втянул в плечи свою длинную худую шею. Удар пришелся наискось,

и самого удара Осокин не услышал — он увидел только, как немец откачнулся в сторону и упал, беззвучно стукнувшись затылком о доски пола». И далее: «...Осокин не услышал выстрела, только почувствовал, как дернулась рука, и увидел, что вокруг рыжей лысеющей головы на доски пола начинает натекать лужа крови. <...> Затем наступила полоса полного беспамятства» [Андреев, 1967, с. 294–296]. Описание убийства занимает около 20 страниц текста. Присутствует внутреннее сомнение самого Осокина в содеянном. Его внутренний монолог и беззащитность немецкого солдата перед смертью вводит мотив сомнительной правоты героя.

В романе присутствует «двойственность» отношения к происходящему и самого Осокина. Убийство сопровождают непредвиденные обстоятельства и случайности. Среди них тот факт, что Осокин забыл фразу, которую должен был произнести и репетировал несколько дней: «Du hast Kindergetötet, ich werde dich töten»[2] [Там же, с. 283].

В концепции романа ситуация рассматривается в координатах национальной традиции — факт расправы представлен как заблуждение персонажа. Все происходит как в тумане, как умопомрачение, совершается бессмысленный и неоправданный самосуд. Сама актуализация проблемы права человека на насилие (убийство) согласно его представлениям и индивидуальным побуждениям, даже движимым гуманистическими идеалами, оспаривается в произведениях Андреева о войне.

Подведем итоги. Как прямой наследник Серебряного века (сын Леонида Андреева), Вадим Андреев развивает в творчестве гуманистические идеи и актуальные проблемы русской литературы как свое духовное достояние. Он обращается к тем «русским» темам, которые актуализирует другая историческая эпоха, и которые вместе с тем аккумулируют основные содержательные идеи русской литературы. В прозе В. Андреев остается художником реалистической эстетики.

Источники

Андреев А. В. «Мы выполнили не букву завещания, а его дух»: Беседу с внуком Л. Андреева вел Ф. Медведев // Родина. 1992. № 11/12. С. 37–38.

Андреев В. Л. Дикое поле. М. : Сов. писатель, 1967.

Андреев В. Л. История одного путешествия. М. : Сов. писатель, 1974.

Андреев В. Л. Повесть об отце. М. : Сов. писатель, 1966.

Андреев В. Л., Сосинский В., Прокша Л. Герои Олерона. Минск : Беларусь, 1965.

Исследования

Дарк О. Неудавшийся эксперимент // Поэзия русского зарубежья / сост. О. И. Дарк, гл. ред. Д. В. Тевекелян. М. : Слово/SLOVO, 2001. С. 5–29.

---

[2] «Ты убивал детей, за это я убью тебя».

Гарбер М. Пятое чувство Вадима Андреева [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugozormagazine.com/show/Andreev.1978.html (дата обращения: 14.11.2016).

Матвеева Ю. В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоэмигрантов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009.

Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000 : энциклопедический словарь. М. : РОССПЭН, 2001.

Струве Г. П. Русская литература в изгнании. 3-е изд. YMCA-Press ; М. : Рус. путь, 1996.

Iswolsky H. Russian Emigre Literature in World War II // The Russian Review. 1946. Vol. 6. No. 1. P. 69–76.

Статья поступила в редакцию 23.03.2017

Дашевская Ольга Анатольевна
доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы XX в.
Национальный исследовательский Томский государственный университет
634050, Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: doa.sony@mail.ru

Dashevskaya, Olga Anatolyevna
Dr. Hab. (Philology), Professor
Chair of History of the Russian Literature of the 20th Century
National Research Tomsk State University
36, Lenin Ave., 634050 Tomsk, Russia
Email: doa.sony@mail.ru

THE RUSSIAN PERSPECTIVE IN VADIM ANDREEV'S PROSE: FROM *A TALE ABOUT FATHER* TO *THE WILD FIELD*

The literary legacy of Vadim Leonidovich Andreev (1902–1976) is considered as part of the writer's key objective — to preserve national identity. The author uses the methods of immanent, historical and genetic, and comparative and typological analysis. Vadim Andreev appears as a literary artist of what is referred to as "Russian matters": his prose reveals themes, ideas, and motifs typical of Russian literature. The article aims to study Andreev's interpretation of those matters and reveal the evolution in the forms of addressing them in three of his texts. It is argued that *A Tale about Father* (Rus. *Povest' ob ottse*, 1962) represents dominants of the national consciousness: "illness with Russia" determines the psycho-mentality of the autobiographical character. The tale *The Story of a Journey* (Rus. *Istoriia odnogo puteshestviia*, 1966) and the novel *The Wild Field* (Rus. *Dikoe pole*, 1965) primarily focus on the idea of charity and pose the problem of the right to violence, even in the situation of wars and revolutions. In *The Wild Field*, this issue is addressed within the national tradition and in the context of Fyodor Dostoevsky's ideas. The tale *The Story of a Journey* is regarded in its relation to young émigrés' literature, and, more particularly, it is compared to Gaito Gazdanov's *Evening at Clair's* (Rus. *Vecher u Kler*, 1929). However, the tale reveals a correlation with metropolitan literature; thus, it is contextually related to *The White Guard* (Rus. *Belaia gvardiia*, 1925) by Mikhail Bulgakov. The article traces back Andreev's outlook to the substantial ideas of 19th-century Russian literature and asserts that the advance of his own cultural logos takes place within the framework of the national humanist tradition.

K e y w o r d s: Vadim Andreev; Russian themes; young émigrés' prose; national identity; autobiographical trilogy.

Dark, O. (2001). Neudavshiisia eksperiment [An Unfortunate Experiment]. In D. V. Tevekelyan (Ed.), *Poeziia russkogo zarubezh'ia* [Poetry of the Russian Abroad] (pp. 5–29). Moscow: Slovo. (In Russian)

Garber, M. *Piatoe chuvstvo Vadima Andreeva* [The Fifth Sense of Vadim Andreev]. Retrieved from http://www.krugozormagazine.com/show/Andreev.1978.html. (In Russian)

Iswolsky, H. (1946). Russian Émigré Literature in World War II. *The Russian Review*, 6, 1, 69–76.

Matveyeva, Yu. V. (2009). *Samosoznanie pokoleniia v tvorchestve pisatelei-mladoemigrantov* [The Generation's Self-Consciousness in Works of Young Émigré Writers]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Serkov, A. I. (2001). *Russkoe masonstvo. 1731–2000. Entsiklopedicheskii slovar'* [Russian Masonry. 1731–2000. An Encyclopaedic Dictionary]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Struve, G. P. (1996). *Russkaia literatura v izgnanii* [Russian Literature in Exile]. Moscow: Russkij put'. (In Russian)

Received on 23 March, 2017

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.056
УДК 821.161.1-1 Левитанский + 82.091

Н. Д. Шафаренко
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ТАКТИЛЬНОЕ НАЧАЛО В ПОЭЗИИ ЮРИЯ ЛЕВИТАНСКОГО

Имя Юрия Левитанского (1922–1996) нечасто встречается в литературоведческих, критических и учебных обзорах русской поэзии второй половины XX в. Заслугу его стихов видят в органичном сочетании фронтовых «воспоминаний» с «сегодняшним мироощущением», предпринимаются попытки указать на главенствующее в его стихах начало: это «время», «доброта и жалость», «стыд», «сострадание», склонность к «меланхолии», «негромкость голоса», и лишь намечаются некоторые связи с интересующей нас особенностью образной выразительности его стихов. Однако не менее важным для понимания поэзии Ю. Левитанского является тактильный компонент, связанный с категорией «живого», нашедший отражение на разных уровнях организации стихотворного текста и являющийся одним из структурообразующих начал произведений поэта. В статье проводится образно-тематический анализ основных его книг — «Кинематограф» (1970), «День такой-то» (1976), «Письма Катерине, или Прогулки с Фаустом» (1981), «Белые стихи» (1991), — в ходе которого впервые выявлена изменяющаяся с течением времени специфика тактильно воспринимаемой образности. Рассматривая знаковые для поэта тактильные мотивы в каждой из указанных книг, автор статьи обозначает сквозное движение означенного начала, сопрягаемого с визуальным и акустическим компонентами, в соответствии с чем выстраивается следующая закономерность: визуальный «Кинематограф» — визуально-тактильный «День такой-то» — визуально-тактильно-акустические «Письма Катерине...» — тактильно-акустические «Белые стихи». Выявленные характеристики важны для понимания жанра книги стихов в трактовке Ю. Левитанского.

К л ю ч е в ы е с л о в а: тактильность; вещественность; движение; мотив живого; чувство; руки; понимание; время.

К основным темам поэзии — жизнь, смерть и любовь — два последних столетия присоединили и время, на протяжении которого темы эти, собственно, и получают свое развитие. Юрий Левитанский подтвердил данное представление, посвятив книгу стихов «Кинематограф» (1970) жизни человека, книгу «День такой-то» (1976) — времени, книгу «Письма Катерине, или Прогулки с Фаустом»» (1981) — любви, книгу «Белые стихи» (1991) — смерти, всякий раз обращаясь при этом к непосредственно видимому, осязаемому и слышимому: поэт не раз отмечал, что «удивительное» получается, когда мешаешь «краски, запахи и звуки», что все слова «из цвета, запаха и звука» [Левитанский, 1982, с. 19] и состоят.

© Шафаренко Н. Д., 2017

К сожалению, имя Ю. Левитанского практически отсутствует в литературоведческих, критических и учебных обзорах русской поэзии второй половины XX в. В частности, его нет в трудах таких авторов, как И. Л. Гринберг, В. А. Зайцев, Л. А. Лавлинский, Н. Р. Мазепа, А. А. Македонов, А. А. Урбан, И. О. Шайтанов, И. И. Плеханова, А. А. Кораблев, Т. Л. Рыбальченко. Беглая характеристика творчества героя этой статьи содержится в книгах В. В. Дементьева и А. Когана. Первый из критиков, рассматривая стихи Ю. Левитанского в контексте поэзии фронтового поколения, в качестве особенностей его творческой манеры называет «укрупненные до парадокса детали» [Дементьев, с. 153], «прямодушный примитив», «детскость», подразумевающую «изящную инфантильность письма» [Там же, с. 154], а также жажду «очевидной простоты миропорядка» [Там же].

А. Коган, объясняя невнимание к поэту тем, что он «не выделялся особо среди своих поэтических сверстников» [Коган, с. 250], отмечает, что успех «Кинематографа» лишь совпал с общими философскими и бытийными тенденциями современной лирики. Заслугу стихов Ю. Левитанского критик видит в органичном сочетании фронтовых «воспоминаний» с «сегодняшним мироощущением» [Там же] и называет картину мира поэта не «житейски-достоверной», а «гротескно-преображенной» [Там же, с. 251].

В точечных критических откликах на основные публикации поэта непременно в качестве отличительных его особенностей выделяются специфическое мышление «не стихами, а книгами» и приверженность к «долгой» строке. В этих статьях и рецензиях предпринимаются попытки указать на главенствующее в его стихах начало, которое видится по-разному: это «время» у Е. Бершина [Бершин] и Л. Гомберга [Гомберг], «доброта и жалость» у С. Чупринина [1983, с. 98], «стыд» у В. Куллэ [Куллэ], «сострадание» у Ю. Болдырева [Болдырев], склонность к «меланхолии» у М. Поздняева [1997], «негромкость голоса» у В. Корнилова [Корнилов].

В единичных монографиях и диссертациях, посвященных творчеству поэта и принадлежащих перу Л. Гомберга, а также Д. В. Никулина, Е. С. Кадочниковой, К. С. Лицаревой, подробно описывается творческий путь Ю. Левитанского [Иронический человек] и намечаются некоторые связи с интересующей нас особенностью образной выразительности его стихов. Про значимость визуального компонента идет речь в работе Е. С. Кадочниковой о синтезе искусств в «кинематографичной» лирике [Кадочникова], про акустическое начало говорится в диссертации К. С. Лицаревой, рассматривающей лирику поэта в контексте современной поэзии [Лицарева], а Д. В. Никулин, размышляя о проблемах циклизации, констатирует, что циклические образования Левитанского обнаруживают сонатную структуру [Никулин]. Тем не менее, остался без внимания фактор тактильности в структуре перечисленных книг, где внешнее представление субъекта постепенно заменяется тактильно обозначенным мировосприятием человека. Говоря об этой особенности, отметим неотделимость данного фактора от упомянутых визуального и акустического начал. В соответствии со спецификой конкретного их сопряжения, книги поэта выстраиваются в следующий

ряд: визуальный «Кинематограф», визуально-тактильный «День такой-то», визуально-тактильно-акустические «Письма Катерине...» и тактильно-акустические «Белые стихи». Очертим самобытность этих книг, особо акцентируя тактильную составляющую.

Стихи, образовавшие книгу «Кинематограф», выстраиваются в последовательность «кадров», воспринимаемых глазом, поэтому тактильное начало этой книги оказывается неотрывно от визуального и наряду с ним заполняет кадр, а все «прочувствование» героями любви заменяется словесными кадрами, где особенно подчеркивается выражение глаз, по которому мы можем угадать переживания Его и Ее [Левитанский, 1982, с. 161].

Образный мотив «рук» помогает среди визуального многообразия обозначить человека и живое в целом: перед нами оказываются «сотни... оголенных рук» [Там же, с. 238], из которых выделяются непосредственно «мои», отвечающие за связь с миром, которые требуют такой же ощутимой реакции на свое «прикасание». Это находит отражение в том числе в буквальности указаний «тот», «там» и «этот», в скрепах точечного «среди» и движимого «сквозь», а также в мотиве движения (которое тоже пока укладывается в рамки кадра) как неуспевания — при столь подробном разглядывании — за скоростью мира: «и я хочу бежать за ним — и не могу» [Там же, с. 240].

С мотивом живого здесь неразрывно связаны размышления человека о «жизни моей» [Там же, с. 159], а также видение «живыми» определенных составляющих. Человек чувствует мир как «тепло» и «холод»: «огонь» в этой книге гудит, «бросая вызов метелям, снегопадам, январю» [Там же, с. 219].

Особое место занимает мотив прямого выражения непосредственного чувства — лирический субъект книги признается:

> И над собственною ролью плачу я и хохочу,
> по возможности достойно доиграть своё хочу —
> ведь не мелкою монетой, жизнью собственной плачу
> и за то, что горько плачу, и за то, что хохочу.
>
> [Там же, с. 242]

Да, приходится платить за страдание, зависть, обиду, смущение, любовь, надежду, и плата может стать трагической, как засвидетельствует книга «Белых стихов», а потом и сам уход Ю. Левитанского из жизни, ускоренный личным потрясением, связанным с его реакцией на чеченскую войну («истязали! пытали! зарыли живьем! — так и будет ломать мои строки, ломать и корежить меня до последнего дня» [Левитанский, 2005, с. 443], «возглас отчаянья, крик о помощи, мольба о помилованье» [Там же, с. 437]). Как засвидетельствуют строки «Белых стихов», этот акцент, пусть пока вытесняемый «видимым» разнообразием мира, задается уже здесь, и именно поэтому чувство «боли» получает разветвление на грусть, сожаление, плач, слезы, страдание, отчаяние.

После многообразия зрительных впечатлений в следующей книге «День такой-то» перед нами — пристальное вглядывание «в» тактильно обозначаемого

человека. За внешним, доступным глазу, открывается глубина души человека, который, наполнившись «кинематографом» мира, теперь отчетливо обозначает в нем себя. Приведем показательный ряд, характерный для этой книги: «смотришь, вспоминаешь, мучаешься... из себя выходишь, и внезапно вздрогнешь, и внезапно вспомнишь» [Левитанский, 1982, с. 295].

На первый план выходит «движение» времени, в котором человек «идет» и «действует», стремясь прочувствовать градацию медленного, постепенного, быстрого. Время в книге, характеризуемое цикличностью, двоится, делится на объективное (минута, день, год, век) и субъективное (вчера, сегодня, завтра), обозначая «начало» и «конец» индивида среди вечности и предваряя тем самым трагедию человека, выраженную в «Белых стихах».

Теперь показателем «живого» является не «боль», а «движение» (что отмечает, в частности, С. Чупринин, говоря, что Ю. Левитанский «пытается опознать, угадать личность... по действиям и жестам» [Чупринин, с. 101]) и само «живое» прорабатывается как рождение, рост и зрелость. Человек проступает в этой книге более тактильно, обозначаясь подробностью ног, колен, рук, головы, лица, губ, носа, которые уже дают понять чувства («нетерпеливою рукою» [Левитанский, 1982, с. 252]). Человек этой книги «ныряет в» окружающий холод и «не зажигает огня» [Там же, с. 299], но пока еще и в этом нет «щемящей... нотки» [Левитанский, 2005, с. 414]. Закономерно, что наполняются особым смыслом предлоги *в* и *из*, помогающие пристальнее «вглядеться» [Левитанский, 1982, с. 252] в душу человека, постепенно смещая угол зрения с «извне» на «изнутри».

Отметим, что указательные местоимения теперь задают фоновую дымку, среди которой человек пытается найти «свое» в этом мире, потому что многообразие, увиденное в «Кинематографе», накладывается на точечную его жизнь («это с нами... это с нами самими» [Там же, с. 281]). Добавим, что, утверждая себя, человек постоянно «пытается» (недаром в книге столько стихотворений, уже названиями говорящих о «Попытках» — «...убыстренья» [Там же, с. 253], «...оправданья» [Там же, с. 258], «....утешенья» [Там же, с. 283]). Осознавая несовершенство мира, герой поэта «все равно» не бунтует против такого мироустройства. Чувства и ощущения в «Дне таком-то» оказываются по-прежнему связаны с человеком.

Обращаясь к «Письмам Катерине...», скажем, что данная книга, передающая расцвет неожиданно влюбленного индивида, состояния которого раскрываются тактильно, визуально и акустически, стала своеобразной кульминацией этого неформального книжного тетраптиха.

На первый план выходит субъективное время человека (исчисляясь теперь «годами» как этапами его жизни), который влюбляется, ощущает в себе «новой жизни начало и пробужденье» и всеми силами хочет остановить счастливое мгновенье. Он разрушает «привычные связи» [Там же, с. 329], между чувством и долгом выбирает чувство, не подозревая, что этим «разладом» [Там же, с. 318] с миром становится еще на шаг ближе к трагедии.

Влюбленным человеком акцент закономерно ставится на рождении «новой» жизни и «обновлении» былой: «я из ветки случайной лесной... сотворил человечка» [Левитанский, 1982, с. 334], но это «неуживание» нового человека с его новым «поздним» чувством в старом смертном мире также усиливает трагичный финал последней книги поэта.

В целом же тактильное начало книги сосредоточено на одной, живой, любимой Катерине, прихода которой поэт ждет столько времени (неслучайно именно ожидание оказывается основным действием «Писем...») и которой «руку и сердце» [Левитанский, 2005, с. 427] он отдаст в «Белых стихах». Если тактильность «Кинематографа» была сосредоточена на чувствовании мира, а «Дня такого-то» — на осознании в нем себя, то здесь она направлена на «отношение к» – любимой, другим, миру. Из-за этого большинство стихотворений этой насыщенной книги — видимые, слышимые, чувствуемые одновременно: «Праздник зеленого цвета» [Левитанский, 1982, с. 354] передается «цветом в начале сентября», звуком, который «мы слышим», запахом «прелой листвы».

Развязка «Белых стихов» — противоборство человека с акустически глухим миром, законы которого оказываются неумолимыми для живого: местоимения теперь отражают одинокое, теряющее надежду быть замеченным «я» («это я, это я, Господи, Господи, это я» [Левитанский, 2005, с. 437]), затерянное среди «многости» или безликости «вы».

Перед нами уже не человек в «трагическом» мире [Левитанский, 1982, с. 171], а трагедия одного человека среди объективного мира, проявляющаяся в непонимании чувствующего человека бесчувственным миром. Новый, влюбленный, другой, он вдруг чувствует, что мир не понимает его искренность и полноту души, из-за чего человек «Писем...», замечающий все «сто голосов» мира [Там же, с. 378], постепенно остывает, сходит на нет и оказывается одиноким перед смертью, и ни любимая, ни поэзия не могут спасти его (аналогичный порыв мы находим у Розанова, который «разжал руку», когда «увидел смерть» [Розанов, с. 201]).

Многое из ранее видимого начинает восприниматься на слух, но мир оказывается глухим: все, что остается — тактильность: протягивать руки, дотрагиваться до, пытаясь хотя бы так чувствовать себя в мире, сталкиваясь с «в никуда» [Левитанский, 2005, с. 452] и обрываясь на полуслове. Особым смыслом наполняются «рука и сердце» [Там же, с. 427] — как знак самого искреннего, встречного, глубинного.

Человек теперь с трудом «до»-делывает начатое когда-то, и уже не набор кадров, действий или чувств, а «деланье» дел связаны с ходом жизни человека, который смиряется и «делает то, что должен, а не то, что хочет» [Там же, с. 402]: о том, чтобы осмелиться и пойти вразрез с убыстренно проносящимся объективным временем, не может идти и речи.

Всё, что остается среди движения объективных сил, направленных мимо замедляющегося, затихающего человека, — чувствовать (уже не цикличную, а линейную и вот-вот обрывающуюся) жизнь, единственным «вечным» [Там же,

с. 435], живым просветом которой оказываются дети. Неожиданно, что именно теперь человек, наконец, чувствует и озвучивает свое счастье (как «счастливую удачу... возникнуть, явиться и быть» [Левитанский, 2005, с. 400]), а мотив «все равно» появляется не «безразлично», а как «жизнь все равно прекрасна» [Там же, с. 446].

Отметим также, что внешнее, ранее видимое теперь начинает восприниматься ухом, но самое «сокровенное» [Там же, с. 409] становится теперь тактильным «биением ритмов» и «пульсацией крови» [Там же, с. 408]. Если тишина смерти передается с помощью акустического начала («только она существует вне ритма» [Там же, с. 409]), то «биение» [Там же, с. 408] человеческого сердца обозначается в «Белых стихах» тактильно.

Завершая разговор о тактильном начале анализируемых книг, скажем, что означенные наблюдения наводят на размышления о соотношении приведенных закономерностей с жанром книги стихов, к которому обратился поэт в своих сочинениях: сборники, вышедшие до «Кинематографа» (в частности, «Стороны света», 1959; «Земное небо», 1963), в отличие от следующих за ним, не подразумевают подобных особенностей в своей структуре.

Источники

Левитанский Ю. Д. Избранное. М. : Сов. писатель, 1982.

Левитанский Ю. Д. Черно-белое кино. М. : Время, 2005.

Исследования

Бершин Е. Песочные часы Юрия Левитанского [Электронный ресурс]. URL: http://levitansky.ru/?r=6&m=32&s=541 (дата обращения: 23.12.2016).

Болдырев Ю. Дар поэта [Электронный ресурс]. URL: http://levitansky.ru/?r=6&m=32&s=487 (дата обращения: 23.12.2016).

Гомберг Л. Между Временем и Бытием [Электронный ресурс]. URL: http://levitansky.ru/?r=6&m=32&s=486 (дата обращения: 23.12.2016).

Дементьев В. Огненный мост. М. : Московский рабочий, 1970.

Иронический человек: Юрий Левитанский: штрихи к портрету / сост. Л. Гомберг при участии И. Машковской. М. : Время, 2012.

Кадочникова Е. С. Синтез искусств в лирике Ю. Левитанского и А. Тарковского : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 2011.

Коган А. Стихи и судьбы (Фронтовая тема в советской поэзии). М. : Худ. лит., 1977.

Корнилов В. Памяти Левитанского [Электронный ресурс]. URL: http://levitansky.ru/?r=6&m=32&s=489 (дата обращения: 23.12.2016).

Куллэ В. Поэт личного стыда [Электронный ресурс]. URL: http://levitansky.ru/?r=6&m=32&s=488 (дата обращения: 23.12.2016).

Лицарева К. С. Творчество Юрия Левитанского в контексте современной поэзии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. пед. гос. ун-т. М., 1994.

Никулин Д. В. Проблемы циклизации в творчестве Ю. Д. Левитанского : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. обл. соц.-гум. ин-т. М., 2010.

Поздняев М. Старый ребенок // Лит. обозрение. 1997. № 6. С. 32–34.

Розанов В. В. Опавшие листья. Короб первый. М. : Азбука Аттикус, 2015.
Чупринин С. Крупным планом: Поэзия наших дней: проблемы и характеристики. М. : Сов. писатель, 1983.

Статья поступила в редакцию 30.06.2017

Шафаренко Нина Дмитриевна
аспирант
кафедры русской литературы XX
и XXI вв.
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина 51
E-mail: kyrioz@mail.ru

Shafarenko, Nina Dmitrievna
Graduate Student,
Chair of the Russian Literature of the 20th
and 21st Centuries
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: kyrioz@mail.ru

THE TACTILE IN THE POETRY OF YURY LEVITANSKY

The name of Yuri Levitansky (1922–1996) is rarely found in the literary, critical, and educational reviews of the Russian poetry of the second half of the 20th century. The merit of his poems is mostly seen in the organic combination of front "memories" with "today's sense of the world", and researchers attempt to point out the dominant features of his poetry. They are "time", "kindness and sympathy", "shame", "compassion", a tendency to "melancholy", and "low voice". However, this only establishes a limited number of connections with the artistic expressivity of his poems that are of special interest to the author of this article. What is as important though to understand Levistansky's poetry is the tactile component connected with the category of "the live" which is reflected on different levels of the poetic texts and is one of the fundamental principles of the poet's works. The author analyses the images and themes of his main books, i.e. *Cinematograph* (1970), *Such and Such Day* (1976), *Letters to Catherine, or Walks with Faust* (1981), *White Verses* (1991), and for the first time reveals the ever transforming imagery perceived tactilely. Considering the tactile motifs key to the poet's creative work, the author points out the prevailing character of the aforementioned motif combined with the visual and acoustic components which helps establish the following pattern between the poems in question, regarding the most pronounced components in them: the visual component in *Cinematograph*, the visual and tactile in *Such and Such Day*, the visual, tactile and acoustic in *Letters to Catherine*, and the tactile and acoustic in *White Verses*. The characteristics revealed are essential for the understanding of genre of the poetry book as viewed by Levitansky.
K e y w o r d s: tactility; reality; motion; motif of the live; feeling; hands; understanding; time.

Bershin, E. *Pesochnye chasy Yuriya Levitanskogo* [Yuri Levitansky's Hourglass]. Retrieved from http://levitansky.ru/?r=6&m=32&s=541. (In Russian)
Boldyrev, Yu. *Dar poehta* [Poet's Gift]. Retrieved from http://levitansky.ru/?r=6&m=32&s=487. (In Russian)
Chuprinin, S. (1983). *Krupnym planom: Poehziya nashih dnej: problemy i harakteristiki* [Close-up: Poetry Today: Problems and Characteristics]. Moscow: Sovetskij pisatel'. (In Russian)
Dementyev, V. (1970) *Ognennyj most* [Fiery Bridge]. Moscow: Moskovskij rabochij. (In Russian)

Gomberg, L. *Mezhdu Vremenem i Bytiem* [Between Time and Being]. Retrieved from http://levitansky.ru/?r=6&m=32&s=486. (In Russian)

Gomberg, L. (Comp.). (2012). *Ironicheskij chelovek: Yurij Levitanskij: shtrihi k portretu* [Ironic Man: Yuri Levitansky: Finishing Touches to the Portrait]. Moscow: Vremya. (In Russian)

Kadochnikova, E. S. (2011). *Sintez iskusstv v lirike Yu. Levitanskogo i A. Tarkovskogo* [Synthesis of the Arts in the Lyrical Poetry of Yu. Levitansky and Andrey Tarkovsky] (doctoral dissertation abstract). Izhevsk. (In Russian)

Kogan, A. (1977). *Stihi i sud'by (Frontovaya tema v sovetskoj poehzii)* [Lyrics and Destiny (Frontline Theme in Soviet Poetry)]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russian)

Kornilov, V. *Pamyati Levitanskogo* [To Memory of Levitansky]. Retrieved from http://levitansky.ru/?r=6&m=32&s=489. (In Russian)

Kulle, V. *Poeht lichnogo styda* [The Poet of Personal Shame]. Retrieved from http://levitansky.ru/?r=6&m=32&s=488. (In Russian)

Litsareva, K. S. (1994). *Tvorchestvo Yuriya Levitanskogo v kontekste sovremennoj poehzii* [Yuri Levitansky's Creativity in the Context of Contemporary Poetry] (doctoral dissertation abstract). Moscow. (In Russian)

Nikulin, D. V. (2010). *Problemy ciklizacii v tvorchestve Yu. D. Levitanskogo* [Problems of Cyclisation in the Work of Yu. D. Levitansky] (doctoral dissertation abstract). Moscow. (In Russian)

Pozdnyaev, M. (1997). Staryi rebenok [The Old Child]. *Literaturnoe Obozrenie*, 6, 32–34. (In Russian)

Rozanov, V. V. (2015). *Opavshie list'ya. Korob pervyj* [Fallen Leaves. Box One]. Moscow: Azbuka Attikus. (In Russian)

Received on 30 June, 2017

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.057
УДК 811.111’342.61 + 821.111-343.4

О. Ю. Орлова
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

КОМПОЗИЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ В ПРОЗАИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (на материале англоязычной литературной сказки)

В настоящей статье предлагается рассматривать фоностилистические приемы в художественном тексте с позиций семиотики. Звуки и звукокомплексы в системе языка традиционно рассматриваются как единицы, лишенные самостоятельного значения. В то же время, будучи организованными определенным образом в синтагматике художественного текста, они могут приобретать особую внутритекстовую «значимость» (в соссюровском смысле), которая позволяет им функционировать в рамках данного произведения или его фрагмента в качестве знака. В данной статье рассматриваются примеры из англоязычной литературной сказки. Прагматические установки, свойственные детской литературе, реализуются в том числе в специфической фонетической организации ряда жанров детской литературы, к числу которых принадлежит и литературная сказка. За фонографической игрой, аллитерацией, спунеризмом, ритмизацией прозаического повествования и другими фоностилистическими приемами закрепляется некоторый план содержания, типичный для конкретного текста (характеристика персонажа, аллюзия к тому или иному мотиву, и др.). В масштабе целого текста фоностилистические приемы могут способствовать созданию своеобразной фонетической «разметки», обозначаемой в данной статьей термином *фонокомпозиция*. В статье предложена семиотическая схема закрепления функционального значения за фонетическим приемом внутри текста. Автор также обсуждает некоторые методологические вопросы, связанные с изучением фоностилистики художественного текста.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фоностилистика; фоностилистические приемы в прозе; композиция текста; семиотика; звукоизобразительность; литературная сказка.

Проблемам фоностилистики текста посвящены публикации многих ученых, занимающихся разработкой методик лингвистического анализа литературных произведений [Казарин; Векшин; Арнольд; и др.]. Проведенные исследования показывают, что единицы фонетического уровня в художественном тексте могут выполнять разнообразные функции, причем не только те, что закреплены за этими единицами в языковой системе [Иванов; Николаева; Горохова; и др.]. Вместе с тем обращает на себя внимание отсутствие единой методологии анализа и «неразработанность методик регистрации и описания объектов звуковой организации текста как системы» [Векшин, с. 21]. Во многом трудности научной концептуализации фоностилистических явлений в тексте связаны с тем, что они находятся на границе между фонетикой и стилистикой, между лингвистикой языка и лингвистикой речи.

© Орлова О. Ю., 2017

Хотя традиционной сферой для исследования фонетических приемов в художественном тексте всегда считалась поэзия, очевидная звуковая организованность прозаического произведения в некоторых жанрах прозы или в некоторых частях отдельных прозаических произведений (например, так называемых лирических отступлениях) не может не обратить на себя внимание [Поливанов, с. 99]. В качестве текстового материала для данной статьи использовались произведения англоязычных авторов, принадлежащие жанру литературной сказки. Англоязычная литературная сказка обладает богатой традицией и является, по мнению ряда исследователей, самой разработанной (по языковому разнообразию и разветвленности системы поджанров) из всех национальных вариантов этого жанра [Брауде, с. 17]. В силу ориентации произведений данного жанра на игру с читателем, в том числе на игру звуковую, возможности анализа фоностилистических особенностей художественного текста на материале литературной сказки представляются весьма перспективными. В данной статье мы предлагаем рассмотреть некоторые функции фоностилистических приемов в рамках жанра литературной сказки с позиций семиотики.

Мы исходим из того, что функционирование единиц фонетического уровня в художественном тексте сложнее, чем если бы мы рассматривали их только в системно-языковом плане. По выражению И. В. Арнольд, «текст есть интеграция фонетических, морфологических и лексических знаковых компонентов, и единицы его могут быть интерпретированы не сами по себе, а во взаимодействии с другими единицами — в контексте» [Арнольд, с. 59]. «Контекстуализованность» фоники в художественном тексте создает предпосылки для семиотизации тех единиц фонетического уровня, которые в составе языковой системы не могут быть признаны знаками. «Значимость» (в соссюровском смысле) как производная включенности единицы в парадигматическую систему или в линейную последовательность единиц превращается в полноценное значение.

Именно так можно рассматривать фоностилистические приемы, делающие «значимыми» (в собственно семиотическом смысле) фонетический уровень текста, который, благодаря этому, оказывается частью сложной системы смысловых маркеров. Так, аллитерация в сказке К. Сэндберга «Как два небоскреба решили завести ребенка» актуализирует тот компонент читательского опыта, который в сознании носителя английского языка связан с поэтической традицией. Соответствующий фрагмент прозаического текста, благодаря собственной семантике фоностилистического приема, прочитывается как поэтический:

> Whether they whispered secrets to each other or whether they whispered simple things that you and I know and everybody knows, that is their secret. One thing is sure: they often were seen leaning toward each other and whispering in the night the same as mountains lean and whisper in the night [Sandburg, p. 123].

Приведенный пример показывает, что необычность сообщения также может порождать новый код, который, будучи повторенным в ряде других сообщений, тоже становится нормой, стереотипизируется. Регулярное появление такой

необычной организованности либо заставляет читателя воспринимать текст как относящийся к тому классу текстов, для которых такая организация является нормальной и ожидаемой (аллитерация как признак древнейшей формы англоязычной поэзии), либо создает ассоциативный фон, влияющий на восприятие смыслового компонента текста или его фрагмента.

Эксперименты с элементами графо-фонетического уровня текста являются отличительной особенностью авангардных направлений в литературе, а также некоторых жанров традиционной поэзии и прозы, в частности, жанра литературной сказки. Так как языковой знак билатерален, то «его текстовые переклички могут осуществляться дважды: по линии смысла и по линии субстанции (звука)» [Николаева, с. 417]. Жанр литературной сказки активно эксплуатирует возможности звуковых перекличек. Эта особенность жанра объясняется его прагматическими установками: текст ориентирован на детское восприятие, присутствующие в нем элементы языковой игры призваны сделать текст интересным для ребенка. Звуковые образы в литературной сказке привлекают внимание ребенка, а изобретенные автором звукосочетания надолго остаются в памяти уже повзрослевших читателей (например, слово *kertischoo*, которое говоритт кролик Питер в сказке Б. Поттер [Potter], используется в английском языке в новых контекстах, не связанных с текстом сказки).

Функциональная нагрузка фоностилистических приемов в текстах сказочного жанра различна. В одних случаях элементы фонетической игры помогают ребенку лучше запоминать и систематизировать текстовую информацию (например, группировать персонажей по сходству фонетической формы их имен), в других — отсылают к какому-то элементу сюжета, тем самым обеспечивая связность повествования. В данной статье мы хотели бы обратить внимание на особую функцию фоностилистических приемов в жанре литературной сказки. Анализ материала показывает, что появление этих приемов в определенных фрагментах текста может создавать своеобразную фоностилистическую «разметку» текста, что позволяет говорить об их композиционной функции.

Значимость фонемы (или фонемокомплекса) в художественном тексте выявляется через повтор фонемы в сходных позициях в тексте. Схожесть позиций может определяться появлением в данных фрагментах текста одного и того же мотива или образа. Если рассматривать такие звуковые повторы как знаки, то в означаемом этого знака будет указание на ту сему, мотив или образ, с которыми этот фонемокомплекс соотносится внутри текста. Появление того или иного знака в художественном тексте определяется логикой развития сюжета и композицией.

Углубленное знакомство с литературным материалом убеждает в том, что композиционная функция является одной из важнейших текстовых функций фонетических стилистических средств. Фоностилистическая «разметка» текста проявляется в традиционно выделяемых «сильных позициях» текста (заглавии, начале, конце), а также в тех позициях, которые можно считать сильными в смысловом отношении.

Для разных объектов композиционного выделения (место и время протекания повествования, состояние героя, введение нового образа персонажа или мотива) в литературной сказке писатели обращаются к различным фоностилистическим средствам. Актуализация единиц фонетического уровня художественного текста в одних фрагментах текста особенно очевидна в сравнении с теми фрагментами текста, где актуализированы другие фонетические единицы, либо с фрагментами текста, которые вообще не демонстрируют каких-либо приемов композиционной организованности на уровне фонем.

В следующем примере из сказки Дж. Тербера «Белая лань» фонокомпозиционный рисунок отрывка маркирует описываемое пространство как волшебное: герои въезжают в Заколдованный Лес. Формальная упорядоченность на фонетическом уровне (начальная аллитерация в парах рядом стоящих слов) в описании леса поддерживает сюжетную составляющую фрагмента (попадание героев в заколдованное пространство; важно отметить, что когда герои выходят из Заколдованного Леса, аллитерация угасает):

> The white deer led its pursuers through a *s*ilver *s*wamp and a *b*ronze *b*og and a *g*o*ld*en *gl*a*d*e, its *s*peed *s*till *s*wift as light. It shot like an arrow through a *f*iery *f*en and over a *m*isty *m*oor. It climbed a *r*uby *r*idge, flung across a *v*alley of *v*iolets, and sped along the *p*early *p*ath leading to the *m*yriad *m*azes of the *M*oonstone *M*ines.
>
> Twenty *h*oofs thundered *h*otly through a *h*aunted *h*ollow of *s*pectral *s*ycamores hung with *l*ighted *l*anterns and past a *t*urquoise *t*arn and ***a***long an ***a***venue of ***a***sphodel[1] that *t*urned and *t*wisted *d*own a *d*ark *d*escent which *l*ed at *l*ast to a *pal*e and *peril*ous *pl*ain. The *s*etting *s*un *s*ank into the *s*ea, *s*even *s*tars ***sh***one *s*uddenly in the *s*ky, and the white *d*eer's *d*readful *d*ay was *d*one, its *r*ace was *r*un, for now it *s*tood *s*ilent and *s*till and ***sh***ivering under the mighty *c*rag *c*alled Centaurs Mountain [Thurber, p. 199].

Перемещение героев из нормального мира в волшебный, а значит и изменение их собственного состояния, маркируется такими фоностилистическими средствами, как ритмизация прозы, рифма (см. в следующем примере: *roses — noses*, *men — ten*) и спунеризм (игра слов, при которой в двух рядом стоящих словах меняются местами начальные части), причем данные явления характерны только для прямой речи героев:

> "This heavish sweety fragrance," Thag muttered to himself, "That rises or that *roses*, isn't fit for human *noses*, and it tricks the minds of *men*. Three times two is eight," he said, "and one is *ten*" [Ibid., p. 211].

Мы можем говорить о композиционной роли фоностилистических средств в художественном тексте, прибегая к понятию оппозиции. Часто, как в приведенных выше примерах, это будет оппозиция двух элементов системы:

---

[1] Здесь буквы и сочетания букв, выделенные полужирным шрифтом, не обозначают фонетический повтор. Скорее, здесь идет речь о графическом подобии, что также часто используется автором как стилистическое средство наряду с фонетическим повтором. Как пишет Г. В. Векшин, именно графема является «элементарной речевой субстанцией для фоностилистики» [Векшин, с. 45].

маркированного и немаркированного. При анализе фоностилистического аспекта художественного текста маркированным элементом оппозиции будет считаться фрагмент текста, содержащий фоностилистические приемы, а немаркированным — эпизод, где эстетический потенциал фонетических ресурсов художественного текста не актуализирован.

В терминах оппозиции могут быть описаны противопоставления групп фонем, каждая из которых «отвечает» за определенный мотив, образ или одну черту в образе персонажа. Как фонемы, так и слова, в составе которых они встречаются, могут выступать в виде противопоставленных друг другу членов оппозиции. Фонетические оппозиции — это не только возможность повышения звуковой выразительности различных фрагментов текста на фоне других, но и способ выделения содержательно значимых элементов текста. В некоторых контекстах фонемная оппозиция может характеризовать конфликт между двумя образами (например, образами персонажей), в то время как в других случаях противопоставление на фонемном уровне может указывать на внутреннюю противоречивость персонажа, внутренний конфликт. Ср. фрагмент из сказки «Белая лань»:

> There was a musical *s*tream to *sw*im, whose *s*oft waters *sw*ayed *so s*omnolently and *s*ang *so sw*eetly that Thag had to *s*truggle *s*avagely against *dro*wsiness and *d*eath by *dro*wning [Thurber, p. 213].

Здесь слова, описывающие музыкальный поток в сказке «Белая лань» и действия героя, в основном содержат начальную аллитерацию [s]/[sw], в то время как реальная опасность, стоящая за этим, описывается словами, начинающимися с [d]/[drau].

В следующем фрагменте из этой же сказки герой мягко и быстро ступает (начальная аллитерация на [s]), а чудовище видит героя и нападает на него (образ вновь представлен с помощью слов с той же начальной фонемой или фонемокомплексом [d(r)]):

> Thag *s*tepped forward *s*oftly and *sw*iftly, but the monster, *dr*eaming of *d*anger, opened one eye and *s*truggled to his feet with a mighty "scaroooooff!" [Ibid., p. 213].

Приведенные примеры показывают, что фонетические средства могут:

1) маркировать хронотоп повествования (изменение времени и места в произведении). Здесь активны такие приемы, как аллитерация, липограмма и другие фонографические средства;

2) характеризовать изменение состояния героя. В основном изменение состояния героя выражается через сгущение фоностилистических приемов в его речи (что проявляется в использовании таких приемов, как ритмизация прозы, рифма, спунеризм);

3) подготавливать читателя к появлению образа нового персонажа или к введению в повествование нового мотива. Для таких целей авторы активно пользуются анаграммированием, смысловой инструментовкой, повтором звуков имени героя во фрагменте, предшествующем его появлению.

Чередование маркированных и немаркированных текстовых фрагментов применительно к фоностилистическому анализу художественного текста, актуализация элементов фонетического уровня текста в сильных позициях, — всё это дает возможность рассматривать данные особенности в рамках общего понятия фонокомпозиции. Под *фонокомпозицией* мы понимаем такой способ организации фонетических средств художественного текста, который маркирует определенные важные в сюжетно-композиционном и смысловом отношении фрагменты текста.

Изучение фонокомпозиционных приемов в прозаическом тексте требует выработки соответствующей методики, которая должна учитывать специфические особенности этого явления. В частности, композиционная организованность фонетических средств художественного текста не во всех случаях проявляется в увеличении частотности той или иной фонемы или фонемокомплекса. Более существенным и рецептивно значимым является повторение соответствующего фонемокомплекса в особой позиции, его участие в оформлении общего композиционного рисунка повествования. Например, повтор одного звука в начальной позиции в двух рядом стоящих словах статистически непоказателен, но в составе всего фонетического рисунка, где парам слов с одинаковым началом соответствует некоторый элемент содержания текста, его значимость очевидна (ср. пример с Заколдованным Лесом). По этой причине нам представляется малоэффективным применение чисто статистических методов при выявлении таких фоностилистических средств в тексте. «Голые» статистические наблюдения над частотностью фонем или фонемокомплексов, даже если такие наблюдения возможны, бессмысленны без учета качественной (т. е. семантической) стороны повествования.

Еще одна методологическая проблема, которая возникает при анализе художественного текста, — это соотношение фонетического и графического знаков. Если понимать текст как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа» [Гальперин, с. 18], т. е. рассматривать в качестве объекта исследования письменный текст, то структура знака предстает в еще более сложном виде. С опорой на семиотические идеи Л. Ельмслева и Р. Барта ее можно представить в виде иерархически организованной структуры:

<table>
<tr><td>Означающее-1
(графема)</td><td>Означаемое-1
(фонема)</td><td colspan="2"></td></tr>
<tr><td colspan="2">Означающее-2
(фонографема)</td><td>Означаемое-2
(содержание фоно-
стилистического приема)</td><td></td></tr>
<tr><td colspan="3">Означающее-3
(фоностилистический прием)</td><td>Означаемое-3
(коннотативное значение
приема в данном жанре)</td></tr>
</table>

Семиотическая структура фоностилистического приема

Если на первом уровне (собственно языковой уровень) графема обозначает звук, то на втором уровне (уровень художественного текста) целая фонографема обладает некоторой значимостью в зависимости от контекста, от ее участия в составе более крупных текстовых единиц. Здесь определенная значимость закреплена не только за звуком, но за целым звукобуквенным образом. Оперируя терминами семиологии, в этой ситуации означающее и означаемое первого знака (Означающее-1 и Означаемое-1) выступают как означающее (Означающее-2) для нового означаемого (Означаемое-2). Третий уровень семантизации фонографемы — это появление некоторого коннотативного (в семиотическом смысле этого термина) значения у фонографического приема в отдельно взятом жанре. Присутствие специфических стилистических приемов в жанре литературной сказки, с одной стороны, может объясняться прагматическими задачами, которые ставит перед собой автор: например, нарочитый звуковой повтор в «детском» жанре призван привлечь внимание ребенка к звуку / букве, к особенностям их произношения / правописания. С другой стороны, актуализация фонетико-графического уровня может служить маркером этого жанра: фонографическая игра в литературной сказке представлена в бóльшем разнообразии по сравнению с другими жанрами «детской» прозы (подростковая повесть, детский детектив и др.). Это коннотативное, дополнительное значение фонографического приема в целом является Означающим-3 на третьем уровне данной «семиотической лестницы», где можно описать особенности значения данного приема, например, для определенного жанра.

Семиотический подход к рассмотрению фонетических приемов в художественном тексте помогает исследователю установить объективную значимость данных приемов в тексте, определить их связь с композицией текста и описать различные уровни их семантизации в литературном произведении.

Источники

Potter B. The Tale of Peter Rabbit. London : Frederick Warne & Co, 2002.

Sandburg K. Rootabaga Stories // Американская литературная сказка : сб. / сост. Т. Д. Венедиктова ; на англ. яз. М. : Радуга, 1990. С. 95–189.

Thurber J. The White Deer // Американская литературная сказка : сб. / сост. Т. Д. Венедиктова ; на англ. яз. М. : Радуга, 1990. С. 191–233.

Исследования

Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов. 9-е изд. М. : Флинта : Наука, 2009.

Брауде Л. Ю. Среди домовых и троллей // Подарок тролля: сказки писателей Скандинавии. Петрозаводск : Карелия, 1993. С. 5–19.

Векшин Г. В. Очерк фоностилистики текста: Звуковой повтор в перспективе смыслообразования. М. : МГУП, 2006.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981.

Горохова Л. А. О некоторых закономерностях перевода ономатопов в зависимости от функции, выполняемой ими в тексте // Лингвистика. Перевод. Межкультурная коммуникация. Вып. 2. Пятигорск : Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2000. С. 110–120.

Иванов Вяч. Вс. О языковых причинах трудностей перевода художественного текста // Поэтика перевода : сб. ст. / сост. С. Гончаренко. М. : Радуга, 1988. С. 69–88.

Казарин Ю. В. Проблемы фоносемантики поэтического текста. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.

Николаева Т. М. От звука к тексту. М. : Языки славянских культур, 2000.

Поливанов Е. Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопр. языкознания. 1963. № 1. С. 99–112.

Статья поступила в редакцию 24.01.2017

Орлова Ольга Юрьевна
ассистент кафедры германской филологии
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 208
E-mail: orlova_82@inbox.ru

Orlova, Olga Yuryevna
Teaching Fellow,
Department of Germanic Philology
Ural Federal University
51, Lenin Ave., room 208,
620000 Yekaterinburg, Russia
Email: orlova_82@inbox.ru

THE COMPOSITIONAL FUNCTION OF PHONOSTYLISTIC DEVICES IN PROSE (with Reference to Literary Fairy Tales)

This article suggests that phonostylistic devices in fiction be considered from the semiological point of view. Sounds and sound clusters are traditionally seen as units without independent meaning. At the same time, being organised in a special way in the syntagmatics of the fictional text, they may acquire a specific "value" (as viewed by Saussure), which enables them to function in a given text or a part of the text as a sign. This article examines examples from literary fairy tales. Pragmatic purposes, typical of children's literature, are realised among other things in the peculiar phonetic organisation of children's literature genres including the literary fairy tale. Phonographical play, alliteration, spoonerism, the rhythmic organisation of prosaic narration, and other phonostylistic devices add a certain plane of content, typical of a specific text (description of a character, reference to a motif). Within the whole text, phonostylistic devices can contribute to a peculiar "marking", which is in this article referred to as *phonocomposition*. The author puts forward a scheme which shows how attaching a functional meaning is added to a phonetic device within the text. The author also touches upon several methodological issues connected with phonostylistics.

K e y w o r d s: phonostylistics; phonetic devices in prose; text composition; semiotics; literary fairy tales.

Arnold, I. V. (2009). *Stilistika. Sovremennyi angliiskii iazyk* [Stylistics. The Modern English Language] (9th ed.). Moscow: Flinta; Nauka. (In Russian)

Braude, L. Yu. (1993). Sredi domovykh i trollei [Among House Spirits and Trolls]. In L. Yu. Braude (Ed.), *Podarok trollia: skazki pisatelei Skandinavii* [A Troll's Gift: Fairy Tales by Scandinavian Authors] (pp. 5–19). Petrozavodsk: Kareliia. (In Russian)

Galperin, I. R. (1981). *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniia* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Gorokhova, L. A. (2000). O nekotorykh zakonomernostiakh perevoda onomatopov v zavisimosti ot funktsii, vypolniaemoi imi v tekste [On Some Regularities in the Translation of Onomatopoetic Units Depending on their Function in the Text]. In *Lingvistika. Perevod. Mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Linguistics. Translation. Intercultural Communication] (Issue 2, pp. 110–120). Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University. (In Russian)

Ivanov, V. V. (1988). O iazykovykh prichinakh trudnostei perevoda khudozhestvennogo teksta [On the Linguistic Causes of Difficulties in Literary Translation]. In S. G. Goncharenko (Ed.), *Poetika perevoda* [The Poetics of Translation] (pp. 69–88). Moscow: Raduga. (In Russian)

Kazarin, Yu. V. (2000). *Problemy fonosemantiki poeticheskogo teksta* [Problems of Phonosemantics of a Poetic Text]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Nikolaeva, T. M. (2000). *Ot zvuka k tekstu* [From Sound to Text]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)

Polivanov, E. D. (1963). Obshchii foneticheskii printsip vsiakoi poeticheskoi tekhniki [On the General Phonetic Principle of Poetic Techniques]. *Voprosy jazykoznaniija*, 1, 99–112. (In Russian)

Vekshin, G. V. (2006). *Ocherk fonostilistiki teksta: Zvukovoi povtor v perspektive smysloobrazovaniia* [An Essay on Phonostylistics of Text: Sound Repetition in the Perspective of Meaning Formation]. Moscow: MGUP. (In Russian)

Received on 24 January, 2017

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.058
УДК 94(470)“1941/45” + 94(470.5)“1941/45” + + 355.123.1 + 355.123.5 + 355.292

О. И. Нуждин
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

НОВАЯ КНИГА К ГОДОВЩИНЕ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рец. на кн. : 22-я армия: от первых до победных дней Великой Отечественной войны. Воспоминания участников боевых действий / сост. М. И. Дергачева, Л. Н. Сухотина. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 310 с.

В рецензии рассматриваются содержание и структура сборника очерков и воспоминаний под общим названием «22-я армия: от первых до победных дней Великой Отечественной войны», подготовленного М. И. Дергачевой и Л. Н. Сухотиной. Цель данного отзыва состоит в том, чтобы определить ценность данной публикации для изучения Второй мировой войны, истории Урала и участия уральцев в боевых действиях 1941–1945 гг. Делается вывод, что книга воспоминаний является весьма полезным источником по истории начального периода Великой Отечественной войны. Методологическая направленность рецензии определяется сформулированной целью: данные очерков и воспоминаний сопоставляются с данными советских и немецких документов, справочными и иными изданиями, посвященными соответствующей проблематике. Такой подход позволил определить достоинства и выделить ряд существенных недостатков, требующих коррекции или комментирования.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Великая Отечественная война; 22-я армия; Урал; Уральский военный округ; история боевых действий.

Издательство Уральского университета выпустило в свет очередную книгу, посвященную Второй мировой войне, продолжив тем самым свою серию публикаций на эту тему. Она появилась как раз в год 75-летия начала Великой Отечественной войны и посвящена начальному этапу военных действий. Новое

© Нуждин О. И., 2017

издание носит название «22-я армия: от первых до победных дней Великой Отечественной войны». Материалами для книги послужили справки, письма и документы, хранившиеся в личных архивах бывшего председателя Совета ветеранов 22-й армии Н. П. Сухотина и заместителя председателя И. А. Дергачева [22-я армия..., с. 7]. Фамилия второго автора многое говорит всем, кто работал или учился в Уральском государственном университете: доктор филологических наук, профессор Иван Алексеевич Дергачев стоял у истоков филологического факультета, будучи одним из его основателей и его первым деканом. В свое время Н. П. Сухотин и И. А. Дергачев собирались издать отдельную книгу об участии уральской 22-й армии в Великой Отечественной войне.

Можно считать, что пожелание ветеранов сбылось: их труд спустя много лет все-таки увидел свет. Поэтому появление новой книги можно только приветствовать. Материалы архивов Совета ветеранов были собраны, систематизированы и предложены к публикации их дочерьми – М. И. Дергачевой и Л. Н. Сухотиной, которые выступили в качестве авторов-составителей. Хочется выразить им благодарность за проделанную большую и важную работу.

По своей структуре книга представляет собой сборник, состоящий из трех частей. Подзаголовок книги «Воспоминания участников боевых действий» позволяет предположить, что данный текст можно отнести к мемуарному жанру. К сожалению, это не так. Вся первая и в значительной степени вторая часть представляют собой очерки по истории боевых действий 22-й армии или входивших в ее состав частей и соединений. Их никак нельзя отнести к категории воспоминаний.

Первая часть книги представляет собой несколько очерков, в краткой, сжатой форме повествующих об основных этапах боевой деятельности объединения с июня 1941 г. по март 1945 г. С такой хронологией трудно согласиться в силу ряда причин. Во-первых, объединение воинов-уральцев, оставшихся в строю, по количеству перестало быть «уральским» к сентябрю 1941 г., а в конце этого года из ее состава ушла последняя дивизия, сформированная в Уральском военном округе — 186-я [Свердловская область..., с. 136]. После выхода из великолукского окружения был переведен в другую армию и первый командарм 22-й армии — генерал Ф. А. Ершаков.

В самом начале составители, обращаясь к читателям, сформулировали основную задачу книги так: она «посвящена 22-й армии, сформированной в самом начале Великой Отечественной войны. В ее рядах сражались воины, призванные из Кировской, Молотовской (Пермской), Свердловской, Челябинской областей, а также Удмуртской и Башкирской автономных республик. Командный состав армии был укомплектован из командиров Уральского военного круга» [22-я армия..., с. 5].

Здесь, в самом начале, уже допущен ряд серьезных ошибок. В действительности, уже 13 мая 1941 г. Наркомат обороны отдал командующим пяти военных округов приказ о выдвижении их дивизий и корпусов на запад, для формирования армий второго стратегического эшелона. Среди них была 22-я армия

Уральского военного округа [Великая Отечественная война. 1941–1945, кн. 1, с. 117–118], т. е. ее формирование было завершено задолго до начала боевых действий. Война застала 22-ю армию уже сформированной как полноценное объединение, имевшее в своем составе два корпуса и шесть стрелковых дивизий. Действительно, командный состав 22-й армии в начале войны был укомплектован за счет кадров Уральского военного округа. Однако к осени первоначальный состав был потерян в ходе месячных оборонительных боев, и говорить о его сугубо «уральском» составе уже нельзя. Комплектование Главным управлением кадров РККА осуществлялось впоследствии на общих для всех объединений и соединений основаниях, без учета территориального принципа.

Ошибки продолжаются и на последующих страницах. Так, в главе «Боевой путь 22-й армии» ее автор И. А. Дергачев утверждает, что 112-я дивизия 22-й армии вела бой под г. Краслава со 111-й пехотной дивизией вермахта [22-я армия..., с. 14]. Это неверное утверждение, поскольку на данном направлении действовала 121-я пехотная, командиром которой был генерал-лейтенант Отто Ланселле. Можно было бы простить такую «неточность», поскольку она касается соединения противника, но путаница с командирами советских соединений уже трудно объяснима. Так, далее автор указывает, что с 7 июля 1941 г. 170-ю дивизию возглавил полковник Н. М. Ласкин, сменив на этом посту генерал-майора Т. К. Силкина. В качестве командира 186-й дивизии указан почему-то полковник А. П. Пилипенко [Там же, с. 14–15], хотя весь период с начала войны до конца августа ее возглавлял генерал-майор Н. И. Биричев. Полковник А. П. Пилипенко сменил его на этом посту только 2 сентября 1941 г. [Великая Отечественная. Комдивы, т. 5, с. 14].

Также нельзя согласиться с утверждением о том, что 29-й корпус и 179-я дивизия в середине июля «оказались» в резерве армии [22-я армия..., с. 15]. Напротив, у 22-й армии к этому времени не было нормальных резервов, все подчиненные ей соединения находились в бою, в частности, упомянутая здесь 179-я дивизия полковника А. И. Устинова вела тяжелые бои в районе Пустошки.

В следующем очерке, автором которого также является И. А. Дергачев, часть вышеприведенных ошибок была исправлена, однако добавились новые, в частности, продолжилась путаница с командирами соединений. Так, командиром 179-й дивизии почему-то назван полковник Н. Г. Гвоздев [Там же, с. 27], хотя ее до середины июля 1941 г. возглавлял уже упомянутый полковник А. И. Устинов.

В советской литературе, отражением наследия которой являются приведенные воспоминания, зачастую существенно завышались потери противника и преувеличивались успехи наших войск, особенно в начальный период войны. Так и здесь И. А. Дергачев, недостаточно критично используя, по-видимому, данные доклада полковника И. А. Копяка [Докладная записка Военному совету..., л. 1], пишет о потерях противника под Краславой в 5 000 солдат. Здесь же он утверждает, что немецкую 19-ю танковую дивизию дважды сбрасывали с захваченного ею плацдарма в районе Дисны [22-я армия..., с. 33], что не соответствует действительности. На самом деле, она прочно удерживала занятый

ею район, и все попытки 174-й и 98-й дивизий ликвидировать ее не увенчались успехом [NARA, T. 314, Roll 1470, Fr. 137, 139, 141]. Именно с этого плацдарма в дальнейшем был нанесен удар 86-й пехотной дивизией, который привел к падению г. Полоцка. Отсюда же 19-я танковая и 14-я моторизованная рванули в тыл группировке 22-й армии.

Это же замечание можно отнести и к описанию боев за г. Великие Луки. В соответствии с установившейся еще с 1941 г. историографической традицией, автор утверждает, что советские войска выбили немецкую 19-ю танковую дивизию из города [22-я армия..., с. 39–40]. В действительности, противник сам принял решение об отводе ее от Великих Лук, полагая, что уничтожение основных сил 22-й армии западнее Великих Лук важнее удержания самого города [NARA, T. 314, Roll 1470, Fr. 242, 244]. Справедливости ради, нужно отметить, что автор привел ссылку на воспоминания Г. Гота, в которых тот назвал причины отвода 19-й танковой из Великих Лук, но оставил их без должного комментария.

Довольно оптимистично изложены результаты окружения 22-й армии в ходе Великолукского сражения конца августа 1941 г. Так, «на этот рубеж вышли основные части 174-й, 214-й, 186-й стрелковых дивизий, 697-й противотанковый артиллерийский полк, корпусные части 62-го стрелкового корпуса. К 29 августа стали подтягиваться разрозненные части других дивизий...» [22-я армия..., с. 41]. Представить себе масштаб поражения 22-й армии по таким данным практически невозможно, а ведь из доклада командования Западного фронта следует, что она потеряла за несколько дней боев около 50 тысяч бойцов и командиров [Доклад командования Западного фронта..., с. 58–59].

Это событие особенно важно с точки зрения изначального замысла книги о 22-й армии как «уральской». Именно после поражения под Великими Луками она перестала быть таковой, превратившись в заурядное объединение РККА. Остальная история 22-й армии имеет отношение к Уралу не более всех других.

Следующие два очерка, автором которых является Н. П. Сухотин, во многом повторяют информацию предыдущих: вновь повествуется о переброске 22-й армии на западную границу, вкратце рассказывается о боях у Полоцка и Себежа, в окружении западнее Великих Лук, обороне самого города и окружении 22-й армии в конце августа 1941 г. Ничего принципиально нового или важного они не дают. К достоинствам очерков можно отнести четкую констатацию причин расформирования 51-го, 29-го и 62-го корпусов, а также 98-й, 170-й и 112-й стрелковых дивизий [22-я армия..., с. 55], а также развернутые характеристики соединений армии, сведения о командирах, количестве личного состава и вооружении по состоянию на конец июля 1941 г. [Там же, с. 90–98]. К сожалению, ни в одном из очерков не только не исследован, но даже не назван факт пропажи без вести двух генералов 22-й армии — Т. К. Силкина и И. П. Карманова.

Не обошлось здесь и без противоречий, хотя автором обоих очерков является один и тот же человек — Н. П. Сухотин. В частности, в одном из них автор утверждает: «22-я армия какого-либо усиления не получила и вступила в сражения... без наличия в своем распоряжении танков и боевой авиации...» [Там же, с. 52],

а в другом пишет, что в состав армии вошла 48-я танковая дивизия, на вооружении которой состояли танки Т-26, а также 46-я авиадивизия с «числом пилотов до 70 человек и ограниченной боевой техникой» [22-я армия..., с. 62–63]. Наконец, на одной и той же странице автор в одном абзаце пишет, что войска авиацией не прикрывались, а в следующем повествует о действиях 46-й авиадивизии, в том числе о ее бомбовых ударах по немецким войскам [Там же, с. 68].

Здесь, к сожалению, также не обошлось без ошибок. Например, автор утверждает, что в направлении на г. Полоцк наступали три с половиной дивизии немецкого L корпуса. В действительности, состав корпуса не был постоянным, в начале июля в него входили три дивизии, а концу месяца осталось всего две — 251-я и 253-я [NARA, T. 314, Roll 1230, Fr. 296, 342, 348], а наступал он значительно севернее Полоцка, на Дриссу. Перепутан состав LVII мехкорпуса, и, наконец, назван несуществующий XXIII артиллерийский корпус, в котором, якобы, находились 81-я и 206-я пехотные дивизии [22-я армия..., с. 72–73]. На самом деле, 81-я воевала на другом участке фронта, тогда как против войск 22-й армии и как раз на полоцком направлении действовали полки 86-й дивизии.

Главным недостатком всех очерков, вошедших в первую часть книги, является то, что они не являются ни исследованиями, ни воспоминаниями. Конечно, можно сделать скидку на то, что составители опубликовали то, что имелось в их распоряжении в неизменном виде. Однако во избежание ошибок имело бы смысл снабдить публикацию комментариями.

Примерно по тому же принципу построена и в т о р а я ч а с т ь книги. Если в первой речь шла об армии в целом, то здесь — о входивших в ее состав частях и соединениях. Здесь, опять-таки в виде очерков, повествуется о судьбе ряда соединений 22-й армии (170-й, 174-й, 179-й, 185-й и 186-й стрелковых дивизий), а также о входивших в ее состав медицинских частей. Некоторое удивление вызывает подбор материала для этой части. Почему-то так и не нашлось места для хотя бы небольшого очерка, посвященного первому командарму 22-й армии — генерал-лейтенанту Ф. А. Ершакову, который вполне достоин быть увековеченным на страницах книги, посвященной солдатам-уральцам, в виде отдельного очерка. Упоминание о таком человеке в виде всего двух строчек текста представляется явно недостаточным, особенно на фоне пространного рассказа об одном из командиров дивизий, входивших в состав армии в начале войны, — комбриге А. И. Зыгине.

Также видится не совсем обоснованным включение в главу статьи об истории 185-й стрелковой дивизии. Дело в том, что в составе 22-й армии она находилась сравнительно недолго, и весь рассказ об этом в книге занял всего три строчки: «В июле и августе 1942 года дивизия была передана в состав 22-й армии и до января 1943 года вела местные отвлекающие бои в районе г. Оленино — Белый» [Там же, с. 178]. Напротив, в книге отсутствуют статьи о других соединениях 22-й армии, воевавших в ее составе во время Великой Отечественной войны.

На наш взгляд, самой любопытной публикацией стали воспоминания бывшего начальника штаба 179-й дивизии майора И. Д. Копылова. Они оказались

единственными воспоминаниями командира, занимавшего столь высокую должность в составе 22-й армии в годы Великой Отечественной войны. Ведь все остальные находились в меньших званиях и на более низких должностях и, следовательно, имели меньший кругозор и понимание сути происходящего вокруг.

Бывший начальник штаба И. Д. Копылов весьма интересно рассказал о формировании своей 179-й дивизии, первых боях, переформировании соединения из национального (литовского) в обычное. Подробно автор поведал об обстоятельствах гибели командира дивизии А. И. Устинова. Разумеется, нашлось достаточно места описаниям боевых действий в составе 22-й армии, разного рода эпизодам (смерть начальника медико-санитарного отделения, прибытие пополнения, поиск обмундирования), т. е. всему тому, что оживляет любой рассказ о боевых действиях, делает его живыми человеческими переживаниями [22-я армия..., с. 162, 163–164, 168–169]. Именно такие воспоминания ожидались от названной книги, именно их так не хватило составителям.

Наконец, третья часть состоит из подборки писем, содержащих воспоминания ветеранов. Только эта, последняя, причем не самая объемная часть, в наибольшей степени соответствует подзаголовку всей книги – «Воспоминания участников боевых действий». Трудность ознакомления с ними состоит в том, что они расположены без учета какой-либо хронологии или тематики, просто вразброс, как и везде, отсутствуют какие-либо комментарии. Поэтому получилось так, что события начала войны перемежаются с рассказами о действиях бойцов 22-й армии в 1944 г. Такая структура никак не может быть признана удовлетворительной, более того, она существенно затрудняет общее восприятие истории боевых действий объединения.

Есть и претензии иного рода. Так, в книге присутствуют явные анахронизмы. Уже в самом первом очерке 112-я дивизия названа «пермской», хотя, как известно, г. Пермь в годы Великой Отечественной войны именовался Молотов. Странными являются сокращения, принятые составителями книги. Так, аббревиатурой «т. е. р.» обозначены технические средства разведки, а сокращение «МД» раскрывается как механизированный (а не минометный) дивизион «катюш».

Несмотря на высказанные замечания, выход книги «22-я армия: от первых до победных дней Великой Отечественной войны» является значимым событием для изучения истории Уральского военного округа, истории Урала в годы Великой Отечественной войны. В ней содержится ряд фактов, ранее неизвестных историкам-исследователям. Книга позволяет более широко и полно осветить участие уральских формирований в Смоленском сражении и обороне Москвы, а также в окончательном разгроме Германии и ее союзников в 1945 г. Немаловажным является и то, что наконец-то увидели свет воспоминания непосредственных участников тех событий, в первую очередь – И. А. Дергачева и Н. П. Сухотина.

Источники

Доклад командования Западного фронта И. В. Сталину о причинах поражения 22-й армии // Исторический архив. 1993. № 1. С. 57–60.

Докладная записка Военному совету 22 армии о боевых действиях 112 сд с 26 июня по 22 июля 1941 г. // ЦАМО. Ф. 376. Оп. 10803. Д. 6. Л. 1–6.

NARA. T. 314. Roll 1230. 989 fr.; Roll 1470. 1338 fr.

Исследования

22-я армия: от первых до победных дней Великой Отечественной войны. Воспоминания участников боевых действий / сост. М. И. Дергачева, Л. Н. Сухотина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016.

Великая Отечественная война. 1941–1945 / гл. ред. комис.: В. А. Золотарев [и др.] ; [Ин-т воен. истории]. М. : Наука, 1998. Кн. 1 : Суровые испытания.

Великая Отечественная: Комдивы. Военный биографический словарь. Командиры стрелковых, горнострелковых дивизий, крымских, полярных, петрозаводских дивизий, дивизий ребольского направления, истребительных дивизий. (Пивоваров — Яцун). М. : Кучково поле, 2014. Т. 5.

Свердловская область. Страницы истории (1934–2014) / под ред. В. Д. Камынина, А. Д. Кириллова, А. В. Сперанского. Екатеринбург : Сократ, 2014.

Рецензия поступила в редакцию 20.01.2017

Нуждин Олег Игоревич
кандидат исторических наук, доцент
кафедры социально-культурного сервиса
и туризма
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: o_nuzhdin@mail.ru

Nuzhdin, Oleg Igorevich
PhD (History), Associate Professor
Chair of Sociocultural Service and Tourism
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: o_nuzhdin@mail.ru

A NEW BOOK FOR THE ANNIVERSARY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

***Review of*: Dergacheva, M. I., & Sukhotina, L. N. (Eds.). (2016). *22-ia armiia: ot pervykh do pobednykh dnei Velikoi Otechestvennoi voiny. Vospominaniia uchastnikov boevykh deistvii* [The 22nd Army: From the Outbreak to the Victorious Days of the Great Patriotic War. Memoirs of Combatants]. Yekaterinburg: Ural University Press.**

This review examines the content and structure of a collection of essays and memoirs named *22nd Army: From the Outbreak to the Victorious Days of the Great Patriotic War*, and edited by M. I. Dergacheva and L. N. Sukhotina. The purpose of this review is to determine the value of the publication for the study of World War II, the history of the Urals, and the region's role in the military action between 1941 and 1945. The reviewer concludes that the book of memoirs is a very useful source for the history of the initial period of the Great Patriotic War. The methodology of the review complies with its purpose: the data of the essays and memoirs are compared with those found in Soviet and German documents, reference books, and other publications on the subject. This approach allows the author to identify and highlight the advantages and point out

a number of significant deficiencies in the text reviewed requiring correction or commentaries.

K e y w o r d s: World War II; Great Patriotic War; 22nd Army; Urals; Ural Military District; history of fighting.

Dergacheva, M. I., & Sukhotina, L. N. (Eds.). (2016). *22-ia armiia: ot pervykh do pobednykh dnei Velikoi Otechestvennoi voiny. Vospominaniia uchastnikov boevykh deistvii* [The 22nd Army: From the Outbreak to the Victorious Days of the Great Patriotic War. Memories of Combatants]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Kamynin, V. D., Kirillov, A. D., & Speransky, A. V. (Eds.). (2014). *Sverdlovskaia oblast'. Stranitsy istorii (1934–2014)* [Sverdlovsk Region. Pages of History (1934–2014)]. Yekaterinburg: Sokrat. (In Russian)

Velikaia Otechestvennaia: Komdivy. Voennyi biograficheskii slovar'. Komandiry strelkovykh, gornostrelkovykh divizii, krymskikh, poliarnykh, petrozavodskikh divizii, divizii rebol'skogo napravleniia, istrebitel'nykh divizii. (Pivovarov — Yatsun) [The Great Patriotic War: the Komdivs. A Military Biographical Dictionary. Commanders of Rifle, Mountain Rifle Divisions, Crimean, Polar, Petrozavodsk Divisions, Divisions of the Rebol Line, Fighter Divisions. (Pivovarov – Yatsun)] (Vol. 5). (2014). Moscow: Kuchkovo pole.

Zolotarev, V. A. (Ed.). (1998). *Velikaia Otechestvennaia voina. 1941–1945* [The Great Patriotic War. 1941–1945] (Book 1: Surovye ispytaniia [Ordeals]). Moscow: Nauka. (In Russian)

Received on 20 January, 2017

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.059
УДК 94(430) + 323.31 + 323.396 + 316.422

Н. Н. Баранов
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

СУДЬБА НЕМЕЦКОГО ДВОРЯНСТВА В ЭПОХУ МОДЕРНА

Рец. на кн. : *Reif H.* Adel im 19. und 20. Jahrhundert. Reihe „Elitenwandel in der Moderne“ / H. Reif. — München : Oldenbourg, 2012. — 182 S.

Рецензируется фундаментальный труд ведущего современного германского исследователя истории немецкого дворянства XVIII — начала XX в. Х. Райфа. В монографии представлен обобщающий анализ трансформации социального статуса, внутри- и межсословных связей, имущественного положения, профессиональных траекторий, политического влияния, ценностных установок знати в контексте процессов модернизации и смены элит. Дан самый полный на сегодняшний день источниковедческий и историографический обзор по проблематике исследования. Корректируются некоторые существенные устоявшиеся в историографии оценки, в первую очередь — тезисы об «экономической смерти» юнкерства, об исключительной ответственности дворянства за неспособность кайзеровской Германии к самореформированию. Предложена оригинальная авторская концепция «дворянскости» как базового элемента сословного самосознания и политической культуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Германия; дворянство; консерватизм; модернизация; элита.

На протяжении «короткого» XX в. история дворянства в новое и новейшее время занимала маргинальные позиции в «большой» исторической науке Германии, оставаясь уделом генеалогов и краеведов. Казалось, тема ушла далеко на задний план после ноябрьской революции 1918 г., лишившей традиционную знать ее былого статуса и привилегий. Только в 1990-е гг. ситуация стала меняться. Фактически первым, кто проблематизировал историю дворянства в контексте процессов модернизации и смены элит, стал профессор новой истории в техническом университете Берлина Хайнц Райф. Инженер-машиностроитель по образованию, он с 1973 г. выбрал путь профессионального историка и в течение 10 лет работал в университете Билефельда под руководством Ю. Коки. В 1977 г. он защитил диссертацию на тему «Вестфальское дворянство в 1770–1860 гг. От господствующего сословия к региональной элите». До 2016 г. Райф являлся научным редактором серии «Смена элит в современную эпоху», на сегодняшний день насчитывающую 20 монографий. Коллеги уже называют его «Нестором истории немецкого дворянства». Первое издание его книги «Дворянство в XIX и XX вв.» вышло в солидной серии «Энциклопедия немецкой истории» мюнхенского издательства «Oldenburg» в 1999 г., а в 2012 г. появилось второе — расширенное и дополненное.

© Баранов Н. Н., 2017

Работа, предисловие к которой написал Л. Галь, состоит из трех крупных блоков. Первый — энциклопедический обзор — включает пять разделов: 1) основные черты структуры дворянства к началу XIX в.; 2) связь с землей, земельная собственность, имущество; 3) от службы к профессии; 4) дворянство в буржуазном обществе; 5) дворянство и политика. Второй, более обширный блок посвящен основным проблемам и тенденциям исследований. Он начинается с характеристики исследовательских подходов и дискуссионных проблем. Далее следует обзор конкретно-исторических исследований социального положения и повседневных практик дворян, их профессиональной и служебной деятельности, состояния крупной земельной собственности, политической активности дворянства с акцентом на его отношении к консерватизму и либерализму, реформам, республике и диктатуре. Третий блок целиком посвящен обзору источников и литературы. Однако книга представляет собой не только историографический обзор, но и обобщающий очерк истории дворянства.

В рамках исследовательского пространства истории дворянства автор представил обзор практически всех тематических полей, которыми долгое время пренебрегали. Еще два десятилетия назад такое предприятие вряд ли могло состояться. Только к началу нового тысячелетия появилось чуть больше десятка работ, среди которых заметное место занимали труды самого Х. Райфа, где были сформулированы основные актуальные исследовательские проблемы. При этом в центре внимания автора постоянно находится проблема исторической эволюции немецкого дворянства, которая рассматривается в контексте экономических, политических, социальных и ментальных изменений общества в ситуации вызовов модерна. Х. Райф постоянно задается вопросом, как аристократия реагировала на эпохальные процессы модернизации: путем приспособления и изменения или сопротивления и блокирования.

В качестве активного конкурента дворянства и объекта компаративного анализа для автора, как и для большинства современных исследователей, выступает буржуазия. Как в историческом обзоре, так и при обращении к новым исследованиям выделяются по крайней мере три обстоятельства. Во-первых, Х. Райф во многом пересматривает традиционный взгляд на прусско-германское дворянство, который еще присутствует в работах таких авторитетов, как Ф. Карстен, Г. У. Велер или Д. Ливен. Во-вторых, он обращает внимание на известные, но до сих пор обойденные вниманием существенные факты и процессы. В-третьих, он пытается показать перспективы будущих исследований, особенно применительно к его концепции «*Adeligkeit*» («дворянскости»).

В созвучии с некоторыми другими недавними исследованиями Х. Райф существенно корректирует распространенный и идущий еще от Макса Вебера (с его утверждения об экономической агонии юнкерства) тезис о вытеснении аристократии из категории крупных землевладельцев. Действительно, вплоть до 1830 г. дворяне несли значительные экономические потери, но после этого — и до 1914 г. — демонстрировали определенные успехи. Можно констатировать даже значительное увеличение их доходов от сельского хозяйства и смежных

промыслов. Хотя в целом они не могли идти в ногу с растущей буржуазией и ее богатством, но это в меньшей степени объяснялось неспособностью дворянства к успешной экономической деятельности, а в большей — низкими темпами роста базового сектора и отчасти самоограничениями дворянства при выборе карьеры. Здесь решающее значение имело увековеченное традицией и культурными установками сосредоточение на сельском хозяйстве, военной и гражданской службе, что впоследствии оказало большое влияние на развитие политической ситуации.

В силу этого ограниченного профессионального выбора социальная группа дворянства долгое время была чужда современной капиталистической экономике, городскому индивидуализированному образу жизни и культуры, а также запросам других слоев на участие в политической жизни, что хорошо показывает вся история Пруссии и Германии. Райф обращает особое внимание на известное в основном и ранее, но теперь подтвержденное количественными выкладками обстоятельство. Для старопрусских дворян, в отличие от сравнительно более партикулярной южной и западной Германии, была характерна сильная военная ориентация. По приблизительным оценкам, они отправляли 60–70 % из своих сыновей на военную, а около 10–12 % — на гражданскую службу, что способствовало сохранению антилиберальных, недемократических, сословных позиций. Собственно дворянству удавалось сохранять значительное влияние в качестве военного и чиновного «оплота престола» (S. 109), в том числе и благодаря защите со стороны монархов и сословной солидарности, особенно со стороны тех, кто уже достиг высокого положения.

Райфом разработана внутренняя дифференциация дворянства — как между богатыми, космополитными, в основном католическими аристократами и более бедными, строго прусскими и большей частью евангелическими юнкерами, так и между представителями старой Пруссии, ее западных провинций и южнонемецких государств. На этом фоне сближение между дворянством и буржуазией предстает как единичный, изолированный случай. Основная причина этого заключается в глубокой, существовавшей и до, и после 1918 г. сословной неприязни дворян к процессу формирования открытой элиты за счет объединения дворянства и буржуазии. Поскольку в дворянской среде процесс модернизации происходил очень избирательно, то его можно проследить через адаптацию образовательных практик или профессиональных достижений, но дворянство в целом по своей идентичности и мировоззрению оставалось традиционно закрытым сословием. Вопреки другим научным мнениям, Райф характеризует столетие между 1815 и 1918 гг. таким образом: «Расслоение дворянства было намеренным, оно было приметой его силы в продолжающейся обороне. Отступление происходило под контролем и с видом победителя» (S. 61).

Всё еще недооценивается упорное стремление особенно старого прусского дворянства к сохранению прежних руководящих позиций. Практически по каждому вопросу о реформах в Пруссии (выкуп повинностей, конституционные дебаты, административная реорганизация, реформа избирательной системы, создание Веймарской республики) большая часть дворян-юнкеров стояла

во главе реакционного движения. Если они и отказывались от суверенных прав на землю, казарму, управление, да и все государство, то всегда только под большим давлением. Это в немалой степени способствовало потрясениям, которые переживала немецкая политическая культура в первой трети XX в.

Разумеется, многочисленные конкретно-исторические исследования констатировали постоянное снижение доли дворян на разнообразных руководящих постах, особенно в гражданской администрации и армии. Однако на фоне этой безусловно правильно выявленной тенденции нельзя недооценивать противоположную — очевидные достижения прусского дворянства. Его присутствие в госаппарате и вооруженных силах формировало и укрепляло консервативный корпоративный дух, под влияние которого попадали даже служащие буржуазного происхождения. Кроме того, поскольку в Пруссии из управленческих структур практически полностью были исключены либералы, католики и социал-демократы, это накладывало на прусскую бюрократию особый отпечаток. Тем самым значительно ослаблялся буржуазный дух гражданского общества и в Пруссии, и во всей Германии. При этом Райф не только обоснованно ставит под сомнение как упрощенное характерное для предшествующей историографии стремление приписать юнкерству функцию «козлов отпущения» (S. 58), но и напоминает о важном политическом аспекте проблемы.

В качестве перспективного и новаторского направления Райф предлагает позаимствованный из исследований истории буржуазии концепт «дворянскости» («*Adeligkeit*»), под которым он понимает связь выходящих за рамки одной эпохи базовых элементов дворянского самосознания — принцип сословной иерархии, семейные связи, способы самопрезентации, претензии на господство (S. 119). Однако краткое и не вполне убедительное обоснование не позволяет адекватно оценить реальный эвристический потенциал этого предложения. Тем не менее, заявленное автором стремление к синтезу подходов социальной и культурной истории представляется обоснованным.

Книга содержит ряд других, не таких общих, но важных положений. Это утверждение о политически значимом количественном преобладании прусского дворянства над южно- и западнонемецким при выраженной тенденции к сокращению его общей численности (S. 8, 59), раздел о профессиональной самореализации женщин-дворянок (S. 27), указание на колонии и банковское дело как значимые для дворян сферы профессиональной деятельности начиная с 80-х гг. XIX в. (S. 14, 86).

При обозначении исследовательских перспектив автору, возможно, недостает сравнения с другими европейскими странами. Вообще отсутствует раздел о дворянстве в контексте духовной культуры — от форм образования и круга чтения до деятелей искусства и науки. Тем не менее, в соответствии с концепцией серии «Энциклопедия немецкой истории», автору удалось представить обобщенный обзор достижений и проблем существующих на сегодняшний день исследований. Следует надеяться, что стремление автора к корректировке

сложившегося историографического образа немецкого дворянства XIX — начала XX в. получит достойное продолжение.

Рецензия поступила в редакцию 28.06.2017

Баранов Николай Николаевич
доктор исторических наук, заведующий кафедрой новой и новейшей истории
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: baranov61@mail.ru

Baranov, Nikolay Nikolayevich
Dr. Hab. (History), Head of the Chair of Modern and Contemporary History
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: baranov61@mail.ru

THE FATE OF GERMAN NOBILITY IN THE MODERN EPOCH

***Review of*: Reif, H. (2012). *Adel im 19. und 20. Jahrhundert. Reihe "Elitenwandel in der Moderne".* München: Oldenbourg.**

This review studies a fundamental work of H. Reif, a leading German researcher of the history of the German nobility between the 18th and early 20th centuries. The book presents a general analysis of the transformation of the social status, intra- and inter-class ties, property, professional trajectories, political influence, values of the nobility in the context of modernisation processes, and the change of elites in Germany. This work is the most well-founded in the current historiography in this research field. Reif reevaluates some established historiographical settings; first of all, the theses about the "economic death" of the German landed nobility – junkers, the thesis of the nobility's exclusive responsibility for the inability to self-reform Kaiser Germany. Reif puts forward an original concept of "nobility" as a basic element of class consciousness and political culture.

K e y w o r d s: Germany; nobility; conservatism; modernization; elite.

Received on 28 June, 2017

ТАЛАНТА ВОЛЬНОЕ УПОРСТВО

К юбилею Леонида Петровича Быкова

Леонид Петрович Быков — человек, чье творческое поведение не может не удивлять. Блестящий знаток русской поэзии XX в., критик, редактор, составитель многочисленных книжных серий, член Союза российских писателей и Союза театральных деятелей России, и при всем том — профессор, доктор филологических наук, в течение 27 лет бессменный заведующий кафедрой русской литературы XX и XXI веков. Быть может, эта многоявленность личности и есть основа той легкости, талантливости и в то же время — той глубины, чуткости, тонкости, которыми окрашено все, что делает Леонид Петрович.

Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 3 (166). С. 282–285

С отличием окончив в 1970 г. филологический факультет Уральского университета, он был принят на кафедру советской литературы на должность ассистента. В 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию (в Совете филологического факультета МГУ) на тему «Жанровые разновидности русской советской поэмы 1929–1936 годов». С 1976 г. – старший преподаватель, с 1979 г. — доцент, с 1996 г. – профессор. За это время Л. П. Быковым были разработаны авторские курсы «Современная литература», «Русская литература 1930-х годов», «Русская литература последней трети XX века», «Русские словесники XX века», «Художественная критика», «Детская литература XX века», «Литература Урала», а также спецкурсы и спецсеминары, посвященные проблемам отечественной поэзии XX столетия.

В сфере основополагающих научных интересов Л. П. Быкова всегда были русская поэзия, а также современный литературный процесс, литература Уральского региона, история литературной критики, текущая критическая практика. Перечень публикаций Леонида Петровича насчитывает более 150 наименований, среди них такие разные по жанру и материалу книги, как «Уроки времени: Критические тетради» (Свердловск, 1987), «Русская литература XX века: проблемы и имена» (Екатеринбург, 1994; в соавт. с Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненовым), «От автора. Книга не только о стихах» (Екатеринбург, 2007).

Огромный и разнообразный историко-литературный материал, охваченный Леонидом Петровичем в его многочисленных научно-критических публикациях, нашел особый фокус преломления и теоретико-литературного обобщения в докторской диссертации на тему «Русская поэзия 1900–1930-х годов: проблема творческого поведения» (Екатеринбург, 1996). Причем введенная Л. П. Быковым в научный обиход категория творческого поведения быстро оказалась чрезвычайно востребованной при осмыслении принципиальных особенностей литературной практики нового времени, что подтверждается многочисленными ссылками на эту дефиницию в публикациях и диссертациях двух последних десятилетий. Под научным руководством Леонида Петровича защищены три докторских диссертации (М. А. Литовская «Социохудожественный феномен В. Катаева», Екатеринбург, 2000; Л. П. Щенникова «Русская поэзия 1880–1890-х годов как культурно-исторический феномен», Екатеринбург, 2003; Н. А. Рогачева «Русская лирика рубежа XIX–XX веков: поэтика запаха», Екатеринбург, 2011) и девять кандидатских диссертаций, концептуальная проблематика которых вновь свидетельствует о широте научных интересов Л. П. Быкова: от поэзии В. Набокова, В. Нарбута до рок-поэзии и авторской песни, от творчества В. Аксенова до особенностей литературной среды Уральского региона.

Начиная с 1991 г., Л. П. Быков заведует кафедрой русской литературы XX века. Коллективом под его руководством защищены пять докторских и пять кандидатских диссертаций. Л. П. Быков является научным редактором и рецензентом многих коллективных научных трудов и монографий, выпущенных на руководимой им кафедре, а также в вузах Перми, Иванова, Томска, Магнитогорска. На протяжении многих лет Л. П. Быков является членом

диссертационных советов Д 212.285.15 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук и Д 212.285.21 (по специальности 10.01.10 «Журналистика») Уральского федерального университета. Продолжительное время Леонид Петрович участвовал в работе диссертационного совета Тюменского государственного университета. Кроме того, он регулярно выступает в качестве официального оппонента докторских и кандидатских диссертаций в специализированных советах других вузов, постоянно входит в государственные аттестационные комиссии: долгое время являлся председателем ГАК в Тюменском государственном университете, в настоящее время – председатель ГАК на факультете русского языка и литературы Сургутского государственного педагогического университета. За достижения в области научной и педагогической деятельности Л. П. Быков был удостоен звания «Почетный работник высшей школы».

Огромное значение в духовном пространстве Урала имеет культурно-просветительная деятельность Л. П. Быкова, резонирующая далеко за пределами нашего региона. С 1971 г. Леонид Петрович выступает как литературный критик в региональной и центральной периодике (журналы «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Литературное обозрение», «Литература в школе», «Урал» и др.). С 1978 по 1989 г. он вел на Свердловском телевидении ежемесячную программу «Литературные грани». С 1993 г. является членом Союза российских писателей, с 1996 г. — членом Союза театральных деятелей России, многие годы входит в редакционный совет журнала «Урал» и в Ученый совет Музея писателей Урала.

Леонид Петрович широко известен как автор предисловий и комментариев книг серии «Выдающиеся поэты Отечества», выпущенных Средне-Уральским книжным издательством: «А. Твардовский» (1984), «Н. Заболоцкий» (1986), «А. Ахматова» (1987, 2-е изд. — 1991), «Б. Пастернак» (1988), «О. Мандельштам» (1990, 2-е изд. — 1998, 3-е изд. — 1999), «М. Цветаева» (1990, 2-е изд. — 1997), «М. Волошин» (1992), «Н. Гумилев» (1997, 2-е изд. — 2000).

Не только в России известны составленные Л. П. Быковым для издательства «У-Фактория» книжные серии «Зеркало. XX век» (избранные произведения А. Солженицына, В. Астафьева, Ю. Домбровского, Г. Владимова, В. Шукшина, А. Володина, Ф. Искандера, Ю. Трифонова, Б. Окуджавы и др. — всего 20 сборников) и «Гласные» (однотомники В. Маяковского, А. Платонова, М. Зощенко, Ю. Олеши, Н. Эрдмана, А. Аверченко, А. Грина, Б. Пильняка и др. – всего 21 автор). В том же издательстве вышли подготовленные Л. П. Быковым избранные сочинения М. Булгакова в трех томах, девятитомник Б. Окуджавы, двухтомники Б. Пастернака, М. Цветаевой, М. Зощенко, В. Шаламова, К. Симонова, В. Гроссмана, В. Астафьева, В. Быкова, Ю. Бондарева, Б. Васильева, А. Битова, однотомники А. Блока, И. Северянина, З. Гиппиус, Саши Черного, А. Тарковского, И. Бродского, Б. Ахмадулиной. Там же выпущен составленный Леонидом Петровичем свод лучших русских повестей XX в. «Повести временных лет» в трех книгах (2006, 90 а. л.). Также известны книги, подготовленные Л. П. Быковым в соавторстве: Долгое эхо войны: Книга стихотворений / сост.

Л. П. Быков, Е. С. Зашихин. Екатеринбург : Сократ, 2005 (15 а. л., 41 тыс. экз.); Лирика серебряного века : книга для чтения / сост. Л. П. Быков, Е. С. Зашихин. Екатеринбург : Сократ, 2006 (19,8 а. л., 45 тыс. экз.). С 1998 г. Л. П. Быков редактирует серию «Библиотека поэзии Каменного Пояса» (Екатеринбург : Банк культурной информации), в которой вышел целый ряд стихотворных сборников, принадлежащих авторам, биографически связанным с Уральским регионом.

Все названные издания отличает высокая филологическая культура, репрезентативный отбор текстов, необходимый культурологический контекст, точная мера научности и популярности, характеризующая предисловия и комментарии. Научный аппарат изданий классиков XX в., подготовленный Л. П. Быковым, всегда безупречен. К 75-летию УрГУ по инициативе Леонида Петровича был издан сборник «Рука на плече», куда вошли стихи выпускников УрГУ. К 90-летию университета им выпущен стихотворный сборник «В своем кругу», столь дорогой всем, кто знает автора и узнает в стихотворных строчках Леонида Петровича себя, своих коллег, университетскую жизнь.

Л. П. Быков неоднократно был председателем жюри различных литературных премий: литературной премии им. П. П. Бажова и Всероссийской премии им. Н. Кузнецова, членом жюри литературного конкурса «Букер» (2004), членом комиссии по премиям Губернатора Свердловской области и комиссии по присуждению Премии В. Н. Татищева и В. Г. де Геннина в области литературы и искусства. За свои заслуги в области культуры и просвещения Л. П. Быков награжден Почетной грамотой Департамента культуры Свердловской области, Почетной грамотой Правительства Свердловской области, Почетной грамотой Законодательного Собрания Свердловской области.

От всего сердца желаем Леониду Петровичу в его юбилейный день рождения здоровья, оптимизма, творческого вдохновения!

Кафедра

«АВАНГАРДА НЕСОМНЕННЫЙ ДОКА»

К юбилею Игоря Евгеньевича Васильева

Нет в России такого исследователя поэтического авангарда, который бы не ссылался на книгу Игоря Евгеньевича Васильева «Русский поэтический авангард XX века», давно ставшую классикой отечественного литературоведения. Нет такого автора, такого направления или кружка, вписанных в парадигму авангардной эстетики, о которых бы не писал или не знал Игорь Евгеньевич, прочертивший в своих трудах траекторию развития российского авангарда от его зарождения в начале XX в. до наших дней. Удивительной эрудицией, максимальной полнотой, глубиной и тщательностью отличаются написанные Игорем Евгеньевичем книги и научные статьи, учебные и научно-популярные издания. Что же касается его живого общения со студентами и коллегами, его лекционных курсов — они полны искрометного юмора, живости, парадоксальных суждений и в то же время — академической основательности, за которой скрыты десятилетия большой работы, опыта, уникальной филологической осведомленности.

Окончив в 1971 г. Уральский государственный университет им. А. М. Горького, Игорь Евгеньевич начал свою трудовую деятельность в качестве преподавателя русского языка и литературы Ново-Березовской средней школы № 3

и Кедровской средней школы № 23 (Свердловская область). В 1972 г. поступил в аспирантуру Уральского университета, которую закончил в 1976 г., уже будучи преподавателем кафедры советской литературы Уральского государственного университета им. А. М. Горького. В 1980 г. в совете Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина Игорь Евгеньевич защитил кандидатскую диссертацию на тему «Стихотворный сказ в советской литературе 1920–1930 годов», где на материале литературы 1920–1930-х гг. был впервые всесторонне охарактеризован стихотворный сказ как жанрово-стилевое явление и специфическая повествовательная форма поэзии.

В 1976–1979 гг. по командировке Минвуза СССР И. Е. Васильев преподавал русский язык и литературу в Силезском университете (Польша, г. Катовице), за что был отмечен личным благодарственным Письмом от ректора Силезского университета, а также награжден Серебряным Знаком «Заслуженному работнику Катовицкого воеводства», Золотым Знаком Почета по линии Общества польско-советской дружбы, Серебряным Знаком «За заслуги перед Силезским университетом».

В 1999 г. в совете Уральского государственного университета им. А. М. Горького Игорь Евгеньевич защитил докторскую диссертацию на тему «Русский поэтический авангард XX века», одним из первых в российском литературоведении осветив теорию и практику российского авангарда как целостный и длящийся на протяжении многих десятилетий эстетический феномен.

За время работы в Уральском государственном университете (ныне — Уральском федеральном университете) Игорь Евгеньевич прошел все этапы становления преподавателя и ученого: начав свою деятельность в качестве ассистента кафедры советской литературы, с 2005 г. он является профессором кафедры русской литературы XX и XXI веков (ныне — кафедры русской и зарубежной литературы). За это время И. Е. Васильев разработал, прочел многим поколениям студентов и читает сегодня, причем не только филологам, но и журналистам, культурологам и искусствоведам, студентам департамента международных отношений, иностранным студентам следующие общие и специальные курсы: «Введение в литературоведение», «Теория литературы», «Русская литература XX века», «Стихотворный сказ в советской литературе», «Роды и жанры художественной литературы», «Поэтические группировки 1920-х годов», «ОБЭРИУ», «Творчество Н. Заболоцкого», «Русский поэтический авангард XX века», «Неофициальная поэзия 1930–1950-х годов», «Современные проблемы филологии», «Ключевые тексты русской культуры», «Современные техники анализа и интерпретации текста». И. Е. Васильев ежегодно руководит курсовыми и выпускными работами студентов-филологов, под его научным руководством успешно защитили кандидатские диссертации шесть аспирантов, темы работ которых чаще всего прямо сопрягаются с авангардным вектором отечественной словесности.

Как ученого И. Е. Васильева всегда привлекали малоизученные в отечественном литературоведении аспекты развития русской поэзии XX в. Последние

десятилетия его научной деятельности посвящены результативной разработке проблем неклассической художественности на материале русского поэтического авангарда и неофициальной поэзии 1930–1950-х гг. В 2002 г. Игорь Евгеньевич стал лауреатом премии УрГУ за лучшую научно-исследовательскую работу, дважды становился лауреатом премии УрГУ за достижения в учебно-методической работе (1996, 2001). С 1996 г. И. Е. Васильев по совместительству работает в Институте истории и археологии УрО РАН (старший, затем ведущий специалист сектора истории литературы).

На протяжении всей своей научной карьеры И. Е. Васильев много и неутомимо трудится. Он является автором и составителем нескольких учебных пособий, соавтором учебников и коллективных монографий, активным участником многих федеральных программ и грантов. В его активе более 160 научных публикаций, среди которых и такие значительные, как «Обэриуты: теоретическая платформа и творческая практика» (Свердловск, 1991), «Русский литературный авангард начала XX века (группа “41°”) (Екатеринбург, 1995), «Русский поэтический авангард XX века» (Екатеринбург, 1999; 2-е изд. — 2000), «Лингвистический анализ художественного текста» (Екатеринбург, 2000; в соавт. с Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казариным). Целый ряд научных работ Игоря Евгеньевича посвящен проблемам литературы Урала, наиболее важные из которых связаны с изучением специфики региональных литератур и подготовкой многотомной академической «Истории литературы Урала». За последние двадцать лет профессор И. Е. Васильев входил в состав нескольких диссертационных советов по гуманитарным наукам (философии, культурологии, искусствоведению), является членом диссертационного совета Д 212.285.15 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук, почти два десятилетия выполняет функции председателя ГАК в Курганском государственном университете.

За многолетнюю безупречную работу и большой вклад в дело подготовки специалистов с высшим образованием награжден грамотами Министерства образования Российской Федерации, Министерства промышленности и науки Свердловской области, удостоен звания Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Кафедра знает и любит Игоря Евгеньевича как профессионала высочайшего уровня, одновременно — как обаятельного человека, готового и к шутке, и к искреннему вниманию в отношениях со своими коллегами. Таким и оставайтесь, дорогой Игорь Евгеньевич!

Кафедра

Список сокращений

ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
РГАВМФ	Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
ЦАМО	Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
ЦГИА РБ	Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан
ЦДООСО	Центр документации общественных организаций Свердловской области
HIA	Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (Гуверовский архив войны, революции и мира, Стэнфорд, США)
NARA	The U.S. National Archives and Records Administration (Национальное управление архивов и документации, США)

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2017. Т. 19. № 3 (166)

Редактор и корректор *А. А. Макарова*
Редактор перевода *Т. С. Кузнецова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48320 от 27.01.12
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620000, Екатеринбург-83, пр. Ленина, 51

Подписано в печать 29.09.2017. Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$
Уч.-изд. л. 26,5. Усл. печ. л. 23,97. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 285.

Издательство Уральского университета.
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Отпечатано Издательско-полиграфическом центре УрФУ.
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
http://print.urfu.ru

ПРАВИЛА
направления, рецензирования и опубликования научных статей
в журнале «Известия Уральского федерального университета.
Серия 2. Гуманитарные науки»

I. Информация о журнале

1. Научный журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки» издается с 1999 г. Учредителем и издателем журнала является ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Серия «Гуманитарные науки» журнала «Известия Уральского федерального университета» является периодическим изданием (выходит 4 раза в год).

2. Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки»

- зарегистрирован как научное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48320 от 27 января 2012 г.);
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227-2283;
- включен в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим отраслям наук: исторические науки и археология, филологические науки, искусствоведение;
- включен в Russian Science Citation Index (RSCI), размещенный на платформе Web of Science (WoS);
- включен в объединенный каталог «Пресса России. Газеты и журналы. Т. 1», подписной индекс — 43143;
- материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета (http://urfu.ru/ru/science/scientific-journals/izvestija-urfu/) и на собственном сайте журнала (http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2).

3. Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность (в рамках проблематики журнала и по заранее выбранным сообществом экспертов проблемам). Редколлегия журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

II. Порядок приема рукописи

1. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков с пробелами). Статьи аспирантов принимаются объемом до 0,5 а. л. (20 000 знаков с пробелами). Публикация в журнале бесплатная.

2. Журнал принимает к публикации научные статьи, научные обзоры, научные рецензии и отзывы, освещающие актуальные вопросы филологии, истории и искусствоведения.

3. Авторский оригинал предоставляется в электронной версии и с обязательной распечаткой текста. В статье должны присутствовать следующие метаданные: название статьи; аннотация (в которой указываются тема и цель работы, методология исследования, источники, основные результаты и выводы, объемом не менее 200 слов); ключевые слова (7–10); библиографический список; сведения об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, звание, должность; место работы (с указанием адреса); e-mail). Все метаданные предоставляются на русском и английском языках.

4. Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту. Страницы рукописи нумеруются. Иллюстрации к статье высылаются отдельными файлами в формате JPEG. Все иллюстрации должны быть подписаны и пронумерованы.

5. Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года. Рукописи высылаются по адресу: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51. «Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки».

III. Порядок рецензирования и опубликования научных статей

1. Редколлегия журнала осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Срок рецензирования статей — от 2 до 6 месяцев.

2. В качестве рецензентов выступают признанные специалисты по тематике представленных на экспертизу материалов, имеющие в течение последних 3 лет публикации по проблеме рецензируемой статьи.

3. Редакция журнала хранит рецензии в течение 5 лет. При поступлении в редакцию издания соответствующего запроса она направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

4. Редакционная коллегия на основании заключения рецензентов принимает решение о публикации поступивших материалов. Принятые к публикации статьи включаются в ближайший выпуск журнала.

5. Редакция уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал, направляет авторам копии рецензий или мотивированный отказ. Рукописи, не принятые редколлегией к изданию, автору не возвращаются.

IV. Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** — А4 (210 × 297 мм), ориентация книжная.
- **Программа** — Word, **гарнитура** — Times.
- **Поля** — все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегль) — 14 (алгоритм набора: Формат — Шрифт — Размер 14).
- **Межстрочный интервал** — полуторный (Формат — Абзац — Междустрочный — Полуторный).
- **Межбуквенный интервал** — обычный.
- **Абзацный отступ** — 1,25 (Формат — Абзац — Первая строка — Отступ 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (Формат — Абзац — Выравнивание — По ширине).

- **Нумерация страниц** (Вставка — Номер страницы — Внизу, справа).
- **Переносы** обязательны (Сервис — Язык — Расстановка переносов — Автоматическая расстановка переносов).
- **Квадратные скобки** — на латинской клавиатуре.
- **Межсловный пробел** — один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е., т. п., т. д.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М., 1995.* В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин.*
- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х — начала 1930-х годов.*
- **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941—1945 гг., с. 8—61.*
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» — внешние, "..." — внутренние).
- **Точка**, **запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: *«Наши дети — энциклопедисты по самому характеру своего мышления», — говорил Маршак*[1].
- **Римские цифры** набираются с помощью латинской клавиатуры.
- **Буква *ё*/*Ё*** заменяется буквой *е*/*Е* за исключением важных для смыслоразличения контекстов, например: *Всем обо всём.*
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи — **рубрикационные** (заголовки рубрики) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат — Шрифт — Интервал — Разреженный — 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: «неблагозвучны громоздкие сочетания согласных на стыке слов (***пусть встр****еча состоится*)». Отдельные фрагменты цитируемого текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Примечания и библиографические ссылки

- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания приводятся в виде отсылки в квадратных скобках.
- Ссылки — затекстовые, оформляются в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», введенным с 1 января 2009 г. Обязательно указание на страницы цитируемых статей. Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.
- Отсылки в тексте — в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании. Например: [Толстой, т. 4, с. 287]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора.

Примеры оформления ссылок:

Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древние языки / под ред. В. С. Расторгуевой. М. : Наука, 1979. С. 272–346.

Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории ius commune // Государство и право. 2012. № 6. С. 106–115.

Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж : Изд. Воен.-Мор. Союза, 1930.

РГАВМФ. Ф. 406, 418, 609, 701, 716. Р-181, Р-183, Р-187.

Ћосић Д. Косово. Београд : Новости, 2004.

Bryson G. Man and Society. The Scottish Inquiry of the Eighteenth Century. Princeton : Princeton Univ. Press, 1945.

Emerson R. The Social Composition of Enlightened Scotland: The Select Society of Edinburgh 1754–1764 // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. CXIV. 1973. P. 291–329.

United States Department of State [Electronic resource] // Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1941. General, The Soviet Union (1941). URL: http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v01 (accessed: 12.07.2013).

Список литературы должен быть продублирован в формате APA (American Psychological Association). Принципы оформления библиографической записи в формате APA описаны на сайте: http://www.apastyle.org/, а также на многочисленных сайтах библиотек.

Названия изданий должны быть транслитерированы и переведены на английский язык (за исключением названий периодических изданий, а также публикаций на немецком и французском языках), при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а после нее в квадратных скобках дается английский перевод.

При транслитерации используются правила Библиотеки Конгресса США (ALA-LC romanization или LC romanization). Правила транслитерации Библиотеки Конгресса США (ALA-LC romanization) описаны на сайте: http://www.loc.gov/catdir/cpso/roman.html. Для транслитерации кириллических названий можно воспользоваться автоматическими системами транслитерации, например: translit.net (в выпадающем меню «Варианты...» выбрать LC). При этом имена собственные и названия периодических изданий необходимо транслитерировать в соответствии со сложившейся традицией (например: В. Янин = V. Yanin, а не V. Ianin; Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznanija, а не Voprosy iazykoznaniia и т. п.).

Примеры оформления списка:

Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian Languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaniia. Drevneiranskie iazyki* [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)

Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)

Coss, P. (1989). Bastard Feudalism Revised. *Past and Present*, *125*, 27–64.

Coss, P. (1991). *Lordship, Knightood and Locality. A Study in English Society, c. 1180-1280*. Cambridge: Cambridge University Press.

Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough, & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.

Harvalík, M. (2004). *Synchronní a diachronní aspekty české onymie* [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech)

Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques. *Journal of French Language Studies*, *2,* 185–205. (In French)

Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)

Lysova, E. V. (2002). *Ornitonimiia Russkogo Severa* [Ornithonymy of the Russian North] (doctoral dissertation). Ural State University, Yekaterinburg. (In Russian)

Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from http://www.dwds.de/. (In German)

Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g. [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 3–11. (In Russian)

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество	Surname, name, middle name or patronymic
Ученая степень, звание, должность	Academic degree, position
Организация	Organization
Почтовый адрес места работы	Mailing address
E-mail	Email

E-mail: izvestia.2@yandex.ru
Сайт: http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2
Почтовый адрес: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
«Известия Уральского федерального университета.
Серия 2. Гуманитарные науки»